

ООО Издательский дом «ХОРС»

**ОБЩЕСТВО:
философия, история, культура**

Научный журнал

www.dom-hors.ru

№ 5 (97)

2022

Publishing House HORS LLC

**SOCIETY:
Philosophy, History, Culture**

Scientific Journal

www.dom-hors.ru

No. 5 (97)

2022

ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

2022, № 5 (97)
Основан в 2011 г.

Научный журнал «Общество: философия, история, культура» включен в Перечень рецензируемых научных изданий от 01.12.2015 г., в соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28.12.2018 г. № 90-р входит в Перечень рецензируемых изданий по следующим научным специальностям: по философским (5.7.1, 5.7.2, 5.7.3, 5.7.4, 5.7.5, 5.7.6, 5.7.7, 5.7.8, 5.7.9), историческим наукам (5.6.1, 5.6.2, 5.6.5, 5.6.6, 5.6.7), культурологии (24.00.01 (филос.), 24.00.01 (культ.), 5.10.2 (культ.)).

Журнал «Общество: философия, история, культура» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 15.03.2011 г. Номер свидетельства ПИ № ФС77-44190.

Журнал «Общество: философия, история, культура» зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования. Лицензионный договор с ООО «НЭБ» № 62-03/2011R от 23.03.2011 г. на включение информации об опубликованных статьях в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал входит в следующие международные базы данных: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Шалин Виктор Викторович, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, член-корреспондент Российской академии гуманитарных наук,

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

– по философским наукам:

Ашхамова Асият Аскеровна, доктор философских наук, доцент, преподаватель подготовительного отделения для иностранных граждан Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, Бараш Любовь Александровна, кандидат философских наук, преподаватель Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов,

Бетильмерзаева Марет Муслимовна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета, профессор кафедры философии Чеченского государственного университета,

Гараева Галина Фаизовна, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия,

Голенкова Зинаида Тихоновна, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, почетный доктор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,

Горохов Павел Александрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Гурьянов Алексей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета,

Думинская Марина Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-экономического образования и философии Сургутского государственного педагогического университета,

Иванов Андрей Анатольевич, доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор кафедры философии и истории Сибирского университета потребительской кооперации,

Иливицкая Лариса Геннадьевна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации,

Кириллов Герман Михайлович, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации» Пензенского государственного университета,

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области,

Макулин Артем Владимирович, доктор философских наук, доцент, директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова,

Малкина Светлана Михайловна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,

Манжуева Оксана Михайловна, доктор философских наук, доцент, преподаватель специальных дисциплин Бурятского республиканского многопрофильного техникума инновационных технологий,

Морозов Илья Леонидович, доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Мусийчук Мария Владимировна, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент по кафедре общей психологии, профессор кафедры психологии Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова,
Огородников Александр Юрьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Попов Виталий Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
Пронькина Анна Владимировна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,
Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН,
Сергодеева Елена Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета,
Соловьева Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) филиала Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого в г. Серпухове,
Солопов Олег Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры правовых дисциплин, доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого,
Хоружая Светлана Владимировна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, начальник учебно-методического управления Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Черникова Валентина Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой общенаучных дисциплин, начальник отдела науки и аспирантуры Института Дружбы народов Кавказа,
Шахматова Елена Васильевна, доктор философских наук, кандидат искусствоведения, доцент, начальник научного отдела Российского института театрального искусства – ГИТИС,

– по историческим наукам:

Амосова Алиса Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Анисимов Александр Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России XX–XXI вв. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета Воронежского государственного университета,
Коршунова Надежда Владимировна, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета,
Кцоева Султана Гильмидиновна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Федерального научного центра Владикавказский научный центр Российской академии наук, профессор кафедры всеобщей истории Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова,
Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Молзинский Владимир Владимирович, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, декан факультета музыкального искусства эстрады Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебной, научной и воспитательной работе филиала Российского государственного института сценических искусств в Кемерово – Сибирской высшей школы театрального и музыкального искусства,
Петрунина Жанна Валерьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета,
Романов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета,
Салчинкина Ангелина Ростиславовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,
Сивцева Саассылана Иннокентьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, обществознания и политологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
Синдеев Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук,
Скипина Ирина Васильевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета,
Сулейманова Рима Нугамановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук,

Сушкова Юлия Николаевна, доктор исторических наук, доцент, декан юридического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,
Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Федирко Оксана Петровна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Фоменко Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук,
Шарифов Рахмонали Ятимович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таджикского национального университета,
Юсупова Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук,

– по культурологии:

Абдулаева Медина Шамильевна, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент по кафедре теории и истории музыки, директор Института культуры и искусства Дагестанского государственного педагогического университета,
Амосова Алиса Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Бетильмерзаева Марет Муслимовна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета, профессор кафедры философии Чеченского государственного университета,
Горобец Светлана Владимировна, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор кафедры фортепиано, ученый секретарь ученого совета Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Иливицкая Лариса Геннадьевна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Каткова Кристина Федоровна, кандидат культурологии, доцент кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры, старший научный сотрудник Музейно-выставочного центра, г. Санкт-Петербург,
Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Пронькина Анна Владимировна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,
Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства, директор Института художественного образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,
Терещенко Елена Юрьевна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой искусств и дизайна Мурманского арктического государственного университета,
Тищенко Наталья Викторовна, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.,
Хоружая Светлана Владимировна, доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и политологии, начальник учебно-методического управления Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абрамян Ваграм Геворгович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры управления, бизнеса и туризма Российско-Армянского (Славянского) университета, профессор кафедры управления и бизнеса Ереванского государственного университета (Республика Армения),
Буквич Райко, доктор экономических наук (Республика Сербия),
Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета, заслуженный юрист Республики Армения,
Гао Тяньмин, кандидат экономических наук, профессор, директор Центра исследования России, директор Центра синей экономики Арктики Института экономики и управления Харбинского инженерного университета (КНР),
Ерохин Василий Леонидович, кандидат экономических наук, доцент Института экономики и менеджмента Харбинского инженерного университета (КНР),
Карапетян Владимир Севанович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой дошкольной педагогики и методик Армянского государственного педагогического университета имени Хачатуря Абовяна, действительный член Международной академии психологических наук (Россия), Corresponding Member Armenian Philosophical Academy, (Республика Армения),
Кюскиева-Арабска Екатерина Димитрова, кандидат социологических наук, PhD in Administration and Management, доцент, вице-декан факультета экономики и менеджмента, руководитель отдела национальных и международных проектов и секретарь научного совета Высшего училища агробизнеса и регионального развития, президент Академии инноваций и устойчивости, Пловдив (Республика Болгария),

Няголова Марияна Димитрова, кандидат психологических наук, доцент истории психологии, преподаватель кафедры психологии Велико-Тырновского университета им. святых Кирилла и Мефодия (Республика Болгария),
Пиризода Джалил Сафар, доктор экономических наук, профессор, академик Института экономики и системного анализа развития сельского хозяйства Таджикской академии сельскохозяйственных наук (Республика Таджикистан),
Погосян Геворк Арамович, академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, научный руководитель Института философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения (Республика Армения),
Сандоян Эдвард Мартинович, доктор экономических наук РФ и РА, профессор, директор Института экономики и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета (Республика Армения),
Тодев Илия Тосков, доктор исторических наук, профессор Института исторических исследований Болгарской академии наук (Республика Болгария),
Ханов Талгат Ахматиевич, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института экономических и правовых исследований Карагандинского университета Казпотребсоюза (Республика Казахстан),
Хопёрская Лариса Львовна, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор, директор Центра евразийских исследований кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета (Киргизская Республика),
Христозова Галя Михайлова, доктор педагогических наук, профессор, ректор Бургасского свободного университета (Республика Болгария),
Цвиркун Виктор Иванович, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, Doctor Honoris Causa, чрезвычайный и полномочный посол Республики Молдова в государстве Катар (Республика Молдова),
Шебеко Валентина Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методик дошкольного образования Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (Республика Беларусь).

РЕДАКЦИЯ:

ДИРЕКТОР ООО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ХОРС»:

Харсеева Виктория Леонидовна, кандидат социологических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА:

Дюжева Мария Павловна

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Угулава Кристина Геннадьевна

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Гаспарян Кристина Андреевна

РЕДАКТОРЫ:

Невзорова Наталья Викторовна
Ситникова Ольга Валериевна
Суркова Екатерина Сергеевна
Тихомирова Юлия Ивановна
Тюлюкова Мария Олеговна
Щеглова Ирина Борисовна

ПЕРЕВОДЧИКИ:

Аракелян Нина Сергеевна
Кочетова Дарья Андреевна
Невзорова Наталья Викторовна
Ханмамедова Виктория Рамизовна

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО Издательский дом «ХОРС»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350015, г. Краснодар, ул. Янковского, д. 156
тел. +7 988 234-44-80
Электронный адрес: mail@dom-hors.ru

SOCIETY: PHILOSOPHY, HISTORY, CULTURE

**2022, No. 5 (97)
Founded in 2011**

Society: Philosophy, History, Culture is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Publications as of December 01, 2015. According to the Decree of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 90-p as of December 28, 2018, the scientific journal is peer-reviewed in the following science-related fields: philosophical, cultural, historical sciences.

The journal "Society: Philosophy, History, Culture" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on March 15, 2011. It has Registration Certificate ПИ № ФС 77-44190.

The journal "Society: Philosophy, History, Culture" is registered in Russian Science Citation Index. It has Licensed Agreement with NEB LLC No. 62-03/2011R of March 23, 2011 on the Inclusion of the Information about Published Articles in the System of the Russian Science Citation Index.

The journal is included in the following international databases: UlrichsWeb, EBSCO, Crossref.

CHIEF EDITOR:

Shalin Viktor Viktorovich, D.Phil., PhD in Education Science, Professor, Head of the Social and Cultural Sciences Department, Kuban State Agrarian University, Corresponding Member of the Russian Academy of Humanities,

EDITORIAL BOARD:

– philosophical sciences:

Ashkhamakhova Asiet Askerovna, D.Phil., Associate Professor, Lecturer of Preparatory Department for Foreign Citizens, Kuban State Agrarian University,

Barash Lyubov Aleksandrovna, PhD, Lecturer, Sochi branch of Peoples' Friendship University of Russia,

Betilmerzaeva Maret Muslamovna, D.Phil., Associate Professor, Interim Head of the Department of Philosophy, Political and Social Sciences, Chechen State Pedagogical University, Professor, Philosophy Department, Chechen State University,

Garaeva Galina Faizovna, D.Phil., Professor, Deputy Director for Science, North Caucasus branch of Russian State University of Justice,

Golenkova Zinaida Tikhonovna, Honored Scientist of the Russian Federation, D.Phil., Professor, Honored Dr., Head of the Centre for the Studies of Social Structure and Stratification, The Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

Gorokhov Pavel Aleksandrovich, D.Phil., Professor, Department of Humanities, Social and Economic Sciences, Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Guryanov Alexey Sergeevich, D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Philosophy and Media Communications Department, Kazan State Energy University,

Duminskaya Marina Viktorovna, D.Phil., Professor, Department of Social and Economic Education and Philosophy, Surgut State Teacher's Training University,

Ivanov Andrey Anatolyevich, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Professor, Philosophy and History Department, Siberian University of Consumer Cooperation,

Ilivitskaya Larisa Gennadyevna, D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy and Cultural Studies Department, Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,

Kirillov German Mikhaylovich, D.Phil., Associate Professor, Philosophy and Social Communication Department, Penza State University,

Kotlyarova Viktoriya Valentinovna, D.Phil., Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Institute of Service and Business, branch of Don State Technical University in Shakhty, Rostov Region,

Makulin Artyom Vladimirovich, D.Phil., Associate Professor, Head of the Humanities Department, Northern State Medical University,

Malkina Svetlana Mikhaylovna, D.Phil., Professor, Theoretical and Social Philosophy Department, Saratov State University,

Manzhueva Oksana Mikhaylovna, D.Phil., Associate Professor, Special Subjects Teacher, Innovation Technologies Multidisciplinary College of the Republic of Buryatia,

Musiychuk Maria Vladimirovna, D.Phil., PhD in Education Science, Associate Professor, General Psychology Department, Professor, Psychology Department, Institute for the Humanities, Magnitogorsk State Technical University,

Morozov Ilya Leonidovich, D.Phil. in Political Science, PhD, Associate Professor, Professor, Public Administration and Management Department, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (RANEPA),

Ogorodnikov Aleksandr Yurievich, D.Phil., Professor, Philosophy and Sociology Department, Kutafin Moscow State Law University,

Popov Vitaliy Vladimirovich, D.Phil., Professor, Theory and Philosophy of Law Department, Chekhov Institute of Taganrog (branch) of Rostov State University of Economics,

Pronkina Anna Vladimirovna, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Professor, Cultural Studies Department, Ryazan State University, Professor, Department of Philosophy and History, Academy of the Federal Penal Correction Service of Russia,
Ryazanova Svetlana Vladimirovna, D.Phil., Associate Professor, Leading Research Fellow, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Sergodeeva Elena Aleksandrovna, D.Phil., Professor, Philosophy Department, North Caucasus Federal University,
Solovyeva Lyudmila Nikolayevna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities of the Branch of the Peter the Great Military Academy of the Russian Strategic Missile Forces in the city of Serpukhov,
Solopov Oleg Viktorovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Associate Professor of History and Archaeology Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Khoruzhaya Svetlana Vladimirovna, D.Phil., PhD in Social Science, Professor, History and Political Science Department, Head of the Educational Department, Kuban State Agrarian University,
Chernikova Valentina Evgenyevna, D.Phil., Professor, Philosophy Department, North Caucasus Federal University,
Shakhmatova Elena Vasilyevna, D.Phil., PhD in Art History, Associate Professor, Head of the Research Department, Russian Institute of Theater Arts,

– historical sciences:

Amosova Alisa Anatolevna, PhD in History, Associate Professor, Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University,
Anisimov Aleksandr Leonidovich, D.Phil. in History, Professor, Department of Humanities, Social and Economic Sciences, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Grishaeva Lidia Evgenyevna, D.Phil. in History, Professor, Department for Russian History of the XX–XXI Centuries, Lomonosov Moscow State University,
Kirchanov Maksim Valeryevich, D.Phil. in History, Associate Professor, Regional Studies and Foreign Countries' Economy Department, Voronezh State University,
Korshunova Nadezhda Vladimirovna, D.Phil. in History, Associate Professor, Dean of the School of History, Southern Ural State University of Humanities and Education Science,
Ktsoeva Sultana Gilmidinovna, D.Phil. in History, Senior Research Fellow, Ethnology Department, North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies – branch of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Professor, World History Department, North Ossetian State University,
Mastenitsa Elena Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor, Head of the Museology and Cultural Heritage Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,
Mozlinsky Vladimir Vladimirovich, D.Phil. in History, PhD in Art History, Dean of the Department of Music Variety Arts, St. Petersburg State University of Culture,
Nasonov Aleksandr Aleksandrovich, PhD in History, Associate Professor, Deputy Director for Academic, Scientific and Educational Work, Branch of the Russian State Institute of Performing Arts in Kemerovo – Siberian Higher School of Theatre and Musical Art,
Petrulina Zhanna Valeryanovna, D.Phil. in History, Professor, Head of the Department "History and Cultural Studies", Komsomolsk-on-Amur State University,
Romanov Valeriy Vasilyevich, D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Theory and History of State and Law Department, Ulyanovsk State University,
Salchinkina Angelina Rostislavovna, PhD in History, Associate Professor, Department of History and Political Science, Kuban State Agrarian University,
Sivtseva Saassylana Innokentyevna, D.Phil. in History, Professor, History, Social Studies and Political Science Department, North-Eastern Federal University,
Sindeev Aleksey Aleksandrovich, D.Phil. in History, Professor, Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
Skipina Irina Vasilyevna, D.Phil. in History, Professor, Document Science and Records Management Department, School of Social Science and Humanities, Tyumen State University,
Suleymanova Rima Nugamanovna, D.Phil. in History, Chief Research Fellow, Professor, Head of the Department of Contemporary History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Sushkova Yulia Nikolaevna, D.Phil. in History, Associate Professor, Dean of the Law Department, Ogarev Mordovia State University,
Uporov Ivan Vladimirovich, D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Constitutional and Administrative Law Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Fedirko Oksana Petrovna, D.Phil. in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences,
Fomenko Vladimir Aleksandrovich, PhD in History, Associate Professor, Senior Research Fellow, Ancient History and Archeology Sector, Institute for the Humanities Research, Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Sharifov Rakhmonali Yatimovich, D.Phil. in History, Associate Professor, Head of the School of History, Tajik National University,
Yusupova Tatiana Ivanovna, D.Phil. in History, Leading Research Fellow, St. Petersburg branch of Institute of the History of Natural Science and Technology, Russian Academy of Sciences,

– cultural sciences:

Abdulaeva Medina Shamilyevna, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in History, Associate Professor, Music Theory and History Department, Head of the Institution of Culture and Arts, Dagestan State Pedagogical University, Amosova Alisa Anatolevna, PhD in History, Associate Professor, Department of Museology, Institute of History, St. Petersburg State University,
Betilmerzaeva Maret Muslamovna, D.Phil., Associate Professor, Interim Head of the Department of Philosophy, Political and Social Sciences, Chechen State Pedagogical University, Professor, Philosophy Department, Chechen State University,
Gorobets Svetlana Vladimirovna, D.Phil. in Cultural Studies, PhD in Education Science, Associate Professor, Piano Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,
Ilivitskaya Larisa Gennadyevna, D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Philosophy and Cultural Studies Department, Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Katkova Kristina Fedorovna, PhD in Cultural Science, Senior Lecturer, Museology and Cultural Heritage Department, St. Petersburg State Institute of Culture, Senior Research Fellow, Museum and Exhibition Center, St. Petersburg,
Mastenitsa Elena Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor, Head of the Museology and Cultural Heritage Department, Saint Petersburg State Institute of Culture,
Pronkina Anna Vladimirovna, D.Phil., PhD in Cultural Studies, Professor, Cultural Studies Department, Ryazan State University,
Sapanzha Olga Sergeyevna, D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Department of Art Studies and Pedagogics of Art, Acting Director of the Institute of Art Education, Herzen State Pedagogical University of Russia,
Tereshchenko Elena Yuryevna, D.Phil. in Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Arts and Design Department, Murmansk Arctic State University,
Tishchenko Natalia Viktorovna, D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Head of the Philosophy Department, Saratov State Technical University,
Khoruzhaya Svetlana Vladimirovna, D.Phil., PhD in Social Science, Professor, History and Political Science Department, Head of the Educational Department, Kuban State Agrarian University,

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Abrahamyan Vagram Gevorgovich, D.Phil. in Economics, PhD in Engineering, Professor, Management, Business and Tourism Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Professor, Management and Business Department, Yerevan State University (Republic of Armenia),
Bukvich Rayko, D.Phil. in Economics (the Republic of Serbia),
Gambaryan Artur Sirekanovich, LL.D, Professor, Head of the Theory of Law and Constitutional Law Department, Russian-Armenian (Slavonic) University, Honored Lawyer of the Republic of Armenia (Republic of Armenia),
Gao Tianming, PhD in Economics, Professor, Director of the Center of Russian Research, Director of the Center of Blue Economy, Arctic, Institute of Economics and Management, Harbin University of Engineering (PRC),
Erokhin Vasily Leonidovich, PhD in Economics, Associate Professor, School of Economics and Management, Harbin Engineering University (PRC),
Karapetyan Vladimir Sevanovich, D.Phil. in Psychology, Professor, Head of the Pre-school Psychology and Techniques Department, Armenian State Pedagogical University, Member of the International Academy of Psychological Sciences (Russia), Corresponding Member Armenian Philosophical Academy, (the Republic of Armenia),
Kyuskieva-Arabska Ekaterina Dimitrova, PhD in Sociology, PhD in Administration and Management, Associate Professor, Vice-Dean, Faculty of Economics and Management, Head of the National and International Projects Department, Secretary of the Academic Board, University of Agribusiness and Rural Development, President, Innovations and Sustainability Academy, Plovdiv (the Republic of Bulgaria),
Nyagolova Mariyana Dimitrova, PhD in Psychology, Associate Professor of History of Psychology, Lecturer, Psychology Department, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo (Republic of Bulgaria),
Pirizoda Jalil Safar, D.Phil. in Economics, Professor, Academician, Institute of Economics and System Analysis of Agricultural Development, Tajik Academy of Agricultural Sciences (the Republic of Tajikistan),
Pogosyan Gevorg Aramovich, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, D.Phil. in Social Science, PhD, Professor, Academic Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (the Republic of Armenia),
Sandoyan Edward Martini, D.Phil. in Economics in the Russian Federation and the Republic of Armenia, Professor, Director of the Institute of Economics and Business, Russian-Armenian (Slavonic) University (Republic of Armenia),
Todev Ilija Toskov, D.Phil. in History, Professor, Institute for Historical Studies of the Bulgarian Academy of Sciences (the Republic of Bulgaria),
Khanov Talgat Akhmatzievich, LL.D, Professor, Director, Research Institute of Economic and Legal Studies, Karaganda University of Kazpotreboysyuz (the Republic of Kazakhstan),
Khopyorskaya Larisa Lvovna, D.Phil. in Political Science, PhD, Professor, Director of the Centre for Eurasian Studies, Professor, International Relations Department, Kyrgyz Russian Slavic University (The Kyrgyz Republic),
Hristozova Galya Mikhaylovna, Dr hab., Professor, Rector, Burgas Free University (the Republic of Bulgaria),
Tsvirkun Viktor Ivanovich, D.Phil. in History, D.Phil. in Education Science, Professor, Doctor Honoris Causa, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Moldova in the State of Qatar (Republic of Moldova),
Shebeko Valentina Nikolaevna, D.Phil. in Education Science, Professor, Pre-School Education Techniques Department, Belarusian State Pedagogical University (the Republic of Belarus).

EDITORIAL STAFF:

DIRECTOR OF PUBLISHING HOUSE HORS LLC:

Kharseeva Viktoria Leonidovna, PhD in Social Science

DEPUTY DIRECTOR:

Dyuzheva Maria Pavlovna

MANAGING EDITOR:

Ugulava Kristina Gennadievna

EXECUTIVE EDITOR:

Gasparian Kristina Andreevna

EDITORS:

Nevzorova Natalya Viktorovna

Sitnikova Olga Valeryevna

Surkova Ekaterina Sergeevna

Tihomirova Yuliya Ivanovna

Tyulyukova Maria Olegovna

Shcheglova Irina Borisovna

TRANSLATORS:

Arakelyan Nina Sergeevna

Kochetova Darya Andreevna

Nevzorova Natalya Viktorovna

Khanmamedova Victoria Ramizovna

FOUNDER:

Publishing House HORS LLC

PUBLISHER'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.

tel. +7 988 234-44-80

Electronic address: mail@dom-hors.ru

EDITORIAL BOARD'S ADDRESS:

350015, Krasnodar, 156 Yankovskogo st.

tel. +7 988 234-44-80

Electronic address: mail@dom-hors.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

ФИЛОСОФИЯ.....	14	PHILOSOPHY
<i>Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г., Мальцева А.В.</i>		<i>Binkovskaya, L.N., Maltsev, K.G., Maltseva, A.V.</i>
Университет и философия: «университет разума» и «исследовательский университет»	14	University and philosophy: “Mind University” and “Research University”
<i>Гудова М.Ю., Сы Сюй</i>		<i>Gudova, M.Yu., Si Xu</i>
Идея «диалога культур» как стратегия развития институций международного языкового образования.....	26	“Intercultural dialogue” as a strategy for the development of international lingual education institutions
<i>Малюкова О.В.</i>		<i>Malyukova, O.V.</i>
Современные риторические нарративы в оптике отечественной риторики	31	Modern rhetorical narratives in the optics of Russian rhetoric
<i>Мамедов А.А., Донских К.Ю., Котусов Д.В.</i>		<i>Mammadov, A.A., Donskikh, K.Yu., Kotusov D.V.</i>
Онтология социальной жизни: основные подходы к проблеме города и деревни	42	Ontology of social life: main approaches to the problem of the city and village
<i>Березуев Е.А., Петров Г.Л.</i>		<i>Berezuev, E.A., Petrov, G.L.</i>
К вопросу феномена неофеодализма	49	On the issue of the phenomenon of neo-feudalism
<i>Ильин А.Н.</i>		<i>Ilyin, A.N.</i>
Путь юродивого как идеал аскезы.....	57	The way of the fool in Christ as an ideal of austerity
<i>Лунева А.А.</i>		<i>Luneva, A.A.</i>
Концептуальное смешение в раннехристианском антииудейском трактате «De duobus montibus Sina et Sion»	61	Conceptual mixture in the early Christian anti-Judaic treatise “De duobus montibus Sina et Sion”
<i>Никитина Т.С.</i>		<i>Nikitina, T.S.</i>
Историческое время в социальной реальности документального кинематографа.....	70	Historical time in the social reality of documentary cinema
<i>Шестовских Н.А.</i>		<i>Shestovskikh, N.A.</i>
Различная ориентация социально-хозяйственной этики православия в споре «стяжателей» и «нестяжателей» (XV–XVI вв.).....	75	Different orientation of the socio-economic ethics of Orthodoxy in the dispute between the «Possessors» and «Non-Possessors» (XV–XVI cc.)
<i>Борисенко Н.Н.</i>		<i>Borisenko, N.N.</i>
Трансляция «Другого» в труде Дж. Болен «Богини в каждой женщине»	81	Translation of the “Other” in Jean Shinoda Bolen’s “The Goddesses in Every Woman”
<i>Григорьева Т.Е.</i>		<i>Grigorieva, T.E.</i>
Взаимосвязь языка и идентичности в философском дискурсе	85	The language and identity connection in philosophical discourse
<i>Крылов В.К.</i>		<i>Krylov, V.K.</i>
Творческий процесс в контексте философского дискурса: методологический аспект исследования.....	93	Methodological aspect of the study of the creative process in the philosophical discourse
<i>Сорокин С.Н.</i>		<i>Sorokin, S.N.</i>
Симулякр как феномен виртуальной реальности в социально-философском дискурсе.....	97	Simulacrum as a virtual reality phenomenon in socio-philosophical discourse
<i>Чжао Хун</i>		<i>Zhao Hong</i>
О развитии взглядов К. Маркса на историческую свободу.....	102	On the development of K. Marx’s views on historical freedom

ИСТОРИЯ	107	HISTORY
Усупова Н.С., Абдыраева Ж.Д.		Usupova, N.S., Abdyræeva, J.D.
Педагогическое образование		Teacher education
Киргизской Республики:		in the Kyrgyz Republic:
современное состояние		current status
и основные проблемы	107	and major challenges
Харченко Л.Н., Бровко С.Б.		Kharchenko, L.N., Brovko, S.B.
Возникновение и развитие концепции		The emergence and development
«третьего места»		of the concept of “third place”
в зарубежной историографии	113	in foreign historiography
Бызова О.М.		Byzova, O.M.
Участие образовательных учреждений		The participation of educational institutions
в повседневной жизни и формировании		in everyday life and the formation
культурного пространства		of the cultural space of a provincial city
провинциального города в начале XX века.....	122	at the beginning of the 20 th century
Власов С.Д., Ножкина И.А.		Vlasov, S.D., Nozhkina, I.A.
История земельного вопроса		The history of the land issue
в ходе аграрного реформирования		during the agrarian reform
1990 – начала 2000-х гг.	127	of 1990 – early 2000s
Гореликов А.И.		Gorelikov, A.I.
Правовое регулирование в области защиты		Legal regulation in the field of protection
прав коренных малочисленных народов		of the rights of indigenous minorities
Дальнего Востока как фактор национальной		of the Far East as a factor in national security
безопасности (первая половина XIX – XX в.).....	133	(the first half of the XIX–XX centuries)
Ищенко А.А.		Ishchenko, A.A.
К вопросу о восприятии России		On the perception
политическими деятелями США		of Russia by US
(2017–2021 гг.).....	137	politicians (2017–2021)
Лотменцев А.М.		Lotmentsev, A.M.
Опыт визуализации		The experience of visualizing Jerusalem
Иерусалима		(on being a friend or foe
(свой-чужой в центре мира)	142	in the center of the world)
Ночвина Б.А., Смирницкий А.Е.,		Nochvina, B.A., Smirnitsky, A.E.,
Старикова Н.В.		Starikova, N.V.
Советско-китайское		Sino-Soviet economic cooperation
экономическое сотрудничество		in the “Perestroika Period”
в период перестройки (1985–1991 гг.):		(1985–1991):
исторический аспект	148	historical aspect
Степанов И.И. (игумен Лука),		Stepanov, I.I. (Hegumen Luka),
Зажеко А.А. (иеродиакон Антоний)		Zazheko, A.A. (Hierodeacon Antoniy)
Опыт сохранения		Experience in preserving monastic identity
монастырской самобытности		in the cloisters of the Podmoskovye
в обителях Подмосковья в условиях		in the context
музейной политики советской власти		of the Soviet regime’s museum
(1917–1930 гг.).....	155	policy (1917–1930)
Уразов А.З.		Urazov, A.Z.
Социально-экономические предпосылки		Socio-economic prerequisites
к возникновению теневой экономики		for the emergence of a shadow economy
в СССР в период «хрущевской оттепели»		in the USSR during the “Khrushchev’s Thaw”
(на примере БАССР)	167	(on the example of the BASSR)
КУЛЬТУРА	175	CULTURE
Березина А.В.		Berezina, A.V.
Проблематика гендерной идентичности		Gender identity and its reflection
и её отражение в современной		in modern Iranian culture
культуре Ирана (на примере газели		(the case of the ghazal
«О женщина» Симин Бехбахани)	175	“Oh woman” by Simin Behbahani)

Вольская И.Ф., Каменец А.В.

Возможности развития
творческого потенциала личности

в пространстве культуры 181 of the individual in the cultural space

Васькина О.Э., Медведева З.А.

Специфика медицинских представлений
в крестьянской среде России

в период поздней империи 188 during the late Empire period

Воронцов В.Н., Ковригина И.А.

Концепт «власти командира»
в советском кинематографе конца 1930-х –
начала 1950-х гг. на примере
художественных фильмов «Моряки»
и «Командир корабля» 193

Volskaya, I.F., Kamenets, A.V.
Opportunities to develop
the creative potential

Vaskina, O.E., Medvedeva, Z.A.

Specifics of medical perceptions
in the Russian peasantry

..... during the late Empire period

Vorontsov, V.N., Kovrigina, I.A.

The concept of “the commander power”
in the Soviet cinema
of the late 1930s – early 1950s:
the case of the feature films
“Sailors” and “Ship Commander”

Кубанова Т.А.

Истоки и художественные особенности
скульптурных произведений

Даши Намдакова (2000-е гг.) 198 of sculpture (2000s)

Kubanova, T.A.

The origins and artistic features
of Dashi Namdakov's works

Манторова А.В.

Миф Теодора Курентзиса:
попытка деконструкции 202

Mantorova, A.V.

The myth of Teodor Currentzis:
an attempt at deconstruction

Иванов М.В.

Развитие экстремального туризма
в пространстве
культурного ландшафта Якутска 208

Ivanov, M.V.

Extreme
tourism development
in Yakutsk cultural landscape

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 14–25.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 14–25.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.1>

Университет и философия: «университет разума» и «исследовательский университет»

Лариса Николаевна Биньковская¹, Константин Геннадьевич Мальцев²,
Анна Викторовна Мальцева³

^{1,2,3}Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова,
Белгород, Россия

¹larisa.bankovskaia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2202-5447>

²pavic69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1398-6625>

³maltsevaannav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7287-3113>

Аннотация. Изучение истории идеи университета в горизонте онтических оснований позволяет раскрыть перспективу понимания способа совмещения реального понятия и действительности – в «радикальном», то есть «метафизическом» отношении, выявить существенное в университете и обнаружить необходимость в изменяющихся формах действительного университета, то есть рассказать его историю, – задача философского понимания. Преобразование университета разума в исследовательский университет и затем в университет культуры есть история, завершившаяся «смертью университета в 1890 году» (М. Хайдеггер) вместе с философией и «гегелевой наукой»; в статье представлена схема этой истории. Новоевропейская наука, пришедшая в свою «собственную форму» посредством определения «идеи техники» (поставом), – «техническая наука»; культура как «историографический перерасчет прошлого», по своей сути также техническая, обусловили появление другого университета – фабрики по производству технического знания и человеческого капитала, имеющего иную, чем университет разума, историю.

Ключевые слова: идея университета, университет разума, философия, «гегелева наука», метафизическое понятие, история идеи, современность, «техническая школа», человеческий капитал

Для цитирования: Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Университет и философия: «университет разума» и «исследовательский университет» // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 14–25. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.1>.

Original article

University and philosophy: “Mind University” and “Research University”

Larisa N. Binkovskaya¹, Konstantin G. Maltsev², Anna V. Maltseva³

^{1,2,3}Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

¹larisa.bankovskaia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2202-5447>

²pavic69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1398-6625>

³maltsevaannav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7287-3113>

Abstract. The study of the history of the idea of the university in the horizon of ontic foundations allows us to reveal the perspective of understanding the way of combining a real concept and reality – in a «radical», that is, a «metaphysical» concept. To identify the essential in the university and to discover the need for changing forms of a real university, that is, to tell its history - the task of philosophical understanding of the university. The transformation of the University of the Mind into a research university and then into the University of Culture there is a history, which has ended «the University's death in 1890» (M. Heidegger) together with philosophy and «hegel science»; the article presents a scheme of this history. New European Science, which came into its «own form» by means of definition «idea of technology» (postom), – «technical science»; culture as «historical recalculation of the past», is also essentially technical. Another university, a factory for the production of technical knowledge and human capital, had a history other than the university of reason.

Keywords: university idea, mind university, philosophy, “Hegelian science”, metaphysical concept, history of the idea, modernity, “technical school”, human capital

For citation: Binkovskaya, L.N., Maltsev, K.G. & Maltseva, A.V. (2022) University and philosophy: “Mind University” and “Research University” // *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 14–25. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.1](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.1) (In Russian).

Введение. Связь между классическим университетом разума и философией была *существенной*: во-первых, *идея университета* философского происхождения, и его действительность в начале XIX века *определялась* названной идеей (не суть важно: в кантовском, фихтевском, гумбольдтовском или шлейермахеровском *вариантах*); во-вторых, функционирование университета как связанного единства, представляющего единство науки, также предполагало философию как действительное основание: «объемлющая» функция философии (как ее интерпретировал еще К. Ясперс (2006), который, применительно к обстоятельствам времени, решительно «ослабил» роль философии даже для объединения наук в сравнении с началом XIX века, тем более отказавшись от того, что М. Хайдеггер называл «гегелевой наукой» (Хайдеггер, 2020а), идея которой властвовала в интересующий нас период времени) была реальностью, которую не ставили под сомнение ни *профессора* (объединенные в университет), ни *чиновники*, по поручению государства проводившие образовательную политику. Университет разума на протяжении XIX века *становился* то исследовательским университетом (проект В. фон Гумбольдта (Гумбольдт, 1998)), то «университетом культуры» (именно таковым его видел Х. Ортега-и-Гассет (2005)), но неколебимость философии в качестве своего рода «краеугольного камня» (как в отношении *понятия*, так и в отношении *экзистенции*) университета обоснованному сомнению не подвергалась.

Другая традиция – *либерального образования*, как она определялась Дж. Ньюменом (2006), также устанавливала философию как *сущность* (у Ньюмена с поправкой на «завершающее значение» теологии) университета. Но XIX век характеризуется еще и становящимся господством позитивизма, то есть в числе прочего – «освобождением» позитивной науки от «пут метафизики» и радикальным изменением *понимания* философии как «одной из наук», имеющей свой собственный предмет и являющейся *выделенной областью* в универсуме знания, – здесь за философией отрицалась любая «объединяющая миссия», кроме вполне *внешней*, прежде всего в качестве логики и методологии, а также (в последние 30 лет именно этот аспект акцентируется в вопросе о роли философии в университете) *обеспечения меж- и многодисциплинарности* (Жданова, Мальцев, 2020).

Безусловно, это сказалось на «переопределении» отношения университета и философии, но едва ли может расцениваться как причина того, что констатировал М. Хайдеггер: «Университет умер в 1890 году» (Хайдеггер, 2016: 467). Тем не менее «разрыв» между университетом и философией имеет *общее основание*, указать на которое и истолковать его *смысл* является задачей данной статьи. В указанном отношении сам позитивизм, лишенный какого-либо «философского измерения» (чтобы не сказать – *глубины*) был *симптомом* того, что М. Хайдеггером было названо *современностью* (Хайдеггер, 2020б: 50): новоевропейская наука здесь приходит в свою *собственную форму*; университет становится «высшей технической школой» по производству *практического знания* (Мальцев, Мальцева, 2020б) и *человеческого капитала* (Мальцев и др., 2021; Мальцев, Мальцева, 2020а); философия же «становится ненужной и невозможной» (Хайдеггер, 2018: 431).

Поскольку целью исследования является философская интерпретация смысла преобразования *идеи университета*, средства *философской герменевтики* использованы для решения поставленных задач.

Эпоха Просвещения (И. Кант) и «разумной науки» (И.Г. Фихте) и университет разума. Место философского факультета (тогда он еще заключал в себе всю науку как *теоретическое знание*) в университете и значение *философского исследования* для дела просвещения (то есть в том числе и политической свободы: это важно в связи с попытками «спасти философию» и гуманитарное знание в современном университете): государства, общества, индивида, – определил Кант своим «разделением факультетов» (Кант, 1994б) на высшие, то есть *практические*, занятые профессиональной подготовкой, и низший, философский, которому отводил дело «свободной критики» и «свободного исследования». Следует учитывать то обстоятельство, что в течение XIX века радикально изменилось само понимание философии: если в немецкой классике она являлась «именем» для науки вообще («гегелева наука» – М. Хайдеггер (Хайдеггер, 2020а)), и именно в этом значении Кант полагал место философии в университете, то уже у В. фон Гумбольдта (Гумбольдт, 1998) и Ф. Шлейермахера (Шлейермахер, 2018) философия – *особенный вид знания*, все более «внешний» по отношению к «позитивным наукам», и к началу XX века «философия» стала названием *одной из наук* («философия как строгая наука» – Э. Гуссерль (2005)), отношение которой к другим *направлениям научного знания* становилось все более внешним и даже неопределенным; соответственно, изменилось и ее «место» в университете, который, по крайней мере, до 1890 года, все еще мыслился как «место знания».

Итак, философия как «сама наука» и «вся наука» (прежде всего то, что называется *теорией*), по определению Канта, выступает как то, на чем держится *идея университета* как *места знания* («университет разума»). Выход из «несовершеннолетия», по Канту, означает в первую

очередь овладение свободой «пользоваться своим разумом», причем *публично*; Кант различает публичное и частное «пользование своим разумом»: «Под публичным же применением собственного разума я понимаю такое, которое осуществляется кем-то как ученым перед всей читающей публикой. Частным применением разума я называю такое, которое осуществляется человеком на доверенном ему гражданском посту или службе» (Кант, 1994а: 31). «Высшие факультеты» университета (медицинский, теологический и юридический) готовят к *государственной службе*, и потому в отношении того, чему учат и о чем говорят на этих факультетах, *правомерны* правительственные ограничения. Философский факультет имеет прямое отношение только к разуму и развитию умений им пользоваться, то есть он свободен по своей сущности. Таким образом, конституируются необходимые *автономия* и *гетерономия* в пользовании разумом (Кант, 1994б: 73). Причем автономия *сущностно* предшествует гетерономии; Кант пишет: «Согласно разуму (т. е. объективно) побудительные причины, которые может использовать правительство для [достижения] своих целей, идут в следующем порядке: сначала вечное благополучие каждого, затем гражданское благополучие [каждого] как члена общества и, наконец, физическое благополучие (жить долго и быть здоровым)» (Кант, 1994б: 62). Кант определяет: «Способность судить автономно, т. е. свободно (сообразно с принципами мышления вообще), называют Разумом» (Кант, 1994б: 70) и делает вывод: «Стало быть, философский факультет, поскольку он обязан ручаться за истинность учений, которые он принимает или хотя бы допускает, должно мыслить как свободный, подчиненный только законодательству разума, а не законодательству правительства» (Кант, 1994б: 70). Таким образом, «в каждом университете должно быть и такое отделение, т. е. философский факультет. Он служит для того, чтобы контролировать три высших факультета и тем самым быть полезным им, ибо важнее всего истина (существенное и первое условие учености вообще); полезность же, которую обещают для целей правительства высшие факультеты, есть лишь второстепенный момент» (Кант, 1994б: 70).

В этом и заключается «архитектура университета разума», его подлинный *смысл*, который полагался *очевидным*. Именно поэтому без специальных «оговорок» И.Г. Фихте (2009) мог акцентировать *практическое значение* университета и университетского образования; стоило названной «очевидности» «пошатнуться» вместе с изменением понятия философии – и «практический разворот» стал превалировать не только в *организации* университета, но и в его *понимании*: за идеями Фихте, но еще в преемственности с мыслями Канта, следуют рассуждения Гумбольдта и Шлейермахера, а *понятие университета* трансформируется: место «университета разума» занимает «классический немецкий исследовательский университет».

«Практический поворот» Фихте основывался на *усилении* значения философии для жизни: в публичных лекциях «Основные черты современной эпохи» (предшествующих «Речам к немецкой нации, где, собственно, Фихте и определяет сущность и назначение университета и университетского образования) мыслитель утверждает необходимость «философского взгляда на эпоху»: «Философским же может быть названо только такое воззрение, которое сводит наличное многообразие опыта к единству одного общего начала и затем исчерпывающим образом объясняет и выводит из этого единства все многообразие» (Фихте, 1993: 363), что в свою очередь обусловливается «целью земной жизни человечества» – «установить в этой жизни все свои отношения свободно и сообразно с разумом» (Фихте, 1993: 366), то есть философия и *есть* сама жизнь в ее сущностной *разумности*.

Но жизнь есть становление; сутью современности Фихте как раз считает *переход* от «третьей эпохи человечества» («эпоха освобождения, непосредственно – от повелевающего авторитета, косвенно – от господства разумного инстинкта и разума вообще во всякой форме, – время безусловного равнодушия ко всякой истине и лишенной какой бы то ни было руководящей нити, совершенной разнузданности – состояние завершенной греховности» (Фихте, 1993: 370) – к «четверной эпохе»: «эпоха разумной науки, время, когда истина признается высшим и любимым более всего началом, – состояние начинающегося оправдания» (Фихте, 1993: 370), то есть к «эпохе» *собственно философской*. Одним из основных институтов данного перехода Фихте назначает *университет*, который и *есть* «место философии».

Университет разума есть *жизненный центр* «мира, постигаемого мышлением» (Фихте, 2009: 217), то есть *действительного мира*; таким образом, университет есть центр *национальной жизни* и один из основных *государствообразующих центров*¹. Здесь реализуется то, что Фихте называет *воспитанием*. Если в «прежнее время» «жила только плоть, материя, природа» (Фихте, 2009: 217), то «благодаря новому воспитанию» «должен побуждая жить дух»: «В целом

¹ Существенная связь народа, нации, государства и университета, как она представляется Фихте, рассмотрена в работе А.Л. Алавердяна, Л.Н. Биньковской, К.Г. Мальцева (Алавердян и др., 2021).

должен быть произведен твердый и сознательный дух» как «единственно возможная основа благоустроенного государства» (Фихте, 2009: 217). Мысль о «таком новом воспитании не должна рассматриваться в качестве образа, выдвинутого только для упражнений в остроумии и в искусстве спора, но, скорее, в урочный час должна быть осуществлена и претворена в жизнь» (Фихте, 2009: 218). В основе такого воспитания, по Фихте, лежит любовь, «которая связывает человека с человеком, а всех – в единую разумную общину общего умонастроения» (Фихте, 2009: 233–234). Следовательно, новое воспитание «направлено в первую очередь не к тому, чтобы образовывать ученого, но к тому, чтобы образовывать именно человека» (Фихте, 2009: 234); «это новое воспитание должно дополнить прежнее недостающим ему проникновением вплоть до корня жизненных устремлений и движений, и если прежнее должно было, самое большее, образовывать нечто у человека, то это должно образовывать самого человека и делать образование ни в коем случае не имуществом воспитанника, как до сих пор, но скорее составной частью его личности» (Фихте, 2009: 65). По мысли Фихте, такое образование не может не быть *всеобщим*: «Нам поэтому не остается ничего иного, кроме как распространить новое образование на все без исключения, что есть немецкого, так что оно будет не образованием какого-нибудь особого сословия, а образованием нации просто как таковой и без всякого изъятия каких-либо ее отдельных частей, в котором, собственно, в воспитании ко внутреннему удовлетворению правым полностью снимается и исчезает всякое различие сословий, которое в других ветвях воспитания может продолжаться сохраняться; и, таким образом, у нас возникнет ни в коем случае не народное воспитание, но собственное немецкое национальное воспитание» (Фихте, 2009: 66).

Речь идет не только об «образовании ума», но, в соответствии с общей интенцией немецкой философской классики (и европейской метафизики в ее существовании, по Хайдеггеру), о «воспитании воли», причем философское воспитание есть воспитание к *необходимости доброй воли*: «Новое воспитание, напротив, должно состоять как раз в том, что оно на почве, возделывание которой оно взяло бы на себя, полностью уничтожило бы свободу воли и в противоположность этому вырастило бы строгую необходимость решений и невозможность противоположного в воле, на которую с этих пор можно смело рассчитывать и на которую можно положиться» (Фихте, 2009: 70–71). Необходимость доброй воли предполагает, что человека нужно сделать таким, «чтобы он не мог желать иного», чтобы он действительно ее «хотел» (Фихте, 2009: 72): «Новое воспитание должно произвести эту устойчивую и не колеблющуюся волю с помощью надежного и действенного без исключений правила; необходимость оно само должно изготовлять с намеренной необходимостью» (Фихте, 2009: 72). Итак: «Предложенное мной воспитание должно быть надежным и сознательным искусством образовывать в человеке устойчивую и безошибочную добрую волю» (Фихте, 2009: 73). «Любовь к добру как таковому», *деятельность* по осуществлению добра, «переносу образа в действительность»: «образ как прообраз действительности» (Фихте, 2009: 75), – свобода «как необходимость» (по четкой формулировке Гегеля), то есть новое воспитание как «искусство целиком и искусство полностью образовывать человека в человеке» (Фихте, 2009: 95).

Сказанное есть *подлинная и первоочередная* задача государства в *воспитании нации*: «Мы выдвинули это воспитание в качестве высшей и единственно неотложной задачи любви к Отечеству и намерены с его помощью исправить и перестроить весь человеческий род. Эта любовь к Отечеству должна сначала вдохновить немецкое государство, повсюду, где живут немцы, встать во главе и быть побудительной силой для всех его решений. Это значит, что в первую очередь мы с ожиданием смотрим на государство» (Фихте, 2009: 252). На осуществление этой задачи должны быть в первую очередь направлены все имеющиеся средства; более того, Фихте считает это преимущественно *разумными затратами*: «Если бы государство сомневалось в том, что оно в состоянии покрыть расходы на национальное воспитание, его надо было бы убедить в том, что оно с помощью одной этой траты самым рачительным образом избавится от остальных и что в этом случае она вскоре останется его единственной крупной затратой» (Фихте, 2009: 255).

В качестве вывода повторим: место, где возможно такое воспитание, *есть место философии* по существу и преимуществу, – это университет.

В учении Фихте идея «университета разума» достигает своей *завершенности*: кульминация этой идеи; далее следует *спад*, последующее *вырождение*, и конец – «смерть университета в 1890 году», констатированная Хайдеггером.

Завершение «философской эпохи» и идея «исследовательского университета». Ф. Шлейермахер все еще полагает философию как «основание» для всякой науки, как источник необходимого для нее «спекулятивного духа»: «всякое отдельное знание неизменно покоится на всеобщем» (Шлейермахер, 2018: 77), то есть именно на философии; и: «без спекулятивного духа не существует и порождающей науку способности» (Шлейермахер, 2018: 77): «Тот, кто не образовал в себе никакого определенного философского типа мышления, не породит самостоятельно

и ничего дельного и самобытного в области науки» (Шлейермахер, 2018: 77) и, кроме того, «всякий философский тип мышления, как он выражен в языке, в методе, в способе изложения, присутствует во всяком научном произведении» (Шлейермахер, 2018: 77). Но философия для Шлейермахера, в отличие от Канта, не есть сам «свободный разум», ни тем более, как у Фихте, сама жизнь. Поэтому Шлейермахер утверждает: «Но именно потому и отступает здесь философия на второй план, что если развитию наук должна оказываться общая поддержка, то все чисто философское уже должно быть приведено к истинному состоянию, чтобы уже почти и нечего было больше об этом сказать» (Шлейермахер, 2018: 77–78). Отсюда определяется им *место и функция* университета, между «академиями» («под академиями понимается здесь то, что называют учеными обществами самого разного рода» (Шлейермахер, 2018: 64) и «школами» («под школами же мы мыслим здесь лишь те, которые по меньшей мере могут быть рассмотрены как непосредственно возникшие из потребности и влечения к познанию, то есть лишь такие ученые школы, которыми обязательно руководят исключительно научно-образованные люди и в которых преподаются сведения, непосредственно принадлежащие научной области» (Шлейермахер, 2018: 65): «Какими же пустыми должны были бы быть труды академии, если бы она всякий раз обращалась к одной лишь эмпирии и не задумывалась бы о принципах в каждой науке! Насколько же пустой была бы сама мысль о совместном содействии развитию всех наук, если бы в свою очередь эти принципы не были бы взаимосогласованы и не образовывали бы единого целого! И насколько жалкими были бы рассуждения членов академии, если бы среди них не было единства по поводу всех этих принципов» (Шлейермахер, 2018: 73–74). В общем, действительным условием «является то, что каждый член академии находит взаимопонимание между собой и остальными по поводу философских принципов его науки, каждый исследует свой предмет в философском духе, и именно этот последний – во всех предметах равный себе – дух в брачном союзе со всяким отдельным своеобычным талантом только и делает его подлинным членом объединения» (Шлейермахер, 2018: 74). Шлейермахер задается вопросами: «Должен ли этот дух нисходить на человека внезапно, как сон? Должна ли научная жизнь возникать из ничего, отличаясь в этом от всего остального, возникающего через его порождение другим? Почему лишь она одна в своих первых нежных выражениях не должна нуждаться в какой-либо заботе и каком-либо воспитании?» (Шлейермахер, 2018: 74), в ответах на которые и «кроется сущность университета. Ему-то и вменяются эти задачи порождения и воспитания, и этим образует он переходный пункт от этапа, в котором через передачу сведений и собственно обучение молодежь возделывают для науки, к этапу, когда человек в расцвете сил и полноте научной жизни отныне сам проводит исследования, расширяет и приукрашает область познания. Университет, следовательно, преимущественно имеет дело с введением в некоторый процесс, с надзором над его первыми ступенями развития» (Шлейермахер, 2018: 74). Задача университета – «побудить идею науки в некоторых более благородных юношах» (Шлейермахер, 2018: 75), и это – подлинное дело философии, которая научает «усматривать во всяком отдельном не только его само, но и его ближайшие научные отношения, вводя его в великую связь в неизменном отнесении к единству и всеобщности познания с тем, чтобы научились они в любом размышлении постигать основоположения науки, и именно благодаря этому постепенно вырабатывать в себе саму данную способность исследования, открытия и изложения, – вот в чем состоит дело университета» (Шлейермахер, 2018: 75).

Итак, «является общепризнанным, что в университете изучение философии есть основание всей его деятельности» (Шлейермахер, 2018: 79), но только такая философия, которая давала бы «определенное научное руководство для будущей научной жизни во всех ее предметах» (Шлейермахер, 2018: 80), то есть *полезная и необходимая для науки* философия: «Не может быть достаточно одной лишь формальной спекуляции, ее следует тотчас воплощать в реальном знании» (Шлейермахер, 2018: 90).

Не все вступающие в университет способны к собственно науке; Шлейермахер утверждает, что в «умах второго класса» нуждается государство как в своих *чиновниках*: университет прямо ставится на службу государству.

В. фон Гумбольдт не разделяет пафоса Ф. Шлейермахера относительно принципиального разграничения академии и университета, полагая собственным предметом последнего именно *науку*: «Понятие высших научных заведений как вершины, к которой сходится все, что происходит непосредственно в пользу моральной культуры нации, основывается на том, что эти заведения предназначены заниматься наукой в наиболее глубоком и широком смысле этого слова и передавать ее как материал, целесообразно подготовленный не намеренным, а произвольным способом, духовному и нравственному образованию для его использования» (Гумбольдт, 1998: 28). В связи с этим их значение заключается в том, чтобы «объединить под своим руководством во внутреннем плане объективную науку с субъективным образованием, во внешнем плане законченное обучение в школе – с начинающимся обучением в высшем научном заведении или,

вернее, осуществить переход от одного к другому. А главная точка зрения признает приоритетность за наукой, так как, если она стоит чистой, она будет правильно усвоена, как сама по себе и в целом, даже если имеются отдельные отклонения» (Гумбольдт, 1998: 1), – концепция «исследовательского университета». Гумбольдт еще признает «объединяющую» функцию философии для многообразных наук как *логику* и *методологию* науки; преподавание философии, таким образом, остается в университете обязательным и важным, но в «исследовательском университете» философия больше не есть его *суть*, а университет не *место философии* (а философия уже не есть *сама наука* или «сам разум»).

Реставрации «классического университета» как «метафизического понятия». Попытки *оправдать* философию как необходимый для самой науки *род знания* и в связи с этим определить *ее место в университете* (даже притом что о философии может говориться «в превосходной степени»), которые предпринимались разными *философами*, опосредованно принадлежащими к немецкой философской традиции (важнейшие из них – П. Наторп и К. Ясперс), являются именно *оправданиями, защитой*: от лица философии они *обосновывают* ее необходимость и полезность.

Значение философии П. Наторп усматривает в необходимости *восстановления связности* человеческой жизни в *духе*, утраченной современностью: «Под “духом” мы понимаем именно совокупность закономерно образующегося содержания сознания; совокупность его созданий, его подлинных жизнеспособных творений. Созидание этих миров духовного содержания в образующемся человеческом духе, сначала в каждом отдельном духе, а через это и в человечестве в целом, – это и не что иное есть, как человеческое образование, образование человека в человека» (Наторп, 2006: 332–333). Распад традиционных социальных связей; стремительное развитие научного знания вне идеи его единства; утрата человеком способности к «самоопределению», то есть свободы (которая в традиции немецкой философской классики мыслится Наторпом как *сущность* человека: идея «автономии субъекта» Канта); «физическая и моральная расшатанность, которая является понятным результатом такого положения дел» (Наторп, 2006: 180), и, что не менее важно, *стремительность*, с которой происходит разложение, обуславливают вывод: «Человечество летит в пропасть со скоростью воздушного шара, у которого испортился мотор, и скоро, даже очень скоро, он упадет на землю с разбитым остовом вместе с пассажирами» (Наторп, 2006: 209). Наторп видит два исхода. Во-первых, «принудительная власть машины навалилась, как гора, на всех нас, и вся духовная жизнь или должна сама служить, или плестись около, лишенная влияния на целое социальной жизни» (Наторп, 2006: 276), то есть, «исходя из фактов», человеку неизбежно необходимо «встроиться в машину» и раствориться в ней без остатка. Во-вторых, те, кого Наторп именует «еретиками» и «друзьями свободы», могут противопоставить «принудительности факта» свободу, к которой нужно *воспитывать*, то есть именно что он называет «образованием человека в человека».

Задача «духовного воссоединения» действительности, которая должна решаться образованием, представляется Наторпом как *процесс*: «Само слово “образование” ясно указывает на то, что все содержание человеческого духа только тем и есть духовное, т. е. живое, содержание, что оно постоянно находится в процессе превращения и новообразования, что процесс есть все, а готовое создание лишь переходный момент. Здесь именно лежит источник всей проблемы образования и воспитания. Не в простой передаче данного заключается наша задача, но в том, чтобы ввести в вечно живое дело духовного творчества, чтобы заставить каждую отдельную личность принять участие в том деле, на том месте и с теми силами, какими она располагает» (Наторп, 2006: 351), который по своему содержанию, «поскольку оно есть общее для всех, называется человеческой культурой. Таким образом, содержание образования с объективной точки зрения совпадает с содержанием культуры. Мы говорим о культуре, когда имеем в виду общую работу создания духовных миров, об образовании – когда думаем об участии единичной личности в этом общем деле. Вообще же говоря, это одно и то же» (Наторп, 2006: 350). Воспитание к «общности в культуре» имеет свои ступени, на высшей из которых общение «сообразно собственному пониманию и своей разумной воле сохранить в себе сознание общения и развить его до такой степени, чтобы оно не нуждалось больше ни в каком внешнем принуждении. Но и этой высшей форме общения соответствует самостоятельный тип организации образования – высшая школа в самом широком смысле, свободное образование взрослых вообще, которое, в сущности, есть самообразование, но самообразование посредством общения. «Свобода» – вот самое обычное название для третьей степени» (Наторп, 2006: 371); Наторп утверждает, ссылаясь на Канта, что здесь «разум» и «свобода» соединяются в кантовском понятии *автономии*. Университет и есть *институт* названной высшей ступени образования.

В философии объединяется «нормативность» основных направлений душевной жизни: в единстве логики (наука), этики (нравственность) и эстетики (творчество). Замечая, что данное

перечисление «может не быть исчерпывающим», но ссылаясь на «традицию понимания философии», Наторп устанавливает ее *необходимость*: «Всякая наука, которая учит по отношению к одному из основных направлений, в которых развивается душевная жизнь, в чем заключается его правильное, нормальное образование, определяет тем самым одну из существеннейших задач, одну из существеннейших частей, в конце концов, единой самой по себе задачи, следовательно, единой цели воспитания, раз это человеческое воспитание есть здоровое развитие душевной жизни не только в том или ином отношении, но во всех ее существенных направлениях» (Наторп, 2006: 310). Поскольку именно человек полагается «целью» как «хозяйственной работы», так и «политического порядка», то необходимо «строжайшее подчинение профессионального, а также светского образования общему гуманитарному образованию» (Наторп, 2006: 163).

Таким образом, «либо у философии вовсе нет реальной задачи, либо эта задача – последнее центральное объединение всех частных, так многосторонне вытекающих друг из друга направлений познания. Философия должна быть одна, или ее вообще нет. Кто раздробляет ее, тот тем самым уничтожает ее как философию, ибо философия обуславливает единство познания, и притом внутреннее, центральное единство, т. е. такое, которое предшествует всякому делению и лежит в основе его, а не внешнее, периферическое, которое происходит просто из последовательного соединения первоначально самостоятельных частей» (Наторп, 2006: 308).

Философское образование (не в смысле «изучения философии» как учебной дисциплины) обеспечивает не «механическое соединение», но именно *рост*, то есть *духовную жизнь*, причем «при слове «образование» приходит на мысль больше всего и преимущественно достигаемое вместе с остальным эстетическое совершенствование человеческого существа, тогда как «воспитание» оттеняет больше только нравственное, а тем более «обучение» подчеркивает только интеллектуальную сторону гуманного развития» (Наторп, 2006: 261). В отношении науки значение философии Наторп усматривает в том, чтобы «представить и показать содержание человеческого сознания в его конечном закономерном основании и в его определяемом таким образом строении, в его внутренней структуре, а вместе с тем, следовательно, связь его различных областей, их конечное единство – в том, что мы для краткости можем назвать человеческим духом (понимаемым как единство). Можно также сказать, что их тема – объект всякого человеческого познания» (Наторп, 2006: 320).

Наконец, в полном соответствии с традицией немецкой философской классики, прежде всего Фихте, Наторп утверждает, что «можно исторически показать тесную связь между учением о воспитании и учением о государстве. Никто из великих педагогов не мог обойтись без того, чтобы не поставить идею воспитания в самую тесную зависимость от идеи государства. И как бы резко ни противоречила этому порой действительность, в идее навсегда остается верным, что целью государства является воспитание к высшей человечности, а целью воспитания – образование истинного государства, государства идеи. Философы должны бы были быть царями, цари – философами, так выразил это в резкой форме Платон; это положение требует только расширения: воспитание, создание и сохранение духовных миров – вот что должно быть верховной целью государственного строя, все его другие необходимые условия должны строго подчиняться этой последней цели. И, наоборот, такое государство было бы в то же время идеальным воспитателем, и нужно постоянно стремиться к тому, чтобы оно могло стать таковым» (Наторп, 2006: 377).

Наконец, уже во второй половине XX века у К. Ясперса идея «исследовательского университета» получает чеканную форму; но фихтевское существенное единство философии, науки, жизни, народа здесь уже *не имеет силы*; «объемлющая функция» философии *в университете* непосредственно обеспечивает *осмысленное единство науки* и только *опосредованно* и не *в самом университете* имеет значение для *осмысленности жизни* как таковой, – философия *необходима* для университета, но *в другой связи*, нежели это было у Фихте: речь не идет об *университете разума*. Возможно, «изменилась эпоха»: «Подобно тому как любая традиция обусловлена особой формой общественного организма, так и осознанное воспитание зависит от последнего. Воспитание сменяется вместе с формами исторической жизни народов. Единство воспитания дано через общественное единство, например, через церковь, сословие, нацию. Воспитание – это способ, с помощью которого, передаваясь через поколения, сохраняют себя определенные общественные формы. Поэтому вместе с общественными переворотами меняется воспитание, и попытки преобразования обращаются в первую очередь к педагогическим вопросам» (Ясперс, 2006: 73).

Ясперс утверждает, что «задачей университета всегда является удовлетворение требований практической профессии» (Ясперс, 2006: 99), и лишь в добавление к этому «университет вносит существенно новое благодаря тому, что выполняет эти требования посредством их включения во всеохватывающее» (Ясперс, 2006: 99). Университет предполагает, во-первых, «обучение специальным профессиям», во-вторых, образование (воспитание), в-третьих, исследование

(Ясперс, 2006: 66): «Университет – профессиональная школа, мир образования, исследовательское учреждение» (Ясперс, 2006: 66). Однако поскольку в университете эти «три цели образуют неразрывное единство» и «одна цель не может быть отделена от остальных без того, чтобы не ликвидировать духовную сущность университета и одновременно не погибнуть самой» (Ясперс, 2006: 66), то «все три цели являются моментами одного живого целого» (Ясперс, 2006: 66).

Вообще, по Ясперсу, «изначальное стремление к знанию едино и направлено на целое» (Ясперс, 2006: 37), и в университете «во взаимодействии наук реализуется космос наук вплоть до универсальной ориентации в мире и до теологии и философии» (Ясперс, 2006: 37). Ясперс утверждает, что спецификой университета является «реализация изначального стремления к знанию, которое не имеет никакой иной цели, кроме как узнавать, что возможно познать и кем мы станем благодаря познанию» (Ясперс, 2006: 37); профессиональное обучение (в чем отличие университета от «старых профессиональных школ», к которым многие стремятся свести университет) как цель университетского обучения поставлено в *перспективу* «всеохватывающего» именно потому, что таково, по Ясперсу, перспектива самой науки.

Таким образом, «внутри университета как институции люди объединены призванием искать и передавать истину научным способом» (Ясперс, 2006: 37), а поскольку «истину следует искать научным способом», то «исследование является основной задачей университета» (Ясперс, 2006: 37). «Истина должна быть передана», поэтому «преподавание является второй задачей университета» (Ясперс, 2006: 38); а поскольку «передача одних лишь только знаний и навыков недостаточна для постижения истины, требующей скорее духовного формирования человека в целом» (Ясперс, 2006: 38), то «смыслом преподавания и исследования является образование (воспитание)» (Ясперс, 2006: 38): «Проектирование идеи университета означает ориентацию на идеал, к которому реальность лишь приближается» (Ясперс, 2006: 38). Наука «в соответствии со своим смыслом выступает организованным целым» (Ясперс, 2006: 64), и «хотя науки и могут возникать рассеянно и в любое время распадаться, они все же снова и снова собираются в космос наук» (Ясперс, 2006: 64), – «университет расчленен тем способом, посредством которого репрезентирует себя сообщество ученых» (Ясперс, 2006: 64).

Собственно говоря, в указанной перспективе устанавливается *место философии* в университете: философия «объемлет» науки как логика и методология, но в первую очередь именно она репрезентирует идеал единства «космоса наук», одновременно связывая его с *идеей человека* как разумного и духовного (содержание понятия «духа» берется в приведенном выше определении его Наторпом), свободного, то есть одновременно автономного самоопределяющегося и социального индивида: в той степени, в какой задачей университета (*опосредованно*) является образование, философия выступает также необходимой.

Закключение. Итак, идея «университета разума» *разрешилась* в концепты «университета культуры» (термин принадлежит Х. Ортеге-и-Гассету (Ортега-и-Гассет, 2005), но Наторп, как мы старались показать, близок к этой идее) и «исследовательского университета»; *место и значение* философии различным образом определяются в названных концептах; меняется и само понятие философии, – нам необходимо *истолковать смысл* совершившихся «разрывов», чтобы понять утверждение М. Хайдеггера о «смерти университета». Существенным обстоятельством, позволившим нам приступить к решению поставленной задачи, стало то, что все названные концепты конституируются в *горизонте немецкой философской классики*; то, что после Фихте квалифицируется нами как *отступление, упадок, вырождение* и в конце – «смерть идеи университета», может рассматриваться как *последовательность* обстоятельства обусловленности которой мы и должны назвать. Речь идет об *истории идеи*, или, ближе, о «метафизическом понятии» (термин К. Шмитта (2016б)), то есть о таком понятии, в котором *реальное* (понятийное) и *действительное* совмещены в *единство*; Хайдеггер утверждает, что *история* определена *метафизически*, – таким образом, мы имеем указание на *область* нашего поиска. Наконец, К. Шмитт писал, что каждая эпоха «обладает представлениями», которые «кажутся ей в некотором специфическом смысле очевидными» (Шмитт, 2016а: 115), и хотя писал он это о «государственной и политической мысли», мы полагаем возможным «распространить» это утверждение на область нашего исследования (хотя бы по аналогии с тем, что М. Вебер (Weber, 1986) стал называть «картиной мира»), – не «смена эпох», но смена «картины мира» и связанных с ней «очевидностей» определили «вырождение» и «смерть» «идеи университета» вместе с изменением *понятия науки* (от «гегелевой» до «современной»: перелом в середине XIX века стал *очевидным*) и *собственно философии*.

Представление идеи университета последовательно осуществляется в горизонте *описания современности*: как «эпохи просвещения» (И. Кант), «четвертой эпохи всемирной истории» (И.Г. Фихте) и «эпохи нигилизма» как «завершающего периода нового времени» (М. Хайдеггер);

в последнем случае – в существенной связи с «переворотом Платона» Ф. Ницше в его одновременном «завершении европейской метафизики» и «немецкой классической философии». Между Фихте, Гегелем и Ницше мы видим «обрыв», своеобразное «философское безвременье» – *позитивизм*, после Ницше – впечатляющие попытки «реставрации», например, под лозунгом «возврата к Канту». Это *горизонт* связанного рассмотрения «идеи университета» и «понятия философии», в котором, повторим, «гегелева наука» как философия в 30-е годы XIX века утратила *действительность*, Гумбольдт и Шлейермахер *знали*, но, каждый по-своему, создавали свои «проекты университета» уже *не из нее*.

Философия *перестала быть* «самим разумом» и «самой жизнью», *символическое единство* уже не является *действительностью*; университет, оставаясь «местом знания», «науки», «образования», – перестал быть *местом философии*, из университета разума он превратился в исследовательский университет; сама наука больше не была философией. Почему это случилось – вопрос специального исследования. Здесь можно (и нужно) прислушаться к Хайдеггеру.

Утрата «доверия к субъекту» и «реальности» (Х. Арендт «Жизнь ума» (2013), «Понятие истории» (2014)), полагание представляющим субъектом («место достоверности») истины как достоверности в представлении; идея техники («постав») как «предоставление в наличие» и «содержание в готовности» – новоевропейская наука «приходит в свою форму» тогда, когда ее *принципом* становится *идея техники*. «Изготовление», то есть *производство* научного знания принципиально ничем не отличается от других видов производства; университет становится местом производства «практического научного знания» и вместе с тем – «человеческого капитала». Сказанное дает основание Хайдеггеру писать о «современном университете»: «Университет превращается в профессиональную школу» (Хайдеггер, 2016: 217): «Самоутверждение немецкого университета» или – небольшая интермедия в большом заблуждении. Ибо уже десятилетиями подготавливалось то, что стремится стать его целью: Естественные науки полностью технизируются. Науки о духе превращаются в политико-мировоззренческие инструменты. Правоведение становится излишним. Медицина, как и биологические науки, также превращается в технологию. Теология утрачивает смысл. А университет? Нет даже плохонького фигового листка, чтобы прикрыть наготу этого неудержимого распада; печальный повод для запоздалых воображал. То, что даже не заслуживает больше этого осмысления» (Хайдеггер, 2016: 223); и еще: «Судорожные потуги (тем более публично) доказать, будто бы еще существует “университет”, не только жалки, это еще можно было бы перенести, но они прежде всего направлены против хода эпохи и ее неудержимого напора развития. Другим и вполне предвосхищающим эпоху фактом является осмысление достоинства вопрошания Бытия и истины, – но у того, что собирается под крышей “кустовой организации” по имени “университет”, нет для этого “самоутверждения” (не для устройства) ни сил, ни воли, ни прежде всего знания» (Хайдеггер, 2016: 529). На «опасения» Ясперса, высказанные им в процитированной нами работе, Хайдеггер еще в начале 30-х годов XX века, то есть за тридцать примерно лет до Ясперса, отвечает: «Сейчас опасаются, что университет будет переведен в ранг профессиональной школы (Fachschule), т.е. в совокупность таких профшкол. Но люди боятся увидеть то, что уже – а именно, по своей сути, – есть. В этом переходе видят унижение университета, т.е. люди присваивают себе право приписывать ему то достоинство, которым он едва ли когда-нибудь обладал. Но это довольно поздно возникшее воодушевление по поводу высокого назначения университета есть только последнее ответвление устремлений, которые прежде “духовное” и “образованное” культурное производство хотело бы сохранить» (Хайдеггер, 2018: 365); и объяснял это так: «В действительности все здесь предпринимаемое связано с недостатком ясного мышления» (Хайдеггер, 2018: 365–366). А все «попытки реставрации» могут быть интерпретированы даже «социологически»: «Хотели бы еще сохранить для университета как бы в публичной и «общественной» сфере видимость “культуроопределяющей” и даже “духовной” власти, хотели бы еще – при всей связи с народом – совместно принадлежать к “высшей” школе и с помощью такой принадлежности к “высшему” обеспечить этой в остальном еще слишком явной деятельности ради банальной пользы еще и определенное “освящение”» (Хайдеггер, 2016: 507).

По словам Хайдеггера, «простейшее философское познание в эпоху заверченного Нового времени – это знание, что и почему философия должна была сделаться невозможной и для этой эпохи остается ненужной» (Хайдеггер, 2018: 431); «ненужна» и «невозможна» она, во всяком случае, как представлялась в немецкой классике и определяла «идею классического университета», и для современного университета.

Второе «недоразумение», общее для практически всей современной литературы об университете, лучше всего представлено Б. Риддингсом (2010) в его *инновационной* работе о появлении «предпринимательских университетов»: мыслитель констатирует «последовательную

смерть» (Биньковская, Мальцев, 2021а) идей «университета разума», «исследовательского университета», «университета культуры» (Биньковская, Мальцев, 2021б, в), отмечает, что никакой «последовательности» в движении к «современному предпринимательскому университету» *нет*, даже если понимать ее как «череду разрывов». Предпринимательский университет *имеет другую историю*; «перенос модели немецкого исследовательского университета» на американскую и отчасти английскую «почву» стал возможен только посредством «элиминирования идеи» этого университета и включения заимствованной модели в совершенно другой контекст. *История предпринимательского университета имеет началом* рассуждение Ньюмена об университетском образовании; этот университет с *самого начала* решал иные задачи, чем «университет разума» или «исследовательский университет» в Германии, его место – в *другой, либеральной парадигме*. Именно поэтому практически все современные англоязычные «защитники гуманитарного университетского образования», ссылаясь на Ньюмена, апеллируют к «либеральному образованию» и необходимости «воспитания гражданина» (уже, конечно, не «джентльмена», как это было у Ньюмена) для либерального *политического порядка* (прежде всего – С. Коллини (2016), Нуссбаум (2014), но также и программная работа Ж.-Ф. Лиотара (1998)). Другие авторы оправдывают *практическое значение* университетской философии ее способностью предоставить «методологию междисциплинарности» (Fuller, 2013; O'Rourke, Crowley, 2013) или «обеспечить диалог науки и общества» (Frodeman, 2013). Главное – эта *история относится к другой современности*, к либеральной экономической парадигме политического (термин Дж. Агамбена (2018)).

История же «классического университета» во всех его формах, которые были названы нами в данной статье, *завершилась*: «Университет умер в 1890 году».

Список источников:

- Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М. ; СПб., 2018. 552 с.
- Алавердян А.Л., Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. «Культурная нация» и «университет культуры»: опыт интерпретации онтополитического основания единства // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6 (95). С. 13–25. <https://doi.org/10.24158/per.2021.6.1>.
- Арендт Х. Понятие истории // Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М., 2014. С. 62–137.
- Арендт Х. Жизнь ума. СПб., 2013. 517 с.
- Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. Концепция «университета культуры»: содержание и критика «онтических оснований» // Kant. 2021а. № 2 (39). С. 141–147. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-39.26>.
- Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. Странная «смерть университета»: опыт философской интерпретации // Общество: философия, история, культура. 2021б. № 4 (84). С. 21–26. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.4.2>.
- Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. Эволюция идеи и действительности университета: от «университета разума» к «фабрике по производству человеческого капитала» // Экономика. Общество. Человек. Белгород, 2021в. С. 276–283.
- Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Университетское управление: практика и анализ. 1998. № 3 (6). С. 1–28.
- Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Избранные работы. М., 2005. С. 185–240.
- Жданова И.В., Мальцев К.Г. «Самооправдание философии»: «междисциплинарность» как способ «встроиться» в «дисциплинарную структуру» современной науки // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 5. С. 126–133. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-5-126>.
- Кант И. Ответ на вопрос «Что такое просвещение?» // Сочинения в 8 т. М., 1994а. Т. 8. С. 29–38.
- Кант И. Спор факультетов // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 7. С. 57–136.
- Коллини С. Зачем нужны университеты? М., 2016. 264 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. ; СПб., 1998. 160 с.
- Мальцев К.Г., Мальцева А.В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020а. Т. 10, № 5. С. 242–252.
- Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера // Человек. Культура. Образование. 2020б. № 4 (38). С. 46–58. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2020-4-46>.
- Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Биньковская Л.Н. Идея университета и фабрика по производству человеческого капитала // Человек. Культура. Образование. 2021. № 3 (41). С. 11–27. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-3-11>.
- Наторп П. Философия как основа педагогики // Избранные работы. М., 2006. С. 295–379.
- Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М., 2014. 182 с.
- Ньюмен Дж. Г. Идея университета. Минск, 2006. 208 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск, 2005. 104 с.
- Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010. 299 с.
- Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи // Сочинения : в 2 т. СПб., 1993. Т. 2. С. 359–617.
- Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб., 2009. 352 с.
- Хайдеггер М. Гегелева «Феноменология духа». СПб., 2020а. 285 с.
- Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М., 2016. 584 с.
- Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М., 2018. 528 с.
- Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941). М., 2020б. 344 с.
- Шлейермахер Ф. Нечаянные мысли о духе немецких университетов. М., 2018. 207 с.
- Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016а. С. 93–170.
- Шмитт К. Политическая теология // Понятие политического. СПб., 2016б. С. 5–59.
- Ясперс К. Идея университета. Минск, 2006. 159 с.

Frodeman R. Philosophy Dedisciplined // *Synthese*. 2013. Vol. 190, iss. 11. P. 1917–1936. <https://doi.org/10.1007/s11229-012-0181-0>.

Fuller S. Deviant Interdisciplinarity as Philosophical Practice: Prolegomena to Deep Intellectual History // *Synthese*. 2013. Vol. 190, iss. 11. P. 1899–1916. <https://doi.org/10.1007/s11229-012-0208-6>.

O'Rourke M., Crowley S.J. Philosophical Intervention and Cross-Disciplinary Science: the Story of the Toolbox Project // *Synthese*. 2013. Vol. 190, iss. 11. P. 1937–1954. <https://doi.org/10.1007/s11229-012-0175-y>.

Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie* : in 3 Bd. Tübingen, 1986. Bd. 1. 573 s. (на нем. яз.)

References:

Agamben, Dzh. (2018) *Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya* [Kingdom and Glory. Towards a Theological Genealogy of Economics and Governance.]. Moscow ; Saint-Petersburg. 552 p. (in Russian).

Alaverdyan, A. L., Binkovskaya, L. N. & Maltsev, K. G. (2021) «Cultural Nation» and «University of Culture»: Experience in Interpreting the Ontological and Political Basis of Unity. *Society: Politics, Economics, Law*. (6 (95)), 13–25. Available from: <https://doi.org/10.24158/pep.2021.6.1> (in Russian).

Arendt, Kh. (2013) *Zhizn' uma* [The Life of the Mind]. Saint-Petersburg. 517 p. (in Russian).

Arendt, X. (2014) Ponyatie istorii [The Concept of History]. In: *Mezhdru proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenii v politicheskoi mysli*. Moscow, pp. 62–137 (in Russian).

Bin'kovskaya, L. N. & Mal'tsev, K. G. (2021) Evolyutsiya idei i deistvitel'nosti universiteta: ot «universiteta razuma» k «fabrike po proizvodstvu chelovecheskogo kapitala» [Evolution of University Idea and Reality: from "Mind University" to "Human Capital Factory"]. In: *Ekonomika. Obshchestvo. Chelovek*. Belgorod, pp. 276–283 (in Russian).

Binkovskaya, L. N. & Maltsev, K. G. (2021) The Concept of the University of Culture: Content and Criticism of the «Ontic Foundations». *Kant*. (2 (39)), 141–147. Available from: <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-39.26> (in Russian).

Binkovskaya, L. N. & Maltsev, K. G. (2021) The Strange «Death of the University»: Experience in Philosophical Interpretation. *Society: Philosophy, History, Culture*. (4 (84)), 21–26. Available from: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.4.2> (in Russian).

Fikhte, I. G. (1993) Osnovnye cherty sovremennoi epokhi [The Main Features of the Modern Era]. In: *Sochineniya*. Vol. 2. Saint-Petersburg, pp. 359–617. (in Russian).

Fikhte, I. G. (2009) *Rech'i k nemetskoj natsii* [Speeches to the German Nation]. Saint-Petersburg. 352 p. (in Russian).

Frodeman, R. (2013) Philosophy Dedisciplined. *Synthese*. 190 (11), 1917–1936. Available from: <https://doi.org/10.1007/s11229-012-0181-0>

Fuller, S. (2013) Deviant Interdisciplinarity as Philosophical Practice: Prolegomena to Deep Intellectual History. *Synthese*. 190 (11), 1899–1916. Available from: <https://doi.org/10.1007/s11229-012-0208-6>

Gumbol'dt, V. fon. (1998) O vnutrennei i vneshnei organizatsii vysshikh nauchnykh zavedenii v Berline [About the Internal and External Organization of Higher Scientific Institutions in Berlin]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. (3 (6)), 1–28 (in Russian).

Gusserl', E. (2005) Filosofiya kak strogaya nauka [Philosophy as a Strict Science]. In: *Izbrannye raboty*. Moscow, pp. 185–240 (in Russian).

Kant I. (1994) Otvet na vopros «Chto takoe prosveshchenie?» [The Answer to the Question «What is Enlightenment?»]. In: *Sochineniya*. Vol. 8. Moscow, pp. 29–38 (in Russian).

Kant I. (1994) Spor fakul'tetov [Faculty Dispute]. In: *Sochineniya*. Vol. 7. Moscow, pp. 57–136 (in Russian).

Khaidegger, M. (2016) *Razmyshleniya II–VI (Chernye tetradi 1931–1938)* [Reflections II–VI (Black Notebooks 1931–1938)]. Moscow. 584 p. (in Russian).

Khaidegger, M. (2016) *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939)* [Reflections VII–XI (Black Notebooks 1938–1939)]. Moscow. 528 p. (in Russian).

Khaidegger, M. (2016) *Razmyshleniya XII–XV (Chernye tetradi 1939–1941)* [Reflections XII–XV (Black Notebooks 1939–1941)]. Moscow. 344 p. (in Russian).

Khaidegger, M. (2020) *Gegeleva «Fenomenologiya dukha»* [Hegeleva «Phenomenology of the spirit»]. Saint-Petersburg. 285 p. (in Russian).

Kollini, S. (2016) *Zachem nuzhny universitety?* [Why Do We Need Universities?] Moscow. 264 p. (in Russian).

Liotar, Zh.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [The State of Postmodernity]. Moscow ; Saint-Petersburg. 160 p. (in Russian).

Maltsev, K. G. & Maltseva, A. V. (2020) «Human Capital» as a Concept of Biopolitics: an Experience of Philosophical Interpretation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*. 10 (5), 242–252 (in Russian).

Maltsev, K. G. & Maltseva, A. V. (2020) Digitalization and «Digital Fetishism»: Foresight in the Historical Thinking of M. Heidegger. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. (4 (38)), 46–58. Available from: <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2020-4-46> (in Russian).

Maltsev, K. G., Maltseva, A. V. & Binkovskaya, L. N. (2021) Idea of a University and a Factory for Human Capital Production. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. (3 (41)), 11–27. Available from: <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-3-11> (in Russian).

Natorp, P. (2006) Filosofiya kak osnova pedagogiki [Philosophy as the Basis of Pedagogy]. In: *Izbrannye raboty*. Moscow, pp. 295–379 (in Russian).

Nussbaum, M. (2014) *Ne radi pribyli: zachem demokratii nuzhny gumanitarnye nauki* [Not for Profit: Why Democracy Needs Humanities]. Moscow. 182 p. (in Russian).

N'yumen, Dzh. G. (2006) *Ideya universiteta* [The Idea of the University]. Minsk. 208 p. (in Russian).

O'Rourke, M. & Crowley, S. J. (2013) Philosophical Intervention and Cross-Disciplinary Science: the Story of the Toolbox Project. *Synthese*. 190 (11), 1937–1954. Available from: <https://doi.org/10.1007/s11229-012-0175-y>

Ortega-i-Gasset, X. (2005) *Missiya Universiteta* [The Mission of the University]. Minsk. 104 p. (in Russian).

Ridings, B. (2010) *Universitet v ruinakh* [University in Ruins]. Moscow. 299 p. (in Russian).

Schmitt, K. (2016) Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma [The Spiritual and Historical State of Modern Parliamentarism]. In: *Ponyatie politicheskogo*. Saint-Petersburg, pp. 93–170 (in Russian).

Shleiermacher, F. (2018) *Nechayannye mysli o dukhe nemetskih universitetov* [Unintentional Thoughts about the Spirit of German Universities]. Moscow. 207 p. (in Russian).

Shmitt, K. (2016) Politicheskaya teologiya [Political Theology]. In: *Ponyatie politicheskogo*. Saint-Petersburg, pp. 5–59 (in Russian).

Weber, M. (1986) *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Tübingen. Vol. 1. 573 p. (in German)

Yaspers, K. (2006) *Ideya universiteta* [The idea of the University]. Minsk. 159 p. (in Russian).

Zhdanova, I. V. & Maltsev, K. G. (2020) «Self-Justification of Philosophy»: «Interdisciplinarity» as a Way to «Embed» in the «Disciplinary Structure» of Modern Science. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii.* (5), 126–133. Available from: <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-5-126> (in Russian).

Информация об авторах

Л.Н. Биньковская – старший преподаватель кафедры дизайна архитектурной среды Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, Белгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1104299.

К.Г. Мальцев – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, Белгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=913126.

А.В. Мальцева – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, Белгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1041682.

Information about the authors

L.N. Binkovskaya – Senior Lecturer, Department of Architectural Environment Design, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1104299.

K.G. Maltsev – D.Phil., Professor, Professor of Theory and Methodology of Science Department, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=913126.

A.V. Maltseva – PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1041682.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 26–30.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 26–30.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.2>

Идея «диалога культур» как стратегия развития институций международного языкового образования

Маргарита Юрьевна Гудова¹, Сы Сюй²

^{1,2}Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

¹MargGoodova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9628-0451>

²809521688@qq.com

Аннотация. Идея «диалога» культур, зародившаяся в середине XX века в творчестве русских философов М.М. Бахтина и В.С. Библера, предлагается авторами статьи в качестве методологического основания для развития международных институций по продвижению языкового образования за рубежом. Авторы считают эту идею плодотворной в отношении распространения не только русского языка и русской культуры, но и китайского языка, а также тех языков, которые в ситуации современного «лингвистического империализма» со стороны английского языка являются менее распространенными или ограниченными в своей функциональности, несмотря на международный статус. Авторы рассматривают идеи «диалога культур» и «лингвистического империализма» как конкурирующие стратегии развития языкового образования в отношении второго и третьего языков и приходят к выводу, что именно на основании этих концепций можно выстроить систему «образования для международного взаимопонимания», сохранить языковое разнообразие культур и сформировать новый тип глобального гражданства.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, В.С. Библер, диалог культур, Институт Конфуция, межкультурная языковая коммуникация, международное языковое образование, фонд «Русский мир», языковой империализм

Для цитирования: Гудова М.Ю., Сы Сюй. Идея «диалога культур» как стратегия развития институций международного языкового образования // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 26–30. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.2>.

Original article

“Intercultural dialogue” as a strategy for the development of international lingual education institutions

Margarita Yu. Gudova¹, Si Xu²

^{1,2}Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

¹MargGoodova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9628-0451>

²809521688@qq.com

Abstract. The idea of “intercultural dialogue” which originated in the mid-20th century in the work of Russian philosophers M.M. Bakhtin and V.S. Bibler, is proposed by the authors of the article as a methodological basis for justifying the existence and development of international institutions for the promotion of multilingual education abroad. The authors consider this idea to be fruitful not only with regard to the dissemination of the Russian language and Russian culture, but also the Chinese language. It also works with regard to those languages which, in a situation of modern, so-called “linguistic imperialism” on the part of English, which has gained dominance in the modern global world, are less common or limited in their functionality, despite their international status. The authors consider the ideas of “intercultural dialogue” and “linguistic imperialism” as competing strategies of language education development in relation to the second and third languages in foreign countries. The authors conclude that it is on the basis of the idea of “dialogue of cultures” we can build a system of lingual “education for international understanding”, preserve linguistic diversity of cultures and form a new type of global citizenship.

Keywords: M.M. Bakhtin, V.S. Bibler, intercultural dialogue, Confucius Institute, intercultural language communication, intercultural language education, Russian World Foundation, language imperialism

For citation: Gudova M.Yu. & Si Xu (2022) “Intercultural dialogue” as a strategy for the development of international lingual education institutions. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 26–30. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.2](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.2) (In Russian).

Практика межкультурной языковой коммуникации в глобальном отношении имеет большое значение, поскольку является надежным способом преодоления культурной замкнутости отдельных стран. Однако современное состояние языковой коммуникации в международном пространстве не внушает оптимизма.

Если в XX веке философская культурология при анализе явлений и процессов межкультурной коммуникации исходила из концепции «диалога», «со-бытия» культур, развиваемой М.М. Бахтиным (1986), и «многоместного множества» логики бытия культуры, отстаиваемого В.С. Библером (1991) и другими философами, то в конце XX и начале XXI веков в открытом глобальном пространстве сформировалось другое направление научных исследований, рассматривающее происходящие языковые процессы с точки зрения «лингвистического империализма». Такой подход позволяет обнаружить и изучить процессы жесткой международной языковой конкуренции, когда наблюдается феномен установления гегемонии языка отдельных метрополий на основе их политического, экономического превосходства над зависимыми или более слабыми странами, в то время как региональные, национально-этнические языки в той или иной степени подвергаются воздействию языка-лидера и утрачивают уникальные черты. Сторонником такого подхода выступает А. де Сваан, который утверждает, что в настоящее время английский язык представляет собой мощную структуру, имеющую в глобальном лингвистическом пространстве определенный уровень символической власти. Это единственный «гипоцентрический язык» в мире (De Swaan, 2001: 4).

Мнение ученого подтверждается статистикой. Английский является официальным языком в 59 странах мира и самым распространенным – в реальном и виртуальном мировом пространстве¹: более 600 млн человек используют его в качестве второго языка; почти млрд пользователей интернета с его помощью осуществляют электронную коммуникацию, а около 80 международных или региональных организаций выбрали его в качестве рабочего языка (Ли Юминг, Ван Чуньхуэй, 2019: 9). В академическом мире английский язык также занимает доминирующие позиции (Рао Гаоци и др., 2020: 40).

В современном мире существует развитая индустрия распространения английского языка в глобальном пространстве: книги, газеты, музыка и фильмы на нем составляют более 20 % мирового экспорта культурной продукции². Сегодня английский язык является неотъемлемой частью культурного продукта в любой стране³. В то же время его превалирование во всех сферах международного сотрудничества привело к девальвации языковых капиталов других государств, укрепляя структуры неравенства и бедности мире (Tamim, 2017; Qian, 2012: 82). Другими словами, тезис о лингвистическом империализме находит свое подтверждение в реальных условиях современности.

Помимо английского языка высокий уровень значимости в мировом пространстве имеют китайский, испанский, арабский, португальский и русский языки, которые являются важными международными и региональными языками⁴. По данным Дэвида Кристалла, в мире существует примерно 3 000–110 000 языков, причем на 96 % из них говорит только 4 % населения планеты. На 15 крупнейших языков мира в совокупности приходится около половины населения планеты в качестве пользователей⁵. Чрезмерное распространение одних и сужение сферы употребления других языков может привести к угрозе исчезновения некоторых из них, а сокращение языкового разнообразия станет проблемой мирового масштаба (Mufwene, 2010: 32–33).

Кроме того, виртуальное пространство интернета усилило лингвистическую конкуренцию, при этом цифровой языковой ландшафт становится все более контрастирующим, а искусственный интеллект с его возможностями автоматической генерации и модерирования сообщений вносит еще большую неопределенность в языковую жизнь виртуального мира. В то же время на фоне культурной гегемонии в мире обостряется борьба за языковую и ценностную независимость, отмечаются конфликты между доминирующими и угнетаемыми, традиционными и современными, западными и восточными культурами. Все это наглядно иллюстрирует тот факт, что так называемый «лингвистический империализм» является составной частью более широкого явления – «империализма культурного».

В то же время необходимо признать, что глобализация, хотя и выступает источником большой опасности для символической ценности языков и культур малых народов и этнических групп,

¹ Internet World Users by Language. Top 10 Languages [Электронный ресурс] // Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats7.htm> (дата обращения: 21.03.2022).

² Английский язык в мире [Электронный ресурс] // Engblog. URL: <https://engblog.ru/english-in-the-world> (дата обращения: 21.03.2022).

³ 苏剑.(2011).语言演化与语言保护：语言经济学的分析框架(博士学位论文,山东大学) = Су Цзянь. Эволюция и сохранение языка: аналитическая основа для экономики языка : дис. ... д-ра наук. Шаньдунь, 2011. 259 с.

⁴ Internet World Users by Language. Top 10 Languages ...

⁵ Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge, 2004. 499 p.

также предоставляет уникальную возможность для их распространения и развития. В современном мире международные культурные контакты становятся все более тесными, любая культура может быть ориентирована на расширение сферы влияния в результате ее трансляции в мировое пространство.

В современной философии культуры дискурсы «лингвистического империализма» и «символической власти», «языковой гегемонии» и «символического капитала» могут быть использованы как философская позиция, но не как модель для понимания феномена межкультурной языковой коммуникации. Существенным недостатком их является односторонний подход к анализу «внешних» причин культурного вторжения и «внутренних» характеристик стран-реципиентов. Другими словами, дискурс лингвистического империализма игнорирует внутренние структуры, социально-политические системы, культурные традиции и экономические факторы стран-импортеров. В любом случае «лингвистический империализм» и «лингвистическая гегемония» связаны с тем, что «сильные» страны различными способами навязывают свою языковую продукцию более «слабым», в результате чего становится актуальным вопрос культурного суверенитета, который подразумевает право и способность государств противостоять иностранному влиянию, развивать и защищать собственную культуру. Такие языковые стратегии нуждаются в коррекции в соответствии с научным, философско-культурологическим пониманием актуальных процессов и тенденций в современном мире.

Положительные аспекты межкультурной языковой коммуникации, рассмотренной с точки зрения идеи диалога культур и множественности логик развития культуры, состоят в следующем: это возможность активно участвовать в сфере международного языкового общения для воспроизводства культурных знаний, их обмена и умножения, а также для создания культурных продуктов и их трансляции в глобальное пространство посредством языка. Свободное взаимодействие и многоуровневая межкультурная среда, возникающие в результате обмена языковыми продуктами, неизбежно приведут к обогащению международного культурного ландшафта.

В качестве одной из ярких тенденций современности следует выделить следующую: страны Юга и Юго-Востока все больше стремятся утвердить в глобальном пространстве и распространить свои культурные ценности, отвергая те, которые им навязывает Запад. Государства осознали негативные последствия дисбаланса и неравенства культурного производства и потребления существовавших в международном порядке языкового общения. В начале XXI века произошел международный всплеск создания институций по продвижению языков и достижений национальных культур. Распространение китайского, японского и корейского языков набирает обороты. Некоторые языки, которые в прошлом редко участвовали в международном общении, такие как украинский и филиппинский, также создали свои институты по продвижению языков в международное культурное пространство. В настоящее время в мире насчитывается 60 с лишним институций, занимающихся мировой популяризацией национальных культур (Ли Юмин, Тан Пэйлан, 2022). Конечно, по сравнению с тысячами языков в мире, их все еще недостаточно. Как отмечает Пасхалидис, «культурные институции становятся национальными символами и стандартной частью представления образа нации, фундаментальной частью международных культурных отношений» (Paschalidis, 2009). Экономические, культурные и даже политические преимущества использования национального языка в международном общении становятся все более очевидными, поэтому институции все более ориентируются на применение «мягкой силы» в его продвижении.

Интересы нации не являются единственной причиной стремления отдельных государств к распространению своих языков в мировом пространстве. Различные региональные этнические культуры человечества являются выражением диалогической сущности культуры, и только благодаря постоянному и продуктивному взаимодействию с другими культурами они смогут продолжать развиваться. В любом случае изменение конфигурации мирового культурного ландшафта и символического порядка является неизбежной тенденцией истории. Поэтому языковая межкультурная коммуникация может быть рассмотрена как часть процесса глобального языкового диалога в его философско-культурологическом значении, закреплённом в трудах М.М. Бахтина и В.С. Библера и понимаемого ими как сущность культуры, как диалог не только имеющих разную логику развития и мышления, познания и понимания культур, но и культур со-бытийствующих; в этом единственно-противоречивом со-бытии вышеназванные авторы видели сущность культуры. Более того, на основе анализа процессов современного межкультурного взаимодействия должна быть создана новая модель коммуникации в глобальном мире посредством культурного диалога и сотрудничества.

Большую роль в формировании нового культурного ландшафта могут сыграть международные институции лингвистического образования. Это определяется миссией и характером международного языкового образования. В настоящее время некоторые языковые и культурные институции выдвинули концепцию «языкового сообщества». Фонд «Русский мир» предложил концепцию, согласно которой в понятие русского мира следует включать не только «русских в стране, российских соотечественников за рубежом, экспатриантов-русистов и их потомков, но и

иностранных граждан, изучающих, преподающих и говорящих на русском языке, а также всех тех, кто интересуется Россией и озабочен ее будущим развитием». Японский фонд международных обменов также имеет концепцию «японского сообщества», границы которого очерчены радиусом передачи японского языка, занимающего место в центре круга. Институт Конфуция также находится в процессе трансформации, чтобы сосредоточиться на важности формирования глобального китайского языкового сообщества. Но этого недостаточно. Языковые и культурные институты могут не только способствовать развитию чувства «воображаемого языкового сообщества», но и продвигать идею «образования для международного взаимопонимания» и необходимости создания нового типа глобального гражданства.

Таким образом, можно сделать вывод о важности ухода в международном языковом образовании от модуса инструментализма и необходимости поворота к единству ценностного содержания в языковом образовании. В актуализации концепции культурного диалога М.М. Бахтина и В.С. Библера мы можем видеть путь сохранения языкового культурного разнообразия государств как предпосылку и аксиологическую цель развития человеческого сообщества. Только так практика языковой межкультурной коммуникации будет ориентирована на установление взаимопонимания между народами мира, укрепление образовательных и культурных связей и сотрудничества между странами, построение гармоничного и поликультурного мира.

Список источников:

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 444 p.
 Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: два философских введения в XXI век. М., 1991. 414 с.
 李宇明&唐培兰.(2022).国际语言传播机构发展历史与趋势. 世界汉语教学(01), 3–18 = Ли Юмин, Тан Пэйлан. История и тенденции развития институтов международного языкового общения // Преподавание китайского языка в мире. 2022. № 1. С. 3–18.
 李宇明&王春辉.(2019).论语言的功能分类. 当代语言学(01), 1–22 = Ли Юминг, Ван Чуньхуэй. О функциональной классификации языка // Современная лингвистика. 2019. № 1. С. 1–22 (на кит. яз.).
 饶高琦,夏恩赏&李琪.(2020).近 10 年国际学术论文中的语言选择和中文使用情况分析研究. 语言文字应用(02), 37–51 = Rao Гаоци, Ся Эньсюань, Ли Ци. Анализ выбора языка и использования китайского языка в международных научных статьях за последние 10 лет // Языковые приложения. 2020. № 2. С. 37–51 (на кит. яз.).
 De Swaan A. Words of the World: The Global Language System. Cambridge, 2001. 272 p.
 Mufwene S.S. Globalization, Global English, and World English(es): Myths and Facts // The Handbook of Language and Globalization. Malden ; Oxford ; West Sussex, 2010. P. 29–55. <https://doi.org/10.1002/9781444324068.ch1>
 Paschalidis G. Exporting National Culture: Histories of Cultural Institutes Abroad // International Journal of Cultural Policy. 2009. Vol. 15, iss. 3. P. 275–289. <https://doi.org/10.1080/10286630902811148>
 Qian Y. Social Spaces, Symbolic Power And Language Identities: A Case Study Of The Language Use Of Chinese Adolescents In Canada. Toronto, 2012. 260 p.
 Tamim T. Languages, Symbolic Power and Multidimensional Poverty in the Context of Pakistan // European Journal of Language and Literature. 2017. Vol. 3, iss. 3. P. 70–79. <https://doi.org/10.26417/ejls.v9i1.p70-79>

References:

- Bahtin, M. M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]*. Moscow. 444 p. (in Russian)
 Bibler, V. S. (1991) *Ot naukoucheniya k logike kul'tury: dva filosofskih vvedeniya v XXI vek [From Scientific Doctrine to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the 21st Century]*. Moscow. 414 p. (in Russian)
 De Swaan, A. (2001) *Words of the World: The Global Language System*. Cambridge. 272 p.
 Li Yuming & Tang Peilan (2022). [History and Trends of the Development of International Language Communication Institutions]. *[Teaching Chinese in the World]*. (1), 3–18 (in Chinese).
 Li Yuming, Wang Chunhui (2019). [On the Functional Classification of Language]. *[Modern Linguistics]*. (1), 1–22 (in Chinese).
 Mufwene, S. S. (2010) Globalization, Global English, and World English(es): Myths and Facts. In: *The Handbook of Language and Globalization*. Malden ; Oxford ; West Sussex, pp. 29–55. Available from: <https://doi.org/10.1002/9781444324068.ch1>
 Paschalidis, G. (2009). Exporting National Culture: Histories of Cultural Institutes Abroad. *International Journal of Cultural Policy*. 15 (3), 275–289. Available from: <https://doi.org/10.1080/10286630902811148>
 Qian, Y. (2012). *Social Spaces, Symbolic Power And Language Identities: A Case Study Of The Language Use Of Chinese Adolescents In Canada*. Toronto, 2012. 260 p.
 Rao Gaoqi, Xia Enxuan & Li Qi (2020). [Language Selection and Use Analysis of Chinese in International Scientific Articles over the Last 10 Years]. *[Language and Text Application]*. (2), 37– 51 (in Chinese).
 Tamim, T. (2017) Languages, Symbolic Power and Multidimensional Poverty in the Context of Pakistan. *European Journal of Language and Literature*. 3 (3), 70–79. Available from: <https://doi.org/10.26417/ejls.v9i1.p70-79>

Информация об авторах

М.Ю. Гудова – член Международной эстетической ассоциации, Российского культурологического сообщества, Российского философского общества, доцент, доктор культурологии, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=305365.

SCOPUS ID 57303544900.

Сы Сюй – аспирант Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Information about the authors

M.Y. Gudova – Member of the International Aesthetic Association, Russian Cultural Community, Russian Philosophical Society, Associate Professor, D.Phil. in Cultural Studies, Professor of the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=305365.

SCOPUS ID 57303544900

Si Xu – PhD student, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 31–41.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 31–41.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.3>

Современные риторические нарративы в оптике отечественной риторики

Ольга Владимировна Малиюкова

Московский государственный юридический университет (МГЮА) имени О.Е. Кутафина,
Москва, Россия, o.maliukova@list.ru

Аннотация. Современная российская риторика, появившаяся, как Феникс из пепла, в конце XX в. и нашедшая свое выражение в многочисленных монографиях, учебных пособиях и научных конференциях, в основном опирается на отечественную риторическую традицию. Начало этой традиции было положено еще в XVII–XVIII вв. трудами Софрония Лихуды, Стефана Яворского, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и других мыслителей. Это обстоятельство существенно отличает риторику от прочих гуманитарных наук, ориентированных во многом на достижения западных ученых. Следует отметить, что именно во второй половине XX в. происходит возвращение риторики в научный дискурс благодаря трудам Ф. де Соссюра, Р.О. Якобсона, Х. Перельмана, Н. Холмского и др. Идеи этих мыслителей (создателей семиотики) восходят к творчеству античных основателей риторики (Аристотеля, Цицерона, Марциана Капеллы). С помощью семиотики удалось вывести риторику за узкие дисциплинарные пределы к пониманию риторики как онтологии. Труды отечественных представителей риторики до сих пор недостаточно изучены. В этой оптике в предлагаемой статье рассматривается, во-первых, предметное соотношение логики и риторики на примере тривиума «Логика – Риторика – Словесность» И.С. Рижского, написавшего учебники по логике, риторике и словесности в конце XVIII в., и во-вторых, творческий путь этого незаслуженно забытого ученого. И.С. Рижский воссоздал формат соотношения логики и риторики, аналогичный подходу М. Капеллы (грамматика – логика – риторика), который во многом сохранился до нашего времени. Учебник И.С. Рижского «Опыт риторики» можно считать оформлением самостоятельного пути риторики, которая, в отсутствие логики, часто становится софистикой. Логика же при подобном подходе (до появления символической логики) стала восприниматься как второстепенное знание, составная часть российской словесности. В настоящее время отечественная риторика, восходящая к вышеуказанным произведениям, лежит в основе нарративных методов убеждения и распространения информации в СМИ и социальных сетях.

Ключевые слова: риторика, умословие, умственная философия, классический риторический канон, аргументация, доказательство

Для цитирования: Малиюкова О.В. Современные риторические нарративы в оптике отечественной риторики // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 31–41. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.3>.

Original article

Modern rhetorical narratives in the optics of Russian rhetoric

Olga V. Malyukova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, o.maliukova@list.ru

Abstract. Modern Russian rhetoric, which appeared like a Phoenix from the ashes at the end of the 20th century and found its expression in numerous monographs, textbooks and scientific conferences, is mainly based on the Russian rhetorical tradition. The beginning of this tradition was laid back in the 17th–18th centuries by the works of Sophronius Likhud, Stefan Yavorsky, V.K. Trediakovsky, M.V. Lomonosov and other thinkers. This significantly distinguishes rhetoric from other humanities oriented largely towards the achievements of Western scholars. It should be noted that it was in the second half of the twentieth century that rhetoric returned to scientific discourse, thanks to the works of F. de Saussure, R.O. Jacobson, H. Perelman, N. Kholmsky and others. The ideas of these thinkers (creators of semiotics) go back to the works of the ancient founders of rhetoric (Aristotle, Cicero, Marcan Capella). With the help of semiotics, it was possible to bring rhetoric beyond narrow disciplinary boundaries to an understanding of rhetoric as an ontology. The writings of the domestic representatives of rhetoric are still insufficiently studied. In this optic, this article examines, firstly, the objective correlation between logic and rhetoric on the example of the trivium “Logic–Rhetoric–Literature” by I.S. Rizhsky, author of textbooks on logic, rhetoric and literature in the late 18th century, and, secondly, the creative path of this undeservedly forgotten scholar. Rizhsky recreated the format of the relationship between logic and rhetoric, similar to the approach of M. Capella (grammar–logic–rhetoric), and this format has largely survived to our time. I.S. Rizhsky’s textbook “Experience of Rhetoric” can be considered as a formalization of the independent way of rhetoric, which, in the absence of logic, often becomes sophistry. Logic under such an approach (before the emergence of symbolic logic) became perceived as a secondary knowledge, a constituent part of Russian literature. Nowadays, Russian rhetoric, which goes back to the above-mentioned works, underpins narrative methods of persuasion and information dissemination in the media and social media.

Keywords: rhetoric, intelligence, mental philosophy, classical rhetorical canon, argumentation, proof

For citation: Malyukova, O.V. (2022) Modern rhetorical narratives in the optics of Russian rhetoric. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 31–41. Available from: doi:10.24158/fik.2022.5.3 (In Russian).

Есмь бо от седмих честна и велика свободная
мудрость риторика нарицаюся, сииречь хитороречия
источник; тем приимите мя с любовным вожделением.
Сего ради не может мудр быти философ, иже не разу-
мевый мене.

*Сказание о семи свободных мудростех*¹

Введение. В современном мире в качестве одного из трендов позиционируется рассмотрение человека как сугубо творческой или творящей личности. Хотелось бы назвать такого человека творцом, однако уровень творчества оказывается весьма специфическим. Многие люди, в основном это пользователи социальных сетей, научившись шить, варить, танцевать и т. д., выкладывают в Интернет истории о том, как они научились делать нечто и предлагают обучить этому всех желающих. Естественно, не бесплатно, плюс отчисления от рекламы. Таким образом, блогер, рассказывающий сам истории, или приглашенный рассказчик и есть современная творческая личность. Охват сфер деятельности, которым можно научиться, безграничен. Из последних предложений следует отметить возможность освоить сложные виды программирования на платформе Skillbox, которая предлагает более 560 образовательных программ по маркетингу, дизайну, программированию, разработке игр, управлению и мультимедиа, а также обещает стажировки и помощь в трудоустройстве.

Российские литераторы, широко известные и не очень, не могли остаться в стороне от подобной творческой активности социальных сетей, тем более что речь идет, в основном, об умении рассказывать истории. Так, Борис Акунин создал аудиокнигу «Русский в Англии. Самоучитель по беллетристике», якобы полезное практическое руководство для тех, кто хочет научиться писать прозу. Обучение проходит в игровом формате. Аудиоверсию озвучивали и сам автор, и профессиональные чтецы. Стоимость первого урока составляет 339 руб. Во введении автор утверждает: «Перед вами нечто вроде кулинарной книги. Шеф в белом колпаке будет открывать вам тайны дуршлага и поварешки, накопленные за долгую жизнь у плиты. Причем это кулинарный курс с дегустацией. Я буду не просто объяснять теорию, но и варить-жарить-мариновать сам, у вас на глазах, а потом кормить вас тем, что получилось, то есть вы будете находиться не в ресторанном зале, куда подают на подносе готовые блюда, а на кухне. Можете просто “слушать и кушать”, а можете попробовать собственные силы в гастрономическом искусстве и сравнить: вдруг у вас получится вкуснее? И, если кто-то подумывает, не стать ли писателем, может быть, этот опыт приблизит вас к цели»². И еще одно ценное замечание Бориса Шалвовича: «Обычно на стартовом занятии по “творческому письму” (Creative Writing) преподаватель говорит примерно следующее: “Писатель – это человек, которому, во-первых, есть что рассказать, а во-вторых, который умеет рассказывать”. На самом деле каждому человеку есть что рассказать. Потому что всякая жизнь уникальна. Если вы абсолютно честно, со всей откровенностью поведаете миру о своем личном опыте, о том, как вы терпели пращи и стрелы яростного рока или душою грешной возносились до пламенеющих небес, получится ценная книга. Я, например, очень люблю читать личные дневники неизвестных людей, проживших так называемую обычную жизнь (как будто жизнь когда-нибудь бывает обычной!). А уж если в судьбе человека происходили какие-то интересные широкой публике события, повествование о них»³. Это пример известного писателя. А вот и не очень известный: Клуб Максима Соколова ведет набор на онлайн-занятия на курс «Как написать и издать свою книгу». Сам Максим Александрович называет себя партнером крупнейшего издательства Ridero и автором методики «Своя книга за 21 день»⁴.

Все приведенные примеры (а это именно примеры) объединяет одно общее свойство – они повествуют о том, как надо рассказывать истории, как надо с выгодой рассказывать истории, как можно и нужно убеждать людей с помощью рассказанной истории, как умело рассказанная история может отразиться на судьбе самого человека или на мире в целом. Кстати, умение показывать, а не рассказывать истории в свое время стало гениальной находкой кинематографа и обеспечило ему долговременную популярность. Именно на примере кинематографа хорошо видно, как рассказанная история может радикально отличаться, а то и противоречить реально происходившим со-

¹ Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия : учеб. пособие. 4-е изд. М., 2016. С. 40.

² Акунин Б. Русский в Англии: Самоучитель по беллетристике. М., 2022. С. 3.

³ Там же.

⁴ Информация размещена в чате «Московское долголетие. Северное Тушино».

бытия. В любом случае умение рассказывать истории является основной характеристикой термина «нарратив». Впервые этот термин был употреблен в 1969 г. в книге болгарского философа Цветана Тодорова «Грамматика Декамерона» (Todorov, 1969). В ней теоретик ввел понятие нарратологии как «науки о рассказе» (от франц. *narrarer* – «рассказывать» и *narrative* – «рассказ»).

Ролан Барт (еще один сторонник нарративных идей) в своем эссе *S/Z*, написанном в 1970 г., считает, что нарратив – это способ бытия «сообщающего» текста¹. Термин пришел из литературоведения и языкознания и стал крайне популярным в философии постмодернизма. К настоящему времени пик популярности как самого постмодернизма, так и его терминологии давно прошел, ибо попытки применить понятие или понятийную схему за пределами изначально приемлемой области редко оказываются удачными. Хотя с понятием «технология» эта история удалась (Малюкова, Матроница, 2021)². Иначе обстоит дело с гуманитарным знанием, близким к грамматике и связанным с убеждающей и интерпретирующей функциями как языковых выражений (историй), так и авторов, которые их рассказывают/используют. Этим требованиям явно удовлетворяет риторика, поэтому имеет смысл поговорить о риторическом нарративе. Понятие нарратива присутствует и в исторической науке, где нарративными источниками называют тексты, созданные в некую рассматриваемую эпоху, именно в этот раздел включают летописи.

Риторический нарратив. Со времен античности риторика имеет дело с тремя типами объектов, выразимыми в языке, – это описание, аргументация и повествование. Современная действительность, как и много веков назад, оказывается повествовательной и событийной. Повествовательность и событийность являются основными исходными характеристиками нарратива. Роль историй в речах ораторов сложно переоценить. Именно в историях, использованных оратором, можно найти его понимание правил и закономерностей речевого воздействия в более широком контексте, более связанном с исторической и культурной спецификой. Истории могут служить материалом, необходимым для более глубокого понимания описываемых или рекламируемых сущностей. Повторение похожих сюжетов (примеров) в историях различных ораторов (актеров) и объяснений тех или иных событий может привести к обобщениям, полезным для достижения некой заявленной цели. Истории не просто раскрывают действительность, они несут в себе информацию об ораторе. С помощью историй оратор представляет идеи, которые важны для процесса структурирования повторяющихся ситуаций в мире и для объяснения мира в целом. Таким образом, нарративы являются важным источником и фактором объяснения как риторической функции.

Любой нарратив связан сюжетом. Нарратив не существует без сюжета и конкретных действующих лиц (героев). Составными частями нарративов и их отличительными признаками являются событие, действие, герой, сюжет. Любая история имеет определенные элементы: набор действующих лиц, причинно-следственная цепочка событий, связанная с конкретной динамикой и завязанная на сюжете, т. е. ситуации, в которой причинно-следственные линии сходятся воедино и создают смысловой вывод или заключение. В качестве примеров нарративов можно привести однотипные ситуации, реализуемые различными способами: «Ромео и Джульетта» – «Вестсайдская история» – «Вам и не снилось» в литературе; повествования о крестьянских войнах и мятежах («Мятеж не может кончиться удачей, тогда он называется иначе») в истории; истории российских реформ; варианты заноса западной демократии в страны Ближнего Востока; истории о попытках заговора или спасения перед казнью (Мария Стюарт и Мария-Антуанетта) и многие другие события, финал которых предreshен. Итак, нарратив есть цепь событий, имеющих внутреннюю динамику, и человек склонен мыслить с помощью подобных конструкций. Действия человека проистекают из истории его жизни, которую он рассказывает сам себе.

Нарратив представляет собой причинно-следственное развертывание событий, которые в будущем могут быть использованы в качестве шаблона. Нарративы – это упрощенные резюме событий, которые имеют решающее значение для проблематики соотношения, например между потребностями индивида и социальной группы, между материальными и духовными устремлениями, между эгоизмом и альтруизмом, между человеком, обществом и природой. Часто термином «нарратив» обозначается история или стандартное объяснение событий, которые собеседники хотят затронуть в ситуации коллективного общения (в СМИ или на Интернет-платформе), потому что эти истории могут использоваться для стимулирования заинтересованности или эмоций других людей, т. е. выступать в качестве маркера или шаблона понимания. Иным аспектом нарратива является такое рассказывание истории, которое придает ей смысл и значимость и которое направлено на то, чтобы преподать урок или извлечь мораль. В этом случае нарратив может стать интерпретацией происходящих событий, представленных или сформулированных

¹ Барт Р. *S/Z* / пер. с фр.; 2-е изд., испр.; под ред. Г.К. Косикова. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.

² В монографии представлено существенное расширение изначального термина до современного его понимания, например как технологии научного познания.

оратором (актером) в доступной для понимания форме. Поэтому через нарративы можно продвигать и распространять различные идеи, модели, варианты поведения или творчества, которые благодаря доступной форме могут завоевать умы большого количества людей. К сожалению, именно таким образом продвигаются далеко не самые гуманные, а иногда и запрещенные в Российской Федерации идеологии (расовая теория, движение ЛГБТ, «творческие перформансы и инсталляции» и т. д.). Некоторое время назад нарратив пытался стать альтернативной парадигмой даже для философии науки (Брокмейер, Харре, 2000). Анализируя нарративную проблематику, Й. Брокмейер и Р. Харре включили в состав нарративов мифы, народные и волшебные сказки, правдивые и вымышленные истории и некоторые исторические, правовые, религиозные, философские и научные тексты. В таких текстах «нарратив – это слово для обозначения специального набора инструкций и норм, предписывающих, что следует и чего не следует делать в жизни, и определяющих, как тот или иной индивидуальный случай может быть интегрирован в некий обобщенный и культурно установленный канон» (Брокмейер, Харре, 2000: 30). Не будучи ни онтологической сущностью, ни способом репрезентации, «нарратив действует как особо гибкая модель. Любая модель в очень общем смысле слова является аналогией. Она связывает неизвестное с известным, используется для объяснения (или для интерпретации) ряда явлений путем отсылки к правилам (или схемам, структурам, сценариям, рамкам, сравнениям, метафорам, аллегориям и т. п.), которые, так или иначе, включают в себя обобщенное знание» (Брокмейер, Харре, 2000: 40). В итоге в нарративном варианте человек имеет дело с инструкциями, шаблонами и моделями рассказывания историй себе и другим людям.

Становление истории в качестве нарратива предполагает следующие этапы – само событие (в реальном и фейковом варианте), составление рассказа, придание рассказу общезначимого характера. На всех этих этапах со времени становления классической риторики существенную роль играет, во-первых, сама риторика с четкими правилами, моделями и инструкциями, во-вторых, грамматика и логика, которые гарантируют языковую правильность и аргументационную корректность истории. Итак, все составные части тривиума принимают участие в создании нарратива. Однако решающая роль в данном процессе принадлежит именно риторике в лице оратора, который и выводит грамотную и убедительную историю в статус нарратива, конечно, в условиях культурно-исторической востребованности предлагаемого сюжета. Представленная конструкция может быть названа риторическим нарративом. В качестве примера можно привести регулярно переиздаваемые речи известных ораторов, которые воспринимаются как образцы, инструкции, модели и прецеденты. Самым известным примером представленности риторики в виде нарратива является произведение Марциана Капеллы (360–428 гг.) «Бракосочетание Филологии и Меркурия»¹, где рассказана история не только бракосочетания, но и семи свободных искусств. Влияние этого труда на дальнейшее развитие науки и образования трудно переоценить. На самом же «бракосочетании» в присутствии античных богов олицетворенная риторика заявила: «Я – сама Риторика, которую иные именовали наукой, иные достоинством, иные же дисциплиной. Наукой – потому что мне обучают (хотя бы Платон и возражал против такого названия); достоинством меня именуют те, кому ведомо, что во мне заключено умение прекрасно говорить; те же, для кого не тайна, что глубочайший закон красноречия доступен познанию и восприятию, с уверенностью объявляют меня дисциплиной»². Именно Марциан Капелла выстроил и порядок тривиума: грамматика, логика и риторика как его завершение.

Современное состояние тривиума. Современная риторика³, воскресшая, как Феникс из пепла, во второй половине XX в., аналогично античной древнегреческой риторике основана на двух фундаментальных конструкциях, а именно на монологе и диалоге. Монологическая конструкция

¹ Капелла М. Бракосочетание Филологии и Меркурия: [Кн. I–IX] / Пер., коммент., вступ. ст. Ю.А. Шахова. М. ; СПб., 2019. 400 с.

² Там же. С. 178.

³ Неориторика («новая критика способности суждения») возникает в середине XX в. во франкофонной среде одновременно с философией постмодернизма: Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика [из книги «Мифологии», «Литература и метаязык», из книги «О Расине»; «Литература сегодня»; «Воображение знака»; «Структурализм как деятельность»; «Две критики»; «Что такое критика»; «Литература и значение»; «Риторика образа»; «Критика и истина»; «Наука и литература»; «От науки к литературе»; «Смерть автора»; «Эффект реальности»; «С чего начать?»; «От произведения к тексту»; «Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По»; «Удовольствие от текста»; «Разделение языков»; «Война языков»; «Гул языка»; Лекция (1977)] / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989. 616 с. Перельман Хаим в 1958 г. пишет «Новую риторику»: Перельман Х., Олбрехт-Тытека, Л. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 207–264; книга Жака Дюбуа и Группы Мю из Льежского университета, написанная в 1970 г.: Общая риторика : пер. с фр. / Ж. Дюбуа [и др.] ; общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. М., 1986. 392 с.

представлена классическим риторическим каноном, формирование которого хорошо прослеживается, начиная с недошедшего до нас учебника Коракса, основателя риторики. Классический риторический канон состоял и поныне состоит из пяти частей – это инвенция, диспозиция, элокуция, мемория и акция. Наиболее значимыми как для составления речей, так и для целей сопоставления риторического знания с философскими и общенаучными технологиями являются инвенция, или изобретение, и диспозиция, или расположение. Вторая, или диалогическая, конструкция – это межличностная коммуникация, которая представляет собой различные виды споров, а именно: диспут, дискуссию, полемику, дебаты и т. д. В это проблемное поле попадают технологии речевой конфронтации, которые включают в себя различные приемы убеждения и уловки в споре.

Монологическая конструкция, или классический риторический канон, начинается с инвенции (изобретения). В структуру инвенции, которую часто называют методом размножения идей, попадают теория простого и сложного периодов и топики. Впервые топики как система смысловых мест была сформулирована Аристотелем в соответствующем трактате, получила развитие в труде Цицерона, была очень популярна в российской риторике и дошла до нашего времени. Наиболее известными и применяемыми являются 10 топов: род – вид, определение, целое – части, свойства, сопоставление, причина и следствие, обстоятельства, пример, свидетельство, имя. М.В. Ломоносов использовал 16 топов: род и вид, целое и части, свойства материальные, свойства жизненные, имя, действия и страдания, место, время, происхождение, причина, предыдущее и последующее, признаки, обстоятельства, подобию, противные и несходные вещи, уравнения. К современным 10 топам, по нашему мнению, в условиях информатизации и цифровизации следует добавить еще один – формат и контент.

В структуру диспозиции или расположения частей текста попадает логическое содержание аргументации, а именно: тезис, аргументы и сама демонстрация, которая может быть основана на логическом знании, а может и не быть, являясь чисто убеждающей технологией, основанной на психологии, социологии или политологии. Минимальная аргументационная конструкция представлена прямой строгой хрией (всего хрий может быть 4 типа), состоящей из восьми частей – приступа, парафразиса (аналога тезиса), причины, подобию, противного, примера, свидетельства и заключения.

Большинство вышеперечисленных элементов инвенции и диспозиции имеют существенное значение исключительно в проблемном поле риторики, однако некоторые из этих элементов имеют общеполитическое и общенаучное значение, т. е. пересекаются с проблемными полями философии, логики и науки вообще. К этим элементам следует отнести такие топы, как род – вид, определение, целое – части, свойства, сопоставление, причина и следствие, пример, а также такие части строгой хрии, как парафразис, причина, подобие и противное. Назовем этот перечень «узким списком», дабы отличать его от первоначального, или «широкого», списка элементов инвенции и диспозиции.

В обоих списках фигурирует пример, аргументационному значению которого посвящена обширная литература (Зайцева, 2019; Малюкова, 2018; Малюкова, 2019). Суть проблематики, связанной с этим топом, такова: на целом ряде историй (нарративов) Аристотель в «Риторике» и в «Первой Аналитике» утверждает некий особый статус примера, отличающийся от традиционного понимания из выражения «пример ничего не доказывает». Н.В. Зайцева утверждает, что логическая форма рассуждения на основании примера показывает его несводимость к другим типам правдоподобных рассуждений, таким как обобщающая индукция, аналогия и абдукция. На этом основании выдвигается предположение о том, что парадеигма представляет собой особый самостоятельный вид правдоподобных рассуждений. Анализируя парадеигму, Н.В. Зайцева пишет: «Согласно Аристотелю, “пример приводится, когда доказывается, что [большой] крайний термин присущ среднему через подобие третьему. При этом должно быть известно, что средний термин присущ третьему, а первый – тому, что подобно третьему” [Аристотель, 1978, Первая аналитика, II, 24, 68b40]. Далее вводятся обозначения, и в целом следуя Аристотелю, позволю себе для удобства восприятия его идеи использовать строчные буквы для обозначения единичных терминов. Пусть А обозначает “зло”, Б – “начинать войну с соседями”, b – “война афинян с фиванцами”, d – “война фиванцев с фокейцами”. “Итак, если мы хотим доказать, что вести войну с фиванцами есть зло, то нужно принять, что вести войну с соседями есть зло. Но это становится убедительным из [наблюдения] подобных случаев, например из того, что для фиванцев война с фокейцами есть зло. И так как война с соседями есть зло, а война с фиванцами есть война с соседями, то очевидно, что вести войну с фиванцами есть зло. Поэтому очевидно, что Б присуще b и d (ибо и то, и другое есть ведение войны с соседями). Также очевидно, что А присуще d (ибо фиванцам война с фокейцами не принесла добра); а что А присуще b – это будет доказано через d” [Аристотель, 1978, Первая аналитика, II, 24, 69a5–10]» (Зайцева, 2019: 39). В результате делается вывод о том, что «использование рассуждения на основании примера предполагает два этапа – простой категорический силлогизм и предшествующее ему

рассуждение на основании подобия» (Зайцева, 2019: 39). Статус примера имеет особое значение для правоповедения в контексте прецедентного права. В статье «Умозаключение на основе прецедента: аналогия, индукция или дедукция?» С.А. Манжосов пытается доказать дедуктивную, а не аналогичную природу прецедента, т. е. примера (Манжосов, 2018). Аналогия, по его мнению, есть синтез дедуктивного и индуктивного умозаключений: «Индукция есть отличие не формы, а содержания. Свою специфику “индуктивный силлогизм” приобретает благодаря содержанию большей посылки, поскольку та объявляет обоснованным такой переход от частного к общему. Большой посылкой, в зависимости от модальности высказываний, выступает либо некоторая теория, либо норма. Право дает ярчайший пример такого рода нормы – принцип аналогии закона (*analogia legis*), в силу которого правило, установленное для одной категории отношений, в случае пробела должно применяться также и в отношении сходной категории отношений (п. 1 ст. 6 Гражданского кодекса Российской Федерации). Сходство категорий предполагает существование объединяющей их супракатегории, на уровень которой возводится применяемое в этом случае правило – но только если его использование не противоречит существу данных отношений. Применение правила по аналогии требует выполнения, соответственно, двух условий: во-первых, обнаружения хотя бы одного родового признака, общего для сопоставляемых категорий, а во-вторых, элиминации всех видовых признаков каждой категории как незначительных. По поводу сопоставляемых категорий и принадлежащих им случаев, когда они отвечают этим условиям, мы можем сказать, что они не просто похожи, но похожи именно с юридической точки зрения, обладают юридически релевантным сходством. При наличии релевантного сходства становится возможной генерализация данного правила, его распространение на новый случай и принятие соответствующего судебного решения» (Манжосов, 2018: 49). Обращение автора к учебникам по логике, хотя и устаревшим, ведет его в правильном направлении, в основном совпадающим с идеями Н.В. Зайцевой. В отличие от логики и правоповедения некоторые современные теоретики риторики считают, что «пример позволяет добиться яркого воздействия на аудиторию, объяснить непонятное и пробудить угасающее внимание»¹. Хотя авторы учебников по риторике, использующие логические знания, представляют пример как одно из доказательств наличия закономерной связи между причиной и предложением (следствием) в риторической речи (хрии). Выглядит это доказательство следующим образом:

$$((a_1 \& a_2 \& a_3 \& a_4 \& a_5) \rightarrow T) \& (a_1 \& a_2 \& a_3 \& a_4 \& a_5) \models T,$$

где a_1 – причина,
 a_2 – противное,
 a_3 – подобие,
 a_4 – пример,
 a_5 – свидетельство,
 T – предложение или тезис².

Все прочие элементы «узкого списка» также являются объектами изучения философии, логики и науки. Причинно-следственные связи, понятия свойств и отношений, теория определения, субъектно-предикатное и функционально-аргументное освоение мира, соотношение холизма и меризма, теория доказательства – эта тематика на протяжении веков определяет развитие как научного знания в целом, так и цивилизации. Именно в этих сферах достигнуто существенное приращение знания, каковое приращение можно охарактеризовать как революционное преобразование. Было бы естественным предположить, что и в области современной риторики используются современные представления о свойствах, причинно-следственных связях и т. д. Однако на самом деле ситуация в риторике выглядит совершенно противоположным образом.

Для иллюстрации ситуации в риторике воспользуемся топами «свойства» и «причина – следствие» из современного учебника «Риторика для юристов» 2020 г., рекомендованного РИО МГЮА имени О.Е. Кутафина в качестве учебного пособия для студентов юридических факультетов и вузов, обучающихся по программе бакалавриата³. «Смысловая модель “свойства” включает в себя топы “признаки”, “качества”, “функции”. В текстах-описаниях топ “свойства” занимает, естественно, важнейшее место. Умение хорошо описывать подразумевает умение выделять важнейшие свойства и характерные признаки предмета речи. Для правильного использования топа “свойства” нужно: 1) отбирать только существенные, характерные признаки, функции, качества объекта, причем такие из них, которые делают его действительно интересным как предмет речи и для говорящего, и для адресата; 2) не избегать при этом выражения собственных оценок, эмоций»⁴. Далее идет ссылка на мнение одного автора, который, в свою очередь, ссылается на

¹ Абрамова Н.А., Никулина И.А. Риторика для юристов : учеб. пособие. М., 2020. С. 66.

² Петров О.В. Риторика : учебн. М., 2004. С. 67–68.

³ Абрамова Н.А., Никулина И.А. Указ. соч.

⁴ Там же. С. 61–62.

книгу другого автора. Топ «свойства» описан. Посмотрим на рекомендации по применению смысловой модели «причина и следствие»: «Умение обнаружить причинно-следственные отношения между явлениями, показать их в речи, использовав как живой и благодатный источник изобретения содержания, составляет одно из главных достоинств хорошего оратора. Топ “причина – следствие” для создания текста используется в двух главных разновидностях: 1) “веерной”, когда определяется набор причин одного явления или его возможных следствий; 2) “цепной”, когда ряд умозаключений “от причины к следствию” составляет рассуждение и приводит к некоему выводу. При разработке смысловой структуры речи – рассуждения (аргументирующей речи) топы “причина” и “следствие” могут занимать первостепенные позиции, исчерпывая по существу все содержание. Так, для обвинительной и защитительной речей, произносимых в судебных прениях, этот топ является структурообразующим»¹. Теоретическая часть дополняется двумя примерами, имеющими некоторое отношение к причинно-следственным связям. На основании приведенных примеров можно усомниться в том, что современная риторика в формате топики соотносима с ныне действующими представлениями о свойствах или причинно-следственных связях. Топ «свойства» напрямую исходит из позиции эссенциализма, которая давно устарела (Анисов, 2002: 23–26), а причинно-следственные отношения раскрываются иначе, по меньшей мере, со времени появления методов Бэкона – Милля.

Вторая или диалогическая риторическая конструкция может быть рассмотрена, хотя это и не исчерпывает ее содержание, как совокупность различных приемов, методов и уловок, которые используются в процессах аргументации или спора. Аргументационные уловки делятся на допустимые (оттягивание возражения, перекалывание бремени доказательства на противника, возвратный удар, обоснование вразброс и анти-довод) и недопустимые (уловки, основанные на нарушении логических правил аргументации, уловки, основанные на нарушении коммуникативных правил дискуссии). Кроме того, выделяются недопустимые психологические уловки, к которым относятся: хамское поведение, ошарашивание, наведение на ложный след, ставка на ложный стыд, подмазывание аргументов, внушение, повторение, ирония, демонстрация обиды, откровенное заявление и т. д. Все эти уловки действуют на самом поле дискуссии, т. е. внутри дискуссионной площадки. Особняком стоят так называемые уловки апеллирования, которые выводят спор за пределы его содержания. Уловки апеллирования представляют собой самый распространенный прием аргументации, к ним относятся: палочный аргумент или аргумент к городскому, чтение в сердцах, инсинуация, вид жертвы, аргумент к жалости или аргумент к публике, аргумент к последствиям или скользкий склон, фиктивный противник или соломенное чучело, аргумент к скромности или к незнанию, аргумент к авторитету или отрицание авторитетов, священная точка зрения, а также различные варианты аргументов к человеку (*ad hominem*). Большинство этих аргументационных приемов известны с античных времен и хорошо описаны в любом пособии по риторике. В совокупности они представляют собой софистические приемы ведения дискуссии, ставят своей целью победу в споре и, чаще всего, не используют логические методы доказательства, а базируются на убедительности и на заведомом обмане оппонента и публики. Собственно говоря, риторика, лишенная логики, становится софистикой. Именно появление логики в античности положило конец софистическому «беспределу» в области судопроизводства (Пономарев, 2020). Теоретическое обоснование этих уловок обычно оказывается ничтожным, т. е. они не базируются на некоем философском или общенаучном знании. Попытки построения строгого доказательства не фигурируют в риторическом знании. За исключением одного аргумента...

Этим аргументом является аргумент к последствиям, или «скользкий склон». Собственно говоря, в самой риторике этот прием тоже можно считать софистической уловкой. В качестве примера приведем следующую историю: экстрасенс предсказывает будущие события, которые должны наступить с вероятностью около 50 %. Если он говорит «да, событие состоится», то в своем журнале учета посетителей пишет «нет, не состоится», если говорит «нет», то в журнале ставит «да». Если обманутый человек возвращается, то он оказывается обманутым еще раз (этим способом в советское время предсказывали пол будущего ребенка). В данном случае речь идет не просто о будущих событиях, о а будущих случайных событиях, ибо 50 % наступления как одного события, так и другого есть определение случайности. Впервые о будущих случайных событиях заговорил Аристотель в 9-й главе трактата «Об истолковании»².

В онтологии Аристотеля, как это известно, различаются две сферы сущего: бытие в возможности и бытие в действительности, или потенциально сущее и актуально сущее. Трактат «Об истолковании» посвящен использованию таких законов логики, как закон непротиворечия и исключенного третьего, для описания / придания истинностной характеристики высказываниям

¹ Абрамова Н.А., Никулина И.А. Указ. соч. С. 63–64.

² Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1978. С. 99–102.

об актуально и потенциально сущем. И вдруг оказывается, что «относительно того, что есть и что стало, утверждение или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным... Однако не так обстоит дело с единичным и с тем, что будет»¹. А как же обстоит дело с будущими случайными событиями? «Я имею в виду, – пишет Аристотель, – например, что завтра морское сражение необходимо будет или не будет, но это не значит, что завтра морское сражение необходимо будет или что оно необходимо не произойдет; необходимо только то, что оно произойдет или не произойдет»². Глава завершается неким выводом: «Отсюда ясно, что не необходимо, чтобы из всякого утверждения и отрицания, противоположащих друг другу, одно было истинным, а другое ложным, ибо с тем, что не есть, но может быть и не быть, дело обстоит не так, как с тем, что есть, а так, как было сказано»³.

Однако «ясность» была очевидна только Аристотелю, ибо именно многовековые исследования в этой области привели в XX в. к созданию многозначной, модальной, временной логик и логических теорий. Многолетняя дискуссия по поводу содержания самого трактата и его девятой главы началась со статьи «Аристотель и морское сражение» Анскомба (Anscombe, 1956), позже к ней присоединились Я. Хинтика, фон Райт (Райт, 1975), а также российские логики (Карпенко, 1990; Карпенко, 1995). Эта дискуссия, во многом, способствовала подъему интереса не только к многозначным и модальным логикам, но и к проблеме времени в целом.

Современная философская темпоральная проблематика представлена достаточно широко как в отечественной (Анисов, 2002; Анисов, 2021; Малюкова, 2010; Малюкова, 2011; Малюкова, 2011а), так и в зарубежной литературе. Самой актуальной проблемой на сегодняшний день представляется проблема будущего: его постижение и достижение, образы будущего в философии, социологии и науке вообще. Сама постановка этой проблемы наталкивается на принципиальные сложности, связанные с неопределенностью будущего и слабыми возможностями, по сути, агностицизмом в его объяснении и предсказании. Тема будущего и его образов в логике и аргументации включает в себя моделирование умозаключений о будущем, принципы создания рассуждений о будущем, логическое прогнозирование. Аргументация в этом аспекте может быть рассмотрена как способ порождения, моделирования и преобразования будущего. С этой целью имеет смысл рассмотреть, например, роль и место различных обещаний в политической риторике, предвыборной деятельности, в рекламе и пропаганде. В борьбе за проекты будущего существенны различные аргументы, включая вышеперечисленные уловки в споре. Аргументация к грядущим последствиям описывает желаемое будущее. Достижение желаемого будущего связано как с принятием решений, так и с практической деятельностью. Аристотель по этому поводу писал, «что будущие события имеют своим истоком и решения, и некоторую деятельность и что вообще у того, что деятельно не постоянно, возможность быть и не быть одинакова; у него возможно и то и другое, т. е. быть и не быть, а потому и произойти, и не произойти»⁴. Аргументы к последствиям с помощью определенных решений и соответствующей деятельности могут трансформировать будущие случайные события сначала в события, возможные путем устранения нежелательной случайности, а затем и в события, необходимые путем повышения вероятности их наступления.

На основании вышеприведенных аргументов можно сделать вывод о некоем самостоятельном пути риторики, во многом противоположном пути, традиционно реализуемому наукой. Далее можно озадачиться причинами и началом этого расхождения путей.

Тривиум И.С. Рижского «Логика – Риторика – Словесность». В нашей стране развитие риторики начиналось в XVIII в. на фоне становления российской системы образования. Образованность XVIII в. – это в том числе знание логики, риторики и грамматики. В XVII в. делаются первые попытки создания образовательных структур, связанных с окончанием Смутного времени, воцарением Романовых и воссоединением левобережной Украины с Киевом, в лице Киево-Могилянской академии (1632 г.) и Славяно-греко-латинской академии в Москве. До XVII в. отсутствует и система образования, и соответствующие учебники по предметам тривиума. В традиционной для русской науки оптике делаются попытки изобразить деятельность русских книжников (составителей хронографов, авторов «Пчелы», «Домостроя» и «Четыи Минеи», создателей богослужебных текстов, переписки Андрея Курбского с Иваном Грозным) в качестве донучного и доучебникового периода развития грамматики, логики и риторики, однако в первой половине XVII в. появляется первое русское сочинение, похожее на учебник. Это «Сказание о семи свободных мудростех», которое и легло в основу последующих русских учебников.

¹ Аристотель. Указ. соч. С. 99.

² Там же. С. 102.

³ Там же.

⁴ Там же.

Автор «Сказания...» так и остался неизвестным, хотя он атрибутируется специалистами как русский¹, а сам текст – как аутентичный. В тексте семь глав. В каждой главе «мудрость» в образе прекрасной женщины (как и в труде Марциана Капеллы) объясняет сущность, пользу, красоту своего учения. В 1672 г. переводчик Посольского приказа Николай Спафарий переработал «Сказание» в «Книгу избранную вкратце о девяти музах и о семи свободных художествах», в которой содержатся более точные и современные сведения о науках, в том числе и о риторике. Настоящим же первым русским учебником по риторике была «Риторика» 1620 г., предисловием к которой стала глава о риторике из «Сказания». Текст «Риторики» 1620 г. долгое время приписывался новгородскому и великолукскому митрополиту Макарию, в чьей библиотеке хранился список 1623 г. Однако в настоящее время автор «Риторики», он же переводчик-интерпретатор латинской «Риторики» Филиппа Меланхтона в переработке Луки Лоссия², остается неизвестным.

В силу неизвестных нам причин риторика вырывается в лидеры в структуре тривия. Количество трудов по риторике превосходит издания по логике. Более того, происходит расцвет риторики, тогда еще называемой элоквенцией³. Так, у М.В. Ломоносова есть труды по риторике, а по логике нет. В этом ключе необычной выглядит личность И.С. Рижского.

Иван Степанович Рижский (7 сентября 1759 г., г. Рига (отсюда и фамилия) – 15 марта 1811 г., г. Харьков) – незаслуженно забытый русский филолог, логик, доктор философии, профессор и первый ректор Императорского Харьковского университета, автор одного из первых в России учебников по логике, риторике и словесности. Он учился в Псковской семинарии, затем в семинарии Троице-Сергиевой лавры, там же он преподавал философию, логику и риторику. С 1786 по 1803 г. преподавал в Санкт-Петербургском Горном училище (военизированное учебное заведение для дворян и не только, ныне Санкт-Петербургский горный университет, один из крупнейших вузов по горному делу и первое высшее техническое учебное заведение России, созданное в 1773–1774 гг. в период пугачевского бунта). С 1803 г. И.С. Рижский становится профессором Харьковского университета, а также его первым ректором (в 1805 г.). В 1790 г. он пишет учебник по логике под названием «Умсловие, или Умственная философия»⁴ для студентов / кадетов Горного училища, в котором перерабатывает труды Ф.Х. Баумейстера («Логика» 1735 г., переведена на русский язык в 1760 г.), Х. Вольфа (1728 г. – «Philosophia rationalis sive logica», 1765 г.) и Г. Голльмана (последователя Х. Вольфа). В 1796 г. он пишет «Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в С.-Петербургском Горном Училище»⁵, посвященный управляющему Горным Училищем В.С. Попову⁶. «Риторика» несколько раз переиздавалась в Харькове и в Москве в 1805, 1809, 1822 гг., о переиздании «Умсловия» данных нет. Наконец, в 1806 г., уже в Харькове И.С. Рижский пишет труд «Введение в круг словесности»⁷, замыкая тривиум гуманитарных наук, выстроенный им в своеобразном порядке.

В настоящее время все три учебника оцифрованы и доступны для изучения. «Умсловие» представляет собой совокупность знаний по философии, логике и эмпирическим исследованиям (Орлова, Соловьев, 2016). Логика изложена автором без какого бы то ни было применения формул и собственных идей, даже оглавление «Умсловия» практически совпадает с оглавлением «Логики» Ф.Х. Баумейстера. Перспективы этой науки И.С. Рижским явно не просматриваются, а вот интерес к постижению истины с помощью эмпирических исследований присутствует, в этом разделе автор идет в ногу с грядущей тенденцией позитивизма. Учебник по риторике, хотя и составленный по тем же канонам, оставляет другое впечатление. Здесь риторика представлена как значимая наука и важный аспект деятельности. На первое место в риторическом каноне И.С. Рижский ставит украшение (элоквенцию) речи, используя при этом термины на русском языке. К чести автора надо отметить: он включает в состав риторики собственно логический раздел, чего обычно избегают современные авторы, за исключением А.А. Волкова с его «Курсом русской риторики»⁸.

¹ Протопопов Вл. «Сказание о семи свободных мудростях» [Электронный ресурс]. URL: http://canto.ru/index.php?id=medieval.17cent_02&menu=public (дата обращения: 20.03.2022).

² Elementorum rhetorices libri duo Philippi Melantonius in brevis interrogation contracti ediscendi causa // Erotemata dialecticae et rhetoricae Philippi Melantonis. Francoforti, 1577. p. 191–255.

³ Аннушкин В.И. История русской риторики. С. 3–4.

⁴ Рижский И.С. Умсловие, или Умственная философия. СПб., 1790.

⁵ Рижский И.С. Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в С.-Петербургском Горном Училище. СПб., 1796.

⁶ Василий Степанович Попов (1745–1822) был высокопоставленным чиновником того времени, конфидентом Г.А. Потемкина и статс-секретарем Екатерины II, основной фигуры «просвещенного абсолютизма» и образовательной политики.

⁷ Рижский И.С. Введение в круг словесности. Харьков, 1806.

⁸ Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001. 480 с.

Учебник «Опыт риторики» можно считать оформлением самостоятельного пути этой дисциплины в ущерб логике, которая при подобном подходе стала восприниматься как второстепенное знание, составная часть российской словесности. Отголоски этой ситуации наблюдаются в филологии и в наше время. Зато логика, как известно, пошла другим путем, но это уже совсем другая история.

Заключение. Рассмотрение предметного соотношения логики, риторики (и словесности) на примере тривиума «Логика – Риторика – Словесность» И.С. Рижского позволяет способом, отличным от традиционного, выстроить порядок этих дисциплин. Формат заложенного И.С. Рижским соотношения во многом сохранился до нашего времени. Учебник «Опыт риторики» можно считать оформлением самостоятельного пути риторики, которая, в отсутствие логики, становится софистикой. Логика же при подобном подходе (до появления символической логики) стала восприниматься как второстепенное знание, составная часть российской словесности. До настоящего времени специалисты в области риторики стараются обходиться без логической компоненты своей дисциплины, что не улучшает ситуации, связанной как с самим ораторским искусством, так и с позиционированием риторики как науки со своими специфическими законами. Понятие риторического нарратива до определенной степени снимает противостояние риторики (учебной дисциплины) и науки логики, являющейся существенной частью философского знания, от которого риторика отгораживается интенсивнее, чем от логики.

Список источников:

- Анисов А.М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М., 2021. 152 с.
 Анисов А.М. Современная логика. М., 2002. 273 с.
 Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3 С. 29–42.
 Зайцева Н.В. Загадка парадигмы // Логические исследования. 2019. Том 25. № 1. С. 37–51. <https://doi.org/10.21146/2074-1472-2019-25-1-37-51>
 Карпенко А.С. Логика, детерминизм и феномен прошлого // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 72–81.
 Карпенко А.С. Фатализм и случайность будущего. Логический анализ. М., 1990. 214 с.
 Мalyukova O.B. Аргументационный статус примера или *paradeigma* как аргумент // Credo New. 2018. № 1.
 Мalyukova O.B., Матроница Л.Ф. Технология научного познания. М., 2021. 448 с.
 Мalyukova O.B. Утешение временем: темпоральные острова культуры. М., 2011. 160 с.
 Мalyukova O.B. Фейковые традиции и риторическая картина мира // Credo New. 2019. № 2.
 Мalyukova O.B. Экологическая стрела времени. М., 2011а. 170 с.
 Мalyukova O.B. Эпистемология времени и физическая картина мира. М., 2010. 232 с.
 Манжосов С.А. Умозаключение на основе прецедента: аналогия, индукция или дедукция? // Право и политика. 2018. № 8. С. 43–51. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2018.8.27216>
 Орлова Н.Х., Соловьев С.В. Из истории логики в дореволюционной России: стратегии академического взаимодействия // Логические исследования. 2016. Т. 22, № 2. С. 123–155. <https://doi.org/10.21146/2074-1472-2016-22-2-123-155>
 Пономарев Д.Е. Право и рациональность: у истоков юридического мышления // Российский юридический журнал. 2020. № 3.
 Райт фон Г.Х. (фон Вригт). Детерминизм, истина и временной параметр // Философские науки. 1975. № 4.
 Anscombe G.E.M. Aristotle and Sea-Battle // Mind. 1956. Vol. 65, no. 257.
 Todorov T. Grammaire du Decameron. Paris : Mouton, 1969. 100 p.

References:

- Anisov, A.M. (2002) *Sovremennaja logika* [Modern Logic]. Moscow, IFRAN. (in Russian)
 Anisov, A.M. (2021) *Vremja i kompjuiter. Negeometricheskij obraz vremeni* [Time And The Computer. Non-geometric Time Image]. Moscow, LENAND. (in Russian)
 Anscombe, G.E.M. (1956) Aristotle and Sea-Battle. *Mind*. 65 (257).
 Brokmejer, J. & Harre, R. (2000) Narrativ: problemy i obeshhanija odnoj al'ternativnoj paradigmy [Narrative: The Challenges and Promises of One Alternative Paradigm]. *Voprosy filosofii* [Philosophical Issues]. (3), 29–42. (in Russian)
 Karpenko, A.S. (1990) *Fatalizm i sluchajnost budushhego. Logicheskij analiz* [Fatalism and the Randomness of the Future. Logical Analysis]. Moscow, Nauka. (in Russian)
 Karpenko, A.S. (1995) Logika, determinizm i fenomen proshlogo [Logic, Determinism and the Phenomenon of the Past]. *Voprosy filosofii* [Philosophical Issues]. (5), 72–81. (in Russian)
 Malyukova, O.V. (2018) Case Argument Status or Paradeigma as an Argument. *Credo New*. (1). (in Russian)
 Malyukova, O.V. (2019) Fejkovyje tradicii i ritoricheskaja kartina mira [Fake Traditions and the Rhetorical Picture of the World]. *Credo New*. (2). (in Russian)
 Malyukova, O.V. (2011a.) *Jekologicheskaja strela vremeni* [The Environmental Arrow of Time]. Moscow, MGOU. (in Russian)
 Malyukova, O.V. (2010) *Jepistemologija vremeni i fizicheskaja kartina mira* [Epistemology of Time and the Physical Picture of the World]. Moscow, MGOU. (in Russian)
 Malyukova, O.V. & Matronina, L.F. (2021) *Tehnologija nauchnogo poznanija* [The Technology of Scientific Knowledge]. Moscow, Prospekt. (in Russian)
 Malyukova, O.V. (2011) *Uteshenie vremenem: temporalnye ostrova kultury* [Consolation by Time: Temporary Islands of Culture]. Moscow, MGOU. (in Russian)
 Manzhosov, S. (2018) Reasoning Based on Precedent: Analogy, Induction or Deduction? *Law and Politics*. (8), 43–51. Available from: [doi:10.7256/2454-0706.2018.8.27216](https://doi.org/10.7256/2454-0706.2018.8.27216) (in Russian).

- Orlova, N.K. & Soloviev, S.V. (2016) On the History of Logic in Russia Before Revolution: Strategies of Academic Interaction. *Logical Investigations*. 22 (2), 123–155. Available from: doi:10.21146/2074-1472-2016-22-2-123-155.
- Ponomarev, D.E. (2020) Law and Rationality: At the Origin of Legal Thought. *Russian Juridical Journal*. (3). (in Russian)
- Raigt, G.H., fon (1975). Determinizm, istina i vremennoj parametr [Determinism, Truth and the Time Dimension]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. (4). (in Russian)
- Todorov, T. (1969) Grammaire du Decameron. Paris, Mouton.
- Zaitseva, N.V. (2019) The riddle of paradeigma. *Logical Investigations*. 25 (1), 37–51. Available from: doi:10.21146/2074-1472-2019-25-1-37-51 (in Russian).

Информация об авторе

О.В. Малюкова – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета (МГЮА) имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=619414.

Information about the author

O.V. Malyukova – D.Phil. in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=619414.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 42–48.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 42–48.

Научная статья

УДК 111

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.4>

Онтология социальной жизни: основные подходы к проблеме города и деревни

Азер Агабала оглы Мамедов¹, Ксения Юрьевна Донских²,
Дмитрий Вячеславович Котусов³

^{1,2}Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия

¹azermamedov@mail.ru

²ks.donskih@gmail.com

³dentor@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются основные подходы к проблеме города и деревни в рамках онтологии социальной жизни. Подчеркивая, что методы анализа, разрабатываемые в естественных науках, применимы и к социальным исследованиям, авторы целью изучения общества избрали разработку системы эмпирических обоснований развития территорий и составления прогнозов социальных явлений. Отмечается, что деревня, в отличие от города, характеризуется более медленными темпами социально-экономического развития, что сказывается на ее общественной структуре и образе жизни населения. Критический анализ концепций М. Вебера, Г. Зиммеля, а также отечественных философов позволил авторам выделить фундаментальные различия в образе жизни горожан (явление урбанизации, рационализм) и сельских граждан (опора на традиции). Заключается, что явление урбанизации в основе своей разрушает складывавшиеся веками модели поведения людей, заменяя их рациональными и современными, что «вырывает» деревенский образ жизни из вековой системы ценностей.

Ключевые слова: город, деревня, образ жизни, урбанизация, культура, прогресс

Для цитирования: Мамедов А.А. оглы, Донских К.Ю., Котусов Д.В. Онтология социальной жизни: основные подходы к проблеме города и деревни // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 42–48. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.4>.

Original article

Ontology of social life: main approaches to the problem of the city and village

Azer A. ogly Mammadov¹, Ksenia Yu. Donskikh², Dmitry V. Kotusov³

^{1,2}Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia

¹azermamedov@mail.ru

²ks.donskih@gmail.com

³dentor@yandex.ru

Abstract. The article analyses the main approaches to the problem of the city and the village within the ontology of social life. Emphasizing that the methods of analysis developed in the natural sciences are also applicable to social research, the authors have chosen to develop a system of empirical justifications for the development of territories and to make forecasts of social phenomena as their aim in studying society. It is noted that the village, unlike the city, is characterized by a slower pace of socio-economic development, which affects its social structure and lifestyle of the population. Critical analysis of the concepts of M. Weber, G. Simmel, as well as domestic philosophers allowed the authors to identify fundamental differences in the lifestyles of urban residents (the phenomenon of urbanization, rationalism) and rural citizens (reliance on tradition). Conclusions are that the phenomenon of urbanization is fundamentally disrupting centuries-old patterns of human behavior by replacing them with rational and modern ones, thus “tearing” the rural way of life out of its age-old value system.

Keywords: city, village, lifestyle, urbanization, culture, progress

For citation: Mammadov A.A. ogly, Donskikh K.Yu. & Kotusov D.V. (2022) Ontology of Social Life: main approaches to the problem of the city and village. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 42–48. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.4](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.4) (In Russian).

Бытие – это основа существования мира в целом и предмет онтологии. Для социологических и гуманитарных наук проблема поиска онтологических основ звучит особенно остро, так как

главные императивы научного познания бытия сформулированы на основе взаимоотношений человека и природы – мира материальных и физических явлений. Вопросание человечества «Что есть мир природы?» гораздо древнее, чем «Что есть общество?».

Проблема бытия в истории философии впервые была поставлена в элейской философии, в частности, Парменидом, считавшего, что истинным является лишь то знание, которое действительно существует. Есть только бытие, и оно неподвижно, неизменно¹. Панлогизм Парменида предполагал тождество бытия и мышления. Что касается общественной жизни, то она, рассматриваемая как результат действия сверхъестественных сил, в отличие от природного бытия, носит случайный и циклический характер, по мнению философа.

Характерной чертой античного сознания был космоцентризм, проявлявший себя в созерцательном взгляде на мир. В философии Гераклита впервые появляется понимание изменчивости бытия (все течет, все изменяется²), которое коснулось и социального устройства мира. К. Поппер, подвергший суровой критике Гераклита в своей работе «Открытое общество и его враги», писал: «Гераклит, первый философ, исследовавший не только “природу”, но даже в большей степени этико-политические проблемы, жил в эпоху социальной революции. Именно в его время греческая родовая аристократия начала уступать место нарождающимся демократическим силам» (Поппер, 1992: 42).

В объективном идеализме Платона подлинный мир – это мир идей, имеющий начало и конец. Впервые противопоставление городской (полиса) и сельской (природной, естественной) жизни встречается в «Государстве» Платона³. При этом последняя ассоциируется у древнегреческого философа с «золотым веком», в то время как жизнь античного полиса – с упадком и распадом человеческого общества. Природное, космическое как нечто совершенное, высшее, в отличие от человеческого бытия, несет печать вечности. Мир человека преходящий, тленный и, следовательно, неподлинный, и он не идет ни в какое сравнение с действительным миром идей.

Тленность, несовершенство человека предопределяет преходящий характер его социального бытия. Городская, политизированная жизнь в значительно большей степени проявляет несовершенство социального устройства, чем существование в тесном контакте с природой на селе.

Позитивизм в лице его основателя О. Конта поставил задачу уподоблять изучение социального бытия природному бытию с поправкой на несовершенство человеческой природы (Конт, 2011). Известный социолог Э. Дюркгейм также полагал, что «социальные факты должны изучаться как вещи» (Дюркгейм, 1995: 56).

Методологические подходы, применяемые в естествознании, постнеклассика распространяет и на сферу общественных явлений. И здесь основная цель исследований общества состоит в разработке системы эмпирических обоснований развития территорий и составления прогнозов социальных явлений.

Существенным шагом в изучении общественного бытия стала идея социального прогресса, фактически опирающаяся на изменчивость и развитие по теории Платона, но «переворачивающая» направление этих изменений. Если у древнегреческого мыслителя социальное движение идет от «золотого века» через упадок к полному разложению, то у философов Просвещения историческое развитие социального бытия есть дорога прогресса, постоянных социальных улучшений. Таким образом, городская жизнь, опирающаяся на достижения науки и техники, признается лучшей и «прогрессивной», а сельская – остается обителью архаики, тормозом культуры, ей недоступны достижения цивилизации.

Развитие городов в виде полисов мы наблюдаем еще в древнем мире, однако феномен активной урбанизации жизненного пространства человечества связан с возникновением современной западной индустриальной цивилизации, или общества модерна.

Город, в отличие от деревни, представляет собой предельно урбанизированную среду, разноплановое, социально и профессионально неоднородное сообщество людей, ведущих образ жизни, качественно отличающийся от деревенского уровнем комфорта, ключевыми точками занятости, досуговыми практиками и т.д.

В античности города создавались как центры ремесла и торговли. В Новое время с развитием капиталистических отношений они превратились в центры мануфактуры, промышленности, что в конечном итоге привело к формированию индустриального общества с его специфическими

¹ Парменид. Из поэмы «О природе» [Электронный ресурс] // История Древнего Рима. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1465876469> (дата обращения: 06.05.2022).

² Гераклит. О природе. М., 2022. 224 с.

³ Платон. Государство [Электронный ресурс] // Платонополис. URL: <http://platonizm.ru/content/gosudarstvo-0> (дата обращения: 06.05.2022).

чертами – постепенно увеличивающейся урбанизацией, возникновением профессиональных сообществ и т.д.

С XIX в. благодаря притоку рабочей силы из деревень городское население постепенно увеличивалось, сельское же, напротив, сокращалось, становясь социально и профессионально однородным.

Образ жизни в сельской местности характеризуется монотонностью, отсутствием социальной мобильности, ведением индивидуального домашнего хозяйства, сохраняет возможность живого общения, но отсутствие организованного досуга, культурно-массовой жизни делает межличностные связи слабыми. Социальные контакты всех уровней определяются традициями, обычаями, авторитетом старейшин и пр.

Теоретико-методологические и философские основы осмысления городской жизни закреплены в социологических концепциях западных ученых, в частности, в работах М. Вебера (1990), Г. Зиммеля (2013) и др. Из современных отечественных исследований на эту тему можно указать монографию О.Ф. Филимоновой «Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры», в которой город, представленный как яркий выразитель общественной жизни, выступает системообразующим фактором социально-пространственной динамики (Филимонова, 2004).

В основе концепции М. Вебера лежит так называемый «идеальный тип», а также учение о социальном действии, типологизированном по основанию его рациональности. Вебер выделяет максимально рациональное действие, называя его целерациональным, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное. Его теория рационализации социального действия составляет методологическую основу для изучения причин возникновения капитала, предпринимательства, современных методов управления (Вебер, 1990).

Явление урбанизации (а именно возникновение западного города как явления и символа общества модерна) свидетельствует о росте рационализма в обществе, в то время как деревенская жизнь остается оплотом традиционалистов. А. Гофман полагает, что, являясь последователем просветительских идей XVIII века и одновременно опираясь на положения социально-политической платформы К. Маркса, М. Вебер осуществляет противопоставление Разума и традиции (Гофман, 2008: 120).

Последние составляют фундамент сельской жизни, как полагает М. Вебер (Вебер, 1990); являя собой совокупность общественных действий, они образуют социальное бытие жителя села, которое, как самостоятельная онтологическая категория, формирует также другие категории социальности – обычаи и нравы: «Фактически существующую возможность единообразия в установках социального поведения мы будем называть нравами, в том случае, если (и в той мере, в какой) их существование внутри определенного круга людей объясняется просто привычкой. Нравы мы будем называть обычаем, если фактические привычки укоренились в течение длительного времени», – пишет М. Вебер (Вебер, 1990: 634).

Однако традиция и обычай являются не только феноменом поведения человека, но и частью определенной системы ценностей. Поэтому урбанизация, трансформируя (в своем идеальном типе) аффективные и традиционные модели поведения людей и заменяя их рациональными, разрушает сложившиеся веками системы ценностей. И в первую очередь – ценность сельской, архаичной, доиндустриальной, нерациональной жизни, которую «сметает» на своем пути исторический прогресс.

Общее направление веберовских идей заключается в том, что аграрные районы страны будут испытывать нарастающую тенденцию к индустриализации и вытеснению традиционализма. На примере Германии, распадающейся по характеру организации труда на патриархальную и капиталистическую, М. Вебер показывает историческую динамику увеличения разрывов между различными частями страны. На севере страны доминирует патриархальный, сельский образ жизни, на юге же он практически исчез. Это указывает на сознательный выбор человека, его стремление к личной свободе, даже если эта свобода будет сопряжена с тяжелым пролетарским трудом (Вебер, 1990).

Георг Зиммель, размышляя над основаниями социального бытия, утверждал, что возможно методологически отделить форму социального взаимодействия от его фактического содержания. Самые разные социальные взаимодействия могут выражаться в принципиально единой форме, например в форме финансовых отношений, которые во многом символизируют урбанизированную жизнь современного общества. При анализе социальных отношений особую роль приобретает число. Финансовая система, таким образом, происходит из квантификации – перевода в количественную плоскость многочисленных социально-экономических взаимоотношений, при этом происходит методологическое отделение форм социальной жизни от содержания, от социальной реальности (Зиммель, 2013).

Г. Зиммель историю общества рассматривает в контексте все возрастающей рационализации социальной жизни с преобладанием в ней товарно-денежных отношений. Деньги, возведенные в ранг главной ценности и смысла жизни в условиях городской среды, нивелируют все прочие ценности, в том числе определяющие качество человека природного, естественного. Развитие капиталистических отношений в городском пространстве приводит к процессам отчуждения в обществе, обесцениванию всего духовного (Зиммель, 2013).

Первые детальные исследования городских и сельских форм жизни, их сравнение и противопоставление осуществлялись, в основном, в рамках философии позитивизма. Это было обусловлено зарождением в тот же период социологии как специализированного научного направления, имеющего в качестве объекта исследования все виды и формы социальных отношений.

Позитивизм тесно связан с эмпиризмом, то есть с ведением научного знания к эмпирическому познанию. Только знание, основанное на опыте, может претендовать на научную истину. Однако такой философский лозунг столкнулся с определенными трудностями: прежде всего, сложность заключалась в определении, что же такое теоретическое знание и что такое философия. «Ранний позитивизм» представлен в работах О. Конта (2011), Дж.С. Милля (2007) и др. Их труды резко усилили научный интерес к проблемам социума, заложили основу для осмысления различий в городских и сельских формах социального бытия.

Марксизм также оказал огромное влияние на методологию и философские обобщения относительно сельской и городской жизни. Особенно велико оно было в Европе в начале и середине XIX века, а в России – и на протяжении всего XX века.

В зарубежной социологии XX в. проблемы города рассматривались исследователями чикагской школы (Берджесс, 2002; Вирт, 2017 и др.), в работах которых основной акцент делался на экологических проблемах, вызванных урбанизацией.

Вместе с тем стоит отметить, что большинство упомянутых выше ученых характеризуют город как средство обитания современного человека, что вполне в духе времени – понятия «современный» и «урбанизированный» сегодня употребляются почти как синонимы. Наше же исследование имеет целью «держат в поле зрения» и деревню, ибо приоритетными для российской культуры являются ценности земли, природы и почвы: «Кульм земли изначально формировал духовное пространство России совместно с универсальными христианскими (православными) ценностями», – отмечал Е.Г. Зинков (Зинков, 2003).

Анализируя взаимоотношения крестьянского хозяйства с окружающей средой, известный русский экономист А. Чаянов выделял особые закономерности, отличающие его от капиталистического типа хозяйства. Крестьянин в первую очередь заботился не о получаемой прибыли, а о том, чтобы удовлетворить потребности своей семьи. Поэтому для него накопление капитала не являлось главной целью существования. Занимая марксистскую позицию, А. Чаянов говорил об эксплуатации человека человеком: «...Мы можем установить, что степень самоэксплуатации [крестьянского] труда устанавливается некоторым соотношением между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягости труда» (Чаянов, 1989: 356). В своей классификации сельских социальных отношений исследователь говорил о шести их типах: капиталистическом, полутрудовом, зажиточном (семейно-трудовом), бедняцком, полупролетарском и пролетарском. Анализируя крестьянские хозяйства России, он акцентировал внимание на полутрудовом, зажиточном и бедняцком типах как доминирующих в хозяйственной системе страны. Остальные же типы составляли явное меньшинство (Чаянов, 1989).

Таким образом, противопоставление города и деревни в философии вплоть до конца XIX века было основано на определении более и менее «прогрессивных» форм социального бытия. При этом за базу принимался уровень или рационализации отношений, или развития производительных сил и выраженности степени эксплуатации. Сельская и городская жизнь описывалась в рамках парадигмы «отсталая – прогрессивная». Делался акцент на традиционных (нерациональных, нерелексивных) нормах поведения, коллективистских (общинных) формах культуры, низком уровне развития производительных сил в деревне и «общем ее отставании» в социальном развитии. Таким образом, методологически городская и сельская жизнь являются не различными формами социального бытия, а разными стадиями его эволюции.

Для русской философии проблемы отношений человека и природы, земли, сельского хозяйства всегда имели особое значение. Общественная мысль в России неразрывно связана с литературой и публицистикой, она всегда была важнейшей частью русской культуры, выступала как самобытное учение, берущее свое начало в византийском православии. Если западная европейская социальная философия в XIX веке была основана на рационализме, монизме и имперсонализме, то для русской философии изначально были характерны опора не на *ratio*, а на *logos* – метафизическую и божественную субстанцию, символизирующую слово, язык, речь, по-

нятие. Логос принимает принципиально иное онтологическое значение – это цельное, органическое знание (Флоренский, 1904). Именно оно лежит в основе философии Всеединства (Соловьев, 2011). Логос тесно связан с понятием «софия» – творческой премудростью Бога, соединившей в себе все мировые идеи.

В отличие от имперсонализма западной научной мысли, утверждающей что рациональный человек становится подобным машине, русская философия всегда была антропоцентрична, носила онтологический характер. Особенно ярко самобытность ее проявлялась в концепциях славянофилов. Философы-западники в большей мере занимались сравнительным анализом русской и западной социальности. Однако в концепции «культурно-исторических типов» Н. Данилевского подчеркивается независимость путей развития различных культурно-исторических типов, что создает проблемы для реального сравнения различных типов обществ (Данилевский, 1991).

Другое интересное направление в русской философской мысли XIX–XX вв. – это русский космизм, представителями которого являлись Н. Фёдоров, К.Э. Циолковский, П.А. Флоренский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский и др.

В «Философии общего дела» Н. Федорова основной целью человеческой деятельности провозглашается регулирование взаимоотношения человека с природой, которое обеспечит человеку бессмертие. Идея индивидуального спасения как христианский идеал безнравственна – нужно думать о спасении всех людей: как ныне живущих, так и когда-то живших. Такая нравственная философия предполагала неразрывную связь человека с космозволюционными процессами (Федоров, 2014).

В концепции П. Флоренского различались микрокосм и макрокосм. Философ исследует феномен возникновения у человека состояния, позволяющего ему выходить за рамки телесной реальности. Так, в работе, посвященной сущности слова «восхищение», П. Флоренский вскрывает древний смысл этого слова, трактуя его как переход человека в иные миры, как похищение его трансцендентными существами в состоянии, близком к религиозному экстазу. Состояние восхищения возникает как возможное состояние для людей, находящихся в особом (сакральном) контакте с другой реальностью, например небесной. Способ их взаимодействия определяется спецификой решаемых задач, например, это может быть молитва, обряд посвящения и др. (Флоренский, 1915).

К.Э. Циолковский в своих трудах разрабатывал теоретическую основу дальних, межпланетных путешествий. Философ верил, что «человечество не останется вечно на Земле, а в потоке за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет все околосолнечное пространство» (Циолковский, 1986). Ученый обосновывал общность человека и Вселенной в их взаимной одушевленности. И сама Вселенная в целом чувствительна.

Своеобразие русской философии, ее фундаментальное отличие от западной особенно ярко проявляется в творчестве Н. Бердяева. Философа волновали процессы механизации общественной жизни, нивелирование всего духовного, вечного. Неслучайно, Бердяев свою философию называл «философией духа», раскрывающей внутренний мир человека во всей его полноте. Он подчеркивал примат свободы над бытием (Бердяев, 2010: 256).

Свобода у Н. Бердяева – это онтологическая категория, она безосновная и безначальная, это исток, рождающий само бытие. Однако свобода может «ниспадать» в необходимость, и тогда только творчество преодолевает возникающее отчуждение. Творящий субъект включает мир в себя, в момент творения история соприкасается с вечностью.

В концепции В. Вернадского осмысливались возможности человеческого разума в глобальном преобразовании мира, перспективы влияния человека на природу, необходимость скорейшей гармонизации их взаимоотношений. Здесь понятие ноосферы раскрывается как особый структурный элемент космоса, выделяемый по социальному охвату природы, и особо делается акцент на идею управляемого развития человечества. Каким путем удастся осуществить это согласованное развитие, В. Вернадский говорил в самых общих чертах. Речь идет о намерении поселить человека в техносфере, создать искусственным путем его независимость от биосферы (Вернадский, 2016).

В трудах А.Л. Чижевского – мыслителя, художника и поэта – анализируются вопросы пульсации Вселенной, Солнца, оказывающие значительное воздействие на природные процессы и самого человека. «В этом бесконечном числе разной величины подъемов и падений, – писал ученый, – сказывается биение общемирового пульса, великая динамика природы, различные части которой созвучно резонируют одна с другой» (Чижевский, 1976: 43). А.Л. Чижевский полагал, что природа, человек и социум в целом тесным образом связаны с космическими и геологическими факторами.

Рассматривая мир человека в его соотнесенности с космическими процессами, а Вселенную – как обитель разума, представители русского космизма подчеркивали, что вне природы, вне почвы, вне земли невозможны ни разум, ни цивилизация живых существ. Неслучайно, в работах

философов этого направления отсутствует онтологическое противопоставление человека и природы, «естественного» и «разумного», что свидетельствует о важности земли и сельского образа жизни для человеческой и социальной идентификации.

Таким образом, осуществленный критический анализ взглядов западных и отечественных философов дает основание для констатации фундаментального различия между городским и сельским вариантом современной социальной жизни. На наш взгляд, в условиях агрессивной урбанизации человечеству необходимо сохранить свою среду обитания, согласовать ее развитие с природой. Это позволит человеку поддерживать духовную связь вековой системы ценностей – ценностей сельской, архаичной, доиндустриальной, нерациональной жизни – с современным постиндустриальным обществом.

Список источников:

- Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4, № 1–2 (11–12). С. 168–181.
- Бердяев Н. Самосознание (опыт философской автобиографии). М., 2010. 414 с.
- Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 804 с.
- Вернадский В.И. Философия науки. Избранные работы. М., 2016. 455 с.
- Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М., 2017. 106 с.
- Гофман А.Б. Традиционное или рациональное? Интерпретация традиции в творчестве М. Вебера // Социологические исследования. 2008. № 4 (288). С. 120–128.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. 573 с.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. 349 с.
- Зиммель Г. Избранные работы. М., 2013. 432 с.
- Зинков Е.Г. Созидание пространства России и философии хозяйства. Краснодар, 2003. 211 с.
- Конт О. Общий обзор позитивизма. М., 2011. 200 с.
- Милль Дж. Огюст Конт и позитивизм. М., 2007. 170 с.
- Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М., 1992. Т. 1. 448 с.
- Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. М., 2011. 384 с.
- Федоров Н.Ф. Философия общего дела. М., 2014. 712 с.
- Филимонова О.Ф. Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры. Саратов, 2004. 216 с.
- Флоренский П.А. «Не восхищение непщева»: к суждению о мистике. Сергиев Посад, 1915. 56 с.
- Флоренский П.А. Об одной предпосылке мировоззрения // Весы. 1904. № 9. С. 25–36.
- Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе. Тула, 1986. 447 с.
- Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. 491 с.
- Чижевский А.Л. Земное эхо огненных бурь. М., 1976. 367 с.

References:

- Berdyayev, N. (2010) *Samosoznanie (opyt filosofskoi avtobiografii)* [Self-Consciousness (Experience of a Philosophical Autobiography)]. Moscow. 414 p. (in Russian).
- Burgess, E. (2002) The Growth of the City: an Introduction to a Research Project. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 4 (1–2 (11–12)), 168–181 (in Russian).
- Chayanov, A. V. (1989) *Krest'yanskoe khozyaistvo. Izbrannye trudy* [Peasant Farming. Selected Works]. Moscow. 491 p. (in Russian).
- Chizhevskii, A. L. (1976) *Zemnoe ekho ognennykh bur'* [The Earthly Echo of Firestorms]. Moscow. 367 p. (in Russian).
- Danilevskii, N. Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow. 573 p. (in Russian).
- Dyurkheim, E. (1995) *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Moscow. 349 p. (in Russian).
- Fedorov, N. F. (2014) *Filosofiya obshchego dela* [Philosophy of the Common Cause]. Moscow. 712 p. (in Russian).
- Filimonova, O. F. (2004) *Zhiznennoe prostranstvo goroda: kontseptual'nye osnovaniya i mental'nye struktury* [The Living Space of the City: Conceptual Foundations and Mental Structures]. Saratov. 216 p. (in Russian).
- Florenskii, P. A. (1904) Ob odnoi predposylke mirovozzreniya [About One Premise of the Worldview]. *Vesy*. (9), 25–36 (in Russian).
- Florenskii, P.A. (1915) «Ne voskhishchenie nepshcheva»: k suzheniyu o mistike [«Not the Admiration of Nepshchev»: Towards a Judgment on Mysticism]. *Sergiev Posad*. 56 p. (in Russian).
- Gofman, A. B. (2008) Traditional or Rational? Interpretations of Tradition by Max Werber. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. (4 (288)), 120–128 (in Russian).
- Kont, O. (2011) *Obshchii Obzor Pozitivizma* [General Overview of Positivism]. Moscow. 200 p. (in Russian).
- Mill', Dzh. (2007) *Auguste Comte and Positivism*. Moscow. 170 p. (in Russian).
- Popper, K. (1992) *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Open Society and Its Enemies]. Vol. 1. Moscow. 448 p. (in Russian).
- Solov'ev, V. S. (2011) *Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya* [Philosophical Principles of Integral Knowledge]. Moscow. 384 p. (in Russian).
- Tsiolkovskii, K. E. (1986) *Grezy o Zemle i nebe* [Dreams of Earth and Sky]. Tula. 447 p. (in Russian).
- Veber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow. 804 p. (in Russian).
- Vernadskii, V. I. (2016) *Filosofiya nauki. Izbrannye raboty* [Philosophy of Science. Selected Works]. Moscow. 455 p. (in Russian).
- Virt, L. (2017) *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a Way of Life]. Moscow. 106 p. (in Russian).
- Zimmel', G. (2013) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow. 432 p. (in Russian).
- Zinkov, E. G. (2003) *Sozidanie prostranstva Rossii i filosofii khozyaistva* [Creation of the Space of Russia and the Philosophy of Economy]. Krasnodar. 211 p. (in Russian).

Информация об авторах

А.А. оглы Мамедов – доктор философских наук, доцент, профессор Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=706439.

К.Ю. Донских – кандидат философских наук, доцент Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1036422.

Д.В. Котусов – кандидат философских наук, доцент Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=940817

Information about the authors

A.A. ogly Mammadov – D.Phil. in Philosophy, Associate Professor, Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=706439.

K.Yu. Donskikh – PhD in Philosophy, Associate Professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1036422.

D.V. Kotusov – PhD in Philosophy, Associate Professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=940817

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 49–56.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 49–56.

Научная статья

УДК 321

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.5>

К вопросу феномена неофеодализма

Евгений Анатольевич Березуев¹, Григорий Леонидович Петров²

¹Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Тюмень, Россия,
Tumen11evgeny2013@yandex.ru

²Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия, gri363@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена попытка провести сравнение между ключевыми особенностями классического феодализма, существовавшего в Европе в XI–XV столетии, и его более современным аналогом, получившим название «неофеодализм». Исследование выявляет исторические причины, обусловившие сохранение и консервацию черт социально-политического характера, воспроизводящих сущность такого явления. В основном рассматривается сам феномен неофеодализма как сущностный признак социально-политической и культурной реальности российского общества. Исследование выявляет его истоки, обращаясь к идеальному типу – феодализму, рассматривая его как феномен и культурную основу патримониальных отношений, укоренённых в практике взаимодействия власти и общества. Заключается, что цивилизационное устройство России опирается на исторические установки, частично определяемые архаичными нормами и ценностями, показавшими свою эффективность в прошлом. Кроме того, стабильность в российском обществе поддерживается сильной государственной властью, устойчивостью убеждений граждан в незыблемости традиций. Отмечается, что в этих условиях неофеодализм представляется общественным феноменом, служащим для объяснения отношений между обществом и государством в современной России.

Ключевые слова: феодализм, неофеодализм, медиевализм, неомедиевализм, модернизация, архаизация, патримониальные отношения

Для цитирования: Березуев Е.А., Петров Г.Л. К вопросу феномена неофеодализма // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 49–56. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.5>.

Original article

On the issue of the phenomenon of neo-feudalism

Evgeny A. Berezuev¹, Grigory L. Petrov²

¹State Agrarian University of the Northern Trans-Urals, Tyumen, Russia,
Tumen11evgeny2013@yandex.ru

²Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia, gri363@yandex.ru

Abstract. The article attempts to draw a comparison between the key features of the classical feudalism that existed in Europe between the XI and XV centuries and its more modern counterpart, which has been called "neo-feudalism". The study reveals the historical reasons for the persistence and conservation of the social and political traits that reproduce the essence of such a phenomenon. The main focus is on the phenomenon of neo-feudalism itself as an essential feature of the socio-political and cultural reality of Russian society. The study reveals its origins, referring to the ideal type – feudalism, considering it as a phenomenon and the cultural basis of patrimonial relations rooted in the practice of interaction between power and society. The conclusion is that Russia's is civilizational structure rests on historical attitudes, partially determined by archaic norms and values that have shown their effectiveness in the past. Moreover, stability in Russian society is supported by a strong state authority and the stability of citizens' beliefs in the sanctity of traditions. Under these circumstances, it is noted that neo-feudalism appears as a societal phenomenon that serves to explain the interrelations between society and the state in modern Russia.

Keywords: feudalism, neo-feudalism, medievalism, neomedievalism, modernization, archaization, patrimonial relations

For citation: Berezuev, E.A. & Petrov, G.L. (2022) On the issue of the phenomenon of neo-feudalism. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 49–56. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.5](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.5) (In Russian).

Введение. Актуальность исследования заключается в основном в описании и анализе феномена неофеодализма с точки зрения его вариативных характеристик на фоне упадка идеологии в современном обществе. Кризис религиозного мировоззрения и апатия в отношении коммунистической идеологии являются фактом, отмеченным современными социологами. Для нас

представляется важным выявить и проанализировать элементы архаического бытия, сохраняющегося в современной социальной жизни. В обществоведческой мысли считается, что только рационально-секулярное, либеральное общество является обществом постмодерна и поэтому уверенно движется по пути прогресса. С этим трудно спорить, но следует отметить, что есть разные траектории развития, и одну из них демонстрирует Российская Федерация в постсоветский период, точнее – в последние два десятилетия. Современная Россия, по нашему предположению, не является ни либеральным модернизационным, ни тоталитарным технологическим проектом, но выражает, по воле элиты, уникальную «смесь» архаичных и современных элементов на политическом и социальном поле. Этот проект – неофеодальный капитализм, ориентированный на традиционалистский формат и неоимперский этатизм.

Цель работы – доказать, что современный вариант социально-политического строя, получивший название *неофеодализм*, является вполне естественным и органичным для той экономической и культурной реальности, которая сложилась в нашей стране. В принципе, данный проект не противоречит предыдущим этапам цивилизационного развития и основан *на ведущей роли государства, экстенсивном характере экономики, а также на патерналистских ценностях, разделяемых значительной частью общества России.*

Задачи, выдвигаемые в ходе исследования:

1. Рассмотреть наиболее существенные теоретические подходы к понятиям «феодализм» и «неофеодализм».
2. Показать, что наряду с современными секулярными ценностями, имеют место и архаические стереотипы сознания, существующие на основе традиционной системы ценностей.
3. Раскрыть присутствие неофеодальных элементов социального поведения в современной жизни.

Методология. Исследование опирается на общеполитический подход, определивший методологию междисциплинарного исследования; философско-культурологическую методологию, способствовавшую осмыслению принципов, форм и содержания исторических и современных моделей взаимодействия государства и общества на основе выделения специфики феодальной организации как вневременной формы социального взаимодействия; культурно-антропологические методы, обусловившие возможность рассмотрения общественных структур прошлого и настоящего в их изменении и преемственности.

Феодализм как идеальный тип и феномен. Существует много определений феодализма как своего рода идеального типа, следуя терминологии, предложенной М. Вебером, приспособленных для понимания сложных социально-культурных процессов в традиционном и современном обществах. По сути, идеальный тип строится на основе строго ориентированного выделения одной определённой или нескольких точек зрения в результате синтеза конкретных индивидуально рассматриваемых феноменов (Вебер, 1990; 1994), которые организованы в мысленный конструкт, согласно односторонне выделенным точкам зрения.

Интересно отметить, что Вебер рассматривал феодализм как всемирное явление, признаки которого (или элементы) можно обнаружить в человеческом обществе различных исторических эпох. Например, Древняя Спарта, эксплуатируя илотов от лица именно государства, с опорой на военное сословие, делала это в чисто феодальном варианте (поземельная рента, внеэкономические формы принуждения). Исходя из понимания самой сути феодальных отношений, можно сформулировать наиболее важный тезис – феодальное общество характеризуется наличием особо значимого статуса у военного сословия, занимающего высшие позиции в социальной иерархии. Это сословие свободных людей. Быть свободным в феодальном обществе значило ощущать себя тем, на кого безнаказанно никто не мог поднять руку. Социальная иерархия – весьма приметная особенность феодализма. Вассально-ленные отношения пронизывают сверху донизу в первую очередь правящий класс, образуя феодальную иерархию. Каждый человек жёстко прикреплен к своему месту в социальной иерархии и рассматривает её как *правильный* порядок вещей. Нет человека без господина – так понимали в Средние века суть общественных отношений.

Политическая модель феодальной структуры ранее всего была представлена в работах Фюстеля де Куланжа, который рассматривал феодальное общество как социальную систему со слабой центральной властью и с высокой степенью автономизации ряда акторов политической сцены. По мнению учёного, в обществе одновременно осуществляются процессы ослабления политической власти и усиления «больших поместий и патронатов» (Фюстель де Куланж, 1907). Именно отсюда берёт своё начало раннее представление, что феодальное государство есть антипод централизованному, вертикально ориентированному и способному защитить своих подданных.

Действительно, феодализм для многих людей является символом могущества военного сословия и церкви. В любом случае феодальное общество ни в коем случае не должно напоминать современное; так по крайней мере это видели люди эпохи модерна.

Остановимся вначале на ключевых элементах феодализма для понимания основ этого (как нам кажется) вневременного явления.

Феодальные институты – это феод (*фьеф*) и вассалитет, а также сословная организация. Феод, по сути, есть наделение землёй представителей военного сословия (*milites*) при условии несения ими военной (в основном) службы. Земля была главной ценностью, но ещё большую ценность ей придавал труд прикреплённых к земле крестьян. Феод вообще в широком смысле означает некое дарение, пожалование, плату за службу. Постепенно возникает новое толкование этого термина – подчинение вышестоящему сюзерену, являющееся почетным, включение в круг избранных (Герро, 2006).

Французский исследователь Жак Ле Гофф отмечал, что феодализм – это прежде всего система ориентированных на личные выгоды связей, иерархически организующих членов высшего сословия. Отношения между ними имели в качестве основы такие явления, как *оммаж* и *фьеф* (феод). Фьефом чаще всего была земля. Это подводит под феодализм аграрную основу, даёт ясно осознать, что это прежде всего система обладания землей и землепользования (Ле Гофф, 1992). В широком значении фьеф (феод) – реальный элемент обмена, т.е. некое пожалование (*бенефиций*), подарок, предоставляемый взамен принесения вассальной присяги, подтверждения личной преданности сюзерену.

Марк Блок вообще утверждал, что феод, бенефиций, лен – это синонимы определённых экономических отношений (Блок, 2003). Феод был вознаграждением за определённую службу для вполне конкретного человека, связанного обязательственными отношениями. Феодальное поместье являлось источником богатства в условиях превалирования в обществе аграрных отношений. Преданность военных слуг сюзерену ценилась ещё больше. Завоевав Англию, Вильгельм Бастард позаботился в первую очередь о том, чтобы перенести на английскую почву систему вербовки вооружённой силы, распространённой в Нормандии.

Феодальный договор, заключающийся при передаче феода, как отмечал английский историк Р. Пайпс, имел помимо юридического ещё и морально-этический аспект: в дополнение к конкретным функциям стороны обязывались проявлять в отношении друг друга всю возможную справедливость и взаимоуважение. На первый взгляд, это достаточно неопределённое и абстрактное условие. Тем не менее нужно учесть, что в странах, в которых отсутствовал вассалитет с его правовой регламентацией (например, Русь-Россия), существовали лишь односторонние обязательства слабых по отношению к сильным, культивировались их обязанности при скудной сумме прав (Пайпс, 1993).

Сеньора и вассала связывал специальный договор. По нему второй был обязан первому множеством услуг, в том числе он должен был участвовать в созываемых сеньором советах вассалов, вершить суд от имени господина, а также оказывать ему при необходимости помощь – преимущественно военную, но в определённых случаях и финансовую (например, осуществлять выкуп сеньора из плена). Сюзерен в ответ оказывал покровительство вассалу, а в случае предательства мог конфисковать его фьеф. Вассал же в свою очередь мог отказаться от верности сеньору, нарушившему договор. Определённо можно утверждать, что вассалитет можно рассматривать как следствие слабости центральной власти; это была форма защиты против беспорядка в отсутствие сильного централизованного государства.

Можно согласиться с тем фактом, что средневековая цивилизация Запада во многом осуществила рецепцию римского права, которое тщательно регламентировало статусы индивидов и их правовые обязательства. По мнению английского историка Р. Пайпса, договорные формы отношений, столь развитые в Западной Европе, не получили правового и политического развития между властителями и зависимыми людьми в России, которые «от мала до велика» выступали своего рода челядью в доме вотчинника (Пайпс, 1993). То есть института вассалитета вообще в русских землях не было, было только право, проистекающее от воли господина.

Стоит также признать и то, что византийский вариант феодализма был усвоен русскими князьями раннего периода государственности. Данная модель общественных отношений начинает складываться примерно в IX веке, и с этого момента обозначается тенденция к становлению сеньориальной, вотчинной системы присвоения прибавочного продукта. Византийская служилая аристократия жила в значительной мере за счёт жалованья и различных раздач в натуральной и денежной форме, которыми византийский государь наделял своих прямых слуг. Нобилитет имел и свои поместья, но отличало его представителей как социальную группу то, что они имели право на известную долю государственных налогов. Немалая часть суммы выдавалась в качестве монаршей милости, которой, впрочем, они могли и лишиться. Провинциальная аристократия активно стремилась в ряды столичной служилой знати, привлекаемая возможностью участвовать в большой политике, получать богатые подарки от императора, сравнительно быстро и легко

сделать карьеру. Но в отличие от Западной Европы, в Византии не сложились крупные феодальные лены, там просто не могли возникнуть герцогства или графства, так как после смерти главы семьи его наследники скатывались вниз по социальной лестнице.

И напротив, бывший конюх или трактирщик мог занять в социальной иерархии высокое положение за кратчайшее время. Общественный статус человека определялся не столько его имущественным положением, сколько местом в административной системе. Феодальные отношения франкского типа не сложились, но преобладал государственный феодализм с его развитой системой налогообложения и бюрократией. Культ императорской власти с соответствующей атрибутикой в виде пышных ритуалов, роскошной обстановки приёмов, с особым почитанием императора сильно отличался от общественного признания западных королей, которые рассматривались скорее как *принцепсы* феодального сословия.

Россия, как известно, восприняла именно византийский вариант феодализма, внеся в него свои, так сказать, коррективы. В Западной Европе же, по-видимому, Франция задавала моду в феодальной сословной системе. Герард Камбрийский в 1024 г., а затем Адальберт Ланский в 1024–1027 гг., описав известное им общество, поделили его на три определённые страты: молящихся, сражающихся и трудящихся. Монарх (суверен) гарантировал гармонию этого порядка. Местная власть представляла власть суверена. Прежде чем стать подданным короля, каждый крестьянин или ремесленник находился в той или иной зависимости от регионального феодала. Сеньор осуществлял правосудие над своими подчинёнными, облагая их штрафами и податями. Выстраивалась некая вертикальная линия из статусов, упорядоченных сословными отношениями. Огромное значение имели так называемые хартии вольностей, оговаривающие права и обязанности городских и сельских общин. В феодальной Франции хартии вольностей крестьянских союзов, установив размер подати, защищали крестьян от вымогательств феодалов. Как отмечает ряд авторов, в частности Поло де Болье, феодальная система, развиваясь, в середине XII века уже не нуждалась в барщине, заменив её оброком, который имел разные вариации (Поло де Болье, 2006). Интересно, что в России именно барщина станет наиболее ненавистной и тяжёлой для крестьян феодальной податью; к первой половине XIX века хозяйства юга России, практикующие этот вид социальных отношений между земельным собственником и зависимым от него крестьянином, превратятся в некое подобие плантационного рабства.

Таковы общие, но далеко не полно представленные особенности феодализма, которые нас заинтересовали в свете реализации сравнительного анализа средневековой и современной версии феодализма – нефеодализма, дабы понять, что воздействует на современную социальную систему из веков ушедших.

Нефеодализм и (или) неомедиевализм. Действительно, интересно разобраться и понять – почему средневековые аллюзии приобрели такое значение в наше время.

В 90-е гг. XX в. социолог В. Шляпентох выпустил книгу «Современная Россия как феодальное общество». Безусловно, налицо претенциозное название. Исследователь делает заявление о том, что большинство типов социальной организации, бытовавших в прошлом, существуют и в современности, как, например, сохранились в наши дни древние реликтовые существа типа латимерии (Шляпентох, 2008). Основные формы такой организации – это авторитаризм (тоталитаризм), демократическая форма и феодальная. Типы социальной организации как разные хозяйственные уклады существуют в едином пространстве страны (имеется в виду Россия). В основе так называемого сегментированного подхода лежит отрицание поступательного прогрессистского формационного подхода, предложенного Марксом; выводится утверждение, что типы поведения, сложившиеся в прошлом, сохраняются и в наши дни, несмотря на изменения технологического уклада и материального уровня развития общества. Это можно рассматривать как сочетание старых и новых форм массового поведения. Далее исследователь весьма уверенно заявляет, что в России XXI века произошло смешение двух укладов – феодального и капиталистического. Отрицая так называемый интегративно-системный подход к рассмотрению различных типов обществ, социолог декларирует новый – сегментированный (Шляпентох, 2008). Опуская детали данного подхода, хочется обратить внимание на имеющиеся неувязки в концепции исследователя: в России, в частности, как раз построено сильное государство, что явно не сочетается с той моделью, которая предлагается В. Шляпентохом, так как сам же исследователь предлагает рассматривать феодальную систему как систему со слабой государственной властью.

Заинтересованность в понимании сущности средневекового устройства общества важна для того, чтобы максимально рельефно раскрыть проблемы нефеодализма, представляющего по мнению некоторых исследователей (например, В. Иноземцева (Иноземцев, 2018)) серьёзные трудности для развёртывания модернизации российского общества.

Говоря о новом феодализме в России, политологи и социологи обращают внимание на следующие его характеристики:

1. Персонализация власти.
2. Сила личных связей.
3. Формирование наследственной элиты, аристократии.
4. Появление современного аналога служилого дворянства в лице *силови́ков*.
5. Определённая архаизация социально-политических и культурных процессов.
6. Доминирование феодальной культуры, в которой борьба кланов и корпораций вытесняет обычную конкуренцию.

Право «*нового дворянства*» управлять страной обосновывается потребностями государства в сохранении политической стабильности и социально-однородного порядка. Однако принципиальную роль играет именно взаимообусловленность собственности и власти.

Очень интересно, на наш взгляд, обратить внимание на ряд довольно серьёзных обстоятельств:

1. Феодализм исторически возникал и развивался там, где земля и природные ресурсы являлись главным источником дохода для граждан; владение землёй по воле суверена обеспечивало лояльность слуг к нему; выгодная должность также являлась платой за преданность.

2. *Экстенсивный* характер развития хозяйства и всей экономики в целом обусловлен историческим развитием России.

3. В современных условиях наблюдается восстановление понимания государства как инструмента эффективного контроля над населением при помощи устойчивого механизма воздействия.

4. Отмечается также формирование современных страт не как классов, а как сословий – со строго определёнными правами и обязанностями, исходя из принципа их полезности для правящей элиты.

На последнее обстоятельство особенно обращает внимание исследователь С. Кордонский; он отмечает это с определённой горечью и констатирует, что здесь Россия воспроизводит явно несовременную модель социальных отношений (Кордонский, 2008).

Всё это создаёт предпосылки для архаизации общества ради сохранения стабильности властных возможностей правящей элиты и обеспечения целостности государства.

Вместе с тем хочется подчеркнуть, что термины «феодализм» и «неофеодализм» используются нами как концепты, а не как конкретно-исторические наименования форм землевладения, политического устройства и социальной связи (что вполне естественно, XXI век на дворе). Однако, конечно, суть не в дефинициях, а во вполне реально наблюдаемых явлениях, и мы можем говорить об архаизации социальных отношений, т.е. их превращении в подобие средневековых феодальных практик и институций...

Изучение особенностей российской цивилизации как ориентированной на максимальную форму выражения этатистских устремлений имеет давнюю традицию. К наиболее часто выделяемым цивилизационным признакам ее относят именно самодержавную форму правления или, как определил такой тип власти историк Р. Пайпс, «патримониальное государство»: подчинение общества государству, незначительный объем экономической свободы для подданных, персонализм власти и т.д. Исследователь утверждает, что Россия с XV века формировалась именно как *патримониальное государство* (Пайпс, 1993). Сам термин происходит от латинского слова, переводимого как «собственность». Здесь следует понимать, что государство есть не что иное, как собственность суверена.

Вот теперь необходимо отметить, что тот феодализм, который складывался в Западной Европе, имел достаточно мало схожих черт с феодализмом Византийской империи, ставшей своего рода первичной цивилизацией для Руси-России. Государственный аппарат Византийской империи контролировал все проявления экономической, политической и культурной жизни страны.

Для понимания сути архаики в современности заслуживает особого внимания, на наш взгляд, термин *неомедиевализм*, который не так распространён в научно-популярной литературе, как *неофеодализм*, однако и ему посвящён ряд интересных статей. В первую очередь отметим, что этот термин возник в рамках американской общественной мысли, в частности, в трудах Международного общества изучения медиевализма, где впервые это понятие было применено к современности. Американский исследователь К. Вердуин утверждает, что определение медиевализма подходит к рассмотрению не только средневековых моделей или понятий, но и практически любого аспекта современности (Verduin, 2009).

Другой ученый, Д. Гребер, считает, что современный постиндустриальный капитализм трансформировался в неофеодализм технократического варианта. Причины этого процесса – экспансия финансового сектора вообще и акционерных форм ведения бизнеса в частности – лишили собственников капитала управленческих функций, породив своеобразную квазирыночную бюрократию. Сформировалась единая суперэлита, для которой получение прибыли от ренты является главным источником существования. Ошибки в управлении и финансовые потери не

страшны: они покроются за счёт налогоплательщиков (Graeber, 2015). Сразу в сознании возникает образ феодалов Средневековья, осуществляющих изъятие части прибавочного продукта у производителей материальных благ...

Экономист и социолог В. Иноземцев, со взглядами которого не всегда можно согласиться, утверждает, что Россия – это несовременное государство (Иноземцев, 2018), которое запуталось в исторических потоках, усиленно воспроизводя «добрую архаику», которую, по-видимому, разделяет значительная часть населения. Рассмотрим, так ли это.

Исторически, по версии В. Иноземцева, развитие Руси-России шло на основании рецессий (заимствований) институтов и норм соседних цивилизаций. Каждый виток его позволял выйти на новый уровень, но не способствовал оцениванию возможных последствий и причин будущих кризисов (Иноземцев, 2018).

Поиск нефеодалных элементов в общественном развитии основывается на фиксации видимой архаизации социально-политических институтов, восстановлении и реактуализации считавшихся устаревшими практик (Павлов, Любченко, 2020).

Дж. Дин выделяет следующие характеристики такого нефеодализма:

1. Иерархия и экспроприация с участием новых сеньоров и новых крестьян.
2. Наличие привилегированных городов и заброшенной глубинки.
3. Чувство незащищённости и катастрофизм.
4. Резкая поляризация социальных групп в доходах (при этом именно нефеодалные отношения – это отношения производства и распределения при резком неравенстве) (Дин, 2019).

Сегодня, по мнению ряда авторов, средневековые в моде. Социолог Дина Хапаева ставит вопрос о попытках сакрализации архаики в контексте такого понятия, как неомедиевализм (Хапаева, 2018). Важной особенностью этого понятия является его применимость к социально-политической практике современной жизни. Исследователь ссылается на Хедли Булла, который предложил теорию, согласно которой своеобразное размывание понятия супергосударства будет залогом невозврата тоталитарных тенденций (Bull, 1977). Новое средневековье вполне уживается с современной глобальной цивилизацией. Традиционно понимаемое как многоуровневое явление, оно прекрасно в своём своеобразном цивилизационном решении вечных проблем (чёткое разделение между представлениями о добре и зле, ответственность каждого за грехи и т.д.), к тому же этот период был временем расцвета христианской конфессии в Европе, что вызывает ностальгическую реакцию у поклонников традиционных ценностей, церкви, сильного государства, а также этики патернализма.

Население России в целом критически относится к идее модернизации, так как в общественном сознании она отождествляется с ломкой привычного уклада жизни.

Исторически сложилось, что для граждан нашей страны сохранение государства являлось условием сохранения их культурной, национальной и религиозной идентичности. Этому способствовало длительное военное противостояние с государствами и народами Запада и Востока. Только путём максимального напряжения сил и привлечения всех возможных ресурсов удавалось отстоять независимость существования Руси-России. В связи с этим объяснимо особое отношение россиян к вооружённым силам страны.

Сейчас, например, в стране высок уровень поддержки населением спецоперации в Украине. При этом многие спокойно принимают риск ухудшения качества жизни. Две трети опрошенных россиян (68 %) поддерживают решение президента РФ о проведении специальной военной операции на Украине – об этом свидетельствуют данные соцопроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), опубликованные на сайте этой организации¹.

Большинство россиян (84 %) доверяют своей армии – это следует из другого опроса ВЦИОМ, проведённого 3 марта 2022 года среди 1 600 россиян. Это же исследование показало, что «скорее не доверяет» российской армии только каждый десятый опрошенный (10 %)².

Заключение. Подведём итоги:

1. Феодализм являлся закономерным явлением исторического прошлого, он был связан с традиционным укладом жизни, но полностью не исчерпал своего цивилизационного потенциала и имеет место в жизни обществ, осуществляющих объяснение и оправдание своего бытия из предыдущих эпох, как это имеет место в современной России.

¹ Специальная военная операция в Украине: отношение и цели [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-v-ukraine-otnoshenie-i-celi> (дата обращения: 08.05.2022).

² Армия и общество на фоне специальной военной операции [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/armija-i-obshchestvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 08.05.2022).

2. Опыт самой жизни и знание прошлого показывают, что наша страна является уникальной цивилизацией, сохраняющей отдельные архаические нормы, ценности и институты, которые, тем не менее, не раз срабатывали как защитные механизмы при сложных переходах в процессе развития и изменения русской цивилизации.

3. Особое место в системе поддержания общественной стабильности играет вера русского народа в истинность и незыблемость устоев государственной власти, опирающейся на силовые институты.

4. Неофеодализм является в большей степени абстрактной конструкцией, которая может служить средством объяснения отношений между обществом и государством в современной России.

5. Также разумным, на наш взгляд, является использование термина «неопатримониализм» в качестве дополнительного для объяснения существующей ситуации в жизни общества.

Список источников:

- Блок М. Феодальное общество. М., 2003. 504 с.
 Вебер М. Избранное: образ общества. М., 1994. 704 с.
 Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.
 Герро А. Фьеф, феодальность, феодализм. Социальный заказ и историческое мышление // Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 77–113.
 Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29, № 6 (133). С. 85–116. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-6-85-114>
 Иноземцев В.Л. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. М., 2018. 404 с.
 Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М., 2008. 213 с.
 Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. М., 1992. 214 с.
 Павлов П.В., Любченко В.С. Капитализм и современные социальные теории // Вестник Южно-российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13, № 4. С. 168–172. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-4-168-172>
 Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. 424 с.
 Поло де Болье М.А. Средневековая Франция. М., 2006. 384 с.
 Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции : в 6 т. СПб., 1907. Т. 4. 296 с.
 Хапаева Д. Неомедиевализм плюс ресталинизация всей страны! // Неприкосновенный запас, дебаты о политике и культуре. 2018. № 1 (117). С. 173–186.
 Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. М., 2008. 370 с.
 Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. N. Y., 1977. 335 p.
 Graeber D. The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity and the Secret Joys of Bureaucracy. N.Y., 2015. 272 p.
 Rosenwine B.H. A Short History of the Middle. N.Y., 2005. 362 p.
 Verduin K. The Founding and the Founder: Medievalism and the Legacy of Leslie J. Workman // Studies in Medievalism XVII. Woodbridge, 2009. P. 1–27. <https://doi.org/10.1017/upo9781846157639.003>

References:

- Blok, M. (2003) *Feodal'noe obshchestvo* [Feudal Society]. Moscow. 504 p. (in Russian).
 Bull, H. (1977) *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. New York. 335 p.
 Dean, J. (2019) Communism or Neo-Feudalism? *Logos*. 29 (6 (133)), 85–116. Available from: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-6-85-114> (in Russian).
 Fyustel' de Kulanzh, N. D. (1907) *Istoriya obshchestvennogo stroya drevnei Frantsii* [History of the Social Order of Ancient France]. Vol. 4. Saint-Petersburg. 296 p. (in Russian).
 Gerro, A. (2006) F'ef, feodal'nost', feodalizm. *Sotsial'nyi zakaz i istoricheskoe myshlenie* [Feudality, Feudalism. Social Order and Historical Mindset]. In: *Odissei. Chelovek v istorii. 2006. Feodalizm pered sudom istorikov*. Moscow, pp. 77–113 (in Russian).
 Graeber, D. (2015) *The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity and the Secret Joys of Bureaucracy*. New York. 272 p.
 Inozemtsev, V. L. (2018) *Nesovremennaya strana: Rossiya v mire XXI veka* [A Non-Modern Country: Russia in the World of the XXI Century]. Moscow. 404 p. (in Russian).
 Khapaeva, D. (2018) *Neomedievalizm plus restalinizatsiya vsei strany!* [Neo-Medievalism Plus the Restalinization of the Entire Country!]. *Neprikosnovenniy zapas, debaty o politike i kul'ture*. (1 (117)), 173–186 (in Russian).
 Kordonskii, S. G. (2008) *Soslovnaya struktura postsovetsoi Rossii* [Estate Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow. 213 p. (in Russian).
 Le Goff, Zh. (1992) *Tsivilizatsiya Srednevekovogo Zapada* [The Civilization of the Medieval West]. Moscow. 214 p. (in Russian).
 Paips, R. (1993) *Rossiia pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow. 424 p. (in Russian).
 Pavlov, P.V. & Lyubchenko V.S. (2020) Capitalism and Modern Social Theories. *Vestnik Yuzhno-rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI)*. Seriya: *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 13 (4), 168–172. Available from: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-4-168-172> (in Russian).
 Polo de Bol'e, M. A. (2006) *Srednevekovaya Frantsiya* [Medieval France]. Moscow. 384 p. (in Russian).
 Rosenwine, B. H. (2005) *A Short History of the Middle*. New York. 362 p.
 Shlyapentokh, V. (2008) *Sovremennaya Rossiya kak feodal'noe obshchestvo* [Modern Russia as a Feudal Society]. Moscow. 370 p. (in Russian).
 Veber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow. 808 p. (in Russian).
 Veber, M. (1994) *Izbrannoe: obraz obshchestva* [Favorites: the Image of Society]. Moscow. 704 p. (in Russian).
 Verduin, K. (2009) The Founding and the Founder: Medievalism and the Legacy of Leslie J. Workman. In: *Studies in Medievalism XVII*. Woodbridge, pp. 1–27. Available from: <https://doi.org/10.1017/upo9781846157639.003>

Информация об авторах

Е.А. Березуев – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Государственного аграрного университета Северного Зауралья, Тюмень, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=954791.

Г.Л. Петров – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=407323.

Information about the author

E.A. Berezuev – PhD, Associate Professor, Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Sciences, State Agrarian University of Northern Trans-Urals, Tyumen, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=954791.

G.L. Petrov – PhD of agricultural sciences, Associate Professor, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=407323.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 57–60.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 57–60.

Научная статья

УДК 241.53

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.6>

Путь юродивого как идеал аскезы

Алексей Николаевич Ильин

Альметьевский государственный нефтяной институт, Альметьевск, Россия, alexeyilyin.74@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен пути юродивого в контексте его определения как идеала аскетического образа жизни. Актуальность исследования заключается в осмыслении юродства как идеала религиозной, подвижнической жизни, демонстрирующей образцы самоограничения предельного уровня, не допускающего дальнейшего развития. Проанализированы вопросы, касающиеся форм проявления аскезы юродивыми по свидетельствам их жизни и деятельности. Философское изучение феномена юродства в контексте понимания его как наивысшего проявления святости (в его идеальном смысле) представляет сегодня научный интерес как в философском понимании данного феномена, так и в аспекте идеализации аскетического образа жизни. Границы изучения предполагают осмысление особого пути юродивого как протестного по сути, предусматривающего самоотречение и неосознаваемый выход на сверхъестественный (трансцендентный) уровень существования. Предложена классификация юродства с позиции аскезы. Сделан вывод, что качество аскетизма в юродивом получает идеальное измерение, которое можно использовать для понимания философского (феноменологического) и религиозного смыслов аскезы.

Ключевые слова: юродство, юродивый, аскеза, аскетический образ жизни, смысл аскезы, идеал, духовность, религиозный подвиг

Для цитирования: Ильин А.Н. Путь юродивого как идеал аскезы // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 57–60. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.6>.

Original article

The way of the fool in Christ as an ideal of austerity

Alexey N. Ilyin

Almetyevsk State Oil Institute, Almetyevsk, Russia, alexeyilyin.74@mail.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of the fool in Christ way within the context of his definition as the ideal of an austere way of life. The relevance of the study lies in the comprehension of foolishness as an ideal of religious, ascetic life, demonstrating patterns of self-limitation of the utmost level, preventing further development. Issues relating to the forms of austerity by fools in Christ are analyzed from the evidence of their lives and activities. A philosophical study of the phenomenon of foolishness in the context of understanding it as the highest manifestation of holiness (in its ideal sense) is of academic interest today, both in its philosophical understanding of this phenomenon and in its idealization of the austere way of life. The boundaries of the study presuppose an understanding of the special path of the fool in Christ as essentially protestant, involving self-renouncement and an unconscious exit to a metaphysical (transcendent) level of existence. An attempt was made to classify the foolishness from the position of asceticism. Conclusion is drawn that the quality of austerity in the fool in Christ obtains an ideal dimension that can be used to understand the philosophical (phenomenological) and religious meanings of austerity.

Keywords: foolishness, fool in Christ, austerity, austere life, meaning of asceticism, ideal, spirituality, religious act of moral courage

For citation: Ilyin, A.N. (2022) The way of the fool in Christ as an ideal of austerity. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 57–60. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.6](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.6) (In Russian).

Актуальность данного исследования обусловлена следующими основаниями. Во-первых, в современном мире назрела мысль об определении границ человеческого существования при необходимости всемерного ограничения, доходящего до определенного уровня аскезы. Во-вторых, в рамках русской религиозной философии выражены основания духовности, в которой юродство представляет собой аскезу совершенно особенного (трансцендентного) уровня. В-третьих, для преодоления кризиса человеческого духа нужно изучить специфику русской идеи для достижения мессианской цели русского духовного пути.

Объектом исследования выступает аскеза как неизменное качество праведной жизни православного христианина. **Предметная область** определена как философское изучение феномена юродства в контексте его трактовки как наивысшего проявления святости (в его идеальном смысле) в русле аскетического образа жизни.

Целью работы является изучение аскетического образа жизни и повседневной поведенческой деятельности юродивого для обозначения границ особого вида святости, который может быть определен как идеал аскезы. Достижению поставленной цели способствовало последовательное решение следующих **задач**:

- проанализировать дефиницию и смысл аскезы и аскетического образа жизни в истории философской и религиоведческой мысли;
- рассмотреть специфику существования юродивого в аспекте определения святости в понимании аскетического образа жизни как феноменологической категории;
- изучить особый путь юродивого как протестный и предполагающий самоотречение и выход на трансцендентный уровень существования;
- отметить позиции отношения к юродивым в российской истории для осмысления трудности восприятия юродивого как святого подвижника, ведущего идеальный аскетический образ жизни;
- осуществить попытку разработки классификации юродства с позиции аскезы;
- выявить потенциал развития аскезы в жизни современных россиян.

Человек в жизни сталкивается с ситуациями, когда вынужденно или невынужденно, но всегда самостоятельно накладывает на себя разные ограничения, называемые аскезой. Наложение самоограничений предпринимается для достижения совершенно определенных результатов, подавляющее большинство которых носит духовный самоочистительный характер. Путь аскезы разнообразен – он формируется различными способами, самый изощренный из которых представлен аскетическим путем святости юродивого. Чтобы встать на путь аскезы, необходимо четко осознавать, к какой цели движется человек. Аскетический путь юродивого, по-видимому, не обладает целевой направленностью, поэтому демонстрирует аскетизм высшего, идеального уровня. Аскетический образ жизни является твердым добровольным шагом, и присутствие аскезы в жизни юродивого определено высшим духовным смыслом.

Аскезу понимают как особое состояние человека, когда он добровольно выходит за границы привычной жизни и сознательно лишает себя как физического комфорта, так и психического. Рассматривая пользу аскезы юродивого, можно выявить ее глобальный характер, основная суть аскетического пути и состоит в том, что юродивый перманентно духовно совершенствуется и выходит на уровень самотрансценденции.

Аскеза юродивого определяется очистительным и светоносным характером. Аспекты святости юродивого изучаются с различных точек зрения. Здесь присутствуют и религиозные исследования, связанные с каноническим пониманием аскезы¹, и работы, посвященные анализу аскезы как фундаментального условия юродства (Ильин, 2015). В произведении иеромонаха Мефодия (С.А. Зинковского) рассматривается ипостасно-природный характер христианской аскезы (2012).

Вообще вопросы аскетического пути юродивого становятся объектом онтологического и феноменологического дискурса (Ильин, 2013). По данной теме успешно защищают диссертации². В последние годы предпринимаются попытки рассмотрения аскетического пути юродивого как внеустановной аскезы (Гаевская, 2019). Неудивительно, что сегодня к проблеме аскезы возникает не философский (онтологический и феноменологический) и религиозный, а научный интерес. Выпускаются работы за рубежом (Phenomenological meaning..., 2020), в философской области знаний иностранные авторы все чаще обращаются к данной тематике (Bishop, Perszyk, 2017). Обзор литературы включает различные аспекты исследования аскезы как осознанного образа жизни (Ильина, Ильин, 2014; Ростова, 2008; Руди, 2015; Bloomfield, 2017; Evangelou, 2017a, 2017b; Ming-Hui Huang, 2019).

Аскетический образ жизни юродивых открывается и в их реальной жизни, и в искусстве, и в религиозной духовной практике. Опыт истории демонстрирует богатое содержание этого явления. Если объединить факты и аргументы, побуждавшие святых подвижников вставать на путь юродства в смысле принятия идеального аскетического образа жизни, можно выделить основные моменты.

1. Первым качеством юродивого является личное чувство отречения от материальных благ, возникшее как осознанное понимание несправедливости и греховности мира. Принятие аскезы как образа жизни служит следствием возмущения обыденным миром.

2. Преодоление гордыни и поправление тщеславия, возникающих при осуществлении аскетического монашеского подвига во имя Иисуса Христа и Русской православной церкви.

¹ Варнава (Беляев Н.Н.), епископ. Основы искусства святости: опыт изложения православной аскетики. М.; Н. Новгород, 2009. 586 с.

² Неронова М.Ю. Феномен православного аскетического подвижничества в русской культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2011. 22 с.

3. Попрание богатства, тщеславия и гордости в людях, считающих себя достойными гражданами, уважаемыми в обществе, имеющими богатство и власть над людьми.

4. Обличение обыденной житейской мудрости как неугодной Господу Богу и утверждение Его истинной мудрости.

5. Поведение, доведенное до аскетического предела, физических страданий, истязания своего тела ради испытания силы духа и силы религиозной веры в учение Иисуса Христа.

6. Выделение противоречия между аскетической жизнью Христа ради и общепринятым здравым смыслом, традициями общественной нравственности, а также моральностью повседневного общепринятого поведения.

7. Служение Господу Богу не только словом, но и делом, часто облеченным в идеальную аскетическую форму, выражающуюся в убогой и бедной одежде (а иногда и без нее). Это подчеркивает бренность земной жизни и более важное значение вечной жизни, угодной Господу Богу.

8. Большая смелость прослыть безумным во мнении людей, порой доводить себя до безумия, чтобы сильнее воздействовать на сознание других и выражать свою силу духа, готовность на все ради Иисуса Христа.

9. Убежденность в том, что юродство приближает к Богу, тайнам мироздания и земного бытия, давая дар божий исцелять от болезней, защищать от земных бедствий и упадка духа, совершать чудо, если люди верят в помощь юродивого.

10. Юродивые делают то, чего сами не всегда осознают; они пробуждают в себе творческие силы подсознания. Его соединение с сознанием поднимает юродивого на уровень сверхсознания и самотрансценденции. Подсознание открывает человеку тайны, до которых обыденному сознанию дойти не удастся. На наш взгляд, в этом и скрыта тайна тех необходимых способностей юродивых, которые они проявляли при исцелении больных, предчувствии и предсказании будущего, а также при воздействии на людей в упадке их воли и духа.

Аскетическая сущность юродства присутствует в образах юродивых, известных по авторитетным агиографическим сведениям. Также об аскетизме юродивых сообщается в произведениях русской классической литературы и более поздних прозаических и поэтических художественных текстах. Систематизировав особенности их жизнедеятельности, можно классифицировать основные типы юродивых, определяемые в русле их аскетического образа жизни (Ильин, Данилова, 2015).

– С XII по XIII в. встречаются юродивые, являющиеся апологетами народной жизни, выражающие русский дух и благоговение перед Господом Богом и несправедливой властью князей. Их аскетизм отражал меру страдания русского народа.

– С XIV по XVI в. выделяется тип юродивых – обличителей неправды, несправедливости, а также всех тех, кто грубо и греховно попирает православную веру. В жизни таких юродивых аскеза имела вид смысла неповиновения власти, выражающегося в буйном протесте, олицетворяя непримиримость юродивого с неправдой. Изнуренный вид отражал особую проникновенную силу духа, которой были чужды границы обыденности. Образ юродивого вселял в людей уверенность в духовной созидательной мощи веры.

– В XVII в. наблюдался уже встречавшийся в XII–XIII вв. тип юродивых, сочувствующих и сострадающих простому русскому народу, а также старообрядцам. В этом случае аскеза подтверждала единство юродивого с народом.

– В XVIII в. возникает особый тип юродствующей женщины, которая жертвует своим добром во имя Иисуса Христа и в память о скончавшемся муже. Подвиг блаженной Ксении Петербургской показывает специфический аскетизм, принимающий вид полнейшего равнодушия к благам и установкам обывательской социальной жизни.

– В XIX в. чаще встречается юродивый-мученик, который страдает за правду и искупление грехов других. Он жертвует собой ради помощи людям, позволяя им обрести физическое и духовное здоровье. В таком смысле аскетизм выявляет способность юродивого к самотрансценденции.

– В XX в. возникает нерелигиозное юродство (В. Ерофеев, А. Башлачёв, Г. Перельман и т. д.).

Объединив все описанные типы в классификацию, можно сделать вывод, что качество аскетизма в юродивом получает идеальное измерение, которое можно использовать для понимания философского (феноменологического) и религиозного смыслов аскезы.

Список источников:

Гаевская Н.З. Крестный путь. Юродство как внеуставная аскеза // Бог. Человек. Мир : сб. докл. XXI межвуз. науч. конф. / отв. ред. Д.К. Богатырёв, Д.В. Шмонин. СПб., 2019. С. 46–51.

Ильин А.Н. Аскеза как фундаментальное условие юродства // Развитие гуманитарной среды в техническом вузе : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Альметьевск, 2015. Т. 1. С. 125–129.

Ильин А.Н. Онтологический смысл юродства : монография / под ред. О.И. Кирикова. М.; Воронеж, 2013. 298 с.

Ильин А.Н., Данилова И.Ю. Новая типология юродства // Ученые записки Альметьевского государственного нефтяного института. 2015. Т. 14. С. 175–180.

Ильина Г.В., Ильин А.Н. Юродство как путь к самотрансценденции // Материалы научной сессии ученых Альметьевского государственного нефтяного института. 2014. № 2. С. 289–294.

Мефодий (Зинковский С.А.), иеромонах. Об ипостасно-природном характере христианской аскезы // Развитие личности. 2012. № 1. С. 165–179.

Ростова Н.Н. Человек обратной перспективы: опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради / под ред. Ф.И. Гиренка. М., 2008. 137 с.

Руди Т.Р. Об аскезе юродивых (из истории агиографической топики) // Slověne. 2015. Т. 4, № 1. С. 456–473.

Bishop J., Perszyk K. The divine attributes and non-personal conceptions of God // Essays on the Metaphysics of the Divine. 2017. Vol. 36, no. 4. P. 609–621. <https://doi.org/10.1007/s11245-016-9394-z>.

Bloomfield P. Morality is necessary for happiness // Philosophical Studies. 2017. Vol. 174, no. 10. P. 2613–2628. <https://doi.org/10.1007/s11098-016-0729-9>.

Evangelou A. History of madness: is there such a thing as madness? // Philosophizing madness from Nietzsche to Derrida. Cham, 2017a. P. 137–156. https://doi.org/10.1007/978-3-319-57093-8_8.

Evangelou A. Nietzsche and madness // Philosophizing madness from Nietzsche to Derrida. Cham, 2017b. P. 63–84. https://doi.org/10.1007/978-3-319-57093-8_4.

Ming-Hui Huang. A cross-reference approach to conceptualizing the Russian holy fool // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16). С. 171–180. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10328>.

Phenomenological meaning of foolishness for christ (Russian version yurodstvo) / A.N. Ilyin, Y.G. Matushanskaya, R.V. Shagieva, N.N. Kosarenko // XLinguae. 2020. Vol. 13, no. 3. P. 51–62. <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.03.06>.

References:

Bishop, J. & Perszyk, K. (2017) The divine attributes and non-personal conceptions of God. *Essays on the Metaphysics of the Divine*. 36 (4), 609–621. Available from: [doi:10.1007/s11245-016-9394-z](https://doi.org/10.1007/s11245-016-9394-z).

Bloomfield, P. (2017) Morality is necessary for happiness. *Philosophical Studies*. 174 (10), 2613–2628. Available from: [doi:10.1007/s11098-016-0729-9](https://doi.org/10.1007/s11098-016-0729-9).

Evangelou, A. (2017a) History of madness: Is there such a thing as madness? In: *Philosophizing madness from Nietzsche to Derrida*. Cham, Palgrave Macmillan, 137–156. Available from: [doi:10.1007/978-3-319-57093-8_8](https://doi.org/10.1007/978-3-319-57093-8_8).

Evangelou, A. (2017b) Nietzsche and madness. In: *Philosophizing madness from Nietzsche to Derrida*. Cham, Palgrave Macmillan, 63–84. Available from: [doi:10.1007/978-3-319-57093-8_4](https://doi.org/10.1007/978-3-319-57093-8_4).

Gaevskaya, N.Z. (2019) The Way of the Cross. Fool in Christ as an Extra-Statutory Ascesis. In: Bogatyrev, D.K. & Shmonin, D.V. (eds.) *God. Man. World Proceedings of the XXI Interuniversity Scientific Conference*. Saint Petersburg, Russkaya Khristianskaya Gumanitarnaya Akademiya, 46–51. (In Russian)

Ilyin, A.N. (2015) Ascesis as a Fundamental Condition of the Foolishness. *Development of Humanitarian Environment in Technical Universities: Proceedings of the VI All-Russian Scientific-Practical Conference*. Almet'yevsk, Tipografiya Al'met'evskogo Gosudarstvennogo Neftyanogo Instituta, 125–129. (In Russian)

Ilyin, A.N. (2013) The Ontological Meaning of Foolishness : A Monograph. Moscow, Nauka-Inform; Voronezh, Voronezhskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet. (In Russian)

Ilyin, A.N. & Danilova, I.Yu. (2015) *New typology of foolishness craziness. Scientists Notes of the Almet'yevsk State Oil Institute*. (14), 175–180. (In Russian)

Ilyin, A.N., Matushanskaya, Y.G., Shagieva, R.V. & Kosarenko, N.N. (2020) Phenomenological meaning of foolishness for Christ (Russian version yurodstvo). *XLinguae*. 13 (3), 51–62. Available from: [doi:10.18355/XL.2020.13.03.06](https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.03.06).

Ilyina, G.V. & Ilyin, A.N. (2014) "Yurodstvo" as the way to samotranscendence. *Proceedings of a Scientific Session of the Almet'yevsk State Oil Institute*. (2), 289–294. (In Russian)

Methody (Zinkovskiy, S.A.), Hieromonk (2012) On the hypostatic and natural character of Christian asceticism. *Development of Personality*. (1), 165–179. (In Russian)

Ming-Hui Huang. (2019) A cross-reference approach to conceptualizing the Russian holy fool. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. (1), 171–180. Available from: [doi:10.24411/2499-9679-2019-10328](https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10328).

Rostova, N.N. (2008) The Reverse Perspective Man: An Experience of Philosophical Reflection on the Phenomenon of Fool in Christ for Christ's Sake. Moscow, MGIIU. (In Russian)

Rudi, T.R. (2015) On the asceticism of holy fools (From the history of hagiographic topoi). *Slověne*. 4 (1), 456–473. (In Russian)

Информация об авторе

А.Н. Ильин – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарного образования и социологии, Альметьевский государственный нефтяной институт, Альметьевск, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=682365.

Information about the author

A.N. Ilyin – PhD, Associate Professor, Department of Humanitarian Education and Sociology, Almet'yevsk State Oil Institute, Almet'yevsk, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=682365.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.04.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.05.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 61–69.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 61–69.

Научная статья

УДК 281.1

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.7>

Концептуальное смешение в раннехристианском антииудейском трактате «De duobus montibus Sina et Sion»

Анна Александровна Лунева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
anluneva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7033-3140>

Аннотация. В статье рассматривается развитие антииудейской риторики в раннехристианском трактате «De duobus montibus Sina et Sion». Для этого используется теория концептуального смешения, разработанная когнитивными лингвистами Ж. Фуконье и М. Тернером. Согласно данной теории, познание происходит посредством «смешивания» в нашем подсознании различных концептов, благодаря чему формируются новые знания. Теория частично пересекается с теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора есть универсальный способ мышления, при котором абстрактные сущности познаются через более конкретные. Так, автор сочинения «De duobus montibus...» олицетворяет христиан с Сионом, а иудеев – с Синаем, в то же время определяя, что первая гора – духовная, а вторая – земная. Это и есть первый блэнд, который мы находим в тексте, и через него автор доказывает, что все связанное с христианами – святое и безгрешное, а связанное с иудеями – бездуховное и беззаконное. Благодаря теории концептуального смешения видно, что такие взгляды автора складывались не из-за его непосредственного контакта с иудеями, а благодаря его воображению.

Ключевые слова: раннее христианство, раннехристианский антииудаизм, иудео-христианские отношения в античности, когнитивное религиоведение, концептуальное смешение, концептуальная метафора

Для цитирования: Лунева А.А. Концептуальное смешение в раннехристианском антииудейском трактате «De duobus montibus Sina et Sion» // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 61–69. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.7>.

Original article

Conceptual mixture in the early Christian anti-Judaic treatise “De duobus montibus Sina et Sion”

Anna A. Luneva

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
anluneva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7033-3140>

Abstract. The article reveals the development of anti-Judaic rhetoric in the early Christian treatise “De duobus montibus Sina et Sion”. For this purpose, the theory of conceptual mixing developed by cognitive linguists J. Fouconier and M. Turner is used. According to this theory, cognition occurs through the “mixing” of various concepts in our subconscious, thanks to which new knowledge is formed. The theory partially overlaps with the theory of conceptual metaphor by J. Lakoff and M. Johnson, according to which metaphor is a universal way of thinking in which abstract entities are known through more concrete ones. Thus, the author of the work “De duobus montibus...” personifies Christians with Zion, and Jews with Sinai, at the same time determining that the first mountain is spiritual, and the second is earthly. This is the first blend that we find in the text, and through it the author proves that everything connected with Christians is holy and sinless, and everything connected with Jews is spiritless and lawless. Thanks to the theory of conceptual confusion, it is clear that such views of the author were formed not because of his direct contact with the Jews, but thanks to his imagination.

Keywords: early Christianity, early Christian anti-Judaism, Jewish-Christian relations in antiquity, cognitive science of religion, conceptual blending, conceptual metaphor

For citation: Luneva, A.A. (2022) Conceptual mixture in the early Christian anti Judaic treatise “De duobus montibus Sina et Sion”. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 61–69. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.7](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.7) (In Russian).

Развитие во второй половине XX в. когнитивных наук, в частности когнитивной лингвистики, позволило иначе взглянуть на такую часть речи, как метафора. Джордж Лакофф (George Lakoff) и Марк Джонсон (Mark Johnson) показали, что метафора – это не просто изолированная и редко

встречающаяся поэтическая или риторическая структура, но это то, чем мы живем. С одной стороны, метафоры создаются контекстом: культурой, обществом, в котором мы находимся, а с другой – они сами влияют на развитие этого контекста. Ученые доказали, что метафора – это не девиантный феномен, а фундаментальная часть нашего сознания. Это сильный инструмент, конструирующий повседневность. Метафоры – настолько неотъемлемая часть нашей жизни, что иногда сложно усомниться в их истинности, и в итоге мы нередко действуем в соответствии с ними. С помощью метафор мы используем шаблоны, которые возникают в нашем физическом опыте для понимания более абстрактных вещей (Johanson, 1990: XV).

В статье мы проследим формирование метафор об иудеях и христианах в раннехристианском антииудейском трактате «De Duobus Montibus Sina et Sion» («О двух горах Синай и Сион»), написанном на латинском языке, предположительно в III в. н. э. Автор трактата неизвестен, его относят к псевдо-киприановской традиции. Для анализа метафор мы будем использовать теорию концептуального смешения (conceptual blending theory), разработанную Жиллем Фуконье (Gilles Fauconnier) и Марком Тернером (Mark Turner). Она, на наш взгляд, в наибольшей степени позволяет раскрыть всю изобретательность носителей языка в создании разнообразных концептов.

Данный подход не является новаторским в изучении религии. Библиисты, а также исследователи раннего христианства активно применяют теорию концептуальной метафоры и теорию концептуального смешения для анализа различных религиозных идей с целью понимания, как они формировались и что за ними стояло (Lundhaug, 2007; Robbins, 2007; Thaden, 2007; Ross, 2019). Золтан Ковечеш (Zoltán Kövecses), проанализировав некоторые Библейские сюжеты на основе теории концептуального смешения, показал, что большинство идей христианства складывалось за счет повседневной концептуальной системы людей, поэтому для их понимания не требуется независимо существующего концептуального аппарата, который уникален в интерпретации священного (Kövecses, 2011: 327). Александр Гомола (Aleksander Gomola) показал, что благодаря концептуальному смешению в раннем христианстве были созданы многие идеи, которые впоследствии стали ортодоксальными. Например, метафора «церковь – это стадо Бога» позволила оформиться и развиваться раннехристианской доктрине, но для этого в данную метафору был привнесен опыт самих христианских авторов (Gomola, 2018: 87). Таким образом, целью работы является анализ метафор в трактате «De Duobus Montibus Sina et Sion» на основе теории концептуального смешения. Это позволит понять, что способствовало формированию и развитию антииудейских взглядов в христианской среде, что помогало христианским авторам популяризировать эти идеи в своем окружении и как антииудейские трактаты влияли на развитие иудео-христианских отношений в античный период.

Концептуальное смешение – это базовая мыслительная операция, благодаря которой создаются новые значения и смыслы, а также происходит концептуальное сжатие (компрессия). Это не только позволяет человеку понять более сложные абстрактные идеи через обыденный опыт, но и способствует формированию новых идей в повседневной жизни, науке, искусстве, культуре, религии и т. д. (Fauconnier, Turner, 2003: 57). Теория концептуального смешения имеет схожие аспекты с теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Например, обе теории основаны на том, что метафору не следует рассматривать исключительно как лингвистический феномен – она является универсальным способом мышления. Обе теории предполагают установление связей языковых, образных и логических структур между различными концептуальными областями (доменами), т. е. «сущность одного вида объясняется в терминах сущности другого вида» (Лакофф, Джонсон, 2004: 27). Однако в этих теориях есть и значительные отличия. В то время как теория концептуальной метафоры предполагает взаимодействие двух когнитивных областей (области источника и области цели), теория концептуального смешения предполагает более двух таких областей. Кроме того, теория концептуальной метафоры основана на анализе уже укоренившихся концептуальных структур, а теория концептуального смешения работает с новыми и иногда недолговечными концептами (Grady, Oakley, Coulson, 1999: 420).

Концептуальное смешение (conceptual blending) – это процесс, посредством которого разум извлекает информацию и смысл из двух или более ментальных пространств (mental space), в данной теории они обозначены как «вводные пространства» (input space). Используя общую организационную структуру, которая представлена родовым пространством (generic space), создается абсолютно новое пространство смеси или бленд (blend space). В нем отражены части вводных и родового пространств. Ниже представлена характеристика каждого ментального пространства.

Родовое пространство проецируется на вводные пространства, и его структура состоит из того, что они имеют общего.

Вводные пространства – ментальные пространства, которые содержат определенные идеи, реальные или вымышленные события, которые впоследствии особым образом проецируются в бленд. Согласно теории концептуального смешения, вводных пространств должно быть не менее двух, а их максимальное количество не ограничено.

Пространство смеси (бленд) – пространство, в котором сохранена общая структура родового пространства, но в то же время в нем отражены некоторые элементы вводных пространств. Это создает новые смыслы, которые не существовали в каждом отдельно взятом вводном пространстве. Данное явление называется эмерджентность, что означает возникновение определенных свойств у системы, которых не существовало у ее отдельных элементов (Fauconnier, Turner, 1998: 137–138; Fauconnier, Turner, 2002: 40–42).

Эмерджентная структура, возникающая в бленде, формируется в три этапа: компоновка (composition), доработка (completion), совершенствование (elaboration) (Fauconnier, Turner, 2002: 47). *Компоновка* представляет собой межпространственное проецирование, благодаря которому схожие элементы из вводных пространств могут стать одним элементом в бленде. *Доработка* привносит дополнительную структуру в бленд посредством наших базовых знаний (background knowledge). В процессе доработки человеком обнаруживаются похожие по смыслу фреймы среди уже имеющегося у него объема знаний, и незаметно (в том числе и для себя), но эффективно он вводит их в бленд. *Совершенствование* (или запуск бленда – running the blend) – финальный этап концептуального смешения, когда создатель бленда дополняет его, используя свое воображение, однако опираясь при этом на организационный фрейм (Fauconnier, Turner, 2002: 48), который определяет характер соответствующей деятельности, событий или участников ментального пространства (Fauconnier, Turner, 2002: 104).

Еще одним важным элементом бленда являются жизненно важные отношения (vital relations), т. е. различные аспекты когнитивного опыта человека. Ж. Фуконье и М. Тернер выделяют такие жизненно важные отношения, как пространство, время, причина-следствие, тождественность и др. Посредством сжатия жизненно важных отношений в бленде формируются новые концептуальные структуры «человеческого масштаба» (human-scale), которые становятся более понятными и легко воспринимаемыми (Fauconnier, Turner, 2002: 92). Например, в бленде, созданном раннехристианскими авторами, «церковь – это стадо Бога», сжатие происходит между жизненно важными отношениями «епископ – пастырь», «христиане – овцы». Если в вводных пространствах епископы, христиане (церковь), пастыри и овцы – это несопоставимые сущности, то в пространстве бленда они сжимаются в структуру, где епископ становится пастырем стада, олицетворяющего церковь (Gomola, 2018: 16). Этот бленд дополняется и совершенствуется авторами, которые показывают, например, как пастух направляет свое стадо и заботится о нем, так и епископ заботится о своей пастве. Как пастух будет искать заблудшую овцу, чтобы вернуть ее в стадо, так и епископ будет возвращать в лоно церкви сомневающихся.

В зависимости от того, какие организующие фреймы или связанные элементы проецируются в пространство бленда из вводных пространств и какие из них являются доминирующими, Ж. Фуконье и М. Тернер выделяют четыре типа интеграционных сетей:

1) симплексная сеть (simplex network) – в такой сети в бленд из одного вводного пространства проецируется его организационный фрейм, а из другого – отдельные элементы (Fauconnier, Turner 2002: 120);

2) зеркальная сеть (mirror network) – это сеть, в которой все пространства имеют одинаковый организационный фрейм, и он же проецируется в бленд (Fauconnier, Turner 2002: 123);

3) односторонняя сеть (single-scope network) – сеть, в которой вводные пространства имеют разные организационные фреймы, но бленд получает только один из них (Fauconnier, Turner 2002: 126);

4) двусторонняя сеть (double-scope network) – такие сети имеют разные и нередко конфликтующие организационные фреймы в вводных пространствах. Организационный фрейм пространства бленда включает некоторые части организационных фреймов вводных пространств. Так в нем создается эмерджентная структура (Fauconnier, Turner 2002: 60).

Благодаря концептуальному смешению люди формировали известные религиозные идеи, например представления о космосе, о божествах, о небесных законах, сжимая их до человеческого масштаба и тем самым превращая в нечто доступное массам. Таким образом, во многих религиозных традициях был создан концепт о сотворении мира – событии, уходящем в далекое прошлое, после которого человечество стало совершать различные ошибки. Они привели к несовершенству мира. Однако современные религиозные лидеры могут здесь и сейчас это исправить, вернув все к «золотому веку». Здесь важно отметить, что концептуальное смешение было бы невозможно без наличия у людей контрфактического мышления, которое позволяет создавать различные альтернативные варианты уже произошедших событий (Hayes, 2016: 170–171).

До того, как переходить к анализу метафор в трактате «De duobus montibus...», хотелось бы дать его краткую характеристику. Это сочинение не пользуется большой популярностью среди исследователей. Адольф Гарнак (Adolf Harnack) был первым, кто обратил внимание на этот текст, посвятив ему четыре работы. Его интерес был направлен на изучение исагогических вопросов, канона, текстуальных форм и христологии (Laato, 1998: 3). Подобно А. Гарнаку, другие исследователи первой половины XX в. также делали упор на изучение вышеуказанных вопросов. В то же время проблема антииудейских мотивов в тексте, противопоставления двух «народов» – иудеев и христиан – редко привлекала исследователей прошлого столетия. Необходимо подчеркнуть, что все ученые этого периода пользовались единственно доступным на тот момент изданием текста 1871 г., которое было ненадлежащего качества. Ситуация изменилась в 1994 г., когда Клара Бурины (Clara Burini) издала новый критический вариант текста, основанный на всех известных на тот момент рукописях, которых было уже более двухсот. Ее издание сопровождалось переводом текста на итальянский язык (Pseudo Cipriano, 1994). Четыре года спустя Анни Мария Лаато (Anni Maria Laato) опубликовала монографию, в которой она анализировала не особенности теологии в трактате, как это делали предыдущие исследователи, а контекст создания произведения, в частности, иудео-христианские отношения в Северной Африке II–III вв. В монографии также был представлен перевод текста на английский язык. Ее работа стала первым большим исследованием, в котором упор делался именно на изучение иудео-христианских отношений и на развитие раннехристианского антииудаизма.

Ученые до сих пор не пришли к общему мнению по дате создания текста. А. Гарнак предлагал период с 210 по 240 г. (Laato, 1998: 19). Ряд исследователей принимает его точку зрения (Altaner, Stuiber, 1980: 177; Bruns, 1972: 112; Cerbelaud, 1984: 293). Исходя из этого, данное произведение было создано после сочинения Тертуллиана «Против иудеев», написанного в конце II в. – начале III в. С другой стороны, есть ученые, которые предлагают более раннюю дату, считая, что текст был создан до произведения «Против иудеев» (Corssen, 1911: 20; Daniélou, 1977: 39). Они обосновывают такую датировку следующими положениями: 1) в тексте представлена устаревшая христология Духа, которая была невозможна после Тертуллиана; 2) язык сочинения архаичен; 3) автор принадлежит к иудео-христианской традиции.

С наибольшей долей вероятности трактат был создан на территории Северной Африки. А.М. Лаато и К. Бурины приводят следующие доводы: 1) автор использует африканскую версию Библии; 2) антииудейская полемика и экзегетика, использовавшиеся в тексте, подобны именно африканской традиции; 3) сам факт того, что текст был приписан Киприану (Pseudo Cipriano, 1994: 18–21; Laato, 1998: 21).

Нам же интересен данный трактат большим количеством метафор, которые автор использует для описания иудеев и христиан. Далее мы предложим анализ некоторых из них на основе теории концептуального смешения. Это позволит нам понять, что формировало мировоззрение автора и какие образы он использовал, чтобы донести до своей аудитории идеи о разнице иудаизма и христианства, о превосходстве новой религии (христианства) и о ничтожности старой (иудаизма).

Первая метафора, которую мы встречаем в тексте, содержится в его названии: «О двух горах Синай и Сион». Посредством этой метафоры автор объясняет слушателям различие между представителями двух религий. Несмотря на то, что в тексте нигде прямо не указывается, что гора Синай олицетворяет иудеев, а Сион – христиан, это понятно благодаря множеству концептуальных метафор. Например, с помощью повествования о том, как иудеи и христиане получили свой закон. Его мы проанализируем на основе теории концептуального смешения, схема бленда отражена в рисунке 1.

Автор создал данный бленд через сжатие образа Иисуса с Сионом и образа Моисея с Синаем. Соответственно, горы стали олицетворять не только духовных лидеров иудеев и христиан, но и их заветы с Богом. Через этот образ автор доказывает духовность христиан и приземленность иудеев. Данный бленд был создан на основе следующих дисаналогий: и Иисус, и Моисей поднялись на гору, чтобы получить закон от Бога для своего народа. Это позволяет автору доказать, что хотя оба народа и получили свой закон равным образом, но иудеям он был дан через грешного человека и был записан на каменных скрижалях, в то время как христиане получили свой духовный закон через безгрешного Иисуса. Этот бленд позволяет автору, во-первых, создать метафору «Синай есть христиане, а Сион – иудеи», во-вторых, показать, что и сами христиане, и все, что с ними связано, – духовное и безгрешное, а все, что связано с иудеями, – земное и несовершенное. Примечательно, что Псевдо-Киприану, в отличие от авторов многих других антииудейских сочинений, для развития своей риторики потребовался образ двух гор, при этом в тексте практически отсутствуют прямые ссылки на Ветхий и Новый Заветы для аргумен-

тации. Из этого следует, что автор явно не стремился вести теологические споры с кем-то, равным ему. Можно предположить, что либо аудитория автора, либо он сам были малообразованными. А.М. Лаато, соглашаясь с другими исследователями, отмечает, что автор текста происходил из деревенской местности, поэтому текст, скорее всего, был написан или произносился там (Laato, 1998: 29–30). В то же время Псевдо-Киприан причисляет свою аудиторию к христианской общине, говоря: «Мы, верующие в Него» (Pseudo Cipriano, 1994: 180). Для наглядности данной информации и упрощения восприятия ее слушателями автор мог использовать метафору о двух горах. Это был знакомый им пейзаж, который он соединил с наиболее значимыми для христиан образами Иисуса и Моисея. Через них автор обосновывал превосходство христианства над иудаизмом. Таким образом, используя знакомые и понятные образы, смешав их, Псевдо-Киприан создал эмерджентную структуру с необходимым ему новым смыслом.

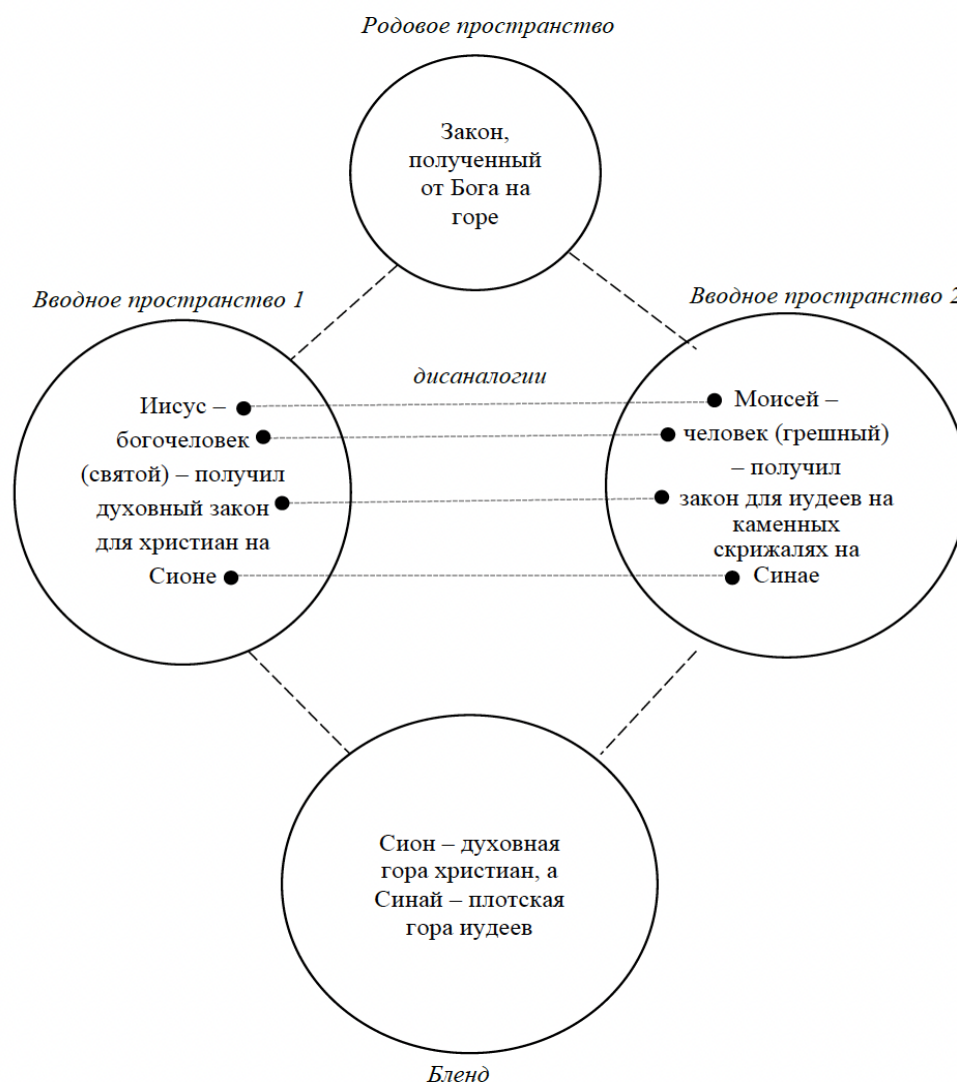

Рисунок 1 – Бленд «Две горы есть две религии»

Второй бленд, который мы рассмотрим в рамках данной статьи, более сложный, чем первый. Он состоит из трех вводных пространств. Все они находятся в разных частях текста, но в то же время создают бленд, который составляет основной мотив произведения: появление христианства и разделение иудаизма на две религии было предсказано еще в Ветхом Завете; христиане спасутся, а иудеи – нет. Первое вводное пространство – это доказательство автором древности христианства. Для этого он использует стих из Ветхого Завета о двух детях Ревекки: «Господь сказал ей: два племени во чреве твоём, и два различных народа произойдут из утробы твоей; один народ сделаетя сильнее другого, и старший будет служить младшему» (Быт. 25:23). Примечательно, что данный стих в подтверждение предначертанной роли христиан использует и Тертуллиан в трактате «Против иудеев», однако автор «De duobus montibus...» не

останавливается лишь на этом. Второе вводное пространство – это часть трактата, где описывается получение Моисеем Закона от Бога: «Таблиц [скрижалей] было две: это показывает, что один народ будет разделен на две части...» (Pseudo Cipriano, 1994: 150, 152). Третье вводное пространство – описание распятия Иисуса. Псевдо-Киприан пишет, что Иисус висел на дереве¹ между двух разбойников: «и с высоты древа он смотрел на них обоих как на образ двух народов, делающих дурное: язычников, которые делают зло в мире, и евреев, которые убивают пророков». Один разбойник покаялся, а другой продолжал злословить (Pseudo Cipriano, 1994: 164).

В бленд (рис. 2) проецируются некоторые элементы из каждого вводного пространства. Во-первых, идея о том, что христиане пошли от младшего ребенка Ревекки; во-вторых, что появление христианства и разделение иудаизма на две религии было предначертано еще в Ветхом Завете; в-третьих, не только один народ разделился на два, но и их Законы были разделены как скрижали Моисея; в-четвертых, христиане в отличие от иудеев покаялись перед Богом, и следовательно, именно они спасутся, а иудеи – нет.

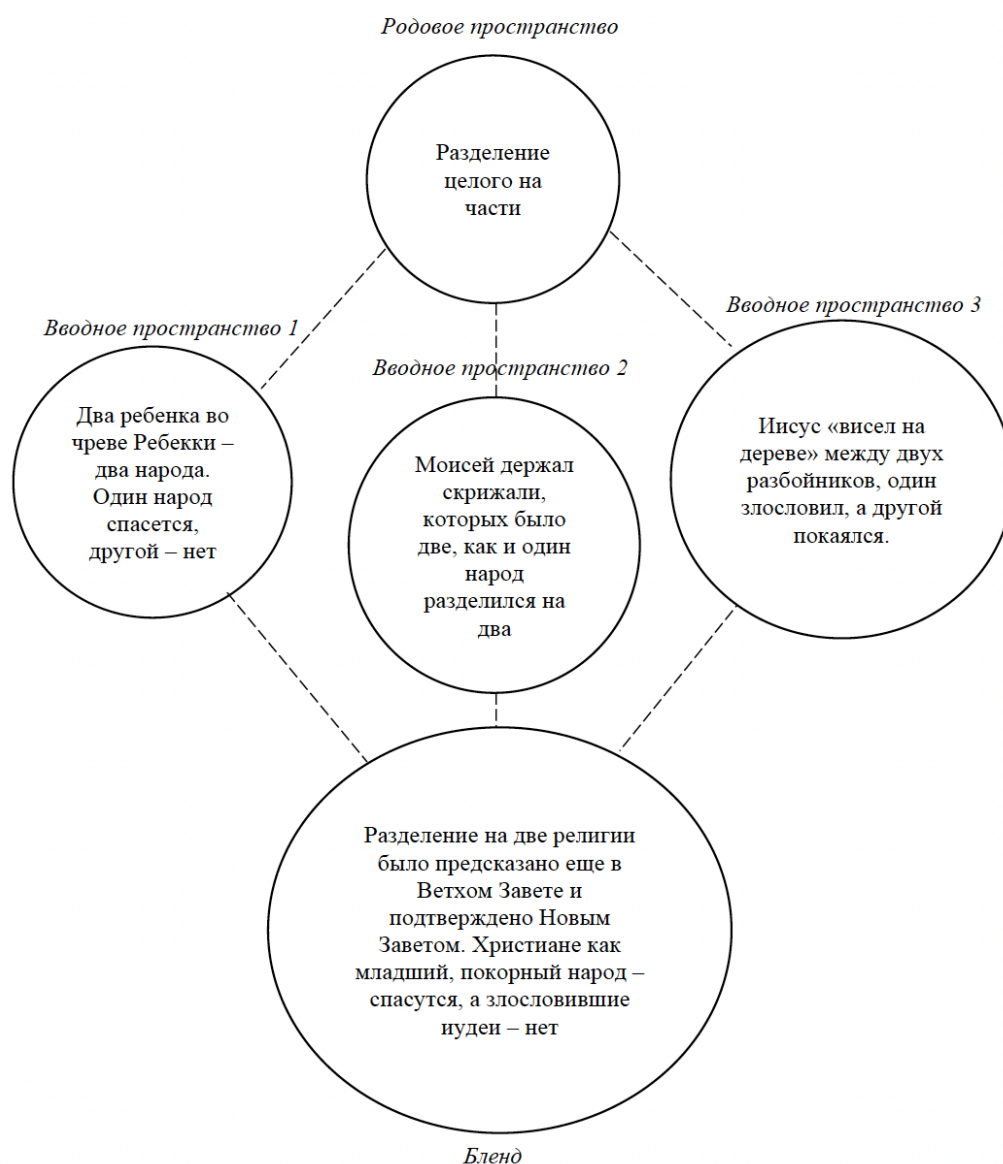

Рисунок 2 – Бленд «Разделение иудаизма на две религии»

Важно отметить, что, говоря о двух народах, Псевдо-Киприан олицетворяет христиан с язычниками. Это может говорить о том, что текст был написан в тот период, когда все больше выходцев из языческой, а не иудейской среды приходило в христианские общины. В отличие,

¹ Lignum. Именно слово дерево, а не крест, использует в тексте Псевдо-Киприан. Это же слово для обозначения распятия использует и Тертуллиан в трактате «Против иудеев» (Adv. Iud. 10.6).

например, от уже упоминаемого нами сочинения Тертуллиана, в котором автор ведет беседу не с язычником, а с иудейским прозелитом.

Бленд формируется посредством сжатия пространства и времени жизненно важных отношений. Согласно Библейской традиции, на которую опирался Псевдо-Киприан, Ревекка, Моисей и Иисус относились к различным временным периодам, все они находились в разных местах, когда с ними происходили события, описанные во вводных пространствах. Однако в бленде они все являются подтверждением того, что христиане Северной Африки здесь и сейчас превосходят их соседей иудеев. Благодаря бленду, автор сближает библейские персонажи с современными ему христианами.

Хочется отметить, что вводные пространства бленда также сами по себе являются блендами. Образ Иисуса как богочеловека, идея о двух детях как двух народах, получение человеком Закона от Бога – все это создано разумом человека посредством концептуального смешения.

Оба проанализированных нами бленда – это двухсторонние сети. Их вводные пространства имеют разные организационные фреймы, но части каждого из них проецируются в бленд. Так, например, во втором бленде из первого вводного пространства проецируется идея о двух древних народах, из второго – о двух законах, из третьего – о спасшихся язычниках и злословящих иудеях. Как отмечают Ж. Фуконье и М. Тернер, такие противоречащие друг другу фреймы бросают вызов воображению и позволяют создавать нетривиальные бленды (Fauconnier, Turner, 2002: 131). А. Гомола считает, что большинство концептуальных сетей в патристической экзегетике – это двухсторонние сети, поскольку именно они позволяют авторам, опираясь на авторитет Библии, создавать новые значения и смыслы. А. Гомола предполагает, что христианские авторы могли воспринимать себя не творцами нового, а первооткрывателями (исследователями) «великого смысла», и «казалось, они находили удовольствие в концептуальной интеграции элементов из Библии с элементами их личного церковного опыта» (Gomola, 2018: 42).

Несомненно, метафор в трактате Псевдо-Киприана «О двух горах Синай и Сион» намного больше, чем представлено в данном исследовании, однако рассмотреть их здесь не представляется возможным. Исходя из блендов, проанализированных нами в рамках этой статьи, можно сделать вывод, что образ иудаизма, созданный Псевдо-Киприаном, был в большей степени результатом работы его воображения. Вероятнее всего, автор опирался на литературные христианские источники¹, дополняя их своим творчеством, а не использовал знания, полученные из реальных контактов с иудейскими общинами Северной Африки. Возможно, его аудитория тоже не имела контактов с иудеями, но благодаря метафорам о двух горах и другим понятным сравнениям они могли сделать вывод, что иудеи – плохие, а христиане – хорошие, иудеи – озлобленные и оставленные Господом, а христиане послушны Ему и оберегаемы Им.

Как писали Дж. Лакофф и М. Джонсон, поскольку метафоры не только формируются за счет того контекста, но и сами создают его в умах людей, человек может легко поверить в созданную им метафору. За счет этого она может стать ориентиром для будущих действий и, соответственно, своего рода самоисполняющимся пророчеством. Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят пример с президентом Картером, который, создав метафору «энергетический кризис – это война», поверил в нее и впоследствии всю свою политику выстраивал по принципу ведения войны. Так появился «враг», «угроза национальной безопасности», что потребовало «определения целей», «пересмотра приоритетов», «установления нового порядка подчиненности», «выдвижения новой стратегии», «сбора разведданных», «сосредоточения войск», «наложения санкций», «призывов идти на жертвы» и т. д. (Лакофф, Джонсон, 2004: 184). Как объясняют Дж. Лакофф и М. Джонсон, метафора всегда хотя и конструирует реальность, при этом большее значение придает одним фактам, высвечивая их, и скрывает другие, поэтому рассуждения и действия, руководимые лишь одними метафорами, могут привести к ошибкам и неверному восприятию реальности (Лакофф, Джонсон, 2004: 171–173).

Подобным образом и Псевдо-Киприан, и другие авторы трактатов против иудеев описывали их однобоко, представляя лишь негативные аспекты образа. Это могло приводить к усилению антииудейских настроений в христианской среде. Кроме того, такие настроения могли выйти за пределы устных рассуждений и различных трактатов. В своем недавнем исследовании, посвященном анализу речей Иоанна Златоуста «Против иудеев», Венди Мейер (Wendy Mayer) показала, что постоянное восприятие агрессивной риторики, которой в том числе наполнены антииудейские трактаты,

¹ Автор опирался на такие тексты Ветхого Завета, как Бытие, Исход, Второзаконие, Псалмы, Песнь Песней. Он был также знаком с текстами четырех Евангелий и некоторыми другими книгами Нового Завета. Еще один источник, который Псевдо-Киприан использовал прямо или косвенно, был Пастырь Гермия. Подробнее см.: Pseudo Cipriano, 1994: 21–51; Laato, 1998: 43–73.

таты, снижает возможность человека к логическому осмыслению материала. Если информация подается с определенным эмоциональным оттенком, то критическое восприятие снижается, это приводит к сокращению нейронных связей в мозге. Человек, регулярно воспринимающий агрессивную риторику, будет стремиться слушать только подобные речи, поскольку они просты для его восприятия и легко запоминаются. Однако это усугубляет ситуацию: еще больше сокращается количество нейронных связей и снижаются когнитивные способности. В. Мейер пришла к выводу, что часть аудитории Иоанна Златоуста, прослушав его речи «Против иудеев», с большой долей вероятности могла либо перейти от безразличия к явным антисемитским предубеждениям, либо усилить уже существующие у них антисемитские предубеждения. Постоянное использование метафоры иудея как врага или зла имело реальные последствия для неметафорических иудеев. В. Мейер считает, что для человека, прослушавшего все шесть проповедей Иоанна Златоуста, естественным выводом являлось: «все евреи заслуживают наказания, они должны быть казнены», хотя сам Иоанн Златоуст не призывал к этому (Mayer, 2019: 109). Подобным образом на аудиторию могло влиять и произведение «De duobus montibus Sina et Sion».

Список источников:

- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М., 2004. 252 с.
- Altaner B., Stuiber A. *Patologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter*. Wien : Herder, 1980. XXII, 672 p.
- Bruns J.E. Biblical Citations and the Agraphon in Pseudo-Cyprian's Liber De Montibus Sina Et Sion // *Vigiliae Christianae*. 1972. Vol. 26, no. 2. Pp. 112–116.
- Pseudo Cipriano. I due Monti Sinai e Sion. Biblioteca Patristica, 25 / ed. by C. Burini. Fiesole, 1994. 330 p.
- Cerbelaud D. Le Nom d'Adam et les Points Cardinaux: Recherches sur un Thème Patristique // *Vigiliae Christianae*. 1984. Vol. 38, no. 3. Pp. 285–301.
- Corssen P. Ein theologischer Traktat aus der Werdezeit der kirchlichen Literatur des Abendlandes // *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums*. 1911. Vol. 12, no. 1. Pp. 1–36.
- Daniélou J. *The Origins of Latin Christianity*. L. : Darton, Longman & Todd, 1977. xvi, 511 p.
- Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22, no. 2. Pp. 133–187.
- Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* Conceptual Integration Networks. N.Y. : Basic Books, 2002. XVII, 440 p.
- Fauconnier G., Turner M. Conceptual Blending, Form and Meaning // *Recherches en Communication*. 2003. Vol. 19, no.1. Pp. 57–86.
- Gomola A. Conceptual Blending in Early Christian Discourse: A Cognitive Linguistic Analysis of Pastoral Metaphors in Patristic Literature. Boston : Walter de Gruyter, 2018. IX, 231 p.
- Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and Metaphor // *The Cognitive Linguistics Reader* / ed. by V. Evans, B.K. Bergen, J. Zinken. London : Equinox, 2007. Pp. 420–440.
- Hayes G.A. Conceptual Blending and Religion // *Religion: Mental Religion*. Macmillan Interdisciplinary Handbooks series / ed. by N.K. Clements. Farmington Hills : Cengage Gale, 2016. Pp. 163–178.
- Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1990. xxxviii, 233 p.
- Kövecses Z. The Biblical Story Retold: A Cognitive Linguistic Perspective // *Cognitive Linguistics: Convergence and Expansion* / ed. by M. Brdar, S.Th. Gries, M. Žic Fuchs. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Pub. Co, 2011. Pp. 325–354.
- Laato A.M. Jews and Christians in De Duobus Montibus Sina et Sion: An Approach to Early Latin Adversus Iudaeos Literature. Åbo : Åbo Akademis Förlag, 1998. 232 p.
- Lundhaug H. Conceptual Blending in the Exegesis on the Soul // *Explaining Christian Origins and Early Judaism: Contributions from Cognitive and Social Science* / ed. by P. Luomannen, I. Pyysiäinen, R. Uro. Leiden : Brill, 2007. Pp. 141–160.
- Mayer W. Preaching Hatred? John Chrysostom, Neuroscience, and the Jews // *Revisioning John Chrysostom: New Approaches, New Perspectives* / ed. by C.L. de Wet, W. Mayer. Leiden : Brill, 2019. xxviii, 840 p.
- Robbins V.K. Conceptual Blending and Early Christian Imagination // *Explaining Christian Origins and Early Judaism: Contributions from Cognitive and Social Science* / ed. by P. Luomannen, I. Pyysiäinen, R. Uro. Leiden : Brill, 2007. Pp. 161–195.
- Ross W.A. David's Spiritual Walls and Conceptual Blending in Psalm 51 // *Journal for the Study of the Old Testament*. 2019. Vol. 43, no. 4. Pp. 607–626.
- Thaden R.H. von. The Wisdom of Fleeing Porneia: Conceptual Blending in 1 Corinthians 6:12–7:7. Ph.D. diss., Emory University, 2007. 388 p.

References:

- Altaner, B. & Stuiber, A. (1980) *Patologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter*. Wien, Herder. (in Deutsch)
- Bruns, J.E. (1972) Biblical Citations and the Agraphon in Pseudo-Cyprian's Liber De Montibus Sina Et Sion. *Vigiliae Christianae*. 26 (2), 112–116.
- Burini, C. (ed.) (1994) Pseudo Cipriano. I due Monti Sinai e Sion. Biblioteca Patristica, 25. Fiesole, Nardini.
- Cerbelaud, D. (1984) Le Nom d'Adam et les Points Cardinaux: Recherches sur un Thème Patristique. *Vigiliae Christianae*. 38 (3), 285–301. (in French)
- Corssen, P. (1911) Ein theologischer Traktat aus der Werdezeit der kirchlichen Literatur des Abendlandes. *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums*. 12 (1), 1–36. (in Deutsch)
- Daniélou, J. (1977) *The Origins of Latin Christianity*. London, Darton, Longman & Todd.
- Fauconnier, G. & Turner, M. (1998) Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*. 22 (2), 133–187.
- Fauconnier, G. & Turner, M. (2002) *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* Conceptual Integration Networks. New York, Basic Books. xvii.
- Fauconnier, G. & Turner, M. (2003) Conceptual Blending, Form and Meaning. *Recherches en Communication*. 19 (1), 57–86.

- Gomola, A. (2018) *Conceptual Blending in Early Christian Discourse: A Cognitive Linguistic Analysis of Pastoral Metaphors in Patristic Literature*. Boston, Walter de Gruyter.
- Grady, J., Oakley, T. & Coulson, S. (1999) Blending and Metaphor. In: Evans, V., Bergen, B.K. & Zinken, J. (eds.) *The Cognitive Linguistics Reader*. London, Equinox, pp. 420-440.
- Hayes, G.A. (2016) Conceptual Blending and Religion. In: Clements, N.K. (ed.) *Religion: Mental Religion. Macmillan Interdisciplinary Handbooks series*. Farmington Hills, Cengage Gale, pp. 163-178.
- Johnson, M. (1990) *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, IL, University of Chicago Press.
- Kövecses, Z. (2011) The Biblical Story Retold: A Cognitive Linguistic Perspective. In: Brdar M., Gries S.Th. & Žic Fuchs, M. (eds.) *Cognitive Linguistics: Convergence and Expansion*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Pub. Co, pp. 325-354.
- Laato, A.M. (1998) *Jews and Christians in De Duobus Montibus Sina et Sion: An Approach to Early Latin Adversus Iudaeos Literature*. Åbo, Åbo Akademis Förlag.
- Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem*. [Metaphors we live by]. Moscow, Editorial URSS. (in Russian)
- Lundhaug, H. (2007) Conceptual Blending in the Exegesis on the Soul. In: Luomannen, P., Pyysiäinen, I. & Uro, R. (eds.) *Explaining Christian Origins and Early Judaism: Contributions from Cognitive and Social Science*. Leiden, Brill, pp. 141-160.
- Mayer, W. (2019) Preaching Hatred? John Chrysostom, Neuroscience, and the Jews. In: de Wet, C.L. & Mayer, W. (eds) *Revisioning John Chrysostom: New Approaches, New Perspectives*. Leiden, Brill.
- Robbins, V.K. (2007) Conceptual Blending and Early Christian Imagination. In: Luomannen P., Pyysiäinen I. & Uro R. (eds.). *Explaining Christian Origins and Early Judaism: Contributions from Cognitive and Social Science*. Leiden, Brill, pp. 161-195.
- Ross, W.A. (2019) David's Spiritual Walls and Conceptual Blending in Psalm 51. *Journal for the Study of the Old Testament*. 43 (4), 607-626.
- Thaden, R.H. von. (2007) *The Wisdom of Fleeing Porneia: Conceptual Blending in 1 Corinthians. 6:12–7:7*. Ph.D. diss., Emory University.

Информация об авторе

А.А. Лунева – аспирант кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1132123.

Information about the author

A.A. Luneva – Postgraduate Student, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1132123.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.03.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.04.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 70–74.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 70–74.

Научная статья
УДК 304.9:791.43/45
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.8>

Историческое время в социальной реальности документального кинематографа

Таисия Сергеевна Никитина

Государственная телерадиокомпания «Саратов», Саратов, Россия,
ntayuta@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3676-0648>

Аннотация. В статье рассматривается категория исторического времени с точки зрения документального кинематографа. Целью работы является исследование возможных вариантов объединяющих образов исторического времени и документального кинематографа, таких как реальность, время, образ, «глаз», «кожа». Данные феномены наиболее четко обозначают рамки пространства кинематографического произведения и характеризуют постепенное движение от «внешнего» к «внутреннему». Особое внимание уделяется учению К. Ясперса в вопросе рассмотрения пластов режиссерского внимания в документалистике. Историческое время применительно к кинематографу анализируется с точки зрения не только визуальности представления, но и формата трансляции. Такой комплексный подход позволяет раскрыть глубокую связь документального кинематографа с историческим временем, которое в контексте настоящего трактуется как время осмысления человеком прошлого и собственного бытия. В свою очередь документальный кинематограф видится средством по спасению человечества в стремлении дать онтологическую прописку героям, рассказав их истории и протянув тем самым руку вечности.

Ключевые слова: социальная философия, историческое время, документальное кино, реальность, знаки времени

Для цитирования: Никитина Т.С. Историческое время в социальной реальности документального кинематографа // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 70–74. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.8>.

Original article

Historical time in the social reality of documentary cinema

Taisiia S. Nikitina

Saratov State TV and Radio Company, Saratov, Russia,
ntayuta@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3676-0648>

Abstract. The article examines the category of historical time in terms of documentary cinema. The aim of the work is to explore possible variations on the unifying images of historical time and documentary cinema, such as reality, time, image, “eye”, “skin”. Such phenomena most clearly mark the framework of the space of the piece of screen and characterize the gradual movement from the “outside” to the “inside”. Particular attention is paid to the teachings of K. Jaspers on the question of examining layers of directorial attention in documentary cinema. Such an integrated approach reveals the profound connection between documentary cinema and historical time, which, in the context of modernity, is interpreted as a time of human reflection on the past and on one’s own existence. Documentary cinema, for its part, is seen as a means of saving humanity by striving to give an ontological painting to its protagonists, telling their stories and thereby extending the hand of eternity.

Keywords: social philosophy, historical time, documentary film, reality, signs of time

For citation: Nikitina, T.S. (2022) Historical time in the social reality of documentary cinema. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 70–74. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.8](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.8) (In Russian).

Историческое время как объект научного исследования является широко востребованным в современном научном сообществе. Так, эту категорию в парадигме «язык – общество – культура» изучали С.М. Калинин, З.И. Комарова (Калинин, Комарова, 2019); ее методологические основания послужили предметом анализа в работе О.Ф. Кунгуровой (Кунгурова, 2001); вопросы соотношения исторического времени и осмысления человеком собственной жизни интересовали С.Ф. Мартыновича (Мартынович, 2017). Из зарубежных исследователей рассматриваемой философской категории следует назвать С.А. Триза (Treese, 2018), Д.Э. Джея (Jay, 2019). Нас же интересует историческое время в социальной реальности документального кинематографа. В свете сказанного для настоящего исследования интерес представляет работа Н.Е. Мариевской (Мариевская, 2009), посвященная рассмотрению места исторического времени в структуре

фильма. Следует отметить, что документальный кинематограф и рассматриваемая нами категория исторического времени в их объемном понимании имеют намного больше точек пересечения, чем это может показаться на первый взгляд.

Довольно часто историческое время определяется как период существования государственности, соответственно все, что было до, относится к доисторическому времени, что будет после – к постисторическому времени. Однако разговор о документальном кинематографе вести исключительно в этом ракурсе излишне схематично, так как объектом документального исследования преимущественно является человек. В связи с этим имеет смысл рассматривать «историческое время» в духовном ключе, опираясь на теорию К. Ясперса о формировании общей для всех людей веры с центрами в Индии, Китае, Иране, Древней Греции и Палестине, что переносит нас в VIII–II века до нашей эры. Временная пропасть между обозначенным выше периодом и рубежом XIX–XX веков, когда свою историю начинает документальный кинематограф, имеет крепкий ментальный мост – стремление к ясному отчетливому самопознанию. И здесь есть смысл углубиться в учение К. Ясперса и провести параллель с документалистикой. Мысль немецкого философа о том, что человек всегда больше, чем он думает о себе, вполне можно определить как эпиграф к документальному произведению. Рассмотрим уровни бытия, определенные К. Ясперсом (Ясперс, 1991).

1. Предметное бытие – бытие реального мира. В документальном кинематографе этот пласт внимания именуют горизонтальным. Как правило, фильм создается парой «режиссер – герой». Режиссер (он же автор) берет в руки камеру и следует за своим героем в стремлении увидеть и зафиксировать драматургию в его повседневной жизни, понять человека через детали его бытия, через его реальность. Наиболее яркими представителями использования метода наблюдения сегодня являются режиссер Марина Разбежкина и выпускники ее школы¹.

2. Экзистенция – внутреннее бытийное ядро личности, то есть то, что человек есть сам по себе. К. Ясперс отмечал, что наиболее ярко этот уровень способен проявиться в пограничных ситуациях, таких как смерть. Всему определено время пребывания на этой земле, и режиссер как человек, понимающий это, стремится дать онтологическую прописку своему герою. И здесь есть смысл упомянуть о документальных фильмах Александра Расторгуева («Ой, мамочки», «Дикий пляж» и др.). Режиссер не раз отмечал, что у каждого человека есть великая история, рассказать ее – значит протянуть руку вечности, сказать: «Я есть»². Документалистика – это работа по спасению человечества, если рассматривать ее не столько в контексте внешней жизни, сколько в контексте внутреннего бытия личности как локомотива внешних проявлений ее поведения.

3. Трансцендентность – непознаваемое, выходящее за рамки, непостижимый предел всякого бытия как отношение «Бог – человек», бессмертие души и т.д. Катализатором к развитию трансцендентности в документальном кинематографе может быть состояние, близкое к тому, что именуют катарсисом, но не в контексте очищения, а в контексте глубины проникновения внутрь себя. Причем речь идет не только о зрителях, но также о героях и авторах (Барт, 1994).

Кинематограф в его перманентной изменчивости позволяет выстроить логику современной мысли через создание рабочих схем: историческое время – документалистика – реальность, историческое время – документалистика – время, историческое время – документалистика – глаз и т.д. Данные феномены характеризуются нами как наиболее четко отражающие особенности кинематографического документализма, то есть обозначающие внутренние рамки пространства кинематографического произведения по аналогии с «кадром», который создает рамку внешнюю. Выстроенная последовательность феноменов демонстрирует постепенный сдвиг от «внешних» отношений к «внутренним». Также стоит отметить, что в кинематографе историческое время является базисом времени художественного и времени эмпирического, то есть временем реальности, которая является объектом отображения.

Документальный кинематограф и историческое время имеют множественные точки соприкосновения. Одна из них – реальность, независимо оттого, рассматриваем ли мы ее как декартовское «существование» (с субстанцией в виде Бога) (Декарт, 1989) или как гегелевскую «идею» (в мире все разумно и человек способен к постижению трех стадий абсолютной идеи) (Гегель, 2007). Реальность является «зоной слияния» исторического времени и документального кинематографа. Документалистика – субъект, историческое время – объект. Реальность – пространство,

¹ Солнцева А. Нулевые: битва за реальность. Заметки о документальном кино (2000–2015) [Электронный ресурс] // Сеанс. URL: <https://seance.ru/articles/bitva-za-realnost/> (дата обращения: 09.05.2022).

² Малюкова Л. Живе Артдокфест. Фестиваль актуального художественного документального кино открывается 2 апреля мировой премьерой фильма «Расторгуев» [Электронный ресурс] // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/03/26/zhive-artdokfest> (дата обращения: 09.05.2022).

в котором документальное кино, отражая историческое время, создает субстрат для времени художественного. С другой стороны, реальность – это ещё и объект трансформаций. Историческое время содержит реальность в виде набора символов и знаков, коннотацию которого определяют органы восприятия; документальный кинематограф трансформирует ее в 2D-реальность с определяющим углом зрения, или, выражаясь киноязыком, ракурсом. Кинематографический акт находит отражение в каждом дне существования, в каждом миге реальности.

В обоих приведенных примерах реальность как объект отделяется от своего существования, контекста и рассматривается в определенном временном промежутке вкпе с режиссером, наделенным формирующей властью. Реальность под его ментальным влиянием становится информационной копией. Н. Буррио в книге «Реляционная эстетика. Постпродукция» определяет реальность, как то, «о чем я могу с кем-то говорить» (Буррио, 2016). Режиссер создает продукт взаимодействия со зрителем.

В контексте нашего исследования важным является образ «времени». Речь идет о рассмотрении конкретного промежутка, вычлененного из общего временного потока и ограниченного внутренним хронометражем в своей описательной или визуально-аудиальной части. Внутри этой системы оно может быть ускорено или замедленно. Один из классических примеров документалистики – фильм «Нанук с севера», снятый американским режиссёром Робертом Флаэрти в 1922 году, занимает 79 минут, на протяжении которых повествуется о 16 месяцах наблюдения за жизнью эскимоса и его семьи.

Время имеет периодизацию (в разговоре об историческом времени) и хронометраж сцен и эпизодов (в рассмотрении по отношению к документальному кинематографу). И в том, и в другом случае оно представлено в виде определенного отрезка, состоящего из более мелких, имеющих неравные значения. Внутри кинематографического произведения происходит синхронизация времени горизонтального и вертикального. Первое относится к повествованию в хронологической последовательности с выявлением причинно-следственных связей событий, второе – к повествованию смысловому с рождением метафоры.

Отдельно имеет смысл сказать об образе как изображении и подражании. И в этом смысле все описанные Р. Бартом в его «Риторике образа» сообщения, рассмотренные для фотографии, актуальны также для понимания кинематографа и исторического времени. Барт говорил о трех сообщениях: «языковое, затем иконическое сообщение, в основе которого лежит некий код, и наконец, иконическое сообщение, в основе которого не лежит никакого кода» (Барт, 1994).

Остановимся подробнее на коннотации, так как языковое сообщение и денотация имеют прямой посыл к адресату и не нуждаются в объяснении. Коннотация же рождается в документальном кинематографе в виде метафоры. Необходимо обратить внимание, что в горизонтальных фильмах метафора возникает спонтанно и не является заранее продуманной и предложенной автором. Восприятие изображения обеспечивается органами зрения. Это осознанный процесс, апперцепция. Когда человек на что-то смотрит, он делает выбор и затем вступает в определенные отношения с объектом своего видения. У «глаза» две функции: формирующая и принимающая. Первая – активная. В данном случае глаз фокусирует внимание на определенных знаках исторического времени, о котором было бы уместно говорить через призму суждения Льва Гумилева: «Время историческое обнаруживает себя через насыщенность деяниями и событиями, являющимися проявлением пассионарности этнических коллективов и отдельных людей» (Гумилев, 2016). Действие – это то, что движет сюжет внутри фильма, является составной частью сквозного и контрсквозного повествования. Исходное событие запускает и формирует историю. Здесь стоит упомянуть закон стихотворного ряда, который говорит о повышенной смысловой насыщенности. В документалистике такая семантическая теснота имеет принципиальное значение для построения сюжета, где нет места случайным или проходным кадрам, где каждая склейка между кадрами – это слово, где монтаж построен так, что в случае извлечения одного кадра рушится вся конструкция. В этом отношении есть смысл упомянуть теорию монтажа С. Эйзенштейна (Эйзенштейн, 1964), согласно которой выделяется пять его видов: метрический, ритмический, обертонный, тональный и интеллектуальный. Каждый из них характеризуется особенностями отражения исторического времени, что является режиссерским инструментом в создании уже кинематографической реальности и субъективного взгляда на эту реальность.

«Формирующий глаз» открывает окулярный доступ к жизни сегодня и предчувствию ее «завтра». Принимающая функция глаза – активно-пассивная. С одной стороны, всматривание требует энергетических затрат на принятие информации и ее осознание, но с другой – «продукт» уже сформирован, и значит, отсекал что-то и определять форму нет необходимости, это уже совершено «формирующим глазом». В качестве классического примера здесь можно привести работу первого отечественного документалиста Дзиги Вертова «Киноглаз». Документальный

фильм 1924 года, повествующий о новом государстве через небольшие эпизоды из жизни Советского Союза. «Жизнь врасплох», сформированная «Киноглазом», состоит из знаковых элементов исторического времени, известного под аббревиатурой НЭП.

Еще одним объединяющим образом документального кинематографа и исторического времени является «кожа» как вмещатель элементов различных уровней. За счет их концентрации образуются символы времени и значимые образы в кинематографе. Кожа, будучи пластичной, способна принимать в себя новые элементы (но их количество не безгранично) и держать определенную, заданную формирующей стороной форму. Кроме того, она реагирует на прикосновения. Документальный тактильный кинематограф, хоть и не выделен в отдельный жанр, но занимает свое место в общем кинематографическом пространстве. И есть смысл упомянуть о коже зрителя как поверхности, способной к внешней трансляции внутренних реакций на документальное произведение в контексте исторического времени (в данном случае близком к пониманию эмпирического).

Историческое время влияет на кинематограф, в свою очередь кинематограф фиксирует «кардиограмму» и ищет смысл исторического времени. Это связь импульсивна, тонка и крепка одновременно, ее субстрат – головной мозг, производная – мысль. В книге «Марсель Пруст и знаки» Жиль Делез писал: «Мы ищем истину только тогда, когда конкретная ситуация нас вынуждает это делать, когда мы подвергаемся в некотором роде насилию, побуждающему нас к поискам. Истина – непременно результат насилия мысли. Искать истину – значит расшифровывать, истолковывать, объяснять» (Делез, 1999).

Документальный кинематограф – символ исторического времени, когда речь идет о реальном времени, о происходящем здесь и сейчас. В конце XIX столетия технический прогресс, знания о свете, опыты с камерой обскура, фотография подготовили почву для рождения кинематографа в документальном виде. На каждом отрезке человеческого развития документалистика являлась «коллекцией» знаков и индивидуальностей определенного исторического времени. Речь идет не о присутствии в пространстве, скорее о его описании, а где-то имеет место и дискуссия со временем. По своей сути это напоминает то, что Марсель Дюшан назвал «коэффициентом искусства», – процесс, который мы наблюдаем, здесь и сейчас (Дюшан, 1996).

Историческое время в документальном кинематографе находит воплощение не только в визуальности, как переход на high definition – формат высокой четкости, но и на платформе трансляции. Интернет как символ исторического времени стал одной из базовых единиц осмысления реальности. «Цифра» как универсальный код выходит на первый план, о чем свидетельствуют форматы и способ трансляции документальных фильмов, а также переводение в электронный вид ранее созданных кинематографических произведений.

Данный подход к рассмотрению исторического времени с точки зрения документального кино через призму объединяющих их образов позволяет предположить, что документальный кинематограф, напрямую связанный с людьми, их взаимодействием друг с другом, пониманием собственного бытия и поиском ответов на экзистенциальные вопросы, сближает кино с философией и в то же время вскрывает для нее новые пласты проблемных вопросов, в числе которых и рассмотрение теоретических аспектов документального кинематографа относительно «цифрового» кода.

Список источников:

- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. 615 с.
 Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция. М., 2016. 216 с.
 Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2007. 876 с.
 Гумилев Л. Passioarium. Теория пассионарности и этногенеза. М., 2016. 936 с.
 Декарт Р. Сочинения. Философское наследие : в 2 т. М., 1989. Т. 1. 654 с.
 Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. 190 с.
 Дюшан М. Творческий процесс // Художественный журнал. 1996. № 12. С. 4–5.
 Калинин С.М., Комарова З.И. Категория темпоральности на шкале исторического времени: // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 4 (426). С. 89–99. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10412>
 Кунгурова О.Ф. О некоторых методологических подходах к пониманию исторического времени // Образ человека в историко-философском познании. Барнаул, 2001. С. 139–142.
 Мариевская Н.Е. Историческое время в структуре фильма // Вестник ВГИК. 2009. Т. 1, № 1. С. 10–25. <https://doi.org/10.17816/VGIK1110-25>
 Мартынович С.Ф. Историческое время России как время осмысления и объективации ценности человеческой жизни // Межрегиональные Пименовские чтения. 2017. Т. 14, № 14. С. 385–393.
 Эйзенштейн С.М. Избранные произведения : в 6 т. М., 1964. Т. 2. 567 с.
 Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.
 Jay J.E. The Use of the Past to Shape the Present: Shifting Depictions of the Ancient World in Twentieth-Century American Cinema // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12, iss. 1. P. 61–78. <https://doi.org/10.1007/s40647-018-0225-z>
 Treese S.A. Historical Time // History and Measurement of the Base and Derived Units. Cham, 2018. P. 773–835. https://doi.org/10.1007/978-3-319-77577-7_8

References:

- Bart, R. (1994) *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow. 615 p. (in Russian).
- Burrio, N. (2016) *Relyatsionnaya estetika. Postproduksiya* [Relational Aesthetics. Post-Production]. Moscow. 216 p. (in Russian).
- Dekart, R. (1989) *Sochineniya. Filosofskoe nasledie* [Essays. Philosophical Heritage]. Vol. 1. Moscow. 654 p. (in Russian).
- Delez, Zh. (1999) *Marsel' Prust i znaki* [Marcel Proust and the Signs]. Saint-Petersburg. 190 p. (in Russian).
- Dyushan, M. (1996) *Tvorcheskii protsess* [Creative Process]. *Khudozhestvennyi zhurnal*. (12), 4–5 (in Russian).
- Eizenshtein, S. M. (1964) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow. 567 p. (in Russian).
- Gegel', G. V. F. (2007) *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Moscow. 876 p. (in Russian).
- Gumilev, L. (2016) *Passionarium. Teoriya passionarnosti i etnogeneza* [Passionarium. Passionarity and Ethnogenesis Theory]. Moscow. 936 p. (in Russian).
- Jay, J. E. (2019) The Use of the Past to Shape the Present: Shifting Depictions of the Ancient World in Twentieth-Century American Cinema. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 12 (1), 61–78. Available from: <https://doi.org/10.1007/s40647-018-0225-z>
- Kalinin, S. M. & Komarova, Z. I. (2019) Temporality Category on the Scale of Historical Time: Language – Society – Culture. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. (4 (426)), 89–99. Available from: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10412> (in Russian).
- Kungurova, O. F. (2001) O nekotorykh metodologicheskikh podkhodakh k ponimaniyu istoricheskogo vremeni [On Certain Methodological Approaches to Understanding Historical Time]. In: *Obraz cheloveka v istoriko-filosofskom poznanii*. Barnaul, pp. 139–142 (in Russian).
- Marievskaia, N. E. (2009) Istoricheskoe vremya v strukture fil'ma [Historical Time in a Film Structure]. *Vestnik VGIK*. 1 (1), 10–25. Available from: <https://doi.org/10.17816/VGIK1110-25> (in Russian).
- Martynovich, S. F. (2017) Istoricheskoe vremya Rossii kak vremya osmysleniya i ob"ektivatsii tsennosti chelovecheskoi zhizni [Russian Historical Time as a Time of Reflection and Objectification of the Human Life Value]. *Mezhregional'nye Pimenovskie chteniya*. 14 (14), 385–393 (in Russian).
- Treese, S. A. (2018) Historical Time. In: *History and Measurement of the Base and Derived Units*. Cham, 2018. P. 773–835. Available from: https://doi.org/10.1007/978-3-319-77577-7_8
- Yaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Purpose of the Story]. Moscow. 527 p. (in Russian).

Информация об авторе

Т.С. Никитина – режиссер документальных фильмов филиала Всероссийской государственной телерадиокомпании «Государственная телерадиокомпания «Саратов», Саратов, Россия.

Information about the author

T.S. Nikitina – Documentary filmmaker, Saratov branch of the All-Russian State Television and Radio Company "Saratov", Saratov, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 75–80.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 75–80.

Научная статья

УДК 241“14/15”

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.9>

Различная ориентация социально-хозяйственной этики православия в споре «стяжателей» и «нестяжателей» (XV–XVI вв.)

Наталья Александровна Шестовских

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, natshe@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ двух различных ориентаций социально-хозяйственной этики православия, нашедших свое отражение в споре между последователями Иосифа Волоцкого – «стяжателями» и приверженцами Нила Сорского – «нестяжателями», который показал две противоположные точки зрения на хозяйственную деятельность и материальное благосостояние человека и актуализировал специфический спектр вопросов: допустимо ли для Церкви владение собственностью и получение доходов от нее; возможно ли монастырям заниматься хозяйственно-деловыми операциями с землей и стремиться к богатству; может ли активное переустройство земного бытия и благотворительность стать оправданием для богатства. В статье делается вывод о наличии в православной религии потенциала для формирования нравственно-духовных стимулов к осуществлению человеком хозяйственной деятельности и о возможности реализации двух разных практических идеалов христианской жизни.

Ключевые слова: Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, «стяжатели», «нестяжатели», православие, хозяйственная этика, собственность, оправдание собственности

Для цитирования: Шестовских Н.А. Различная ориентация социально-хозяйственной этики православия в споре «стяжателей» и «нестяжателей» (XV–XVI вв.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 75–80. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.9>.

Original article

Different orientation of the socio-economic ethics of Orthodoxy in the dispute between the “Possessors” and “Non-Possessors” (XV–XVI cc.)

Natalia A. Shestovskikh

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,
natshe@mail.ru

Abstract. The article analyzes two different orientations of the socio-economic ethics of Orthodoxy, reflected in the dispute between the followers of Joseph Volotsky – the “Possessors” and the adherents of Nilus of Sora – the “Non-possessors”, which showed two opposing views on economic activity and the material welfare of the individual and actualized the specific range of issues: is it permissible for the Church to own property and receive income from it; whether it is possible for monasteries to engage in economic and business transactions with the land and strive for wealth; whether active rearrangement of earthly existence and charity can be an excuse for wealth. The article concludes that there is potential in Orthodox religion to form moral and spiritual incentives for human economic activity and that the two different practical ideals of Christian life can be realized.

Keywords: Joseph Volotsky, Nilus of Sora, the “Possessors”, the “Non-possessors”, Orthodoxy, economic ethics, property, justification of property

For citation: Shestovskikh, N.A. (2022) Different orientation of the socio-economic ethics of Orthodoxy in the dispute between the «Possessors» and «Non-Possessors» (XV–XVI cc.). *Society: Philosophy, History, Culture.* (5), 75–80. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.9](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.9) (In Russian).

В связи с кардинальными трансформациями, происходящими в российском обществе, проблема духовно-религиозных аспектов экономических отношений становится сегодня особенно актуальной, поскольку именно религия как мировоззренческий и институциональный феномен опосредованно или непосредственно влияет на хозяйственную деятельность людей. Традиционные базовые ценности в России связаны с православием, сопровождавшим большую часть ее истории как наиболее распространенная среди населения страны религия и являющимся символом «русского своеобразия и некоей духовной ценности этого своеобразия» (Каариайнен, Фурман, 2000: 16).

В научных работах, посвященных хозяйственной этике русского православия, существуют разные точки зрения на данную проблему.

Некоторыми исследователями высказываются предположения о «неспособности православия решать рыночные задачи, поскольку оно исходит из принципов государственности, патриотизма, коллективизма ("соборности")», которые отнюдь не стимулируют индивидуализм и стремление к богатству» (Элбакян, Медведко, 2001: 103). По мнению Т.Б. Коваль, «в русской православной духовной традиции, в отличие от католической, сложилось убеждение, что добродетельность не прямо, а обратно пропорциональна высоте позиции на социальной лестнице» (Коваль, 2014: 189).

Существует иная точка зрения, в соответствии с которой «русское православие может быть вполне совместимо с современным развитием, а православные ценности могут дать организационную основу для модернизации нашей страны, ее вхождения в глобальную экономику»¹.

В поиске ответа на вопрос о принципиальной возможности православной религии формировать духовные стимулы хозяйственной деятельности и определять нравственные критерии экономического поведения в обществе, по нашему мнению, особого внимания заслуживает спор «стяжателей» и «нестяжателей», ставший главным событием в духовной жизни Московского царства XV–XVI вв. Несмотря на то, что отдельные аспекты религиозного мировоззрения «иосифлян» и «нестяжателей» рассматривались многими выдающимися учеными и богословами (Карташев, 2009; Лурье, 1956; Флоровский, 2009 и др.), следует признать недостаточность религиозно-ведческих исследований, посвященных вопросу социально-хозяйственной этики православия.

Главной темой спора было отношение к монастырскому землевладению и к церковной собственности, но по своей сути это был спор о двух противоположных практических идеалах человеческой жизни вообще и ее хозяйственной части в частности. Как писал А.В. Карташев, «нигде на всем православном Востоке вопрос этот, не в его богословско-теоретической постановке (как это было в греческом исихазме), а в морально-практическом переживании, не достиг такой остроты и совестливой оценки с точки зрения спасительности и святости» (Карташев, 2009: 514).

Спор «стяжателей» и «нестяжателей» в русской культуре показал две полярные точки зрения на материальное благосостояние и поставил перед богословами специфический спектр вопросов: допустимо ли для Церкви владение земельной собственностью и получение доходов от нее; возможно ли монастырям заниматься хозяйственно-деловыми операциями с землей и стремиться к богатству; может ли активное переустройство земного бытия и благотворительность стать оправданием для богатства, не приведет ли это к «обмирщению».

Для постановки указанной проблемы в российском обществе должны были сложиться определенные исторические условия.

Как отмечает А.И. Алексеев, «эволюция монастырской собственности происходила от ранних форм (право на получение доходов с определенного владения) к вотчинному владению в полном смысле» (Алексеев, 2002: 223), и ко второй половине XIV в. именно земельная собственность становится материальной основой обеспечения Церкви. Последовавшее постепенное установление политической стабильности и рост материального благосостояния в сочетании с формированием великокняжеского единодержавия постепенно привели к стагнации вектора духовной жизни Руси, заложенного Сергием Радонежским, и поискам иных опор, в том числе и в духовном спасении. Эсхатологические ожидания в 1492 году, мистические настроения эпохи спровоцировали поиски определенных «гарантий» загробного существования, и влияние монастырей стало поддерживаться распространением поминальной практики и обеспечением её земельными вкладами. В такой ситуации владение ими действительно могло стать соблазном для тех, кто отступал от подлинного аскетического подвига.

Обретение Русской Церковью автокефального статуса наряду с постоянным ростом влияния московских князей, политику которых поддерживали митрополиты, оживление хозяйственно-экономических отношений на Руси определили ориентацию Церкви на расширение и упрочение материальной базы своего существования, а также на усиление роли в государственных структурах. В ее руках быстро сосредоточился огромный земельный фонд.

Однако московские государи, рассчитывавшие на лояльность иерархии, не испытывали сомнений в установлении пределов влияния Церкви: она должна была являться их опорой, а не соперником. Внутренняя эволюция и динамика церковно-государственных отношений не соответствовали представлениям о сильной независимой позиции Церкви. Наличие крепкой материальной основы в виде владения землей в условиях единого государства давало ей возможность реализации своей роли «молитвенницы» и благотворительницы, но в глазах монарха могло стать

¹ Ситников А. Православие и проблемы модернизации России [Электронный ресурс] // Православный Хабаровск. URL: <http://pravostok.ru/blog/pravoslavie-i-problemi-modernizacii-rossii/> (дата обращения: 19.04.2022).

серьезной помехой для централизации власти. Великий князь Иван III давно вынашивал планы изъятия церковных земель в пользу государства, поскольку наличие освоенных свободных земель было крайне ему необходимо для передачи их служилому дворянству, становившемуся основой великокняжеского войска и главной социальной опорой монархии (Зимин, 1977).

Было бы ошибкой рассматривать дискуссионный вопрос о церковном землевладении лишь как результат усилий и стремлений светской власти. К моменту проведения Собора 1503 года в русском обществе уже успели сложиться две концепции монашества и два представления об облике Церкви в целом. Нил Сорский, глава «нестяжателей», и Иосиф Волоцкий, представитель партии «стяжателей», или «иосифлян», стали наиболее яркими выразителями этих двух концепций.

Модель Нила Сорского – это скитский образ монашеского подвига, подразумевающий жизнь немногочисленных иноков в удаленном от мира месте, где они сочетают созерцательную молитву с физическим трудом, которым только и добывают себе пропитание, удовлетворяя свои телесные потребности в минимальном объеме. В сущности, эта схема во многом повторяет лаврский тип египетских монастырей IV в., основоположником которого был Антоний Великий. В кельях Сорского скита разрешалось иметь только книги, иконы и самое необходимое для жизни инока. Содержать в скиту скот не позволялось. Даже в случае невзгод и голода они не должны ни о чем просить «мир», но переносить все тяготы, уповая лишь на Бога. Нил Сорский полагал, что внешний мир, пусть даже в общежительном монастыре, все равно устроен так, что жить в нем праведно невозможно, поэтому надо стать как можно более независимым от него¹. Иноки в Ниловом скиту жили поодиночке в кельях, стоявших на значительном удалении друг от друга, собираясь дважды в неделю в Церковь для участия в богослужении. Скитское монашество не допускало владения землей, тем более сёлами с крестьянами. Хотя на рубеже XV–XVI вв. сам факт этого еще не означал крепостничества в полном объеме, так как до конца XVI в. крестьяне могли покинуть своего хозяина, уйдя на другие земли, однако глубинной сути вопроса о владении «душами» это не меняло. А.И. Алексеев отмечает, что «критиковался не только факт обладания, но и потенциальное стремление к накоплению богатства» (Алексеев, 2002: 183), то есть от материальных благ надо было не отказываться, а вообще не иметь к нему «пристрастия».

Эти взгляды сближали Нила Сорского с воззрениями Сергия Радонежского и с монахами – исихастами Святой горы Афон, где он побывал. Таким образом, «нестяжательство» проявилось на Руси на волне недовольства крепнувшим монастырским и общецерковным богатством и небеспристрастной политической позицией иерархов, но имело философский смысл и глубокие корни во всей предшествующей истории православия. Оно входило в традиционную концепцию идеала монашеской жизни и подразумевало прежде всего внутреннюю духовную молитву, т.е. «умное делание», «трезвение сердца» как ее суть в сочетании с глубоким изучением Евангелия и святоотеческих творений.

Хозяйственная жизнь монахов сводилась к минимуму, она подразумевала даже отказ от ежедневных богослужений и храмового строительства, от широкой благотворительной деятельности. Такой образ жизни и духовный настрой могли выдержать далеко не все, и Нил Сорский отстаивал запрет на постриг непосредственно в скиту, желая, чтобы монахи прежде всего получили опыт в общежительных монастырях. Выступал он и против пострижения неграмотных, что еще более сужало круг возможных его сторонников и адептов. При этом ни от них, ни от его противников не могло укрыться главное – очень мало касаясь внешних правил поведения монахов, весь смысл монашеского подвига и всей деятельности Церкви Нил Сорский видел во внутреннем созерцательном духовном развитии и самосовершенствовании, личной аскезе и покаянии. Спасения предлагалось достигать силой духа, а не с помощью милостыни и заупокойных молитв других людей или тем более хозяйственной деятельностью в любых благих целях.

Как и Нил Сорский, Иосиф Волоцкий отвергал «стяжание» ради личного обогащения, однако делал упор на социальном предназначении Церкви, рассматривая имущество монастырей как средство благотворительности и гарантию сильной и независимой от государства религиозной структуры (Алексеев, 2010). Линия Иосифа Волоцкого – дальнейшее развитие общежительной традиции в монашестве на основе строгой уставной дисциплины. Согласно ей поощрялось монастырское землевладение и рачительное управление им, но ставилось условие, что коллективное богатство монастыря сочетается с личной бедностью каждого монаха и расходуется ими на социальную и культурную деятельность Церкви и общества (Золотухина, 1981). Успенский монастырь Иосифа Волоцкого с самого начала своего существования владел сёлами. Позднее обитель получила новые земельные вклады от удельных и служилых князей и иных крупных землевладельцев. В общей сложности в бытность Иосифа игуменом Волоцкого монастыря обитель получила 27 вкладов в виде новых территорий. Кроме того, обителью было куплено 21 земельное

¹ Нил Сорский. Предание. Устав. СПб., 1912. 91 с.

владение и произведено 10 обменов (Зимин, 1977: 172–173). Жизнь монахов была основана на Уставе монастыря, написанного самим Иосифом (Лурье, 1956) и требовавшего строжайшего соблюдения дисциплины. За нарушение правил полагались детально разработанные наказания в зависимости от тяжести проступка.

Со временем средств для содержания монастыря требовалось все больше: значительно возросло количество монахов, развернулось храмовое строительство, велась широкая благотворительная деятельность. Главным источником их стала упорядоченная поминальная практика. Иосиф Волоцкий сам объяснял, почему совершать заупокойные службы даром для монахов невозможно и на них установлена твердая цена (1 руб. – на год, 50 руб. – «навечно») (Алексеев, 2002: 24).

С точки зрения «нестяжателей», зависимость молитвы от размеров земельного или денежного вклада являлась откровенной симонией, а монастырь, даже в роли благотворителя пропускающий через себя и перераспределяющий богатства, признавался не соответствующим монашескому идеалу, однако сам Иосиф и его единомышленники были абсолютно уверены, что они строго следуют нормам монашеского общежития и православного вероучения.

Обе стороны апеллировали к совершенно разным богословским традициям. По мнению Иосифа Волоцкого, Церковь имела не право собственности, а своего рода право распоряжения на полученные материальные ценности, направляя их на благотворительность и строительство храмов. Поэтому «церковное богатство – это богатство нищих, а характер церковного землевладения, посвященного Богу, является сакральным, и земли отчуждены быть не могут в принципе. Монастырь получает облик рачительного вотчинника-хозяйственника и рассматривает эту деятельность в качестве одной из непреложных задач, в частности, приказчиками по управлению деревнями становятся все те же монахи» (Шестовских, 2019: 74). А.В. Карташев отмечает по этому поводу: «Это положительное отношение к земному благоустройству (ныне сказали бы это – “христианская экономика и политика”) есть простое бесхитростное (без богословских обобщений) древнерусское строительство “Града Божия” на Земле в нашей национальной истории» (Карташев, 2009: 518).

В концепции «иосифлян» по сравнению с «нестяжательством» принципиально иным является понимание самой сути монашества. В отличие от Нила Сорского, Иосиф Волоцкий понимал ее как служение, как «религиозно-земскую службу» (Алексеев, 2002: 50), которую несет активная, сильная Церковь и которая неотделима от земных обязанностей.

Между такими представлениями и нестяжательством, а также наследием Сергия Радонежского имеются серьезные концептуальные различия, однако понятно, почему мирянам, которых и сам Иосиф Волоцкий упрекал за низкий уровень христианского самосознания, его путь был понятнее и ближе. Да и слишком многим из церковных кругов – тоже. В конечном счете Церковь стала подстраиваться под потребности большей части русского общества и единодержавного монарха, укрепляя свое материальное и политическое положение, но не так уж редко отступая духовно. По пессимистическому мнению Г.П. Федотова, именно в этот период берет свое начало «трагедия древнерусской святости», проявившаяся в скорой окостенелости и обмирщении Церкви, «выхолащивании» духовности под давлением мирских интересов (Федотов, 2003).

Следует особо подчеркнуть, что разногласия самих Нила Сорского и Иосифа Волоцкого никогда не принимали крайних форм в виде взаимных обвинений и безапелляционных утверждений своей исключительной правоты. Нил Сорский, соблюдавший обет безмолвия, никого не поучал и вообще уходил от дискуссий. Иосиф Волоцкий, напротив, показал себя незаурядным полемистом, но выпадов против Сорского никогда не допускал. Напротив, усердные и излишне ревностные последователи обоих великих старцев стали с изрядной долей субъективизма толковать их убеждения как взаимоисключающие, так что в деятельности их приверженцев с обеих сторон в равной мере стал проявляться не просто антагонизм, но и откровенная враждебность по отношению друг к другу.

В своих крайних проявлениях «стяжательство», выступавшее за сохранение монастырской собственности, в отрыве от личного внутреннего подвига монахов, к которому призывал Иосиф Волоцкий, превращалось в стремление к комфортному существованию, компромиссу с государственной властью и в итоге – к духовно-нравственной деградации. «Нестяжательство», будучи взятым в своей крайней форме, также вело в тупик: слабая, не обладающая влиянием Церковь становилась бессильной перед лицом государства и не могла оказывать существенного влияния на общественную и культурную жизнь людей.

Традиция, заложенная Иосифом Волоцким, впоследствии стала основой для активного социального действия и для развития хозяйственной этики. В ней собственность и обладание богатством не отрицалось, а приветствовалось при условии, что значительная его часть идет на нужды благотворительности, храмовое строительство и культурно-просветительские цели (Орехов, 2019).

Традиция, ведущая свое начало от Нила Сорского, возродилась в XVIII–XIX вв. и оказала глубокое воздействие на труды и проповеди выдающихся подвижников той эпохи: Димитрия Ростовского, Тихона Задонского, Феофана Затворника и Оптиных старцев (Костюк, 2016). Идеал христианина – «странник» на этой бренной земле, не привязанный ни к чему мирскому, аскет, чей взор направлен на внутреннее духовное развитие и самосовершенствование. Активная хозяйственная деятельность в этой системе координат представляется бесполезной, а собственность – лишним бременем и тяжким искушением.

По нашему мнению, спор между «стяжателями» и «нестяжателями» имел глубокие религиозно-философские корни, заложенные еще платонической традицией и связанные с двумя разными представлениями о благе, в соответствии с которыми существует две возможности осуществления практического идеала человеческой жизни. В соответствии с первой из них необходимо удалиться от всякой привязанности к мирскому и стремиться к созерцанию Божественной сущности, вторая возможность предполагает сознательное и активное участие человека в делах Бога, в приближении мира и многообразия вещей к своей полноте, что ставит деятельную жизнь выше созерцательной.

Исходя из представленного сравнительного анализа двух различных ориентаций социально-хозяйственной этики в споре «иосифлян» и «нестяжателей» можно сделать вывод о том, что православное учение обладает потенциалом для формирования религиозно-духовных стимулов хозяйственной деятельности. Православная этика, основанная на традиции, заложенной Иосифом Волоцким, может составить основу для мобилизации хозяйственной активности человека. «Мироотреченность» православия является одним из путей монашеского подвига, а не характеристикой всего восточного христианства. Как отмечал русский религиозный философ С.Н. Булгаков, миропонимание православной веры, основанное на дисциплине «аскетического послушания» и «хождения перед Богом ... имеет могучие средства для воспитания личности и выработки чувства личной ответственности и долга, столь существенных как для экономической деятельности, так и для всех видов общественного служения»¹.

Русская православная церковь признала святость обоих подвижников – и Нила Сорского, и Иосифа Волоцкого, подчеркнув тем самым возможность осуществления двух практических христианских идеалов хозяйственной жизни. Но сумела ли она на практике примирить их? Этот вопрос остается открытым.

Список источников:

- Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XVI–XVII вв. СПб., 2002. 352 с.
 Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. 390 с.
 Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. 356 с.
 Золотухина Н.М. Иосиф Волоцкий. М., 1981. 96 с.
 Каариайнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России. СПб.; М., 2000. С. 7–48.
 Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 2009. Т. 1. 783 с.
 Коваль Т.Б. Религия и экономика: труд, собственность, богатство. М., 2014. 350 с.
 Костюк К.Н. История социально-этической мысли в Русской православной церкви. СПб., 2016. 448 с.
 Лурье Я.С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого - памятник идеологии раннего иосифлячества // Труды Отдела древнерусской литературы. 1956. Т. 12. С. 116–140.
 Орехов А.М. Философия экономики в России: рождение традиции. М., 2019. 154 с.
https://doi.org/10.12737/monography_5ba0ef445c36f6.69236473
 Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 2003. 700 с.
 Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М., 2009. 848 с.
 Шестовских Н.А. «Две правды» в споре стяжателей и нестяжателей // Семнадцатый славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании. Челябинск, 2019. С. 72–76.
 Элбакян Е.С., Медведко С.В. Влияние религиозных ценностей на экономические предпочтения верующих россиян // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 103–111.

References:

- Alekseev, A. I. (2002) *Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti kontsa XVI–XVII v. [Under the Sign of the End of Time. Essays on Russian Religiosity of the Late XVI–XVII Centuries]*. Saint-Petersburg. 352 p. (in Russian).
 Alekseev, A. I. (2010) *Sochineniya Iosifa Volotskogo v kontekste polemiki 1480–1510-kh gg. [The Writings of Joseph Volotsky in the Context of the Polemics of the 1480s–1510s.]*. Saint-Petersburg. 390 p. (in Russian).
 Elbakyan, E. S. & Medvedko, S. V. (2001) *Vliyaniye religioznykh tsennostey na ekonomicheskie predpochteniya veruyushchikh rossiyan [The Influence of Religious Values on the Economic Preferences of Russian Believers]*. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. (8), 103–111 (in Russian).

¹ Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/narodnoe-hozjajstvo-i-religioznaja-lichnost/ (дата обращения: 06.05.2022)

- Fedotov, G. P. (2003) *Svyatye Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Russia]. Moscow. 700 p. (in Russian).
- Florovskii, G. V. (2009) *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian Theology]. Moscow. 848 p. (in Russian).
- Kaariainen, K. & Furman, D. (2000) Religioznost' v Rossii v 90-e gody [Religiosity in Russia in the 90s]. In: *Starye tserkvi, novye veruyushchie: religiya v massovom soznanii postsovetsoi Rossii*. Saint-Petersburg ; Moscow, pp. 7–48 (in Russian).
- Kartashev, A. V. (2009) *Ocherki po istorii Russkoi Tserkvi* [Essays on the history of the Russian Church]. Vol. 1. Moscow. 783 p. (in Russian).
- Kostyuk, K. N. (2016) *Istoriya sotsial'no-eticheskoi mysli v Russkoi pravoslavnoi tserkvi* [The History of Social and Ethical Thought in the Russian Orthodox Church]. Saint-Petersburg. 448 p. (in Russian).
- Koval', T. B. (2014) *Religiya i ekonomika: trud, sobstvennost', bogatstvo* [Religion and Economics: Labor, Property, Wealth]. Moscow. 350 p. (in Russian).
- Lur'e, Ya. S. (1956) Kratkaya redaktsiya «Ustava» Iosifa Volotskogo - pamyatnik ideologii rannego iosiflyanstva [A Brief Edition of the «Charter» of Joseph Volotsky is a Monument to the Ideology of Early Josephism]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. 12, 116–140 (in Russian).
- Orehov, A. M. (2019) *Philosophy of Economics in Russia: Birth of Tradition*. Moscow. 154 p. Available from: https://doi.org/10.12737/monography_5ba0ef445c36f6.69236473 (in Russian).
- Shestovskikh, N. A. (2019) «Dve pravdy» v spore styazhatelei i nestyazhatelei [«Two Truths» in the Dispute of the Possessors and Non-Possessors]. In: *Semnadtsatyi slavyanskii nauchnyi sobor «Ural. Pravoslavie. Kul'tura»*. Mir slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury v pravoslavii, sotsiogumanitarnom poznanii. Chelyabinsk, pp. 72–76 (in Russian).
- Zimin, A. A. (1977) *Krupnaya feodal'naya votchina i sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii (konets XV–XVI v.)* [Large Feudal Patrimony and Socio-Political Struggle in Russia (Late XV–XVI Centuries)] Moscow. 356 p. (in Russian).
- Zolotukhina, N. M. (1981) *Iosif Volotskii* [Joseph Volotsky]. Moscow. 96 p. (in Russian).

Информация об авторе

Н.А. Шестовских – ассистент кафедры философии и социологии Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=990178.

Information about the author

N.A. Shestovskikh – assistant professor of Department of Philosophy and Sociology of V.F. Yakovlev Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=990178.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 81–84.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 81–84.

Научная статья
УДК 159.923-055.2
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.10>

Трансляция «Другого» в труде Дж. Болен «Богини в каждой женщине»

Надежда Николаевна Борисенко

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, dysha23@mail.ru

Аннотация. Современная отечественная и зарубежная социогуманитарная наука реализуется как целостный пласт, требующий, однако, для устойчивого развития взаимопроникновения и взаимоанализа различных областей знания. В данной работе представлено социально-философское осмысление труда психотерапевта-юнгянца Джин Шиноды Болен «Богини в каждой женщине». В исследовании рассматривается репрезентация концепта «Другой» в работе психолога. Представлены результаты анализа инаковости архетипов женщины внутри себя и в отношении с обществом через бинарные оппозиции «Я»/«не-Я», «Свой–Чужой», внутриличностные конфликты. Описываемые архетипы богинь, находящиеся в состоянии оппозиции с «Другим», транслируют взаимоотношения исследуемого концепта в мире архетипов. Кроме того, исследованы формы реализации концепта «Другой» в труде Дж. Болен и определены ключевые аспекты его реализации через архетипические конструкты богинь.

Ключевые слова: инаковость, «Другой», концепт, Свой–Чужой, феноменология, экзистенциализм, непохожесть, психология, архетип.

Для цитирования: Борисенко Н.Н. Трансляция «Другого» в труде Дж. Болен «Богини в каждой женщине» // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 81–84. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.10>.

Original article

Translation of the “Other” in Jean Shinoda Bolen’s “The Goddesses in Every Woman”

Nadezhda N. Borisenko

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, dysha23@mail.ru

Abstract. Modern Russian and foreign socio-humanitarian science is implemented as an integral layer, which, however, requires interpenetration and mutual analysis of various knowledge for global development. The author presents a socio-philosophical understanding of the work “Goddesses in every woman” by Jean Shinoda Bolen, the Jungian psychotherapist. The author examines the representation of the concept of “Other” in the work of this psychologist. The results of the analysis of the otherness of the archetypes of a woman within herself and in relation to society through the binary oppositions I / not-I, Friend / Foe and in intrapersonal conflicts are presented. The described archetypes of the goddesses, which are opposed to the “Other”, translate the relationship of the concept under study in the world of archetypes. In addition, the forms of implementation of the concept of “Other” in the work of Jean Bolen are studied and the key aspects of its implementation through the archetypal constructs of goddesses are identified.

Keywords: otherness, “Other”, concept, friend/foe, phenomenology, existentialism, dissimilarity, psychology, archetypes

For citation: Borisenko, N.N. (2022) Translation of the “Other” in Jean Shinoda Bolen’s “The Goddesses in Every Woman”. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 81–84. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.10](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.10) (In Russian).

История философской мысли показывает, что интерес к проблеме «Другого» не возник внезапно. Наибольшее распространение данная категория получила в XX веке, особенно в рамках концепций феноменологии и экзистенциализма. В работах С. де Бовуар, Э. Гуссерля, А. Шюца, М. Хайдеггера, М. Шелера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти по-разному конкретизируется образ «Другого», дается его описание с разных точек зрения и в синтезе со смежными науками. Так, в работе «Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии» Жан-Поль Сартр писал о том, что «Другой» выступает и как объект, и как субъект, что показывает многогранность исследования концепта за рамками философских трудов (Сартр, 2000: 134–180).

На разных этапах проблемой типологии «образов другого», «образа чужого», «образа врага» занимались исследователи М.В. Берендеев, О.И. Григорьева, Е.Д. Зарова и другие. При этом определение «образа другого» исследователи напрямую связывают с понятием национальной идентичности, а также разграничивают понятия «имидж», «образ», «стереотип», хотя они и являются смежными.

Ведущий подход в исследовании социальной философии – междисциплинарный. Кроме того, для разностороннего рассмотрения «Другого» использованы элементный анализ, метод теоретической интерпретации, а также аналитико-синтетический подход. Так, становится актуальным рассмотрение философских концептов в психологических трудах. В своем исследовании мы рассматривали концепт «Другой» в работе Джин Шиноды Болен «Богини в каждой женщине». В работе автор представила семь архетипов древнегреческих богинь, встречающихся в каждой представительнице прекрасного пола.

Само понятие «архетип» предполагает наличие элементов коллективного бессознательного, например, априорных мифологем. Введенное Карлом Густавом Юнгом, значение архетипа как отдельной формы человеческого взаимодействия друг с другом и внутри себя выходит за рамки психологической науки. Как отмечал сам швейцарский психоаналитик, «в коллективном бессознательном индивида история подготавливает себя; и когда архетипы активизируются и выходят на поверхность сразу у многих индивидов, мы оказываемся в гуще истории. Архетипический образ, вызванный к жизни злобой дня, завладевает каждым. Архетипы являются великими движущими силами, реальные события вызывают именно они, а не индивидуальные размышления или практические соображения» (Юнг, 1995: 56).

Таким образом, становится важным исследовать присутствие архетипов не только в рамках психологической науки, но и в других областях гуманитарного знания, в том числе в социальной философии.

Джин Шинода Болен пишет об архетипах семи богинь, которые присутствуют в каждом женском психологическом портрете, и в той или иной степени проявляются в определенной жизненной ситуации. Автор выделяет следующих богинь, существующих как архетипы: Гера, Артемида, Афродита, Афина, Персефона, Гестия и Деметра. Образ каждой из богинь описывается с точки зрения проявления в женщинах тех или иных инстинктов и базовых психологических установок. С другой стороны, автор сразу подчеркивает, что в действительности эти архетипы имен не имеют и существуют только тогда, когда сама женщина себя ощущает в одном или нескольких архетипах богинь.

«Другой» в данном контексте проявляется как, с одной стороны, не находящий таких характеристик в своем поведении (внутри себя), а с другой – не соответствующим собственным характеристикам женщины (Я и общество, Я и другие женщины, Я и не-Я).

Такое осмысление «Другого» невозможно без осмысления этого концепта как части «Я», как составляющей личности человека. Кроме того, невозможно не оценить вклад в социальную философию психологических исследований поведения и установок. Само понятие «не-Я» (Nicht-Ich) является основным в философском течении Фихте, который выступал против кантовской «вещи в себе» (Фихте, 2008: 198–247). И в рамках его концепции Я/не-Я коррелирует с другими оппозициями, например, мужское/женское. В произведении Дж. Болен такая оппозиция принимает, в том числе, форму женское (Я)/мужское (не-Я).

Дж. Болен разделила архетипы богинь на две группы, отчасти противопоставленные друг другу: богини-девственницы (Артемида, Афина и Гестия), уязвимые богини (Гера, Деметра и Персефона) и алхимическая богиня Афродита. Взаимоотношения между этими группами также строятся по принципу инаковости. Так, например, проявление в женщине одной из богинь-девственниц противопоставляется проявлениям уязвимых богинь, ставя их в положение «Другого».

Дж. Болен выделяет Афродиту, Деметру и Геру как более влиятельных богинь, что также можно рассматривать с точки зрения реализации концепта «Другой». В данном случае этот концепт воплощается через архетипы четырех богинь, которых автор считает менее значимыми для поклонения в древности. Как отмечает сама исследовательница, каждая из богинь уникальна, «некоторые из них даже враждебны друг другу, представляют собой метафору внутреннего разнообразия и внутренних конфликтов женщины, тем самым проявляя ее сложность и многогранность» (Болен, 2007: 27). Отсюда следует и противопоставление каждой богини остальным, которые становятся «Другими» для неё.

Кроме того, в работе «Богини в каждой женщине» прослеживаются и феминистические мотивы, переосмысление труда Симоны де Бовуар «Второй пол», ставшей манифестом феминизма середины XX века. К примеру, в архетипе Артемиды явно видно взаимодействие с миром мужчин уже не только как с «Другими», а как с равными по силе и достойными конкуренции. Здесь женский образ, традиционно противопоставляемый мужскому, становится не противником, а соперником в равной борьбе. Так, концепт «Другой» перестает находиться в состоянии оппозиции, а трансформируется в соперника, которого Ж. Делез назвал уже трансцендентальной характеристикой, не лишенной одушевленности.

В своем труде Дж. Болен нередко ссылается на автора концепции коллективного бессознательного Карла Густава Юнга. Описывая, например, образ жизни Гестии, её очаг со священным

центром – огнем, Дж. Болен отождествляет это с целостностью и полнотой, а также называет очаг с огнем в центре символом мандалы. Далее она приводит цитату К. Юнга о её символизме. Выдающийся швейцарский психиатр отмечает ведущим мотивом предчувствие центра личности, который определяется уже не как эго, но как Самость.

Говоря о Самости Гестии, Дж. Болен акцентирует внимание на единстве внутреннего и внешнего миров каждого человека, при этом подчеркивая, что на духовном уровне и соединение, и разъединение этих миров являются по своей сути одним и тем же. Этот архетип, по мнению автора, является отождествлением Самости и самодостаточности женщины. Его проявление в женском начале является признаком сильного духовного центра личности, дающего смысл её жизни.

Самость может конструироваться через дистанцирование или, наоборот, идентификацию в рамках архетипической оппозиции «Свой–Чужой». То есть при незначительной «Инаковости» распределение (не)желательных характеристик может быть допустимо, тогда как в абсолютной «Инаковости» это следует из аргумента, который частично базируется на предположениях о самоидентификации.

Как отмечает автор, архетип Гестии представляет собой высшую духовность внутри семейных взаимоотношений, а также, «обеспечивая духовную сосредоточенность и взаимосвязь с другими людьми, ее архетип является выражением Самости» (Болен, 2007: 155).

При этом Дж. Болен выделяет и противопоставление по гендерному признаку. Несмотря на то, что в работе речь идёт исключительно о женских архетипах, автор отмечает схожесть и различие с архетипами мужскими. Автор считает, что хорошо развитый анимус подобен внутреннему мужчине. В этом проявляется отождествление архетипа богини с внешне «Другим» (в рамках противопоставления «Мужчина» – «Женщина»), которое может выйти на передний план и транслироваться миру, когда женщине необходимо показать силу и стойкость. Однако, несмотря на всю его компетентность, он ощущается ею как «Другой» («не-Я»).

Описывая архетип Геры, в тексте Дж. Болен часто употребляет словосочетание «другая женщина», где «другая» имеет как нейтральную, так и негативную коннотацию. Например, описывая любовную линию архетипа Геры, автор придает образу «Другого» окраску чужого, врага, противника: «...заподозрит важность другой женщины в жизни ее мужа, в ней может возникнуть во всем своем безобразии застилающая глаза мстительность...» (Болен, 2007: 218).

При этом нейтральный образ «Другого» как отличающегося от подобных (в данном случае архетипов остальных шести богинь) также нередко проявляется в тексте Дж. Болен: Геру автор наделяет глубинной феминной мистичностью, а также подверженностью держаться за брак и препятствовать его расторжению.

Такой же нейтральный образ «Другого» проявляется и в описании богини Деметры. «Если другой человек заботится о твоих потребностях, достаточно ясного заявления. Такое заявление иногда просто необходимо, если другой человек рассчитывает получить нечто за твой счет» (Болен, 2007: 274).

В описании богини Афродиты, которую Дж. Болен называет единственной алхимической богиней, проявляется еще одна составляющая образа «Другого» – высшей сущности, части не материального мира, а мира духовного.

Творческая работа происходит в состоянии напряженного и страстного вовлечения – почти как с любовником, когда один (художник) взаимодействует с «другим», чтобы привнести нечто новое в жизнь. Этим «другим», всепоглощающим и очаровывающим в течение какого-то времени, может стать картина, форма танца, музыкальная композиция, скульптура, поэма или рукопись, новая теория или изобретение (Болен, 2007: 349).

Дистанцирование в рамках бинарной оппозиции «Свой–Чужой» и обезличивание «Другого» и «Чужого» как частного проявления «Другого», не обязательно принимает форму утверждения превосходства «Своего» и уничтожения «Чужого». Хотя «Инаковость» часто устанавливает превосходство «Своего» / находящегося в группе над «Чужим»/находящимся вне группы, это может также создать дистанцию между ними через чрезмерное обезличивание «Инаковости». Незначительность «Чужого» не так сильна (скорее косвенно), как радикальный «Чужой». В любом случае, эффект, близкий непроглядной границе между «Своим»/находящимся в группе и «Чужим»/находящимся вне группы, – «оправдание» социальному исключению, дискриминации, и/или подчинению.

Возникает разность в выводах – незначительный или радикальный «Чужой», что показывает второе разграничение между вариациями «Инаковости» в отношении к более фундаментальному различию между примитивной или усложненной «Инаковостью», а такое различие не слишком контрастным: «Чужой» может быть построен одновременно незначительным и радикальным.

Таким образом, в труде Дж. Болен «Богини в каждой женщине» концепт «Другого» реализуется через несколько форм:

- по принципу архетипической оппозиции «Свой–Чужой» (в данном случае «Другой»);
- высшая сущность/человек;
- женщина/мужчина;
- противопоставление через образ врага;
- противопоставление одной из богинь остальным.

Трансляция «Другого» в рамках психологической концепции Дж. Болен представляется ключевой в исследовании концептов: взаимодействие «Я» и «Другого» может в полной мере раскрыть целостность бытия.

Список источников:

- Болен Дж. Ш. Богини в каждой женщине: новая психология женщины, архетипы богинь. М., 2007.
Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии/ пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М., 2000. 639 с.
Фихте И.Г. Сочинения. СПб., 2008. 752 с.
Юнг К.Г. Аналитическая психология: ее теория и практика. Тевистокские лекции. Киев, 1995.

References:

- Bolen, J.Sh. (2007) Goddesses in every woman. A new psychology of women. Moscow: Sofia. (In Russian)
Fichte, I.G. (2008) Sochineniya [Works]. St. Petersburg: Nauka. (In Russian)
Jung, K.G. (1995) Analiticheskaya psikhologiya: yeye teoriya i praktika. Tevistokskiye lektzii [Analytical psychology: its theory and practice. Tavistock Lectures]. Kyiv: Sinto. (In Russian)
Sartre, J.-P. (2000) Being and Nothingness. Moscow: Respublika. (In Russian)

Информация об авторе

Н.Н. Борисенко – аспирант кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1027680.

Information about the author

N.N. Borisenko – PhD student, Philosophy Department, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1027680.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 85–92.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 85–92.

Научная статья

УДК 141

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.11>

Взаимосвязь языка и идентичности в философском дискурсе

Тамара Евгеньевна Григорьева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте

Российской Федерации, Москва, Россия, ubersetzer@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1751-9998>

Аннотация. Настоящее исследование посвящено рассмотрению феномена взаимосвязи идентичности и языка в философском дискурсе. В статье описывается понятие сущности языка, а также его диалектические свойства, проиллюстрированные антиномиями. Рассмотрение связи языка и мышления приводит автора к выводу о том, что одним из важных элементов успешного речевого контакта представляется адекватное видение картины мира, формирующей в значительной степени идентичность собеседника. С распространением в мире глобальных культурных сообществ усиливается вероятность развития конфликтов на почве столкновения идентичностей. Научная новизна исследования состоит в том, что язык и идентичность рассматриваются в синкретике, как система. По итогам размышлений автором делается вывод о динамичности и диалектичности отношений внутри цепочки «язык – мышление – языковая картина мира – идентичность». Заключается, что идентичность и язык приобретают новые характеристики с изменением исторического контекста.

Ключевые слова: национально-культурная идентичность, язык, глобализм, постглобализм, диалектика, межкультурная коммуникация, глобальные сообщества, языковая картина мира

Для цитирования: Григорьева Т.Е. Взаимосвязь языка и идентичности в философском дискурсе // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 85–92. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.11>.

Original article

The language and identity connection in philosophical discourse

Tamara E. Grigorieva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow,

Russia, ubersetzer@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1751-9998>

Abstract. The purpose of the study is to consider the phenomenon of the connection between identity and language in philosophical discourse. Within the framework of the overall purpose, the author describes the concept of the essence of language, as well as its dialectical attributes, illustrated by linguistic antinomies. Studying the language and thinking connection leads to the conclusion that one of the important elements of successful speech contact seems to be an adequate vision of the world picture, which significantly forms the identity of the interlocutor. With the spread of global cultural communities in the world, the likelihood of conflicts based on clash of identities is increasing. The scientific novelty of the research is that language and identity are considered in syncretism, as a system. As a result, the author makes a conclusion about the dynamism and dialectics of relations within the chain of language - thinking - linguistic picture of the world - identity. Identity and language acquire new characteristics with the changing of the historical context. The development of global communities threatens the emergence of conflicts between hosts of identities.

Keywords: national-cultural identity, language, globalism, post-globalism, dialectics, intercultural communication, global communities, linguistic picture of the world

For citation: Grigoreva, T.E. (2022) The language and identity connection in philosophical discourse. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 85–92. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.11](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.11) (In Russian).

Введение. В последние годы термин «идентичность» приобрел особую актуальность в связи с процессами всемирной глобализации и цифровизации. Научным сообществом ставится вопрос – является ли частичная утрата самобытности естественным ходом развития событий или такие понятия, как этнос и нация, не потеряют своей актуальности в будущем?

Исходя из того, что во многих европейских странах, где сейчас пользуются термином «европейская идентичность», данная тема не только не потеряла своей актуальности, но и приобрела остроту на фоне мирового миграционного кризиса, можно отметить, что есть необходимость

и дальше изучать тему идентичности, факторы влияния на нее и условия ее формирования. Одним из спорных моментов является, например, разграничение понятий «бытие европейцем» и «осознание своей принадлежности к Европе», где первое предполагает осведомленность в отношении актуальных для европейской политики тем, а второе – усвоение европейских ценностей (Cram, 2012).

Формирование глобальных сообществ исследуется достаточно интенсивно. Если одни ученые полагают, что глобализации противиться в известном смысле бесполезно, то другие, как например О.Н. Астафьева, считают появление новых идентификационных моделей формой противостояния глобализационному давлению на социокультурную сферу (Астафьева, 2011: 223). Культурные ландшафты и ценностно-смысловые пространства должны быть выстроены для снижения риска утраты этнокультурной самобытности.

И.Г. Белякова пишет о важности формирования языковой личности для улучшения качества межкультурной коммуникации. Читая «тексты культуры» и интегрируя их внутрь своей мозаичной (состоящей из разных аспектов – религиозного, этнического, национального, социального, государственного и т. д.) идентичности, человек строит «мостик взаимопонимания» между различными культурами. Даже в процессе изучения иностранного языка у индивида неосознанно формируется новая картина мира, что влияет на появление у него вторичной языковой личности (Белякова, Беляков, 2021). В этом случае человеку, несомненно, проще принять ценности другой, некогда чуждой ему культуры. По этой причине представляется важным разобраться в том, как и в какой мере языковая картина мира соотносится с идентичностью человека вообще.

Задачами данной публикации являются: во-первых, определение сущности языка в различных философских концепциях; во-вторых, рассмотрение его антиномий как признаков диалектичности; в-третьих, изучение вопросов взаимного влияния языка и идентичности человека.

Теоретическую базу исследования составили концепции таких мыслителей, как И. Кант, Г. Гегель, Л. Витгенштейн. Для изучения языковой составляющей исследования за основу были взяты труды И.А. Бодуэна дэ Куртене, В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра. Для демонстрации современного культурфилософского взгляда на проблемы автор обратился к работам О.Н. Астафьевой, И.Г. Беляковой, И.Г. Малыгиной; примеры, которые характеризуют языковую картину мира, коррелирующую с идентичностью индивида, были взяты из работ известных лингвистов – В.А. Пищальниковой, Л.В. Щербы и др. Что касается методологии, то в качестве общенаучного метода был использован системный подход (понимаемый как выявление взаимозависимостей), в качестве основного метода применялся сравнительно-исторический анализ вопросов, изучаемых философией культуры и философской антропологией.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в дальнейшей научной разработке проблем, связанных с идентичностью, и в учебном процессе. Сегодня исследуются новые взгляды на идентичность постглобализационного человека. Ставятся вопросы о перспективах построения стратегий поведения в новой ситуации (Малыгина, 2021). Изучение проблем взаимосвязи языка и идентичности, несомненно, представляет интерес при освещении данного круга вопросов.

Еще В. фон Гумбольдт развивал идеи о связи языка и духа народа, о внутренней форме языка и т.д. (Гумбольдт, 2000), эти концепции имели множество последователей, и сейчас является бесспорным тезис о том, что язык связан с пониманием народа самого себя. Рассмотрим язык как фактор формирования идентичности в философском дискурсе.

Сущность языка. А.Г. Сонин отмечал, что язык может пониматься по-разному в зависимости от кругозора исследователя, от его миропонимания, эпохи (Сонин, 2012: 66).

Словесную оболочку невозможно отделить от предмета или явления, которое необходимо назвать. Существует несколько трактовок сущности языка, которые оказали влияние на всю научную мысль.

Язык как орудие познания окружающего мира. Такая трактовка появляется у мыслителей Древней Греции, где превалировали взгляды, связанные с единством мышления, бытия и языка. Рациональное познание сущности, которую можно раскрыть посредством мысли, осуществляется именно с помощью языка. Через слово мы можем получить новое знание, оно дает человеку власть влиять на чужие умы и менять мнение, даже если содержание высказывания ложно.

Язык как основа построения внутреннего мира человека. В познании внутреннего мира человека особую роль играет герменевтика, возникшая изначально для толкования священных текстов; позднее она трансформируется в метод работы с литературным текстом. Опираясь на язык в исследовании внутреннего мира человека использует также психоанализ, психиатрия, антропоцентрическое языковедение. Язык выступает для индивида инструментом упорядочивания его картины мира.

Язык как средство выражения мыслей. Философы-схоласты поднимают данный вопрос, трактуя язык вслед за Аристотелем как средство, транслирующее мысль от одного человека к другому. Таким образом, с внешним миром слова связаны лишь через предмет мысли.

В XVIII в. профессора Парижского университета, модисты подчеркивали вторичность познания вещи по отношению к самой вещи. Так, язык впервые получает статус системного объекта, элементы которого объединены специфическими связями между ними.

Язык как орудие формирования мысли. В Новое время способы функционирования языка объясняются скорее с помощью логики, например, в универсальной грамматике «Пор-Рояль», где все лингвистические явления сводятся к функционированию рассудка.

Французский мыслитель Э.Б. де Кодильяк оценивает проблему языка совершенно противоположным образом (Кодильяк, 1980). Не обращая внимания на логическое в речи, он подчеркивает разнообразие языков. Каждый из них, по его мнению, служит какой-то определенной цели – науке или творчеству. Специфика языка определяет то, как человек видит мир. Данные идеи приобрели определенную популярность и были поддержаны немецким ученым XIX века Вильгельмом фон Гумбольдтом. Для него сущность языка состояла в том, чтобы «отливать в форму мыслей материю мира, вещей и явлений» (Гумбольдт, 2000). Так, язык начинает рассматриваться как источник мысли. А поскольку именно мысль отличает человека от других существ, то язык понимается как признак сформированного человека. Мышление, по мнению В. фон Гумбольдта, не просто зависит от языка, оно обусловлено им (Гумбольдт, 2000). Тем не менее ученый говорит также и о единстве языков мира, дополняя мысль идеями об их этнической детерминированности (Сонин, 2012: 68).

Язык как орудие воздействия рассматривался еще софистами, но и сегодня данная трактовка не теряет своей актуальности в попытке человечества регулировать поведение окружающих.

Язык как средство фиксации и орудие порождения культуры. Данное понимание связывается, в частности, с Э. Сепиром (1934), оставившим заметный вклад в изучении влияния языковых привычек индивида на его восприятие окружающей реальности. Один из авторов гипотезы лингвистической относительности – Б.Л. Уорф (1960) – понимает язык как опыт реальной и символической действительности человека, влияющий на создание новых идей и языков, которые впоследствии вновь будут определять действительность.

Язык как орудие построения самого человека. Потребность человека в коммуникации, во взаимодействии с окружающей средой позволяет ему познавать окружающий мир и развивать различные сферы проявления собственной природы.

Как мы видим, сущность языка тесно переплетена с формированием миропонимания, картины мира человека, его идентичности. Антропологический потенциал языка, зарождение его сущностных характеристик, а также его диалектическую природу раскрывают антиномии языка, описанные В. фон Гумбольдтом (Гумбольдт, 2000).

Антиномии языка как диалектическое выражение его сущности. Под антиномией понимают рассуждение, доказывающее, что два высказывания, являющиеся отрицанием друг друга, вытекают одно из другого¹. В концепции В. фон Гумбольдта прослеживается зарождение основных характеристик языка именно в противоречии.

Антиномия объективного и субъективного в языке. По Гумбольдту, «являясь по отношению к познаваемому субъективным, язык, наоборот, по отношению к человеку объективен» (Гумбольдт, 2000). Язык является для индивида сначала чуждым, а после того как усваиваются остальные подобные объекты, человек делает его средством исполнения уже собственных операций, сам становится субъектом речевых действий, с помощью которых продолжает познавать мир или заниматься творчеством, проявляя свою неповторимую индивидуальность или субъективность.

Антиномия индивидуального и коллективного в языке особенно интересна в контексте рассмотрения идентичности. Платон и Конфуций пытались объяснить развитие языка под влиянием личности, однако ученые новейшей истории склоняются к мысли о том, что жизнь общества в этом контексте оказывает наибольшее воздействие. Б.Х. Бичакджян отмечает, что младограмматики, например, Герман Пауль, а также Бодуэн де Куртенэ, подчеркивали, что каждому человеку свойствен особый слог и уникальный способ выражаться, поэтому язык может быть только индивидуальным, а национальный язык – это «приблизительный средний вывод и абстракция, обобщение того регулярного, что наблюдается у индивидов» (Бичакджян, 1997).

Фердинанд де Соссюр, напротив, считал язык независимым от индивида. Однако следует признать, что не любой человек может оказать влияние на язык, многое зависит от общественной

¹ Антиномия [Электронный ресурс] // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/70/%D0%9D%D0%A2%D0%98%D0%9D%D0%9E%D0%9C%D0%98%D0%AF (дата обращения: 03.04.2022).

потребности и соответствия авторских неологизмов привычным моделям, иначе каждый член социума, а не отдельные выдающиеся личности, мог бы обогащать собственный язык. Таким образом, антиномия индивидуального и коллективного в языке констатирует тот факт, что язык можно признать творением как целых сообществ, так и отдельных лиц. Это доказывает также наличие индивидуальной и коллективной идентичности.

Антиномия целого и единичного в языке. Данная антиномия несколько похожа на предыдущую, но здесь речь идет не о творении языка, а о сохранении всего объема информации. Ф. де Соссюр считал, что язык существует в головах его носителей, но как «грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов... не существует полностью ни в одном из них, он реализуется в полной мере лишь в коллективе» (Соссюр, 1977: 52).

Антиномия языка как деятельности и как продукта деятельности. Такие выдающиеся мыслители, как Ф. де Соссюр (1977) и В. фон Гумбольдт (2000) сходятся в мысли о том, что, хотя язык и можно рассматривать в любой точке его развития, все-таки стоит исследовать их также как деятельность, и данные изыскания до сих пор не достигли большого успеха.

Антиномия понимания и непонимания. По мнению Гумбольдта, ни один человек не может понять одно и то же слово так же, как другой человек, поскольку у каждого есть определенные личные ассоциации с различными понятиями: «стол» в представлении одного человека не равен тому же у второго (Гумбольдт, 2000).

В контексте идентичности можно отметить, что каждый человек смотрит на явление «сквозь призму» собственной идентичности, и для наилучшего взаимопонимания необходимо изучать идентичность оппонента.

Антиномия языка и мышления. В. фон Гумбольдт полагал, что языковые единицы, вплетаясь в мыслительный процесс человека, влияют на формирование его картины мира. Также и язык, на котором говорит индивид, определяет представления человека об окружающем мире. «Мышление не просто зависит от языка вообще, потому что до известной степени оно определяется каждым отдельным языком» (Гумбольдт, 2000). Вместе с тезисом о творческой роли языка данная мысль образует антиномию: с одной стороны, человек зависит от своего языкового окружения, а с другой – пытается его преодолеть, выйти за его пределы и границы.

Последняя антиномия, сформулированная В. фон Гумбольдтом, видится особенно важной в контексте целей текущего исследования (а именно – проследить взаимовлияние языка и идентичности). Если мысль, представление о реальном мире формируют окружающую данность, а процесс является взаимонаправленным, то и идентичность, существующая в мыслях индивидуума, также претерпевает влияние языка, равно как и оказывает влияние на него. Рассмотрим связь языка с мышлением подробнее.

Традиционно мысль считается идеальным отображением материальных форм. О единстве языка и мысли говорили И. Кант (Кант, 2018), Г. Гегель (Гегель, 2011), В. Гумбольдт (Гумбольдт, 2000), Ф. Соссюр (Соссюр, 1977) и другие. Тем не менее существуют исследования, которые не показывают жесткой связи между мыслительной и речевой деятельностью человека. Глубинные уровни и причины формирования речи считаются плохо изученными и недоступными для объективного наблюдения. Однако психологи Жан Пиаже (1994) и Л.С. Выготский (2003) считают развитие сенсомоторного интеллекта у детей предпосылкой к овладению языком, а сенсомоторный интеллект, по их мнению, «предваряет» мысль. Экспериментально доказан тот факт, что когнитивное развитие (то есть развитие мышления) опережает речевое развитие у детей, а это означает, что в практическом мышлении есть некая независимость от языка.

Одной из интересных идей является мысль о материальности языка. Несмотря на то, что язык представляет собой материальную систему знаков, речь в целом состоит не только из знаков, но и из предложений, идей, стоящих за этими предложениями, из всего предыдущего опыта конкретного человека, а также из его намерений и установок. Без анализа вида речевого акта (локутивный – с функцией референции, иллокутивный – с функцией информирования, предупреждения, угрозы, сожаления и т.д., перлокутивный – с функцией убеждения, устрашения и т.д.), без индивидуального подхода к пресуппозициям (фоновым знаниям о мире) один индивид сможет лишь примерно понять другого (Остин, 1986: 92–93).

Как видно из приведенных выше примеров, взаимопонимание достигается в большой степени в результате успешного контакта между индивидами, а не в результате усвоения ими конкретных языковых знаков. Одним из важных элементов этого представляется адекватное понимание картины мира, формирующей в значительной степени идентичность собеседника.

Языковая картина мира. «Картина – это факт, представляющий собой существование и не-существование событий» (Витгенштейн, 1994: 8). По Л. Витгенштейну, понятие «картина» является моделью, демонстрирующей взаимосвязи между языком, мыслью и миром. Она вторична

по отношению к реальному объекту, однако формирует у индивида определенный реальный взгляд на вещи, влияющий на его жизнь (Витгенштейн, 1994).

С точки зрения лингвофилософской мысли идею языковой картины мира начал разрабатывать Л.И. Вайсгербер (Вайсгербер, 1993), взяв за основу учение В. Гумбольдта о внутренней форме языка и этничности языкового содержания (Гумбольдт, 2000). По мысли ученого, весь опыт носителя определенного языка заключается в его родном диалекте, поэтому, изучая язык, человек приобретает способность смотреть на мир «глазами его носителя».

В рамках отечественной лингвофилософской мысли наиболее основательно идеи неогумбольдтианства были осмыслены германистом, профессором О.А. Радченко (Радченко, 2005). В своей монографии «Язык как мироздание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства» он приводит пример того, как язык влияет на сознание человека: название языка «Deutsch» («немецкий») превратилось со временем в наименование целого народа, то есть народ именует себя по своему родному языку, что является беспрецедентным случаем в контексте истории формирования немецкого народного сообщества (Радченко, 2005: 111–118). Имя «Deutsch» включает в себя и признание разнообразия людей, говорящих на этом языке, и принятие неких общих ценностей, закрепленных в языке; также автором делается вывод о признании языка духовной основой определения народом себя как этноса.

Понимание языковой картины мира, по мысли исследователя, изменилось от статического до динамического. В итоге своих изысканий ученый приходит к идее о том, что формирование данного концепта зависит от каждого члена общества, имея духовную природу, причем влияние это является взаимонаправленным (Радченко, 2005: 233–241).

Развитие неогумбольдтианской концепции дало толчок многочисленным практическим научным исследованиям в области лингвистики, например, В.А. Пищальникова в результате проведенных экспериментов приходит к осознанию возможности моделирования картины мира человека на научных основаниях (Пищальникова, 2019).

Не секрет, что у народов севера есть бесчисленные обозначения различных видов снега, которые отсутствуют у южных этносов. Но не только окружающая природа накладывает свой отпечаток на язык, и, как следствие, на сознание этноса или народа. Сегодня исследования взаимовлияния языковой картины мира и человека обладают высоким научным потенциалом, особенно в связи с кризисами идентичности в контексте глобальных перемен.

Идентичность в философском дискурсе. Идентичность в философии понимается как сложный феномен, содержание которого определяет осознание индивидом своей общности с некоторым этнонациональным образованием на основе разделяемой культуры, глубинное эмоциональное переживание этой общности и соответствующие культурные формы ее манифестации (Малыгина, 2015: 219). И.В. Малыгина подчеркивает необходимость партисипационного переживания человека с социальной группой, объясняя данный факт с помощью пирамиды человеческих потребностей Абрахама Маслоу (Малыгина, 2019: 175). Таким образом, коллективная идентичность является константой в процессе жизнедеятельности индивида. Представляется необходимым поиск путей управления идентичностями в контексте глобализации (а также постглобализации) для сохранения мирной межкультурной коммуникации.

Феномен этнокультурной идентичности часто стоит в одном ряду с такими понятиями, как этническая, национальная, социальная и культурная идентичность. Определение собственной этнической идентичности может быть связано также с социальным статусом индивида, с тем, насколько комфортно он чувствует себя в том или ином обществе.

Понятия культурной и этнической идентичности рассматриваются представителями научного сообщества по-разному. Например, И.В. Малыгина констатирует понимание форм существования культурной идентичности только в рамках этноса. Это привело к частичному смешению понятий «культурное» и «этническое». И.В. Малыгина признает культурную идентичность трансформируемой в зависимости от состояния обществ, которые подчас претерпевают значительные изменения, что в свою очередь может привести к утрате идентичности и, как следствие, к конфликтам между цивилизациями (сегодня – между цивилизациями Востока и Запада, воплощенными в дихотомии «традиция – модернизация») (Малыгина, Ярошенко, 2016: 9–13).

В качестве примера понимания идентичности в контексте культурных сообществ можно привести феномен европейской идентичности: социологическая служба «Евробарометр» регулярно проводит исследования вопроса, какое количество жителей Европы причисляет себя к

«носителям» европейской идентичности, а какое – к «носителям» национальной. Данное соотношение меняется в зависимости от политической обстановки в странах Европы, а также от уровня жизни населения¹.

Существует два методологических подхода к изучению этничности: примордиализм (подход, базирующийся на принципах историчности и реальности существования этноса, нации) и конструктивизм (характеризующийся построением «надэтнической» культуры, что отрицает этнокультурную суть наций) (Малыгина, 2015). В рамках конструктивизма интерес представляет концепция «воображаемых сообществ» Б. Андерсона, которые отражают понимание нации как воображенного политического единства, поскольку каждый член общества лично никогда не узнает всех остальных (Андерсон, 2001).

Отметим, что европейское пространство может быть обозначено как «воображаемое сообщество», что не отменяет самоопределения жителей Европейского союза в более узких смыслах – как граждан определенных государств, представителей конкретных этносов или носителей смешанных культур.

О.Н. Астафьева делает вывод о том, что политики-практики своей деятельностью подчас усиливают кризис идентичности, что приводит к проблемам в работе социокультурных институтов (Астафьева, 2016: 32). Задача теоретиков – ученых и философов – видится в преодолении неэффективно работающих сценариев и в создании путей выхода из кризиса идентичности в тех странах, где это необходимо.

В условиях глобализации можно предположить, что в подобном кризисе окажутся многие страны. Это связано с образованием «воображаемых сообществ», созданных с целью экономической и иной защиты, например, ОПЕК, Таможенный союз, ЕАЭС, ВТО, ШОС, Союз южноамериканских наций и др.

О.Н. Астафьева выделяет следующие тенденции, связанные с изменением взаимоотношения человека с обществом: «размывание идентичности», диссипативность процессов идентификации, формирование разных моделей множественной идентичности (Астафьева, 2016). Все они приводят к ослаблению культурных оснований для коммуникации между членами общества.

Сегодня определенную популярность приобретает также термин «постглобализм». И.В. Малыгина утверждает, что национальные государства перестают быть некоей единицей, необходимой людям для выживания. Пандемия, экономические кризисы, военные конфликты, влияние массовой и цифровой культуры формируют постглобального человека, испытывающего экзистенциальное одиночество. И именно наступление западной культуры на традиционные ценности приводит к терроризму как к деструктивной форме манифестации идентичности (Малыгина, 2021).

Заключение. Мы рассмотрели сущность языка в философских концепциях и выделили его разнообразные трактовки, самыми важными из которых в контексте понимания связи идентичности и языка представляются следующие: язык как средство фиксации и орудие порождения культуры, язык как инструмент формирования мысли, язык как орудие построения самого человека. Данные трактовки содержат в себе идею влияния языка на картину мира и идентичность индивида, причем подчеркивается взаимность процессов. Человек влияет (хоть и коллективно) на перемены в языковом строе – языковой же строй формирует представления человека в динамике.

Нами были описаны антиномии языка, доказывающие его диалектичность. В рамках исследования представляют особый интерес антиномии индивидуального и коллективного в языке, а также антиномия языка и мышления. Подчеркнем, что меняет мировоззрение не только мышление единичного субъекта, заложенное в языке, но и образ мысли, картины мира сообществ, коллективов людей.

В данной работе в рамках ее основной цели освещено понимание языковой картины мира, хотя само оно гораздо шире, многоаспектнее и требует более глубокого изучения и анализа для решения проблем, связанных с кризисом идентичности в современных реалиях.

Также было представлено понимание идентичности в философском дискурсе. Особый интерес сегодня представляют идентичности, зависящие от деятельности мировых сообществ. Глобализм разрушил привычные паттерны поведения людей и привел к кризису идентичности. Современная философская мысль ставит своей задачей определить влияние постглобализма на человека и его самоопределение.

Возвращаясь к основному вопросу работы о взаимосвязи языка и идентичности, отметим важные проблемы, которые обращают на себя внимание:

1. С ростом тенденции к образованию глобальных сообществ человек становится более интернационален, языковая картина мира меняется за счет влияния на нее языков мигрантов, а

¹ Eurobarometer 87.3 (2017) [Электронный ресурс] // Unidata. URL: <https://www.unidata.unimib.it/?indagine=eurobarometer-87-3-2017> (дата обращения: 29.04.2022).

также носителей национальных идентичностей территорий, являющихся частью глобальных сообществ (в качестве примера таких сообществ приведем Европейский союз). Подобные перемены чреваты конфликтами.

2. Глобализм в мире, развитие виртуальных пространств, мирового туризма унифицируют идентичность людей в мире, в том числе за счет влияния на язык (а следовательно, и на картину мира в их взаимодействии). Засилие заимствований из английского языка приводит, с одной стороны, к более высокой степени взаимопонимания между представителями разных культур и идентичностей; с другой стороны, способствует частичной утрате самобытности различных групп людей.

Подытоживая, сформулируем следующие *выводы*:

1. Взаимовлияние языка и идентичности динамично, а это значит, что изучать идентичности в диахронии представляется наилучшей стратегией для дальнейших исследований.

2. Взаимовлияние языка и идентичности диалектично, равно как и взаимовлияние мышления и языка, картины мира и языка. Следовательно, вопрос идентичности сообществ необходимо рассматривать во взаимной диалектике со всеми вышеупомянутыми понятиями (язык – мышление – языковая картина мира – идентичность).

3. Язык и идентичность синкретичны, то есть образуют систему.

4. Взаимодействие языка и идентичности несет в себе богатый потенциал для дальнейшего изучения, поскольку с изменением контекста истории оно приобретает все новые характеристики.

Обостренные политические отношения в мире являются своего рода вызовом, стимулирующим к поиску общего языка между носителями различных идентичностей. В контексте глобализма, цифровизации и грядущего постглобализма представляется необходимым изучать идентичность в диалектическом взаимодействии с национальными языками с целью предотвращения кризиса идентичности, неуклонно возникающего на фоне стирания национальных границ, например, в интернет-пространстве. Но будут ли стерты эти границы в реальном мире? Как избежать противоречий, возникающих между идентичностями в реальном и виртуальном мирах? На эти вопросы философии еще только предстоит ответить.

Список источников:

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 286 с.
- Астафьева О.Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории. 2011. № 5. С. 223–241.
- Астафьева О.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 32–41.
- Белякова И.Г., Беляков Н.В. Современная межкультурная коммуникация: межкультурная чувствительность в управлении конфликтами // Путь науки. 2021. № 7 (89). С. 61–65.
- Бичакджян Б.Х. Эволюция языка: развитие в свете теории Дарвина // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 123–134.
- Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993. 229 с.
- Витгенштейн Л. Философские работы : в 2 ч. Ч. 1. М., 1994. 520 с.
- Выготский Л.С. Психология развития человека. М., 2003. 1134 с.
- Гегель Г. В. Ф. Введение в философию. Философская пропедевтика. М., 2011. 260 с.
- Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М., 2000. 400 с.
- Кант И. Критика чистого разума. М., 2018. 160 с.
- Кодильяк Э.Б. де. Опыт о происхождении человеческих знаний // Собрание сочинений : в 3 т. М., 1980. Т. 1. С. 1–334.
- Малыгина И.В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 13 (829). С. 173–185.
- Малыгина И.В. Культурные идентичности в постглобальном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 13 (855). С. 348–361. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_348
- Малыгина И.В. Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 219–224.
- Малыгина И.В., Ярошенко Н.Н. Традиция и идентичность в сценарии глобального проекта // Культура и образование. 2016. № 4 (23). С. 9–13.
- Остин Дж.Р. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. 17. М., 1986. С. 22–129.
- Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994. 526 с.
- Пищальникова В.А. Картина мира как междисциплинарное понятие и приемы ее моделирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 13–19.
- Радченко О.А. Язык как мирозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М., 2005. 312 с.
- Сепир Э. Язык : введение в изучение речи. М. ; Л., 1934. 223 с.
- Сонин А.Г. Сущность языка в истории языковедческой мысли // Русский язык в школе. 2012. № 10. С. 66–70.
- Соосюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. 695 с.
- Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 157–201.
- Cram L. Does the EU Need a Navel? Implicit and Explicit Identification with the European Union // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2012. Vol. 50, iss. 1. P. 71–86. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2011.02207.x>

References:

- Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imaginary Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]*. Moscow. 286 p. (in Russian).
- Astaf'eva, O. N. (2011) Kollektivnaya identichnost' v usloviyakh global'nykh izmenenii: dinamika ustoichivogo i ukoreneniye stanovyashchegosya [Collective Identity in the Context of Global Changes: Dynamics of Sustainable and the Rooting of Emerging]. *Voprosy sotsial'noi teorii*. (5), 223–241 (in Russian).
- Astaf'eva, O. N. (2016) Natsional'no-kul'turnaya identichnost' v usloviyakh globalizatsii: slozhnyi vektor razvitiya [National and Cultural Identity in the Context of Globalization: Complex Vector of Development]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 5 (73), 32–41. (in Russian).
- Belyakova, I. G. & Belyakov, N. V. (2021) Modern Business Intercultural Communication: Intercultural Sensitivity in Conflict Management. *The Way of Science*. (7 (89)), 61–65 (in Russian).
- Bichakjian, B. H. (1997) Evolyutsiya yazyka: razvitiye v svete teorii Darvina [The Evolution of Language: Development in the Light of Darwin's Theory]. *Voprosy yazykoznaniiya*. (2), 123–134 (in Russian).
- Cram, L. (2012) Does the EU Need a Navel? Implicit and Explicit Identification with the European Union. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 50 (1), 71–86. Available from: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2011.02207.x>
- Gegel, G. V. F. (2011) *Vvedenie v filosofiyu. Filosofskaya propedevtika [Introduction to Philosophy. Philosophical Propae-deutics]*. Moscow. 260 p. (in Russian).
- Gumbol'dt, V. (2000) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu [Selected Works on Linguistics]*. Moscow. 400 p. (in Russian).
- Kant, I. (2018) *Kritika chistogo razuma [Criticism of Pure Reason]*. Moscow. 160 p. (in Russian).
- Kodil'yak, E. B. de. Opyt o proiskhozhdenii chelovecheskikh znaniy [Experience about the Origin of Human Knowledge]. In: *Sobranie sochinenii*. Vol. 1. Moscow, pp. 1–334 (in Russian).
- Malygina, I. V. & Yaroshenko, N. N. (2016) Tradition and Identity in the Scenario of the Global Project. *Kul'tura i obrazovanie*. (4 (23)), 9–13 (in Russian).
- Malygina, I. V. (2015) Methodological Discourses of Ethnocultural Identity: Complementarity Resource. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. (5), 219–224 (in Russian).
- Malygina, I. V. (2019) Identity in the Space of Post-Culture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. (13 (829)), 173–185 (in Russian).
- Malygina, I. V. (2021) Cultural Identities in a Post-Global World. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. (13 (855)), 348–361. Available from: https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_13_855_348 (in Russian).
- Ostin, Dzh. R. (1986) Slovo kak deistvie [Word as an Action]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Teoriya rechevykh aktov*. Vol. 17. Moscow, pp. 22–129 (in Russian).
- Piazhe, Zh. (1994) *Rech' i myshlenie rebenka [Speech and Thinking of a Child]*. Moscow. 526 p. (in Russian).
- Pishchalnikova, V. A. (2019) Worldview as an Interdisciplinary Notion and Procedures of Its Modelling. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. (1), 13–19 (in Russian).
- Radchenko, O. A. (2005) *Yazyk kak mirosozidanie: lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtianstva [Language as a Creation of the World: the Linguophilosophical Concept of Neo-Humboldtianism]*. Moscow. 312 p. (in Russian).
- Sepir, E. (1934) *Yazyk : vvedenie v izuchenie rechi [Language: Introduction to the Study of Speech]*. Moscow ; Leningrad. 223 h. (in Russian).
- Sonin, A. G. (2012) Sushchnost' yazyka v istorii yazykovedcheskoi mysli [The Essence of Language in the History of Linguistic Thought]. *Russkii yazyk v shkole*. (10), 66–70 (in Russian).
- Sossyur, F. de (1977) *Trudy po yazykoznaniiyu [Works on Linguistics]*. Moscow. 695 p. (in Russian).
- Uorf, B. (1960) Otnosheniye norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The Relation of Norms of Behavior and Thinking to Language]. In: *Novoe v lingvistike*. Vol. 1. Moscow, pp. 157–201 (in Russian).
- Vaisgerber, L. (1993) *Rodnoi yazyk i formirovaniye dukha [The Native Language and the Formation of Spirit]*. Moscow. 229 p. (in Russian).
- Vitgenshtein, L. (1994) *Filosofskie raboty [Philosophical Works]*. Vol. 1. Moscow. 520 p. (in Russian).
- Vygotskii, L. S. (2003) *Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of human development]*. Moscow. 1134 p. (in Russian).

Информация об авторе

Т.Е. Григорьева – старший преподаватель кафедры языковой подготовки кадров государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=785212.

Information about the author

T.E. Grigorieva – a senior lecturer of the Department of Language Training of Public Administration Personnel of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=785212.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 93–96.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 93–96.

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.12>

Творческий процесс в контексте философского дискурса: методологический аспект исследования

Владислав Константинович Крылов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, vkrylov-19@edu.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8291-2764>

Аннотация. В данной работе рассматриваются подходы к исследованию творческого процесса. На основе анализа работ Л.С. Выготского, Л.А. Микешин, Ж. Делеза, А. Бадью, И.А. Бесковой, М.С. Казана, А.А. Коблякова и др. автором предпринята попытка выстроить методологическую и конвенциональную базу для дальнейшего исследования данной проблемы. Это позволяет автору сделать вывод, что творческий процесс возможно изучать не на основе методов классической рациональности, а посредством более гибких, мультипарадигмальных подходов. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к исследованию творческих процессов в рамках философского дискурса, а также в таких научных областях знания, как психология и кибернетика. Основной акцент в статье делается на решении художественных и творческих задач, включающих исследование психологической природы, эстетических проблем творчества, проблем трансмерности в построении общей теории творчества, когнитивно-семиологической методологии.

Ключевые слова: творческий процесс, эстетика, психология искусства, трансмерность, постнеклассическая рациональность

Для цитирования: Крылов В.К. Творческий процесс в контексте философского дискурса: методологический аспект исследования // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 93–96. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.12>.

Original article

Methodological aspect of the study of the creative process in the philosophical discourse

Vladislav K. Krylov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
vkrylov-19@edu.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8291-2764>

Abstract. The author discusses approaches to the study of the creative process. Based on the analysis of the works of L.S. Vygotsky, L.A. Mikesheina, Gilles Deleuze, A. Badiou, I.A. Beskova, M.S. Kagan, A.A. Koblyakov and others, the author tried to build a methodological and conventional basis for further research of this problem. This allows the author to conclude that the creative process can be studied not based on classical rationality methods, but through more flexible, multi-paradigm approaches. The relevance of the work is based on the growing interest in the study of creative processes within the framework of philosophical discourse, as well as in such scientific fields of knowledge as psychology and cybernetics. The main attention in the article is paid to solving artistic and creative problems, including the study of the psychological nature, aesthetic problems of creativity, problems of transdimensionality in building a general theory of creativity, cognitive semiological methodology.

Keywords: creative process, aesthetics, psychology of art, transdimensionality, postnonclassical rationality

For citation: Krylov, V.K. (2022) Methodological aspect of the study of the creative process in the philosophical discourse. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 93–96. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.12](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.12) (In Russian).

Актуальные исследования творческих процессов в рамках философского дискурса берут начало от разработки соответствующих когнитивных процессов в психологических практиках. Эти практики базируются на представлении о том, что психологическая природа человека дает ему эстетические понятия. Именно эстетический мир создает палитру, из которой формируются все инструменты творчества, порождающие новые художественные и научные тексты в самом широком понимании слова «текст». Философия искусства, как часто называют эстетику, в свою очередь формирует то творческое начало, которое направлено на работу с художественным образом, рисует данный образ и помогает ему воплотиться в конкретном произведении.

Эстетические понятия формируют в человеке вкусовые предпочтения, образующие тяготение и противопоставление одних художественных образов другим, из которого и получается творческое решение художественных, научных и других творческих задач. Л.С. Выготский обращает наше внимание на сформулированный Г.В. Плехановым вывод о том, что психологическая природа человека дает ему эстетические понятия, при этом он сравнивает понятие «антитеза» Ч. Дарвина с «противоречием» Г. Гегеля (Выготский, 1998: 14). В данной работе мы также включим в этот ряд также понятие «дифферанс» Жюль Делеза, и такое сопоставление позволит нам вывести эстетическую проблему творческого процесса в контекст постструктуралистского дискурса, в котором и должен рассматриваться такой феномен как творческий процесс.

Это позволяет рассмотреть природу творческого процесса как безмерную, схематичную, но ясную картину, в которой именно антитеза, противоречие или «дифферанс» формируют противопоставление образов или художественных решений, что в результате творческого решения задачи вырастает в новое измерение для данного явления. Именно выход в новое измерение, не исследованное в предшествующих работах, и является творческим решением представленной задачи. Актуальные попытки выстроить на такой базе теорию творчества или теорию творческого процесса представлены А.А. Кобляковым в статье «Основы общей теории творчества (синергетический аспект)» (Кобляков, 2002: 97) и других работах. В своем моделировании он выходит за рамки классического научного объяснения и не пытается рационально-логически познать творческий процесс, приводя примеры квантовой, многомерной и диалектической логики, чтобы вывести в новое измерение логическую цепочку исследования творческого процесса. Следующим шагом будет именно выработка новой логики, близкой к многомерной, но базирующейся на принципах и базисах, характерных для творческого процесса.

Для творческого решения задачи предопределен выход в новое измерение или сама возможность трансмерности (по терминологии А. Коблякова). Если для литературного творчества эти процессы рассмотрены Выготским в «Психологии искусства» на основе басен И. Крылова через проблему нагнетания и разрешения противоречия, в живописи – это совмещение различных систем перспектив, в театре – объединение явного и скрытого, то для музыки все не так очевидно.

Для подобного материала можно было бы подобрать свойство, которое бы уводило творчество в новое измерение, но таких свойств слишком много и их необходимо объединять в крупные группы. Один из первых наиболее серьезных сдвигов в музыкальном творчестве – это переход от одноголосия к многоголосию. После этого следовало бы изобретать что-либо существенно более глубокое, но, на наш взгляд, одним из таких сдвигов является переход от акустической музыки к электроакустике. Совмещение несовместимых планов акустического пространства и множества громкоговорителей в аудитории – вот что является одним из серьезных творческих решений. В настоящее время также часто применяется совмещение жанров и стилей из двух как бы параллельных миров – академической и эстрадной музыкальных культур. Такие жанры каждый раз предлагают новое пространство для появления творческих решений. Кроме этого, в музыкальном языке уже присутствует множество контрастных приемов, таких как динамическое, интонационное или тональное противопоставление.

Сам творческий процесс не поддается рациональному объяснению в привычном понимании рациональности. Для его исследования могут быть применены когнитивные практики, которые применяются в философствовании о познании. Такие практики подразделяются на два типа, «первый – по образу и подобию естественных, “строгих” наук, реализует варианты гносеологических и логико-методологических практик; второй берет за образцы гуманитарные и художественные формы мышления, все богатство практик экзистенциально-антропологической традиции» (Микешина, 2002: 13). По представлению Л.А. Микешиной, обе практики не могут быть отделены друг от друга, но это совершенно не отменяет возможности преобладания одной практики над другой по значению в том или ином процессе.

Все это показывает, что творческий процесс не может быть сведен к простейшей схеме или системе, а это говорит нам о том, что он действительно не работает по законам рациональности в привычном для нас понимании. В парадигме классической науки человек (или исследователь) должен быть исключен из познаваемого процесса, а в таком процессе как творчество это можно сделать только при определенных условиях. Именно поэтому необходимо сохранить оба фундаментальных подхода и найти возможность для синтеза и взаимопроникновения картезианской и экзистенциально-антропологической практик в исследовании творческого процесса.

Одним из основополагающих факторов, по причине которых творчество и творческие процессы в настоящий момент недостаточно исследованы, является фактор господства классического рационализма в научном знании. Именно поэтому одно из развивающихся направлений исследо-

вания творчества считает трансмерность главной характеристикой, включенной в методологическую систему. Выход в такие терминологические категории предполагает, что если сам исследуемый объект многомерен и количество его измерений меняется в зависимости от творческих задач, то исследование такого процесса должно выходить не только за границы самого объекта, но и предполагать синтез когнитивных практик. Необходимо перестать применять моделирование в привычном смысле и не лишать изучаемый объект субъективных характеристик. Таким образом, исследование творчества должно представлять собой нарративное, творческое исследование в той парадигме, которая сможет включать постмодернистский дискурс и его производные.

С исторической точки зрения исследование творчества можно представить хронологически развивающимся и сменяющимся парадигмально вслед за сменой культурной формации. Если для предшествующих культурных периодов можно сформулировать концептуальную рамку и выстроить категориальный аппарат с целью изучения творческих процессов для них характерных, то находясь в постмодерне, мы как бы оказываемся в культуре, следующей после предыдущей формации, но не имеющей ни контекстуальных, ни формообразующих характеристик. «Именно это ощущение начавшегося радикального изменения культурной ситуации отразилось в появлении и все более широком использовании, начиная с 70-х годов, понятия “Постмодернизм”. <...> в разных областях культуры – в философии и в архитектуре, в литературе и в музыке, в изобразительных искусствах и в гуманитарных науках – он проявляется далеко не одинаково» (Каган, 1996: 359).

Различные типы проявлений говорят как раз о том, что творческие процессы берут верх над эмпирическим и рациональным началом. Именно творческое начало главенствует в художественных практиках постмодернизма и других современных проявлений культуры и искусства. Для новейшего времени характерна новая повестка, глобализация множества процессов предполагает объединение как культурного, так и научного мирового сообщества в единую систему, где из всех систем знаний представляется возможным собрать новую единую форму, которая поможет сформировать представление о творческом процессе в рамках междисциплинарной системы научного знания.

Одна из основных черт нового научного знания – постнеклассическая рациональность. Ее формальное описание позволяет выйти за рамки структурных моделей и посредством нарратива построить модель феномена, исследуемого исключительно путем восприятия и чувственных практик, таких феноменов как творчество, в современной парадигме не познаваемых классическим рациональным путем. При этом одним из наиболее важных параметров творческого процесса является смыслообразование. Именно этот параметр создает возможность нового подхода, состоящего из обобщения различных творческих процессов в единую нарративную структуру, посредством представления в нем творческого решения исследовательского вопроса. В тот момент, когда подобное решение найдено, мы открываем новые горизонты для исследования творчества. Именно конъюнкция несопоставимых смыслов образует новый смысл путем формирования более глубокой пространственной картины исследуемого творческого процесса.

Современные исследования природы творческих процессов можно подразделить на несколько направлений. Одним из направлений, которые могут быть полезными в нашем дальнейшем исследовании, можно считать когнитивно-семиологический подход в смыслообразовании. Одна из ярких работ последних десятилетий – это «Манифест философии» А. Бадью. Именно его подход направляет исследование творческого процесса в сторону попытки нивелировать присутствие в классической науке системного и структурного подходов (Бадью, 2003: 38).

Попытка совместить идею различения применительно к смыслообразованию представлена в работе Е.А. Механиковой (2021). В данной работе в основном проработаны методы исследования творчества, которые сформировались во второй половине XX века в парадигме постмодернизма. Именно в этой парадигме возможно расширение представлений об исследовании феномена творческого процесса. Однако, в дополнение к этому, современные тенденции гуманитарного знания устремляются в мультипарадигмальность и кроссдисциплинарность. Это позволяет пользоваться расширенной методологией для поиска решений поставленных задач. Кроме этого, можно заключить, что при таком подходе мы не можем выносить самого исследователя и его субъективную роль за рамки исследуемого процесса. Если вынести исследователя творческого процесса за рамки, то такой процесс перестанет носить творческий характер, лишившись необходимых параметров взаимодействия с объектом исследования. В противном случае – когда исследователь погружен и сонастроен с творческим процессом, который он изучает, «исследователь воспринимает проблемную ситуацию или творческую задачу как вызов его интеллектуальности или креативности, как поле битвы, где надлежит мобилизовать все ресурсы для того, чтобы одержать победу, то его личностное пространство творческого поиска оказывается наполненным борьбой и конфликтами противоборствующих платформ, где приходится сражаться за то, чтобы истина одержала верх» (Бескова, 2020: 44).

Сам факт исследования творчества через творческий процесс работы с исследуемым явлением говорит о достаточно обоснованной методологии для подобного исследования. Именно выбор методологии в мультипарадигмальном исследовании может оказать влияние на возможность решения поставленной задачи. Анализ творческих процессов в дальнейшей работе над этой темой должен проходить в плоскости психологических предпосылок возникновения творческой идеи, культурных кодов, которые закладываются при формировании творческого продукта и организации творческого процесса в одной из присутствующих основ процесса – парадигме постнеклассической рациональности и взаимодействия субъекта с полисубъектной средой.

Список источников:

- Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003. 184 с.
 Бескова И.А. Что исследование культуры может дать исследователю творчества // Философия творчества. Вып. 6: Философско-методологический анализ творческих процессов / Ред.: Смирнова Н.М., Бескова И.А. М.: Голос, 2020. С. 26–98.
 Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов-на-Дону, 1998. 475 с.
 Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996. 415 с.
 Кобляков А.А. Основы общей теории творчества (синергетический аспект) // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФ РАН, 2002. с. 95–106.
 Механикова Е.А. Идея различения как смыслообразующий концепт современной философии // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 33–35. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.5>.
 Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002. 624 с.

References:

- Badiou, A. (2003) Manifest filosofii [Manifesto of Philosophy]. St. Petersburg. (In Russian)
 Beskova, I.A. (2020) What cultural research can give to a creativity researcher. In: Philosophy of creativity. Vol. 6: Philosophical and methodological analysis of creative processes. Pp. 26–98. (In Russian)
 Kagan, M.S. (1996) Filosofiya kul'tury [Philosophy of Culture]. St. Petersburg. (In Russian)
 Koblyakov, A.A. (2002) Osnovy obshchey teorii tvorchestva (sinergeticheskiy aspekt) [Fundamentals of the general theory of creativity (synergetic aspect)]. In: Filosofiya nauki. Vyp. 8: Sinergetika chelovekomernoy real'nosti [Philosophy of Science. Vol. 8: Synergetics of human-dimensional reality]. Pp. 95–106. (In Russian)
 Mekhanikova, E.A. (2021) The idea of difference as a meaning-forming concept of modern philosophy. *Society: philosophy, history, culture*. (6). 33–35. Available from: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.6.5>. (In Russian)
 Mikesheina, L.A. (2002) Filosofiya poznaniya. Polemicheskiye glavy [Philosophy of knowledge. Polemic chapters]. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian)
 Vygotsky, L.S. (1998) The Psychology of Art. Rostov-on-Don: Phoenix. (In Russian)

Информация об авторе

В.К. Крылов – аспирант кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1085906.

Information about the author

V.K. Krylov – PhD student, UNESCO Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1085906.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.03.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.04.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 97–101.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 97–101.

Научная статья
УДК 130.3(075)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.13>

Симулякр как феномен виртуальной реальности в социально-философском дискурсе

Сергей Николаевич Сорокин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия, seregamonster22@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется «симулякр» как социально-философский феномен современного общества. Рассматривается само это понятие, его сущностное содержание и основные подходы к изучению. Цель исследования – расширить понимание термина «симулякр» и дополнить его концептуальным содержанием. Отдельное внимание уделяется ведущим учёным, которые занимались разработкой этого направления научного знания. Устанавливается наличие взаимосвязи между симулякром и виртуальной реальностью. Отмечено, что исследуемый феномен является одним из фундаментальных элементов, который составляет основу существования виртуальной реальности. Анализируется нынешнее проявление симулякра, исторические взгляды на социально-философский аспект этого явления и перспективы изучения рассматриваемого направления научного знания. Заключается, что нельзя недооценивать возможность симулякризации действительности в условиях современной цифровой революции. Отмечается необходимость контролирования позиций виртуальной реальности по отношению к объективной действительности для исключения критических ошибок, влияющих на развитие цивилизации.

Ключевые слова: симулякр, феномен, виртуальная реальность, социально-философский дискурс, общество

Для цитирования: Сорокин С.Н. Симулякр как феномен виртуальной реальности в социально-философском дискурсе // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 97–101. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.13>.

Original article

Simulacrum as a virtual reality phenomenon in socio-philosophical discourse

Sergey N. Sorokin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
seregamonster22@mail.ru

Abstract. The article analyzes the "simulacrum" as a socio-philosophical phenomenon of modern society. The concept itself, its essential content and the main approaches to its study are examined. The aim of the study is to broaden the understanding of the term "simulacrum" and to contribute to its conceptual content. Special attention is paid to the leading scientists who were engaged in the development of this area of scientific knowledge. The existence of a relationship between the simulacrum and virtual reality is established. It is noted that the phenomenon under study is one of the fundamental elements that forms the basis of the existence of virtual reality. The article analyzes the current manifestation of the simulacrum, historical views on the socio-philosophical aspect of this phenomenon and the prospects for studying the direction of scientific knowledge under consideration. The point is that the possibility of simulacring reality in the context of modern digital revolution should not be underestimated. The need to control the position of virtual reality in relation to objective reality to exclude critical errors affecting the development of civilization is highlighted.

Keywords: simulacrum, phenomenon, virtual reality, socio-philosophical discourse, society

For citation: Sorokin, S.N. (2022) Simulacrum as a virtual reality phenomenon in socio-philosophical discourse. *Society: Philosophy, History, Culture.* (5), 97–101. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.13](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.13) (In Russian).

Виртуальная реальность – это глобальный феномен современного общества. Совсем недавно многие вещи казались фантастическими, а теперь вполне могут быть претворены в жизнь. Существует множество подходов к пониманию этого явления. Особенный интерес вызывает теория симулякров. Согласно ей виртуальная реальность является особым видом реальности, моделируемым с помощью подмены различных структурных элементов социума на их специальные копии, некоторое подобие.

Новизна исследования не вызывает сомнений. Она обусловлена активными спорами о природе и значимости феномена симулякра в современном обществе. Одни авторы указывают на несомненную пользу и положительное его влияние на социум, другие – на негативные стороны этого явления и опасности, которые несет с собой его распространение. В основу исследования лёг диалектический метод, через призму которого лучше всего просматривается взаимодействие симулякра, виртуальной реальности и индивида. Отдельного упоминания заслуживает сравнительно-исторический метод, который позволяет проследить, как менялась виртуальная реальность, а также формирует представление о симулякре.

Генезис симулякра берёт своё начало ещё с трудов Платона (Делёз, 1998), который шагнул намного дальше современников в направлении изучения виртуальной реальности. Мыслитель понимал под симулякром определённую ниспадающую деградацию двойного искажения. Он утверждал, что вещь отражается несколько раз – относительно своего реального бытия, а также виртуального образа вещи, существующего в мыслях и на чувственном уровне. Фактически речь идёт о «копии копии», то есть о явлении, которое образовалось не напрямую от оригинала, а от его искажения (Гречко, 2015).

Если обращаться к современному пониманию этого термина, его первооткрывателем стал Жорж Батай. Но и его работы не раскрывают явление в полной мере, оставляют «белые пятна». Закрывать их попытались последователи ученого – Жиль Делёз и Жан Бодрийяр. Они проделали колоссальный труд, чтобы придать понятию «симулякр» окончательно оформленный вид.

С «платоновских» времён под симулякром понималась любая копия чего-либо, например, картина (пейзаж, портрет), оттиск, отпечаток. Более того, отражение необязательно должно было идеально повторять объективную реальность. Платон был совершенно точно уверен в том, что даже реальный образ является лишь копией незримой идеи, которая является первоначалом, источником. Поэтому симулякр и становится «копией копии». Он заведомо является искажённым, поскольку пропускается через эту призму дважды¹.

Несмотря на богатую историю существования явления, расцвет его изучения пришёлся на XX век. Особенно большой вклад в этот процесс внёс именно Жан Бодрийяр. Хотя сам мыслитель был уверен в том, что он лишь пользуется сформированным пластом знаний, которые были заложены его именитыми предшественниками, обращавшимися в своих трудах к этой проблеме, пытались её осмыслить, интерпретировать и осознать.

При этом не стоит безусловно утверждать, что именно «постмодерн» стал временем прорыва мысли о симулякрах. Ведущие ученые этого направления сосредоточились именно на толковании термина, который был введён в научную плоскость ещё Лукрецием. Но именно Бодрийяр был полностью погружён в сущностную составляющую явления. Ещё важнее то, что он рассматривал симулякр с точки зрения его общественной значимости и роли.

Современная научная доктрина придерживается той же позиции, на которой была основана «бодрийяровская» теория. Например, Н.Б. Маньяковская, так сформулировала определение симулякра – «это псевдовещь, замещающая “агонизирующую реальность” постреальностью посредством симуляции» (Маньяковская, 2000).

Современное понимание симулякра указывает на то, что это образ, который не имеет первоисточника. Фактически он отражает объект, который отсутствует в объективной реальности. Например, цифровая фотография, обработанная в графическом редакторе, становится искажением действительности. С одной стороны, в её основе лежит существующий элемент бытия. С другой – внесённые изменения (даже совсем незначительные) искажают и передачу, и восприятие. Поэтому у лица, пытающегося определить ключевые признаки источника, может сложиться абсолютно ошибочное представление о них.

Симулякр связан с понятиями иллюзии и символа. Фактически сам феномен является слиянием этих явлений. Иллюзия – это нечто кажущееся, достаточно призрачное и потустороннее. А символ – это некоторая картинка, знак, с помощью которого передаётся информация. Вот и симулякр является попыткой создать иллюзорный объект с помощью знаков и символов.

Бодрийяр рассуждал не о виртуальной плоскости симулякра, он пытался переложить его на объективную картину мира. Основное внимание мыслитель уделял тому, что любое социальное явление может иметь псевдохарактер. Предшественники его всё-таки были более сосредоточены на том, что симулякр находится за пределами объективной реальности. Бодрийяр не боялся стереть эти рамки, понимая под явлением результат процесса симуляции. Фактически учёный попытался на наглядных примерах доказать, что всё существующее не имеет точной проекции в мире идеального, эйдоса.

¹ Иванова А. «Эйкон» и «эйдолон» Платона и «симулякр» Делёза [Электронный ресурс] // Русская антропологическая школа. URL: <http://kogni.narod.ru/eikondeleuze.htm>

В наше время вопрос использования симулякра встаёт очень остро, он активно изучается в связи с глобальными информационными столкновениями государств, отдельных субъектов международного права. В работе «Войны в заливе не было»¹. Бодрийяр анализировался конфликт в Персидском заливе, который случился в 1991 году. Мыслитель утверждал, что аудитория телевизионного канала CNN не имела абсолютно никакой возможности составить для себя объективную картину мира. Информация доводилась так, как это было выгодно и удобно, не преследовалась цель достижения истинного знания о ситуации. Поэтому зрители не могли отделить реальные факты от фейка, создаваемого CNN.

Бодрийяр в своих взглядах и понимании симулякра шагнул далеко вперёд. Фактически он предопределил состояние объективной реальности на многие годы. Мыслитель предсказал, что многие события и важные для мировой истории факты будут искажаться, со временем станут далеки от реального положения дел. Поэтому современный мир зачастую сталкивается с проблемой установления истины. Мнения расходятся даже относительно тех фактов, которые ранее носили едва ли не характер аксиомы.

Бодрийяр был абсолютно уверен в том, что симуляция – это последняя стадия развития символа. Любой симулякр в его понимании проходит четыре этапа формирования. Сначала происходит отражение базового бытия. Сюда можно отнести фотографию, в которую не происходит никакого вмешательства с помощью технического аппарата. Затем идеальный образ начинает искажаться. Объективная реальность маскируется, прячется с помощью специального инструментария.

Первые две стадии всё-таки близки к реальности, поскольку предусматривают наличие объективно существующего источника. С ним либо производятся, либо не производятся специальные действия. А вот два оставшихся этапа полностью отказываются от изначальной модели. Третья стадия рассматривается в виде подлога реальности. Например, при описании событий 2022 года используются фотографии, которые были созданы намного раньше. Именно это и считается симулякром в чистом виде. А последний этап предусматривает то обстоятельство, что оригинала вообще не существует. Более того, чаще всего сам знак несёт в себе посыл, что той самой модели, с которой и происходила дальнейшая симуляция, не существует.

Теория симулякра в современном обществе приобретает совершенно новое значение. А всё потому, что информационные конфликты стали центральным звеном социокультурных отношений. Практически все столкновения сопровождаются созданием огромного количества фейков-симулякров. Основная опасность этого процесса заключается в том, что может быть утрачена связь с объективной реальностью.

Фактически виртуальная реальность в нынешнем её состоянии наполнена симулякрами, причём можно найти хотя бы по одному примеру на все четыре представленных этапа. Особенное значение их существование приобрело в начале 2020 года, когда на планету обрушилась пандемия COVID-19. В этот момент мировое сообщество столкнулось с объективной необходимостью перехода в цифровое пространство. Изначально казалось, что нормальная жизнедеятельность в таких условиях попросту невозможна. Но со временем стало понятно, что наличие симулякров прокладывает путь к сохранению всех необходимых благ.

Виртуальная реальность во время пандемии проникла абсолютно во все сферы общественной жизни. Особенно сильно это проявилось в культурном и образовательном направлении. Переход студентов на дистант стал возможен благодаря разработке и внедрению специального инструментария, целиком и полностью составленного из симулякров. Пара в Zoom – аудитория со студентами, виртуальная презентация – страницы учебника, прохождение теста с помощью специальных форм – контрольная работа.

Со временем стало понятно, что виртуальная реальность при помощи симулякров способна ответить на вызовы времени, создать комфортную среду для полноценного развития общества. Так, посредством цифрового моделирования полностью копировались даже произведения искусства, создавались виртуальные музеи и выставки. Симулякром можно назвать и хранилища музыкальных файлов, и электронные библиотеки. Существование виртуальных копий объектов позволило обществу безболезненно перейти в «цифру».

Существующее положение дел – невероятный шаг вперёд, который действительно расширяет человеческие возможности, позволяет моделировать любые элементы объективной реальности. Это касается и перспектив научного познания. Раньше практически все опыты и наблюдения приходилось производить при непосредственном контакте с элементами объективной реальности. Теперь появилась возможность выполнять любые необходимые операции с виртуаль-

¹ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было : сборник. М., 2016. 222 с.

ными моделями. Например, посредством использования симулякра можно создать копию, с которой проделываются различные манипуляции (вплоть до уничтожения). А количество копий при наличии доступного инструментария ничем не ограничено.

Следующий важнейший момент – развитие медицины с помощью виртуальной реальности и симулякров. Во-первых, моделирование уже активно используется при подготовке кадров. Речь идет о специальных высокоточных симуляторах с использованием технологии VR. Они позволяют отработать сложнейшие операции, не подвергая опасности жизнь и здоровье людей. Фактически к первому реальному хирургическому вмешательству специалист может подойти с запасом в тысячи тренировок. Во-вторых, разрабатываются специальные роботы, которые управляются дистанционно посредством использования виртуальной реальности. Совсем скоро появится возможность проводить операции на расстоянии в тысячи километров. Это станет настоящим прорывом для тех стран, которые отстают в направлении развития медицины.

Виртуальная реальность и симулякры – это неразрывно связанные явления, которые развиваются параллельно. А современные условия лишь интенсифицировали этот прогресс, сделали его более ярко выраженным. Важность виртуальной реальности не вызывает никаких сомнений. Поэтому особенный интерес исследователей вызывают составляющие её элементы, в число которых входит и симулякр как основополагающее звено.

Можно заключить, что теория Бодрийяра оказалась ближе всего к истине: наличие специальных виртуальных копий меняет объективную реальность. Правда, симулякры не всегда несут в себе безусловную ценность. В некоторых ситуациях они могут выступать в качестве негативных инструментов манипулирования сознанием членов социума. Например, ведение информационной войны всегда сопровождается созданием фейков, которые и являются симулякрами в самом чистом виде.

Задача социально-философского учения заключается в том, чтобы направлять имеющиеся возможности в нужное русло. При использовании симулякров необходимо отталкиваться от норм этики и морали. Их создание, существование и преобразование всегда должны иметь своей целью совершенствование общества, его последовательное развитие. Поэтому современная доктрина должна отталкиваться от этого, заявлять гуманизм в качестве одного из фундаментальных оснований.

Перспективы развития виртуальной реальности с учётом потребностей современного общества выглядят всё более радужными. Постепенно каждый человек обзаводится собственным симулякром в виртуальном пространстве. Более того, в цифровой формат переходит весь оборот документов, заметны движения в сторону формирования единой базы, в которой могли бы храниться все акты и файлы. Со временем человек может полностью отказаться от традиционных носителей, поскольку они являются менее удобными и проработанными в плане технической реализации.

Аватар в виртуальном пространстве действительно является «лицом» человека. С помощью него ведутся деловые переписки, проводятся онлайн-конференции, подаются заявки и выполняются другие важные действия. Более того, обезличенный профиль может стать прекрасной возможностью избежать многих негативных последствий за счёт создания «симулякра человека».

Особенное значение это может иметь в области инклюзивного образования. Речь идёт о создании виртуальной копии человека, которая лишена ограничений, обусловленных здоровьем. Созданный аватар ребёнка может спокойно выполнять все необходимые действия. Кроме того, он априори защищён от буллинга, попыток насмехаться со стороны остальных учеников.

Симулякр и виртуальная реальность способны решать и ряд других проблем социума. В частности, речь идёт о создании цифровой среды для обмена межкультурным опытом. Совершенно безопасно можно отправить любое произведение искусства или другой источник информации в любую точку земного шара. Это выведет на новый уровень развития страны третьего мира, совершенно точно станет толчком для дальнейшего преобразования общества.

Однако не стоит относиться к явлению симулякризации слишком однобоко и забывать о его опасностях. Ещё Бодрийяр указывал на негативные аспекты его функционирования. А современное общество лишь усиливает риски. Опасность оказаться за гранью реальности, перестать объективно воспринимать происходящее может стать глобальной проблемой (Серкова, 2017). Реальность трансформируется, что заметно невооружённым взглядом. Но если выпустить ситуацию из-под контроля, можно оказаться в мире подмены. Очень важно при дальнейшем изучении темы подробно рассматривать и негативные аспекты феномена симулякра, чтобы помочь современному обществу избежать многих опасностей, не совершить критических ошибок, влияющих на развитие цивилизации.

Список источников:

- Гречко П.К. Постмодерный конструктивизм // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. С. 25–42.
Делёз Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск, 1998. С. 225–240.

Маньковская Н.Б. Эстетика постмодерна. СПб., 2000. 346 с.
Серкова В.А. Трансформация реальности в концепции Жана Бодрийяра // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 92–98.

References:

Delez, Zh. (1998) Platon i simulyakr [Plato and the Simulacrum]. In: *Intentsional'nost' i tekstual'nost'. Filosofskaya mysl' Frantsii XX veka*. Tomsk, pp. 225–240 (in Russian).
Grechko, P. K. (2015) Postmodernyi konstruktivizm [Postmodern Constructivism]. *Voprosy sotsial'noi teorii*. 7, 25–42 (in Russian).
Man'kovskaya, N. B. (2000) *Estetika postmoderna* [Postmodern Aesthetics]. Saint-Petersburg. 346 p. (in Russian).
Serkova, V. A. (2017) The Transformation of Reality in the Concept of Jean Baudrillard. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 8 (1), 92–98 (in Russian).

Информация об авторе

С.Н. Сорокин – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1068106.

Information about the author

S.N. Sorokin – PhD student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1068106.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 102–106.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 102–106.

Научная статья

УДК 141

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.14>

О развитии взглядов К. Маркса на историческую свободу

Чжао Хун

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
ZhaoHong2019@yandex.ru

Аннотация. Философия Маркса есть результат существенного преобразования традиционной западной философии, а ее революционный характер выражается в понимании мыслителем проблемы свободы. Маркс применил исторический метод к трактовке этого понятия, сформировав тем самым «исторический взгляд на свободу» и преодолев рациональный подход немецкой классической философии. Философ считал, что человек – это, по сути, разновидность сущего, поэтому свобода, которой мы хотим достичь, – это свобода для данного вида сущего, поэтому ее необходимо реализовывать через социальную практику. Этот процесс сопровождается развитием навыков практической деятельности, формированием общественных отношений и сменой социальных форм, поэтому его можно назвать историческим. В статье рассмотрена специфика марксовской «исторической точки зрения на свободу» и предпринята попытка заложить прочный теоретический фундамент для ее глубокого понимания.

Ключевые слова: естественная свобода, свобода труда, свобода родовой сущности человека, историческая свобода

Для цитирования: Чжао Хун. О развитии взглядов К. Маркса на историческую свободу // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 102–106. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.14>.

Original article

On the development of K. Marx's views on historical freedom

Zhao Hong

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ZhaoHong2019@yandex.ru

Abstract. Marx's philosophy is the result of a significant transformation of traditional Western philosophy, and its revolutionary character is expressed in the thinker's understanding of the problem of freedom. Marx applied the historical method to the interpretation of this concept, thus forming a «historical view on freedom» and overcoming the rational approach of German classical philosophy. The philosopher believed that man is, in essence, a kind of existence, so the freedom we want to achieve is freedom for this kind of existence, so it must be realized through social practice. This process is accompanied by the development of practical skills, the formation of social relations and the change of social forms, so it can be called historical. The article examines the specifics of Marx's "historical point of view on freedom" and attempts to lay a solid theoretical foundation for a thorough understanding of it.

Keywords: natural freedom, labor freedom, ancestral essence freedom, historical freedom

For citation: Zhao Hong. (2022) On the development of Marx's views on historical freedom. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 102–106. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.14](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.14) (In Russian).

Прежде чем говорить об общественно-политической концепции К. Маркса, следует рассмотреть фоновое для ее развития состояние философской мысли, касающейся вопросов организации общества. Так, известный британский политический философ Джон Грей провел серьезное исследование либерализма. По его мнению, взгляды классических либеральных мыслителей подразумевают поддержку частной собственности и системы свободного рынка, которые, как утверждали марксисты и другие социалисты, сами по себе являются ограничением свободы (Джон Грей, 1986). Другой философ, Шон Сэйерс, в своей книге «Марксизм и природа человека» отмечал, что свобода, к которой стремятся люди, на самом деле является свободой труда, которая является формой человеческой надежды на повышение производительности. Общественные отношения возможны потому, что люди сознательны, и в идеальном случае они должны мыслиться как единство свободы родовой сущности человека и свободы труда (Sean Sayers, 1998: 83). Указанные философские изыскания в сфере общественного устройства и понимания феномена свободы человека составляют базу для того, чтобы уловить коннотации классической марксистской мысли.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы через изучение взглядов Маркса на историческую свободу получить возможность по-новому исследовать свободу человеческую. Для этого необходимо рассмотреть, как Маркс понимал практику реального освобождения субъекта, то есть опыт обретения человеком свободы на различных стадиях общественного и исторического развития; как он трактовал взаимосвязь между человеком и природой, человеком и обществом, человеком и историческими законами. Процесс формирования взглядов Маркса на историческую свободу можно разделить на несколько идеологических этапов. Несколько обобщая, можно представить его как движение от естественной свободы природы человека к свободе абстрактной, от свободы абстрактной природы человека – к свободе труда, а от свободы труда – к свободе истории.

Рассмотрим эти этапы подробнее.

1. Естественная свобода: критическое исследование древнегреческого атомизма. В ранние годы своей творческой жизни Маркс уделял большое внимание натурфилософии Древней Греции. Исследуя атомистические идеи Эпикура, он понял, что в мире природы помимо порядка присутствует и момент свободы, и пришел к мысли, что свободу человека можно совместить со свободой в природе. Он обнаружил, что имеется связь между свободным отклонением атомов в натурфилософии Эпикура и свободой человеческого «самосознания», о которой говорил Гегель. Свой взгляд на это явление Маркс выразил через анализ фундаментальных различий между концепцией Демокрита и эпикурейской философией природы.

Маркс утверждал, что крайне неправильно рассматривать эпикурейскую философию просто как «плагиат» философии Демокрита, потому что имеются существенные различия в фундаментальных принципах их философских учений (Чжан Чэншань, 2014: 87). Разница в том, что Демокрит, скорее, эмпирик и позитивист в философии, тогда как Эпикур – идеалист, интересующийся способностью человека к рефлексии. Поэтому Маркс писал: «Демокрит рассматривает необходимость как форму рефлексии действительности, а Аристотель говорит о нем, что он все сводит к необходимости» (Маркс, Энгельс, 1975: 184). Напротив, Эпикур делает акцент на свободе, которую философия дает людям: «Эпикур опять-таки прямо противоположен Демокриту. Случай есть та действительность, которая имеет лишь значение возможности, абстрактная же возможность есть прямой антипод реальной. <...> Реальная возможность стремится обосновать необходимость и действительность своего объекта; абстрактная же возможность интересуется не объектом, которому дается объяснение, а субъектом, который это объяснение дает» (Маркс, Энгельс, 1975: 186). Эпикур считает, что люди могут изменить судьбу собственными усилиями, таким образом избавить свою душу от волнений и обрести свободу действий. Если мы только подчеркиваем неизбежность, тогда люди делают только то, что предопределено судьбой и не несут моральной ответственности за это. Они должны быть свободными. Только так мы получаем возможность правильно оценивать нравственность людей или по справедливости раздавать им вознаграждения и наказания.

Итак, по мнению К. Маркса, Демокрит придает большое значение эмпирической науке. Позже Кант также рассматривал законы, которым подчиняется эмпирический физический мир, как «законы неизбежности». В противоположность этим философам Эпикур полагал, что философия выходит за рамки позитивной науки и пытается обнаружить «законы свободы». Следует заметить, что предложенное Марксом прочтение натурфилософии Эпикура частично согласуется с тем, чему учил Кант, но Маркс решил обратиться к древнегреческой философии для того, чтобы найти исторически наиболее ранний аргумент в пользу транслируемого им взгляда на свободу, выраженного в натурфилософии Эпикура. С точки зрения К. Маркса, важно то, что Эпикур исправил механистический детерминизм Демокрита с помощью учения об отклонении движения атома от прямой линии, а также попытавшись посмотреть на человека с естественной точки зрения. Маркс указывал, что отклонение движения атомов от прямой линии является не особым и случайным правилом в эпикурейской физике, а универсальным законом движения атомов, который проходит через всю философию эпикурейцев. И именно таким образом Эпикур сумел найти натурфилософское оправдание свободе воли, индивидуальности и независимости человеческого существа.

2. Свобода, достигаемая в процессе труда: действительная свобода реальных людей. Изучив понимание свободы в Древней Греции, Маркс перешел к анализу социальной и исторической реальности, и в процессе своих исследований он начал с несвободы людей в общественном труде того времени. Поэтому он предложил рассматривать освобождение труда как первый этап в достижении индивидуальной свободы человека. Так называемые естественные атрибуты человека относятся к физической организации, биологическим желаниям и потребностям людей. Нет сомнения, что причина, по которой люди работают, определяется их физической организацией, поэтому труд становится мощной движущей силой их развития и начинает доминировать в направлении биологической эволюции человека (Ян Гэн, 2012: 53).

Изучение вопросов освобождения труда философ представил в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Маркс ясно понял, что при превалировании в обществе экономической системы частного капитала рабочие не получают соответствующей свободы через труд. Человек является индивидуумом, и, чтобы реализовать свою свободу в реальности, он должен удовлетворить первичную потребность в выживании. Стоит отметить, что эта мысль содержалась еще в учении Гегеля. Маркс пошел дальше и показал, что при капитализме посредством производительного труда люди не реализуют иные свои потребности, кроме потребности выживания. У них есть средства только для того, чтобы обеспечить «выживание» собственного тела, а более высокие потребности, например, эстетические – желание слушать музыку, созерцать произведения искусства, не удовлетворяются в достаточной степени. Человеческое стремление к удовлетворению культурных потребностей не реализуется через труд.

Когда Маркс пришел к выводу, что труд в эпоху частной собственности является отчужденным, в качестве необходимого следствия он вывел концепцию неотчужденного труда, которая в сжатой форме содержит программу освобождения человека. При этом отчуждение понималось мыслителем как категория экономическая, но содержание ее отнюдь не ограничивалось экономикой. Свобода и необходимость, идеал и действительность, ценность и действительность, субъект и объект, личность и общество, человек и природа – все, что связано со свободой, связано и с отчуждением, поэтому отчуждение есть противоположность свободы, а не собственно свобода. Это несвобода, связанная с тем явлением, что сила, созданная человеком, в свою очередь господствует над ним. Поэтому отказ от отчуждения связан с освобождением и свободой человека. Хотя Маркс не разъяснил в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» полностью и положительно истинное значение свободного труда, несложно понять из его размышлений о том, каким может быть свободный и сознательный труд. Так, он должен, во-первых, удовлетворять потребности людей в культурном развитии; во-вторых, контролироваться собственно рабочими, имеющими возможность свободно выбирать средства для этого, а не просто пассивно продавать свою рабочую силу как дешевый товар; в-третьих, соответствовать принципам справедливости и рациональности ввиду отсутствия достаточных условий для эксплуатации человека человеком. Наконец, в свободном труде люди приходят к осознанию своей собственной человеческой природы, то есть они уже не являются просто «инструментами» для «зарабатывания на жизнь», а существуют как равные, свободные и независимые люди. Исходя из критики отчужденного труда с этих четырех сторон, мы можем судить, что свобода личности, в понимании Маркса, – это, прежде всего, свобода труда (Маркс, Энгельс, 1976). Именно с этого начинается исследование философом человеческой свободы в рамках исторического материализма. Стоит отметить, что учение об историческом освобождении человека содержит не только тезисы об освобождении труда, но и тезисы об освобождении сознания человека. Таким образом, учение Маркса об освобождении труда превратилось в учение об освобождении человека как такового путем устранения отчуждения людей от их собственной человеческой природы.

3. Свобода родовой сущности человека: свобода как «совокупность всех общественных отношений». Центральное звено во всех теориях Маркса составляет учение о свободе родовой сущности человека, приобретаемой через освобождение труда. После своих ранних политико-академических статей Маркс впервые поднял вопрос о «родовой сущности человека» в «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и обозначил основной источник отчужденного труда как разделение индивидуальной и родовой сущности человека. По сути, отчуждение означает невозможность соотнести индивидуальную и родовую сущность индивида. Следовательно, ключ к обретению подлинной свободы – в устранении разрыва между индивидуальной и родовой сущностью человека. «Человек есть существо родовое, не только в том смысле, что и практически и теоретически он делает своим предметом род – как свой собственный, так и прочих вещей, но и в том смысле – и это есть лишь другое выражение того же самого, – что он относится к самому себе как к наличному живому роду, относится к самому себе как к существу универсальному и потому свободному» (Маркс, Энгельс, 1976: 65). Маркс считает, что причина, по которой люди принципиально способны достичь свободы, заключается в их человеческой природе. «Человек – это сознательный субъект» – исходная его особенность, то, в чем состоит его универсальность и характеристика его рода.

Понимание Марксом родовой сущности человека оценивалось некоторыми исследователями как «незрелое» и как результат его ранней увлеченности «антропологическим материализмом» Л. Фейербаха. Но на самом деле акцент Маркса на родовой сущности человека составляет важную часть всей его теории человеческого освобождения и принципов коммунизма. Следовательно, приверженность концепции «родовой сущности человека» является важной частью взгляда Маркса на историческую свободу. Мыслитель не остановился на «абстрактной» родовой

сущности человека, а обратился к настоящей родовой сущности человека. Так называемая абстрактная родовая сущность является одним из элементов немецкого классического понимания человеческой природы, будь то «рациональное» определение ее Гегелем или «чувственное», данное Фейербахом. В процессе труда человек впервые поднимается до осознания своей абстрактной «классовой сущности». Маркс писал: «В действительности сущность человека определяет совокупность всех общественных отношений» (Маркс, Энгельс, 1955: 8). Таким образом, абстрактная родовая сущность человека превращается в реалистичные социальные отношения. С одной стороны, это реальное воплощение природы людей, с другой – сознательность их взаимодействия, определенная исторической деятельностью человека по выживанию.

4. Историческая свобода: единство абстрактных и реальных людей. Заключительная часть учения Маркса о свободе – его концепция исторической свободы, которая включает в себя три аспекта. Во-первых, историческая свобода есть индивидуальная свобода; во-вторых, она должна быть реализована путем отказа от владения частной собственностью; в-третьих, историческая свобода должна быть свободой рациональной практики в общественных отношениях.

Маркс считает, что реализация реальной человеческой свободы – это, прежде всего, удовлетворение основных потребностей людей «в еде, одежде и жилище», то есть свобода воспроизводства жизни. Именно в этой области, по Марксу, зарождается отчуждение труда: «Родовая сущность человека – как природа, так и его духовное родовое достояние – превращается в чуждую ему сущность, в средство для поддержания его индивидуального существования. Отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его человеческую сущность» (Маркс, Энгельс, 1976: 67). Под отчуждением при этом понимается прежде всего такое явление, когда сила, созданная человеком как самосознательным и активным субъектом, является внешней по отношению к нему, не зависит от него, не выступает результатом проявления его воли (Чен Ган, 1996: 87). Отчуждение заставляет людей терять себя, и они оказываются в положении поработанных и угнетенных, когда тем более становится невозможно осуществить свободное и всестороннее развитие (Ян Цзяньи, 2007: 37). Первым следствием отчуждения труда является уничтожение реальной свободы, то есть невозможность для реальных производителей влиять на процессы распределения продуктов труда. Прямым следствием этого выступает то, что рабочие не могут удовлетворить свои повседневные потребности за счет труда. Следовательно, первой необходимостью исторической свободы должно быть реальное восстановление свободы человека, то есть устранение отчужденного труда. Однако Маркс далее обнаружил, что это отчуждение труда происходит из-за социальных отношений, которым следуют в труде, то есть из-за социальной системы частной собственности. Следовательно, второй аспект исторической свободы – это критика социальной системы частной собственности при капиталистической системе. Маркс отмечал, что «в своей реальности человек является суммой всех социальных отношений». В обычной жизни рациональные требования должны выступать основой для формирования различных общественных отношений. Поэтому Маркс, в частности, указывал, что причина, по которой «отношения между индивидами» могут стать «социальными», заключается в том, что они могут сознательно контролироваться людьми. Для животных нет никаких «социальных отношений», поскольку для них такой контроль невыносим. Это показывает, что, хотя так называемые социальные отношения являются реальными отношениями классовых интересов, они также предполагают взаимодействие между индивидуальными сознаниями конкретных людей.

Таким образом, сознательные отношения между людьми понимаются собственно как социальные отношения, а социальные отношения, которые действительно принадлежат людям, устанавливаются на основе реального раскрытия исторической свободы. Следовательно, третий аспект исторической свободы – это рациональная практическая свобода, реализуемая в общественных отношениях.

Список источников:

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1955. Т. 3. 630 с.
 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1975. Т. 40. 730 с.
 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1976. Т. 42. 536 с.
 张成山, 《历史与自由》, 北京: 清华大学出版社, 2014 年 = Чжан Чэншань. История и свобода. Пекин, 2014. 155 с. (на кит. яз.)
 杨建毅, 《自由的认识与实践》, 甘肃人民出版社, 2007 年 = Ян Цзяньи. Понимание и практика свободы. Пекин, 2007. 313 с. (на кит. яз.)
 杨耕, 《马克思主义历史观研究》, 北京: 北京师范大学出版社, 2012 年 = Ян Гэн. Исследование марксистского взгляда на историю. Пекин, 2012. 272 с. (на кит. яз.)
 陈刚, 《马克思的自由观》, 河南: 河南人民出版社, 1996 年 = Чен Ган. Взгляд Маркса на свободу. Хэнань, 1996. 326 с. (на кит. яз.)
 Gray J. Liberalism. Minnesota, 1986. 113 p.
 Sayers S. Marxism and Human Nature. Routledge, 1998. 203 p.

References:

- Chen Gang (1996). [*Marx's View of Freedom*]. Henan. 326 p. (in Chinese)
Gray, J. (1986) *Liberalism*. Minnesota. 113 p.
Sayers, S. (1998) *Marxism and Human Nature*. Routledge. 203 p.
Marks, K. & Engel's, F. (1955) *Sochineniya [Essays]*. Vol. 3. Moscow. 630 p. (in Russian).
Marks, K. & Engel's, F. (1975) *Sochineniya [Essays]*. Vol. 40. Moscow. 730 p. (in Russian).
Marks, K. & Engel's, F. (1976) *Sochineniya [Essays]*. Vol. 42. Moscow. 536 p. (in Russian).
Yang Geng (2012). [*A Study of the Marxist View of History*]. Beijing. 272 p. (in Chinese).
Yang Jian (2007). [*Understanding and Practicing Freedom*]. Beijing. 313 p. (in Chinese).
Zhang Chengshan (2014). [*History and Freedom*]. Beijing. 155 p. (in Chinese).

Информация об авторе

Чжао Хун – аспирант кафедры истории зарубежной философии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Information about the author

Zhao Hong – PhD student, Department of History of Foreign Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 107–112.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 107–112.

Научная статья
УДК 37.014.54(575.2)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.15>

Педагогическое образование Кыргызской Республики: современное состояние и основные проблемы

Назира Станбековна Усупова¹, Жаныл Дуйшенкуловна Абдыраева²

^{1,2}Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева, Бишкек, Кыргызская Республика

¹jbekiweva@mail.ru

²abdyraeva89@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется роль педагогического образования в развитии Кыргызстана, при этом подчеркивается, что именно от этого сегмента высшего образования напрямую зависит не только уровень образованности населения, но и степень успешности всех сфер общественной жизни страны. В работе кратко изложены основные вехи истории педагогического образования Кыргызской Республики. Отмечается, что в настоящее время ведущей идеей и центральной задачей образовательной политики Кыргызстана является глобализация и модернизация данной сферы, в связи с чем обосновывается необходимость коренного реформирования системы высшего педагогического образования, внедрения в практику качественно новых подходов, моделей учебного процесса, создающих условия для развития личностно-творческого потенциала будущего педагога. В статье также обозначены основные проблемы в развитии высшего педагогического образования, предложены пути их решения в сложившихся условиях.

Ключевые слова: педагогическое образование, образовательная политика государства, уровень образованности населения, педагогические вузы, личностно-творческий потенциал учителя, глобализация образования, модернизация образования, статус учителя в обществе

Для цитирования: Усупова Н.С., Абдыраева Ж.Д. Педагогическое образование Кыргызской Республики: современное состояние и основные проблемы // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 107–112. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.15>.

Original article

Teacher education in the Kyrgyz Republic: current status and major challenges

Nazira S. Usupova¹, Janyl D. Abdyraeva²

^{1,2}Kyrgyz State University after I. Arabaev, Bishkek, Kyrgyz Republic

¹jbekiweva@mail.ru

²abdyraeva89@mail.ru

Abstract. The article analyzes the role of teacher education in the development of Kyrgyzstan, while emphasizing that not only the level of education of the population, but also the degree of success of all spheres of public life of the country directly depends on this segment of higher education. The work summarizes the major milestones in the history of teacher education in the Kyrgyz Republic. It is stipulated that currently the leading idea and the central task of Kyrgyzstan's educational policy is globalization and modernization of this sphere, in connection with which the necessity to fundamentally reform the system of higher pedagogical education, introduce qualitatively new approaches into practice, models of the educational process that create conditions for the development of the personal and creative potential of the future teacher is justified. The article also highlights the major challenges in the development of higher teacher education and proposes ways of addressing them in the current context.

Keywords: teacher education, state education policy, level of education of the population, teacher training institutes, personal and creative potential of the teacher, globalisation of education, modernization of education, status of the teacher in society

For citation: Usupova, N.S. & Abdyraeva, J.D. (2022) Teacher education in the Kyrgyz Republic: current status and major challenges. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 107–112. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.15](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.15) (In Russian).

История цивилизаций со всей очевидностью свидетельствует о том, что все прогрессивные явления в них неразрывно были связаны с образованием, ключевым сегментом которого является именно педагогическая составляющая. Эти не вызывающие сомнения постулаты наглядно доказываются историей и современным развитием высшего педагогического образования Кыргызстана.

Актуальность, научная и практическая значимость его исследования обуславливаются тем фактом, что оно является сегодня одним из важных показателей общественного развития страны. От эффективности подготовки учительских кадров зависит не только уровень образованности населения, но и степень развитости социально-экономической, духовной, да и практически всех сфер общественной жизни.

Кроме того, как известно, главной движущей силой всех сегментов системы образования является, несомненно, педагог, от профессиональных качеств которого напрямую зависит степень подготовленности общества к прогрессивным преобразованиям, в целом будущее страны. В свою очередь высокие профессиональные качества учителя формируются именно в системе педагогического образования.

Стремительно изменяющееся, обновляющееся общество, предъявляя новые требования к квалификации и личностным качествам педагога, требует серьезных изменений в системе профессиональной его подготовки, осуществить которые невозможно без комплексного ее анализа. Данный факт повышает актуальность и значимость настоящей статьи.

Испокон веков в Киргизии особым почетом и признанием пользовались обладающие знаниями, образованные люди. Однако кочевой образ жизни, отдаленность от религиозных центров, служивших с эпохи Средневековья очагами знаний, несомненно, не способствовали увеличению численности образованных людей среди киргизов в прошлом. Только вследствие широкого распространения ислама в начале XIX столетия в стране появились первые мектебы – начальные мусульманские школы, а также медресе, в которых готовили служителей культа и учителей мектебов. Количество медресе со временем неуклонно росло. Так, если в 1892 году на юге Кыргызстана их насчитывалось только 7, то в 1914 году лишь в одном Ошском уезде было уже 88¹.

После присоединения к Российской империи на территории Кыргызстана появляются русские, русско-туземные школы, училища, гимназии. Так, в 1916 году здесь насчитывалось 16 русско-туземных школ, в которых обучалось 750 учеников, среди которых 56 девочек (Болджурова, 2018: 13).

По сведениям ряда исследователей, подготовка педагогических кадров для всего Туркестана осуществлялось в единственной учительской семинарии в городе Ташкенте и на педагогических курсах при Верненском городском училище (Супатаева, 2016).

В начале XX века на территории, населенной тюркоязычными народами, появились новометодные школы как результат реформирования мектебов и медресе. Программа этих школ предусматривала трехклассное обучение, рассчитанное на 4 года. В учебные планы включались такие предметы, как география, грамматика, логика, стилистика, чтение, арифметика, естествознание, история России, Востока и др. (Болджурова, 2018: 7).

Однако небольшая численность школ, отсутствие на территории Кыргызстана центров по подготовке педагогических кадров, политика властей, не ставившая своей целью развитие системы образования в республике, привели к тому, что практически все население (более 90 %) было неграмотным.

Несомненно, коренные изменения в развитии образования населения Кыргызстана произошли после установления советской власти. В этот период открывались массовые школы, начала развиваться широкая сеть педагогических учебных заведений. Так, 1925 году в Бишкеке был открыт Институт народного просвещения, который в 1928 был преобразован в Кыргызский педагогический техникум. Подобные учебные учреждения были открыты в 1925 г. в Оше и в 1926 г. в Жалал-Абаде. В 1932 г. в республике начал работу Кыргызский государственный педагогический институт².

1950-е годы стали переломными для страны в плане открытия педагогических вузов. Так, в начале 1951–1952 учебного года открылся Кыргызский государственный университет с рядом факультетов педагогической направленности. В это же время учебный процесс начали Ошский педагогический институт (1951), Кыргызский женский педагогический институт (1952), Педагогический институт в Караколе (1953), позже – Фрунзенский педагогический институт русского языка и литературы (1979).

В результате за период с 1965 по 1985 гг. количество учителей с высшим образованием увеличилось в городских школах на 21 %, в сельских – на 30 %.

¹ Асанканов А., Осмонов О. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней) : учебник. Бишкек, 2002. С. 287.

² Добро пожаловать в Кыргызстан! [Электронный ресурс] // Welcome.kg. URL: <http://www.welcome.kg/ru/kyrgyzstan/science/juxlq/> (дата обращения: 08.02.2022).

В 1985–1986 гг. в республике насчитывалось 1 654 общеобразовательных школ, из которых 1 375, или 83 % находились в сельской местности¹.

Такова предыстория современного педагогического образования Кыргызской Республики. Обретение независимости, связанные с ним преобразования в экономике, политике, социокультурной сфере, выход страны на мировую арену потребовали коренного реформирования системы высшего профессионального образования, в первую очередь педагогического. В новых социально-экономических условиях значение его возросло многократно, так как педагогическое образование представляет собой механизм, формирующий интеллектуальный, производственный, а также духовный потенциал государства, обеспечивающий поступательное, динамичное развитие общества, народного хозяйства, техники, современных технологий.

Важность и значимость педагогического образования в развитии нашей страны, равно как и других государств, неоспорима. Во-первых, потребность в качественном образовании не исчезнет никогда. Сотни учебных учреждений в каждом уголке страны нуждаются в квалифицированных педагогах.

Во-вторых, сегодня в образовательные процессы вовлечена практически половина населения страны. В Кыргызстане более 2 млн учащихся на разных уровнях системы. Если еще включить в этот перечень учителей, родителей, то станет ясно, что все вместе эти категории составляют очень заметную часть населения страны, насчитывающего чуть более 6,5 млн человек².

Сегодня нам необходимо внедрять в практику качественно новые модели высшего профессионального педагогического образования, создающие условия для развития личностно-творческого потенциала будущего педагога и накопления им практического опыта. В настоящее время ведущей идеей и центральной задачей образовательной политики Кыргызстана является глобализация и модернизация этой сферы. Данное обстоятельство связано с процессами интеграции Кыргызстана в европейское и мировое образовательное пространство. Присоединение нашей страны к Болонскому процессу вносит свои коррективы в процессы подготовки и повышения квалификации учителя. На современном этапе педагогические вузы перешли на двухуровневую подготовку специалистов – бакалавров и магистров.

По официальным данным, в Кыргызстане педагогические кадры готовятся в 26 учебных заведениях, из которых 6 – негосударственные вузы, при этом реализуются 26 педагогических специальностей и 6 направлений подготовки бакалавров и магистров. К многоуровневому образовательному процессу приступили 13 вузов республики (Курманали, 2012: 66).

В настоящее время в Кыргызстане функционирует более 4 тысяч организаций дошкольного, общеобразовательного, начального, среднего и высшего профессионального образования, в которых трудятся более 113 тысяч педагогов. В 2 296 дневных школах страны учебный процесс обеспечивают около 82 тысяч учителей, из них в городских поселениях – 24 тысячи, в сельской местности – около 58 тысяч³.

Практика деятельности образовательных учреждений всех уровней наглядно свидетельствует о том, что на успеваемость учащихся сильнее всего оказывает влияние личность и профессиональная квалификация, мастерство педагога. Следует отметить, что любые усилия по проведению реформ, материально-техническому обеспечению учебного процесса будут напрасными, если вопросы создания условий для плодотворной работы, достойной оплаты, повышения квалификации учителей оставлять без внимания. К сожалению, в этом плане имеется ряд проблем, требующих неотложного решения. Среди них в первую очередь нужно назвать снижение статуса учителя в обществе, непрестижность этой профессии. В связи с этим ежегодно в стране не хватает около 2 тысяч преподавателей, особенно учителей начальных классов, русского языка, математики, физики. Каждый второй педагог перешагнул 50-летний возрастной рубеж, а доля учителей до 30 лет не превышает 10 %⁴.

Ухудшению статуса педагога в обществе в немалой степени способствует крайне низкая его заработная плата, которая, по мнению специалистов, самым негативным образом не только отражается на материальном положении, здоровье учителя, но и влияет на успеваемость учеников. Как показывает мировая практика, размер заработной платы должен достигать хотя бы ее

¹ Асанканов А., Осмонов О. Указ. соч. С. 438.

² Население Кыргызстана [Электронный ресурс] // Countrymeters. URL: <https://countrymeters.info/ru/Kyrgyzstan> (дата обращения: 12.02.2022).

³ Цифры и факты: день учителя [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/news/cifry-i-fakty-den-uchitelyaa/> (дата обращения: 08.02.2022).

⁴ Непрестижная профессия: как низкие зарплаты учителей влияют на экономику Кыргызстана? [Электронный ресурс] // Economist. URL: <https://economist.kg/novosti/ekonomika/2021/11/02/neprestizhnaya-professiya-kak-nizkie-zarplaty-uchitelej-vliyayut-na-ekonomiku-kyrgyzs> (дата обращения: 09.02.2022).

среднего уровня по стране. В Кыргызстане же стандартная месячная зарплата в сфере образования примерно на 20 % ниже общих выплат работникам по стране и почти на 40 % ниже доходов сотрудников сферы государственного управления¹.

Факт зависимости размера заработной платы от эффективности деятельности педагога подтвержден исследованиями специалистов фонда Varkey Foundation, провозгласившего своей миссией «качественное образование для каждого ребенка через повышение статуса учителя и признание профессии»². Отчет о результатах исследований The Global Teacher Status Index 2018 (GTSI 2018) опубликован на официальном сайте Varkey Foundation. Специалисты установили, что чем лучше оплачивается труд учителя, тем выше успеваемость учеников. Это подтверждается реальным примером: педагогам одной из школ США выплатили в начале года премию, которую они обязаны были вернуть, если в конце года успеваемость их учеников будет низкой. Показатели детей в учебном процессе к концу года значительно улучшились³.

Материалы этого исследования говорят также и том, что существует тесная взаимосвязь между зарплатой учителей и местом страны в рейтингах PISA. Государства, в которых профессия педагога не вызывает большого уважения в обществе, неизменно занимают в этом рейтинге последние места⁴.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: может, уже настало время правительствам стран признать ценность профессии учителя, приложить усилия для повышения его социального статуса, сделать все возможное, чтобы труд педагога оплачивался достойно? Пока же на сегодняшний момент молодежь в большинстве своем не желает связывать свою судьбу со школой. Как правило, педагогические специальности выбирают в основном выпускники школ, получившие низкие итоговые показатели по Общереспубликанскому тестированию (ОРТ). Точнее сказать — часто молодые люди выбирают педагогические специальности не осознанно, а поневоле, только для того, чтобы где-то учиться. Соответственно, отношение к учебному процессу у них сугубо формальное, они не заинтересованы в получении качественных знаний. В результате такого положения дел, как отмечается в обзоре фонда KG Analytics, во время обучения ряд студентов педагогических факультетов переводится на другие специальности. После окончания университета не выходят на работу учителями около 25 % выпускников. В школу приходят не более 20 % молодых специалистов из педагогических вузов. В течение первых трех лет работы общеобразовательные учреждения покидают еще около 60 % новоиспеченных педагогов. Все это приводит к ежегодным многомиллионным убыткам в виде неоправданно затраченных бюджетных средств на профессиональную подготовку немотивированной молодежи, которая впоследствии меняет область своей трудовой деятельности⁵.

В этом же обзоре отмечается, что «в государствах с лучшими системами школьного образования студентами педагогических университетов становятся перспективные выпускники школ. Так, в Южной Корее отбор студентов идет из 5 % лучших выпускников школ, в Финляндии — из 10 %, в Сингапуре и Гонконге — из 30 %. В Кыргызстане студентами педагогических вузов становятся, как правило, выпускники школ с низкими результатами успеваемости»⁶.

Следует сказать и о том, что привлекательность педагогических вузов повысилась бы в разы, если бы в учебном процессе преподаватели применяли новейшие методики, вызывающие интерес у молодежи технологии и формы передачи необходимой информации. Пока же, к сожалению, часть педагогов использует традиционные формы обучения. Во-первых, в век высоких технологий, когда любая информация может быть доступной, традиционные формы обучения уже не могут играть той исключительно важной роли, как это было ранее. Во-вторых, сегодня практически невозможно в рамках занятий ознакомить учащихся со всем набором необходимых студенту знаний. Ведь если в начале XX века общая сумма человеческого знания удваивалась в среднем за 50 лет, то к концу XX века — в течение каждых 5 лет (Болджурова, 2018: 67).

В связи с этим необходимо пересмотреть функциональную роль не только лекций, но и практических, лабораторных занятий. Они должны быть установочно-ориентированными, проблемными, с активным участием студентов⁷.

¹ Непрестижная профессия: как низкие зарплаты учителей влияют на экономику Кыргызстана? ...

² Престиж профессии учителя: что об этом думают в разных странах [Электронный ресурс] // ActivityEdu. URL: <https://activityedu.ru/Blogs/proforientaciya/prestizh-professii-uchitelya-cto-ob-etom-dumayut-v-raznyh-stranah/> (дата обращения: 09.02.2022).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Почти 60 % молодых учителей уходят из школы в течение первых трех лет [Электронный ресурс] // 24.kg. URL: <https://clck.ru/gr3Lo> (дата обращения: 09.02.2022).

⁶ Там же.

⁷ Необходима новая парадигма педагогического образования [Электронный ресурс] // Кутбилим. URL: <https://kutbilim.journalist.kg/2015/07/20/neobhodima-novaya-paradigma-pedagogicheskogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 01.05.2022).

Данную проблему трудно решить в связи с тем, что пока еще весьма низок уровень информационно-коммуникационных навыков преобладающей части учителей. Данный факт особенно явно обнаружился во время вынужденного перехода на онлайн-обучение в 2020–2021 годах вследствие разразившейся пандемии коронавирусной инфекции, который показал, что даже в Бишкеке некоторые учителя к этому моменту не имели электронной почты, слабо владели компьютером, современными технологиями.

Однако в этом нельзя винить только педагогов – такая ситуация свидетельствует о необходимости создания действенной системы обязательного повышения квалификации работников сферы образования. Пока же, по данным опросов директоров школ, только 40 % вакансий заполняются квалифицированными учителями, оставшиеся 60 % работников не соответствуют запрашиваемым критериям¹.

На сегодня, согласно исследованиям, содержание ряда действующих курсов повышения квалификации в основной своей массе формальное, устаревшее и неэффективное. Оценка их влияния на профессиональное развитие учителей, как правило, не проводится, кроме этого, не все учебные заведения в состоянии оплатить подобные курсы для своих сотрудников.

В Кыргызстане отсутствует система переподготовки учителей, то есть подготовки педагогических кадров из специалистов, имеющих высшее образование другого профиля. Законодательно в республике система переподготовки предусмотрена и регламентирована, однако на практике она не функционирует должным образом.

Что же делать в таких условиях? Надеяться, когда правительство увеличит финансирование и повысит заработную плату педагогам? Во-первых, при нынешнем социально-экономическом положении страны ждать этого придется очень долго, а качественно, с учетом современных общемировых требований обучать педагогов необходимо уже сейчас. Во-вторых, на наш взгляд, только одно увеличение финансирования и повышение заработной платы не может решить всех проблем, стоящих перед педагогическим образованием. Прежде всего необходима кардинальная модернизация всей системы профессиональной подготовки как в плане пересмотра ее содержания, форм и методов обучения, так и в плане создания комплексов специального образования, включающих в себя педагогические колледжи, вузы и институты повышения квалификации. В этой системе целесообразно выделить головной вуз по подготовке педагогических кадров, что позволит не только повысить качество подготовки педагогов, но и сосредоточить лучшие кадры на его базе, а также вести серьезные научные исследования в этом направлении. Соответственно, необходимо исключить подготовку специалистов в непрофильных вузах, так как они, как правило, не располагают необходимыми ресурсами, специалистами и возможностями для полноценного обучения студентов по педагогическим направлениям (Курманали, 2012).

Таким головным вузом мог бы стать Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева – один из старейших вузов, основанный на базе Женского педагогического училища в далеком 1945 году. В 1952 году он был преобразован в Женский педагогический институт (Асанканов и др., 2002: 7), а в 2005 году приобрел современный статус. Сегодня около 10 тысяч студентов получают в нем образование, причем в основном – по педагогическим специальностям. В университете накоплен уникальный опыт подготовки будущих учителей, здесь сосредоточен основной интеллектуальный корпус профессорско-педагогического состава республики.

На наш взгляд, данные предложения возможно осуществить на практике уже сегодня. Они не требуют увеличения финансирования, и на наш взгляд, вполне реальны. При этом нужно особо подчеркнуть: исследования зарубежных систем педагогического образования наглядно свидетельствуют о том, что выход из кризисных ситуаций в социально-экономической, да и других сферах, возможен только при условии, когда правительство первоочередное внимание будет уделять педагогическому образованию как важнейшему фактору, способствующему не только формированию профессиональных ресурсов, увеличению человеческого капитала, но и укреплению стабильности в обществе, духовному росту населения, обеспечению национальной безопасности, а значит – повышению престижа страны на мировой арене.

Список источников:

Асанканов А., Маанаев Э., Усупова Н. Кузница педагогических кадров. История Кыргызского государственного педагогического университета им. И. Арабаева. Бишкек, 2002. 80 с.

Болджурова И.С. Образование в Кыргызстане: история, проблемы и достижения. Бишкек, 2018. 164 с.

Курманали К.М. Проблемы и перспективы развития высшего педагогического образования в современном Кыргызстане. Бишкек, 2012. 165 с.

Супатаева Э.А. О подготовке педагогических кадров в Кыргызстане // Вестник Иссык-Кульского университета. 2016. № 42. С. 1–4.

¹ Непрестижная профессия: как низкие зарплаты учителей влияют на экономику Кыргызстана? ...

References:

Asankanov, A., Maanaev, E. & Usupova, N. (2002) *Kuznitsa pedagogicheskikh kadrov. Istoriya Kyrgyzskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Arabaeva* [Forge of Educational Personnel. History of the Kyrgyz State Pedagogical University named after I. Arabayev]. Bishkek. 80 p. (in Russian).

Boldzhurova, I. S. (2018) *Education in Kyrgyzstan: History, Problems and Achievements*. Bishkek. 164 p. (in Russian).

Kurmanali, K. M. (2012) *Problemy i perspektivy razvitiya vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v sovremennom Kyrgyzstane* [Challenges and Prospects for the Development of Higher Pedagogical Education in Modern Kyrgyzstan.]. Bishkek. 165 p. (in Russian).

Supataeva, E. A. (2016) О подготовке педагогических кадров в Кыргызстане [On Teacher Training in Kyrgyzstan]. *Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta*. (42), 1–4 (in Russian).

Информация об авторах

Н.С. Усупова – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Киргизского государственного университета имени И. Арабаева, Бишкек, Киргизская Республика.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=873887.

Ж.Д. Абдыраева – преподаватель кафедры всеобщей истории Киргизского государственного университета имени И. Арабаева, Бишкек, Киргизская Республика.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1093765.

Information about the authors

N.S. Usupova – D. Phil. in History, Professor, Department of General History, Kyrgyz State University after I. Arabaev, Bishkek, Kyrgyz Republic.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=873887.

J.D. Abdyraeva – Lecturer, Department of General History, Kyrgyz State University after I. Arabaev, Bishkek, Kyrgyz Republic.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1093765.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.03.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.04.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 113–121.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 113–121.

Научная статья

УДК 930.85

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.16>

Возникновение и развитие концепции «третьего места» в зарубежной историографии

Любовь Николаевна Харченко¹, Софья Борисовна Бровко²

^{1,2}Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия

¹kharchenko.liub@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9266-1380>

²knesenkaaaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7977-2019>

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются исторические предпосылки возникновения концепции «третьего места», предложенной Р. Ольденбургом в конце XX в., прослеживается развитие его идей в научной среде. Характеризуются основные положения указанной теории и ее эволюция в историографии. Появление концепции «третьего места» ознаменовало собой переход человеческого общества на новый этап своего развития – постиндустриальный, культурные реалии которого сделали рядового индивида заложником техногенной цивилизации, лишенного возможности выбирать способ организации своего свободного времени. Анализируется значение урбанизации в процессах трансформации социокультурной ситуации. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе концепции «третьего места» в исторической ретроспективе. Отмечается, что возникновение ее стало следствием глубинных изменений, происшедших в истории культуры в связи с процессами индустриализации, урбанизации и субурбанизации.

Ключевые слова: культурное пространство, концепция «третьего места», урбанизация, субурбанизация, мегаполис, история культуры, социокультурные трансформации, культурный ландшафт

Для цитирования: Харченко Л.Н., Бровко С.Б. Возникновение и развитие концепции «третьего места» в зарубежной историографии // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 113–121. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.16>.

Original article

The emergence and development of the concept of “third place” in foreign historiography

Liubov N. Kharchenko¹, Sofya B. Brovko²

^{1,2}Rostov State Transport University (RSTU), Rostov-on-Don, Russia

¹kharchenko.liub@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9266-1380>

²knesenkaaaa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7977-2019>

Abstract. The paper examines the historical prerequisites for the emergence of the “third place” concept proposed by R. Oldenburg in the late XX century and traces the development of his ideas in the scientific environment. The main points of this theory and its evolution in historiography are characterized. The emergence of the concept of “third place” marked the transition of human society to a new stage of its development – post-industrial, the cultural realities of which made an ordinary individual hostage to a technogenic civilization, deprived of the opportunity to choose the way to organize their free time. Analyzes the significance of urbanization in the processes of transformation of the socio-cultural situation. The scientific novelty of the paper lies in the comprehensive analysis of the concept of “third place” in historical retrospect. As a result of profound changes in cultural history due to the processes of urbanization, industrialization and suburbanization, it is noted that its emergence of the concept of “third place” was the result of profound transformations in the history of culture.

Keywords: cultural space, “third place” concept, urbanization, suburbanization, metropolis, cultural history, socio-cultural transformations, cultural landscape

For citation: Kharchenko, L.N. & Brovko, S.B. (2022) The emergence and development of the concept of “third place” in foreign historiography. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 113–121. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.16](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.16) (In Russian).

Проблема организации культурного пространства большого города является одной из самых сложных и многогранных. Ее исследование находится на стыке социогуманитарных наук – истории культуры, социологии, культурологии и других, так как город представляет собой сложную систему, объединяющую различные социальные группы, сообщества и субкультуры. Процессы возникновения и функционирования крупных городов тесно связаны с особенностями исторического развития конкретных стран и регионов, в котором особую роль играет экономический

потенциал, эволюционирующий на основе научно-технических достижений. Именно они определяют динамику и тональность общественных отношений.

Со второй половины XX в. проблема организации культурного пространства большого города достаточно востребована в историографии. Глобальные изменения в политической, экономической и социальной сферах человеческой цивилизации в начале XXI в. стали причиной ее актуализации. Значительное число не только зарубежных, но и отечественных авторов посвятили свои работы изучению различных аспектов данного вопроса. Так, исследователей интересовали особенности формирования городского пространства, его специфика и структура, архитектура, тенденции городской застройки, особенности трудовой занятости населения, благоустройство городов и т.д.

В контексте настоящего исследования особое внимание обращено на освещение в историографии одной из ключевых проблем культурного пространства – организации свободного времени, отдыха, неформального досуга жителей большого города. В зарубежной науке данная проблема, на наш взгляд, завершила стадию своего обсуждения формированием концепции «третьего места» Р. Ольденбурга, которая ознаменовала собой утверждение новых культурных реалий для человека постиндустриального общества, в определенном смысле ставшего заложником техногенной цивилизации и вынужденного жить по ее правилам, но все еще пытающегося отстаивать свое право на свободную организацию собственного досуга. Западноевропейская цивилизация, и в особенности США, достигла такого уровня развития раньше других стран, поэтому объективно и трансформации в сфере культуры там произошли быстрее.

В отечественную историографию концепция «третьего места» пришла в начале XXI в., когда книга Р. Ольденбурга (Oldenburg, 1999) была опубликована в переводе А. Широкаковой (Ольденбург, 2014). В настоящее время ее обсуждение только набирает обороты и, на наш взгляд, еще не достигло той глубины понимания, которая предполагалась автором. Так, значительная часть отечественных ученых концепцию «третьего места» рассматривает применительно к сфере библиотечного дела (Кряжева, Шакирова, 2019). При этом нередки дискуссии о правомерности применения данной теории к деятельности библиотек по работе с читателями (Плешкевич, 2019; Нещерет, 2019).

Объектом нашего исследования является концепция «третьего места», а предметом – процесс ее возникновения и развития в зарубежной историографии.

Цель исследования состоит в выявлении причин появления и характера эволюции концепции «третьего места» в зарубежной историографии применительно к организации культурного пространства большого города.

Методологическую базу настоящей работы составили принципы историзма и научной объективности. Кроме того, в процессе ее подготовки были использованы: принцип детерминизма, предполагающий взаимную обусловленность конкретного события определенными предпосылками, и принцип всесторонности, обеспечивающий не только полноту и достоверность информации, но и учет всех взаимосвязей при рассмотрении событий и явлений, имеющих отношение к предмету исследования.

Методика исследования обусловлена применением историко-генетического, идеографического методов, а также метода ретроспективного анализа исторической и социокультурной ситуации крупных городов США, выступившей фоном для возникновения концепции «третьего места».

Все работы, оказавшиеся в фокусе нашего внимания, можно условно разделить на две основные группы: исследования общего характера и специальной направленности. К первым можно отнести труды, в которых на теоретическом уровне рассмотрены вопросы эволюции культуры человечества в связи с процессами, протекающими в обществе (Хёйзинга, 2013; Мамфорд, 1986, 2001 и др.). В работах специальной группы рассмотрены отдельные аспекты истории культуры больших городов – вопросы функционирования некоторых социальных групп в определенный исторический период, проблемы иммигрантской молодежи, оказавшейся в индустриально развитых городах (Addams, 1910; O'Connor, 1968; Kenneth, 1922; Bruce, 2015; Lerner, 1957 и др.).

Особое внимание с нашей стороны было уделено работе Р. Ольденбурга, так как именно в ней представлена первая попытка концептуально сформулировать основные проблемы, связанные с потребностью населения больших городов организовать свой отдых неформально. Исследователь рассматривает механизмы формирования таких потребностей, обозначает и анализирует так называемые «третьи места», где такой досуг возможен.

Американский философ и историк Л. Мамфорд в свое время отмечал, что «многообразные требования полного человеческого развития могут быть удовлетворены только тогда, когда игра и работа образуют часть органического целого...» (Мамфорд, 1986). Иными словами, необходимость комфортной организации культурного пространства обусловлена потребностями времени

и направлена на решение таких важных вопросов, как создание условий для эффективной трудовой деятельности и снижение социальной напряженности в обществе.

А.С. Ахиезер подверг глубокому философско-методологическому анализу различные аспекты урбанизации и пришел к выводу о том, что они представляют часть единого исторического процесса, в котором общество выступает в качестве «архимедова рычага», способного изменить мир. Ученый был убежден, что подлинную роль города в историческом процессе можно понять и оценить только при условии рассмотрения сути феномена урбанизации через призму формирования и распространения городской культуры (Ахиезер, 1994). Именно она повлекла за собой качественные цивилизационные изменения, втягивая в орбиту своего влияния и другие территории посредством формирования городских агломераций.

Таким образом, культура – динамичный процесс, находящийся в постоянном синтезе (Зиммель, 1996: 457), а проблемы ее качественных изменений связываются научным сообществом с урбанизацией. Потому в XX в. они оказались в центре внимания представителей различных отраслей научного знания – прежде всего философии, социологии, психологии, урбанистики – и продолжают оставаться актуальными до сих пор. Следовательно, рассмотрение данных вопросов через призму истории культуры вполне оправдано и целесообразно.

И. Хёйзинга, осмысливая качественные изменения в истории мировой культуры, в свое время писал, что «история – это духовная форма, в которой культура отдает себе отчет о своем прошлом» (Хёйзинга, 2013). В 1930-е гг. исследователь в качестве общественного деятеля работал в Международном комитете по интеллектуальному сотрудничеству (предшественник ЮНЕСКО, Лига Наций) и много времени посвятил защите культуры от нараставшей опасности «интоксикации» нацистской идеологии (Хёйзинга, 2013). Вопросы выживания и сохранения подлинной культуры И. Хёйзинга считал делом интернациональным. Потому любую науку XX в. он отождествлял с гигантской национально-интернациональной организацией, полагая крайне важным для нее взаимодействие широкого круга ученых, обладающих разными точками зрения. Исследователь считал, что именно такой подход должен способствовать более глубокому изучению процессов, протекающих в истории культуры и взаимному обогащению выдвигаемых концепций и суждений. История культуры могла бы только выиграть от такого тесного контакта (Хёйзинга, 2013).

Во второй половине XX в., после завершения Второй мировой войны, самой развитой в технологическом отношении страной мира являлись США, где уже в 1950–1960-е гг. происходило формирование постиндустриального общества. Данное обстоятельство вызвало серьезные трансформации в американской культуре, чему в значительной степени способствовали миграционные процессы и быстро развивавшаяся промышленность. В этот же период стало формироваться антиколониальное движение, в ходе которого целый ряд стран оказался перед выбором собственного пути политического и экономического развития.

Изменение культурного ландшафта и переход к качественно новому уровню развития экономики обусловили необходимость изучения и научного переосмысления глобальной социокультурной ситуации. Заметную роль в этом процессе сыграли крупнейшие университеты мира. США, где ко второй половине XX в. сложились собственные школы социологических и антрополого-культурологических исследований, в этом плане стали претендовать на позиции лидера, так как их научный потенциал за годы войны не только не пострадал, но и приумножился. Так, например, в Гарвардском университете под руководством П.А. Сорокина еще в первой половине XX в. сложилась мощная социологическая школа. Воспитанником данного учебного заведения являлся Р. Мертон – один из классиков и крупнейших представителей структурного функционализма. Его педагогическая деятельность была тесным образом связана с Колумбийским университетом, где сформировалось ядро исследователей в области социологии и культурной антропологии, изучавших глубинные процессы развития общества. Здесь же на протяжении длительного времени исследованиями в области прикладной социологии руководил П. Лазарсфельд, разработавший программы преподавания для университетов Осло, Вены, Питтсбурга. Одним из выдающихся выпускников, а затем преподавателей (1959–1971) Колумбийского университета был и И. Валлерстайн, который на протяжении длительного времени разрабатывал теоретические вопросы социально-экономического развития общества. Он стал одним из авторов мир-системной теории в социологии, в определенной степени продолжив идеи, высказанные Ф. Броделем о тесной связи истории повседневности с социальными процессами (Бродель, 1993).

В целом можно сказать, что на базе высших учебных заведений Америки возникли и успешно развивались крупные научные школы: модернизации (структурно-функционального анализа – Р. Мертон, П. Лазарсфельд, И. Валлерстайн и др.), культурной антропологии (эволюционизм – Л. Уайт, этнопсихологическое направление – Р. Бенедикт) и другие.

Американский социолог Р. Ольденбург, исследовавший городскую культуру США второй половины XX в. в связи с быстрым ростом субурбии, ставшей обратной стороной урбанизации,

впервые ввел в научный оборот термин «третье место». Подходя к проблеме основательно, он изучил культурную жизнь больших городов США, Англии, Германии, Франции, Австрии, Австралии на богатом фактическом материале и обосновал собственное понимание социокультурной ситуации мегаполиса в своих работах: «Отличное хорошее место: кафе, кофейни, общественные центры...», «Празднование третьего места: вдохновляющие истории о “замечательных хороших местах” в центре наших сообществ» (Oldenburg, 1999). Таким образом, разрабатывая концепцию «третьего места», Р. Ольденбург опирался на широкий горизонт достижений других исследователей, в поле зрения которых находились различные аспекты формирования и развития городской культуры, а также факторы, влиявшие на эти процессы.

Льюис Мамфорд, современник Р. Ольденбурга, изучавший историю развития техники и городов мира, считал, что во все времена «образ большого города требовал изрядного человеческого усердия и труда» (Мамфорд, 2001). Наряду с внутренними конфликтами и сопровождавшими этот процесс трудностями, город, тем не менее, раскрыл перед человеком и новые возможности. Ценность исследования Мамфорда состоит в том, что он выделил основные стадии развития города в истории человеческой цивилизации, предложив емкую концепцию, показавшую обусловленность трансформации культуры процессами экономического и социально-политического развития (табл. 1).

Таблица 1 – Основные стадии развития города в истории цивилизации в концепции Л. Мамфорда (Мамфорд, 2001)

№ п/п	Стадия	Характерные черты и функции	Эволюция культуры
1.	Эополис	Формируется прототип города – сельскохозяйственная деревня. Защита, хранение продуктов, жизнеутверждение	Развитие форм коллективного искусства
2.	Полис	Ассоциация деревень с общностью: жизни, земли; собраний, обмена продуктами, предметами ремесла; общее божество и место поклонения	Начало развития образования, науки, искусства. Дифференциация знаний
3.	Метрополис	Формирование городов как центров регионов с преимуществами в расположении, запасах питьевой воды, защищенности и т.п. Развитие торговли	Развитие библиотек, университетов, органов центрального управления, судов
4.	Мегаполис	Концентрация города вокруг бизнеса и силы, формирование олигархии, финансирующей войну. База сельского хозяйства становится незначительной. Маленькие города объединяются в сеть мегаполисов	Развитие стандартизации культурного производства. Образование становится количественным, культура – средством разобщения. Знания отделяются от жизни
5.	Тиранополис	Распространение паразитизма в экономике и социальной жизни. Увеличение разрыва между классами-«производителями» и классами-«транжирами». Военные конфликты, голод, эпидемии. Появление диктаторов-гангстеров	Негативные процессы жизни общества парализуют все высшие проявления культуры. Деморализация
6.	Некрополис	Голод, эпидемии, войны истощают город и деревню	Памятники и книги не несут сообщаемых знаний

Великобритания стала первой страной в мире, где уже в середине XIX в. была зафиксирована урбанизация. Ее катализатором явилась промышленная революция, ускорившая и развитие транспорта. Стоит отметить, что стабильный рост населения в стране происходил практически на протяжении столетия – с середины XVIII до середины XIX вв., причем не только в крупных, но и в провинциальных городах. В начале XIX в. только жителей Лондона насчитывалось более 100 тыс., а к середине века аналогичных показателей достигли Бирмингем, Лидс и Бристоль. Еще более стремительно росло население Манчестера и Ливерпуля, которые в 1830 г. были соединены железной дорогой. К середине века количество жителей в них увеличилось до 250 тыс. человек. В начале 1860-х гг. уже 38 % англичан проживали в городах с населением более 20 тыс. человек¹.

В то же время в США процессы урбанизации были запущены во второй половине XIX в., а к концу столетия миграция сельского населения в города, постепенно становившиеся крупными про-

¹ Дэвис С. Урбанизация как спонтанный порядок [Электронный ресурс] // Inliberty. URL: <https://old.inliberty.ru/library/457-urbanizaciya-kak-spontannyu-poryadok> (дата обращения: 05.05.2022).

мышленными центрами, приобрела значительные масштабы. Если в 1860 г. в стране насчитывалось девять городов с населением более 100 тыс. человек, то к 1910 г. их было уже 50. Нарастание процесса урбанизации происходило вплоть до начала 1930-х гг. и подпитывалось быстрыми темпами развития промышленности, а также желанием переселенцев найти хорошую работу и улучшить свое материальное положение. В конце XIX – начале XX вв. усилился поток иммигрантов в США (в основном из Южной и Восточной Европы, с территории Балканского полуострова, Ближнего Востока), которых привлекала стабильность американского государства, высокие темпы его экономического развития, большие возможности самореализации (Валюженич, 2000: 55–60).

В начале XX в. быстро растущие города США – Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго, Вашингтон, Даллас и другие – стремительно превращались в мегаполисы (табл. 2), а их население до середины 1950-х гг. продолжало расти (исключая период великой депрессии). Быстрое развитие транспортных коммуникаций катализировало данный процесс. По темпам промышленного развития в XX в. США существенно опережали страны Европы. Мировые войны не затронули их территории, что привлекло в страну не только свежие силы трудовой и интеллектуальной иммиграции, но и сделало ее экономику выгодным объектом для инвестиций.

Таблица 2 – Численность населения крупнейших городов США в XIX–XX вв.¹

Мегаполис	Период				
	1850	1900	1930	1950	1970
Нью-Йорк	696 115	3 437 202	6 930 446	7 891 957	7 894 862
Чикаго	29 963	1 698 575	3 376 438	3 620 962	3 366 957
Лос-Анджелес	1 610	102 479	1 283 048	1 970 358	2 811 801
Филадельфия	121 376	1 293 697	1 950 961	2 071 605	1 948 609
Хьюстон	2 396	44 633	292 352	596 163	1 232 802
Вашингтон	51 687	278 718	486 869	802 178	756 510
Бостон	136 881	560 892	781 188	801 444	641 071
Даллас	–	42 639	260 475	434 462	844 401

В первой половине XX в. в США стали формироваться свехурбанизированные зоны (субурбии). В 1920-х гг. городское население США составило более половины всех жителей страны. Значительная его часть проживала в свехкрупных городах (см. табл. 2).

Процесс субурбанизации с новой силой возобновился после Второй мировой войны, чему в большей степени способствовало развитие автомобильной промышленности США, а также характер государственной жилищной политики, направленной на поощрение частного строительства. В результате с середины XX в. стали быстро развиваться пригородные зоны, что повлекло за собой разделение населения не только по имущественному, но и по расовому признаку (Валюженич, 2000: 70–74).

Усложнявшаяся социально-культурная ситуация крупных городов была подвергнута изучению со стороны социологов, антропологов, представителей феминистского движения, общественных деятелей (Addams, 1910; Kenneth, 1922; O'Connor, 1968). Их работы были опубликованы задолго до выхода в свет исследования Р. Ольденбурга. В трудах упомянутых авторов поднимались вопросы социальной адаптации, освоения культурного пространства, проблема организации досуга больших масс населения. Нередко исследователи выступали в роли не только теоретиков, но и практиков рассматриваемого процесса. Так, крупный общественный деятель, социолог и писатель Джейн Аддамс в 1889 г. основала в бедном квартале Чикаго благотворительную организацию Халл-Хаус (по типу лондонского Тойнби-Холла), ставший одним из первых в Северной Америке центров социальной адаптации (ЦСА) иммигрантов (Харченко, 2021).

В конце XIX – начале XX вв. в среде интеллигенции Великобритании и США начало развиваться движение поселений (Settlement Movement), главный смысл которого заключался не просто в материальной помощи нуждающимся, а в тесном взаимодействии благотворителей с их подопечными. Основатели ЦСА, как правило, сами проживали на территории созданных ими центров, справедливо полагая, что активная благотворительная деятельность должна была воспитывать всех участников процесса. Д. Аддамс в ходе своей многолетней деятельности пришла к выводу о том, что одним из главных обстоятельств, способствующих поддержанию стабильности и здорового морально-психологического климата в обществе, является правильная организация досуга людей. Рассматривая большие возможности индустрии отдыха крупного города в своей работе «Дух молодежи и улицы города» («The Spirit of Youth and the City Streets»), она, тем не

¹ Demographics of the United States [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_the_United_States#:~:text=The%20United%20States%20had%20an,just%20over%20330%20million%20residents (дата обращения: 05.05.2022).

менее, констатировала: «И все же весь аппарат для доставления удовольствия крайне неадекватен и полон опасности для любого, кто может к нему приблизиться» (Addams, 1910). Возможность предотвращения формирования дурных наклонностей в среде молодых иммигрантов и сублимации их энергии Д. Аддамс видела в правильной организации их отдыха. Халл-Хаус, обладавший обширной инфраструктурой, готов был предоставить гражданам достойную альтернативу, приемлемую для различных возрастных групп. В ЦСА функционировали разного рода курсы и кружки, художественная студия, библиотека, кофейня. Данное социальное движение нашло своих последователей. К 1920 г. в США уже действовали около 500 подобных центров, в которых жили и работали инициативные женщины (Bruce, 2015).

Таким образом, рассмотренная выше работа Д. Аддамс стала одной из первых, содержавших мысль о необходимости организации культурного пространства большого города, которое могло бы предоставить возможность качественного отдыха его жителям. Особое беспокойство у исследователя вызывало психологическое состояние и судьба молодых иммигрантов, оказавшихся вдали не только от родителей, но и от родины, в абсолютно новой для них социокультурной среде.

Что же касается проблемы места, то впервые в научной литературе США ее начал разрабатывать историк и социолог Макс Лернер. Он обозначил ключевые вопросы формирования американской цивилизации и отметил, что все ее неудачи и успехи, образ жизни и мысли граждан тесно увязываются с аналогичными аспектами, наблюдавшимися «в странах-прародительницах» (Lerner, 1957). Так, он доказывает, что первоначально значимую роль в исторической судьбе США сыграла Англия и ее культурное наследие, оставившее глубокий след в формировании языка нации, законов общего права, фундаментальных государственных институтов и др. Но в конце XIX в. в регионе стало нарастать немецкое влияние, а в XX в. воздействия на американскую традицию были довольно разнородными. Сам Лернер называет их «многоязыким нашествием». Словом, каждая группа иммигрантов привносила собственные штрихи в процесс формирования американского общества, но, как отмечает исследователь, такое влияние было взаимным и избирательным.

Интенсивное развитие промышленности, транспорта и предпринимательства в конце XIX – начале XX вв. привело к буму градостроительства в США. В этот период быстро развивались Детройт, Лос-Анджелес, Хьюстон, Даллас, Сиэтл, Портленд и другие города, формировалась их специализация. Мегаполисы представляли собой средоточие колоссальной энергии, являясь «продуктом революций в производстве, энергетике, транспорте и коммуникациях» и концентрируя на своей территории большие массы людей. Параллельно росло значение сельскохозяйственных районов, где города выступали центрами сбыта фермерской продукции. Все они нуждались в рабочей силе, недостатка в которой не было: молодежь привлекала в города свобода, романтика и стремление осуществить собственные мечты. Тем не менее социокультурная ситуация в стране далеко не всегда оказывалась благоприятной для развития личности. Продвижение по пути внедрения новых технологий сопровождалось разрушением старых и выстраиванием новых социально-экономических связей, вызывая серьезные трансформации в культуре.

Лернер справедливо отмечал, что американский город, порожденный обстоятельствами технического и экономического развития, безусловно, предоставлял возможности для самореализации людей, но в то же время он обострял проблему человеческого одиночества. Мест для душевного общения с течением времени оставалось все меньше и меньше. «Ни город-гигант, ни уютное предместье в своем сегодняшнем виде не способны решить проблему места в Америке ..., не может решить ее и современный городок», – писал М. Лернер (Lerner, 1957). Вместе с тем исследователь полагал, что прогрессирующая децентрализация промышленности и уход ее в пригородные зоны не внесет рокового дисбаланса в формирование культурной среды маленького городка. Развитие современных видов транспорта поможет сделать доступными школы, медицинское обслуживание, развлечения и т.п. Иными словами, в работе Лернера прослеживается определенная доля оптимизма по поводу возможности формирования культурного пространства субурии, которое будет располагать комфортными зонами для качественного отдыха.

В то же время Р. Ольденбург полагал, что, входя в процесс субурбанизации, американская культура теряет нечто важное. Исследуя реалии современной ему социокультурной действительности, он проявлял интерес к неформальной общественной жизни (НОЖ), которая, во-первых, создает ощущение наполненности индивидуального существования отдельного человека, а во-вторых, постоянно подпитывает низовую демократию (Ольденбург, 2014: 9–10). В первой главе своего исследования, расставляя акценты в формулировке понятий, Ольденбург отмечает, что тональность работы «требует более простого» названия ключевых точек НОЖ, находящихся в центре его внимания. Вместе с тем он констатирует отсутствие в разговорном языке такого понятия: «У нас нет никакого достойного аналога французскому “рандеву”. Американский аналог “hangout” имеет негативный подтекст и не отражает всего спектра социокультурных и психологических аспектов общения». Потому, «не найдя подходящего понятия», он решает использовать

в своем исследовании термин «третье место», то есть «дом вдали от дома» (Ольденбург, 2014: 57). Значимость существования таких точек в пространстве города Ольденбург ставит в зависимость от культурного окружения человека и исторической эпохи.

В отличие от других авторов, на наш взгляд, Ольденбургу удалось обозначить более или менее ясную структуру предлагаемой им концепции «третьего места». Основными ее элементами, оказавшимися в центре внимания социолога, стали проблемы организации полноценной повседневной жизни жителя современного большого города; понимания окружающей среды как важнейшего фактора формирования культуры; осознания одиночества как дезорганизующего фактора; подтверждения интегрирующей социокультурной роли «третьих мест» и их способности заменить собой образ «цельной жилой среды» маленького городка. В результате концепция «третьего места» произвела большой резонанс в обществе и стала достаточно обсуждаемой не только в США, но и по всему миру (Oldenburg, 1999).

Следует отметить, что четкой трактовки понятия «третьего места» Р. Ольденбург не предлагает. Но вместе с тем он описывает характерные черты, которыми оно должно обладать. Ключевым признаком «третьего места» является нейтральность территории, ее доступность и неприметность на первый взгляд («уравновешивающее» пространство), где возможно ни к чему не обязывающее общение. Кроме того, крайне важными факторами признаются душевный и психологический комфорт участников коммуникации. Словом, в процессе общения особую ценность приобретает атмосфера социального равенства, в которой человек оценивается по личностным качествам, а не его материальному положению (Харченко, 2021: 199–204).

Таким образом, Ольденбург стремился понять истинную роль неформальной публичной жизни в создании социокультурного ландшафта большого города, чтобы затем выявить ее влияние на жизнь индивида и нации в целом. Исследуя данную проблему, ученый отмечает, что разрастание субурбанизированных зон носит исключительно коммерческий характер, а представители деловой сферы «демонстрируют свое полное пренебрежение» к сложившимся традициям общения. Осуществляя регламентированную застройку пригородов комфортным жильем, они разрушают устоявшиеся варианты общения, не предлагая новых возможностей. Данную ситуацию Ольденбург считал опасной, ведущей к духовной стерилизации общества, то есть к его разобщению. Специфика «третьих мест», по его мнению, состоит в их важной культурно-исторической роли – сохранении посредством НОЖ механизма преемственности духовных традиций в обществе (Ольденбург, 2014: 60–61).

В работе Р. Ольденбурга явно просматриваются тонкие грани переосмысления феномена игры в культуре, развитые в свое время Й. Хёйзингой. Глобальные потери способствуют вытеснению подлинности из контекста культурно-исторического развития («никто не может отправиться в место, которого нет, и получить опыт, который ... невозможен»), что обедняет общество. «Люди сначала формируют окружающую среду..., а затем окружающая среда формирует и контролирует их» (Oldenburg, 1999). Таким образом, среда, в которой человек проживает каждый свой день, является активной формирующей силой. Чем больше в ней позитивных впечатлений, тем здоровее общество.

В России интерес к работе Р. Ольденбурга возник в начале XXI в., когда был осуществлен ее перевод (Ольденбург, 2014). Популяризации исследования в известной степени способствовала рецензия С. Львовского, который, полагая, стремился к объективности оценок. Тем не менее хотелось бы отметить, что вне поля зрения рецензента осталась беспокоившая автора в процессе работы над книгой проблема¹. Вместе с тем согласимся с мнением С. Львовского о том, что работы, подобные книге Ольденбурга, нечасто попадают в поле зрения отечественного читателя. В целом же отметим, что публикации, посвященные данному вопросу, можно разделить на две части: первую составят исследования, анализирующие прикладные аспекты реализации идеи Ольденбурга об устройстве мест неформального общения («хороших третьих мест») с целью организации досуга; а вторую – труды, содержащие теоретическое осмысление проблемы, анализ условий, способствовавших серьезным изменениям в культуре и механизме формирования новых тенденций ее развития.

Таким образом, возникновение и развитие факторов, повлиявших на формирование концепции «третьего места» Р. Ольденбурга, происходило на протяжении всего XX в. и сопутствовало развитию индустриального общества в крупных странах Западной Европы и США. США, совершившие значительный рывок в экономическом развитии, генерировали новые идеи в объяснении социокультурных процессов, развивавшихся в больших городах, и достигли в данной

¹ Львовский С. Рецензия на книгу Рэя Ольденбурга «Третье место» [Электронный ресурс] // Strelka Mag. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/oldenburg> (дата обращения: 05.05.2022).

области значительных успехов (Гарвардский и Колумбийский университеты). Сформировавшаяся база знаний сделала возможным возникновение концепции «третьего места», которая представляется значимой и интересной с точки зрения выявления механизмов развития социально-культурной среды, позволяющей обеспечить жизнеспособность гражданского общества. Рей Ольденбург, размышляя над ключевыми аспектами этой проблемы, не только затронул вопросы формирования культурного пространства постиндустриального общества, но и попытался сформулировать ее методологические основания. Эта проблема, безусловно, актуальна, имеет интернациональные черты и перспективы развития.

Список источников:

- Ахиезер А.С. Воплощение свободы или средоточие зла? Методология анализа города как фокуса урбанизационного процесса // *Земство: архив провинциальной истории России*. 1994. № 2. С. 16–28.
- Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. 126 с.
- Валюженич А.В. Особенности урбанизации, расовая и этническая структура населения крупнейших городов США: историко-этнографический подход // *Экономические и социальные проблемы России*. 2000. № 1. С. 31–40.
- Зиммель Г. Избранное : в 2 т. М., 1996. Т. 1. 670 с.
- Кряжева М.Ф., Шакирова Э.С. Библиотека как «третье место»: реализация концепции // *Библиосфера*. 2019. № 3. С. 93–98. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2019-3-93-98>
- Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001. 416 с.
- Мамфорд Л. Техника и природа человека // *Новая технократическая волна на Западе*. М., 1986. С. 225–240.
- Нешчерет М.Ю. Цифровизация процессов обслуживания в библиотеках – это уже реальность // *Библиосфера*. 2019. № 2. С. 19–25. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2019-2-19-25>
- Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, солони красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. 456 с.
- Плешкевич Е.А. К вопросу о кризисе отечественного библиотечного дела: есть ли свет в конце туннеля? // *Библиосфера*. 2019. № 3. С. 27–34. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2019-3-27-34>
- Харченко Л.Н. К вопросу о концепции «третьего места» и ее трактовке в отечественной научной литературе // *Современные наука и образование. Достижения и перспективы развития* : в 2 ч. Часть 2. Керчь, 2021. С. 199–204.
- Хейзинга Й. Осень Средневековья: исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. СПб., 2013. 767 с.
- Addams J. *The Spirit of Youth and the City Streets*. N. Y., 1910. 162 p.
- Bruce B.C. What Jane Addams Tells us About Early Childhood Education // *International Handbook of Progressive Education*. N. Y., 2015. Pp. 437–450.
- Kenneth R.L. *Why Europeans Leave Home*. N. Y., 1922. 356 p.
- Lerner M. *America as a Civilization: Life and Thought in the United States Today*. N. Y., 1957. 1036 p.
- O'Connor R. *The German-Americans: An Informal History*. Boston, 1968. 484 p.
- Oldenburg R. *The Great Good Place. Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bar, Hair Salons and Other Hangouts at the Heart of a Community*. N. Y., 1999. 336 p.

References:

- Addams, J. (1910) *The Spirit of Youth and the City Streets*. New York. 162 p.
- Akhiezer, A. C. (1994) *Voploshchenie svobody ili sredotochie zla? Metodologiya analiza goroda kak fokusa urbanizatsionnogo protsesssa* [The Embodiment of Freedom or the Focus of Evil? Methodology of the Analysis of the City as the Focus of the Urbanization Process]. *Zemstvo: arkhiv provintsial'noi istorii Rossii*. (2), 16–28 (in Russian).
- Brodel, F. (1993) *Dinamika kapitalizma* [The Dynamics of Capitalism]. Smolensk. 126 p. (in Russian).
- Bruce, B. C. (2015) What Jane Addams Tells us About Early Childhood Education. In: *International Handbook of Progressive Education*. New York, pp. 437–450.
- Kenneth, R. L. (1922) *Why Europeans Leave Home*. New York. 356 p.
- Kharchenko, L. N. (2021) K voprosu o kontseptsii «tret'ego mesta» i ee traktovke v otechestvennoi nauchnoi literature [On the Issue of the Concept of «Third Place» and Its Interpretation in the Russian Scientific Literature]. In: *Sovremennye nauka i obrazovanie. Dostizheniya i perspektivy razvitiya* : v 2 ch. *Chast' 2*. Kerch', pp. 199–204 (in Russian).
- Kheizinga, I. (2013) *Osen' Srednevekov'ya: issledovanie form zhiznennogo uklada i form myshleniya v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh* [Autumn of the Middle Ages: a Study of the Forms of Lifestyle and Forms of Thinking in the XIV and XV Centuries in France and the Netherlands]. Saint-Petersburg. 767 p. (in Russian).
- Kryazheva, M. F. & Shakirova, E. S. (2019) Library as «the Third Place»: Realization of the Concept. *Bibliosfera*. (3), 93–98. Available from: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2019-3-93-98> (in Russian).
- Lerner, M. (1957) *America as a Civilization: Life and Thought in the United States Today*. New York. 1036 p.
- Mamford, L. (1986) *Tekhnika i priroda cheloveka* [Technology and Human Nature]. In: *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade*. Moscow, pp. 225–240 (in Russian).
- Mamford, L. (2001) *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva* [The Myth of the Machine. Technology and Human Development]. Moscow. 416 p. (in Russian).
- Neshcheret, M. Yu. (2019) Digitization of User Service Processes in Libraries is Already a Reality. *Bibliosfera*. (2), 19–25. Available from: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2019-2-19-25> (in Russian).
- O'Connor, R. (1968) *The German-Americans: An Informal History*. Boston. 484 p.
- Oldenburg, R. (1999) *The Great Good Place. Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bar, Hair Salons and Other Hangouts at the Heart of a Community*. New York. 336 p.
- Oldenburg, R. (2014) *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, solony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [Third Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Beauty Salons and Other Places of «Hangouts» as the Foundation of the Community]. Moscow. 456 p. (in Russian).

Pleshkevich, E. A. (2019) On the Question of the Crisis of Domestic Library Activity: is There Light at the End of the Tunnel? *Bibliosfera*. (3), 27–34. Available from: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2019-3-27-34> (in Russian).

Valyuzhenich, A. V. (2000) Osobennosti urbanizatsii, rasovaya i etnicheskaya struktura naseleniya krupneishikh gorodov SShA: istoriko-etnograficheskii podkhod [Features of Urbanization, Racial and Ethnic Structure of the Population of the Largest US Cities: Historical and Ethnographic Approach]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii*. (1), 31–40 (in Russian).

Zimmel, G. (1996) *Izbrannoe* [Selected Writings]. Vol. 1. Moscow. 670 p. (in Russian).

Информация об авторах

Л.Н. Харченко – доктор исторических наук, профессор Ростовского государственного университета путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=465421.

С.Б. Бровко – старший преподаватель Ростовского государственного университета путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1040996.

Information about the authors

L.N. Kharchenko – D.Phil. in History, Professor, Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=465421.

S.B. Brovko – Senior Lecturer, Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1040996.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.04.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.05.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 122–126.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 122–126.

Научная статья

УДК 94:371

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.17>

Участие образовательных учреждений в повседневной жизни и формировании культурного пространства провинциального города в начале XX века

Ольга Михайловна Бызова

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет,
Москва, Россия, alolel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0353-6447>

Аннотация. В статье на основе комплексного подхода и архивных материалов рассматриваются различные аспекты участия обучающихся и преподавателей учреждений образования в формировании культурной среды провинциального российского города начала XX в. на примере Павловского Посада Богородского уезда Московской губернии. Отмечено, что рост промышленности, новые корпуса фабрик Старо-Павловской, Абрамовых, Сокольников, Кудиных, Русско-французского анонимного общества, банк, типография, больница, городской сад, освещение, водопровод стали повседневностью. Вновь построенные здания женской гимназии и мужского реального училища стали культурными центрами. Показано, что учащиеся под руководством преподавателей активно участвовали в культурной жизни города. Широкое распространение получила организация экскурсий по окрестностям посада, в Москву и другие города. В начале XX в. в зданиях гимназии и училища наряду с учебными занятиями силами учащихся и педагогов проводились литературно-музыкальные вечера, праздничные балы, ставились театральные спектакли, работали литературный кружок и лекторий. Благодаря активной и плодотворной просветительской и благотворительной деятельности Павлово-Посадские образовательные учреждения прочно вошли в культурное пространство города. Их опыт может быть использован и сегодня.

Ключевые слова: город, городское пространство, культурное пространство, повседневность, образовательные учреждения, гимназия, реальное училище, Павловский Посад

Для цитирования: Бызова О.М. Участие образовательных учреждений в повседневной жизни и формировании культурного пространства провинциального города в начале XX века // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 122–126. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.17>.

Original article

The participation of educational institutions in everyday life and the formation of the cultural space of a provincial city at the beginning of the 20th century

Olga M. Byzova

Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia, alolel@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0353-6447>

Abstract. The author examines various aspects of the participation of students and teachers of educational institutions in the formation of the cultural environment of a provincial Russian city of the early 20th century on the example of Pavlovsky Posad, Bogorodsky district of Moscow province based on an integrated approach and archival materials. It is noted that the growth of industry, the new buildings of the factories of Staro-Pavlovskaya, Abramovs', Sokolikovs', Kudins', the Russian-French Anonymous Society, a bank, a printing house, a hospital, a city garden, lighting, and water supply have become everyday life. The newly built buildings of the women's gymnasium and the men's nonclassical secondary school became cultural centers. It is shown that students under the guidance of teachers actively participated in the cultural life of the city. The organization of excursions around the suburbs, to Moscow and other cities has become widespread. At the beginning of the 20th century in the gymnasium and secondary school literary and musical evenings, festive balls, theatrical performances were staged, a literary circle and a lecture hall worked along with educational classes. Thanks to active and fruitful educational and charitable activities, Pavlovo-Posad educational institutions were included in the cultural space of the city. Their experience can be used today.

Keywords: city, urban space, cultural space, everyday life, educational institutions, gymnasium, nonclassical secondary school, Pavlovsky Posad

For citation: Byzova, O.M. (2022) The participation of educational institutions in everyday life and the formation of the cultural space of a provincial city at the beginning of the 20th century. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 122–126. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.17](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.17) (In Russian).

Город как историческое явление имеет сложную структуру, представляет собой целостное образование, включающее социально-экономические, управленческие, общественные, культурные составляющие. Понятие «городская культурная среда» рассматривается в трудах Л.Б. Когана и Э.А. Орловой как совокупность культурных объектов (Коган, 1990; Коган, 2010; Орлова, 1996; Орлова, 2007). Исследованием города и городского пространства занимались зарубежные авторы (Mumford, 2001; Landry, 2008; Гейл, 2012). Современные исследователи обращаются к трудам И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, которые рассматривали город как особый культурный феномен (Гревс, 2004; Анциферов, 2014; Анциферов, 2009).

Научные публикации по рассматриваемой проблематике можно сгруппировать по нескольким направлениям:

- историко-философские и социокультурные аспекты формирования городского пространства и культурной среды, в том числе провинциального города (Философские..., 2021; Нотман, 2021; Сметанина, 2019; Гусева, 2018);
- повседневность и культурная жизнь города в целом и конкретных социальных групп, в частности (Татаркина, 2018; Макарова (1), 2019; Макарова (2), 2019);
- городская повседневность в региональном аспекте (Микитюк, Яхно, 2014; Жеравина, 2010; Керов, 2017; Кискидосова, 2020);
- развитие учреждений образования и их участие в культурном пространстве провинциального города начала XX в. (Романов, 2019; Литвинова, 2021; Обухович, 2019).

В настоящее время существует потребность в изучении истории повседневности, в том числе провинциальных городов дореволюционной России. На основе комплексного и системного подхода, анализа публикаций и архивных документов исследованы формы и показаны результаты участия образовательных учреждений в повседневной жизни и формировании культурного пространства города в начале XX в.

На рубеже XIX–XX вв. в России отмечался значительный рост промышленности, увеличение численности городского населения, формирование инфраструктуры и культурного пространства города. Конкретным примером развития городского пространства и культурной среды провинциального города, участия в нем образовательных учреждений может служить Павловский Посад Богородского уезда Московской губернии. Так, в Павловском Посаде, признанном центре производства шерстяных платков и тканей, в начале XX в. были построены корпуса Старо-Павловской фабрики, Русско-французского анонимного общества, организовано освещение, сооружен водопровод, разбит городской сад, открыты: банк, типография, больница, богадельня, синематограф, учебные заведения. В начале XX в. в Павловском Посаде проживало около 14 тыс. чел. Строительство и культурно-просветительская деятельность образовательных учреждений в Павловском Посаде во многом отражают общее состояние и развитие системы образования страны на рубеже XIX–XX вв. Городское самоуправление выделяло участки земли, средства на строительство и содержание учебных заведений посада.

В центре города были построены новые здания женской гимназии и мужского реального училища, их педагоги и воспитанники активно участвовали в культурной жизни посада. В этих учебных заведениях большое внимание уделялось организации экскурсионной деятельности.

Организация и проведение экскурсий в средних учебных заведениях в начале XX в. стали важной составной частью городской культуры. Школьные экскурсии были и остаются действенной формой изучения исторических, географических, экономических, культурных особенностей своей малой родины, ее достопримечательностей и памятных мест. Экскурсии проводились в рамках внеучебной работы учреждений образования. При этом такие познавательные прогулки и поездки вызвали повышенный интерес у учащихся и способствовали лучшему усвоению ими теоретического материала на занятиях по истории, географии, ботанике, физике и др.

Строительство здания женской прогимназии было закончено к 1 сентября 1907 г., а с начала 1908/1909 учебного года в нем была открыта гимназия. В новом просторном здании гимназии наряду с учебными занятиями проводились праздничные балы¹, литературно-музыкальные вечера².

Экскурсионные маршруты учениц гимназии охватывали окрестности Павловского Посада и уездного города Богородска, Москву и даже Крым. Так, 23 февраля 1912 г. 45 гимназисток 4 и 5 классов совершили экскурсию в Москву. По прибытии в Москву местом сбора стала Лубянская площадь, откуда экскурсантки прошли по Никольской улице и свернули к памятнику первопечатнику Ивану Федорову. Далее прошли на Театральную площадь, где увидели здания Большого, Малого театров и гостиницы «Метрополь», а затем мимо здания Городской управы к Иверской

¹ Центральный государственный архив города Москва (ЦГА Москвы). Ф. 670. Оп. 1. Д. 28. Л. 159.

² ЦГА Москвы. Ф. 670. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.

часовне, проследовав на Красную площадь, осмотрели памятник Минину и Пожарскому и церковь Покрова Пресвятой Богородицы (Храм Василия Блаженного). Через Спасские ворота ученицы вошли в Кремль, где посетили Вознесенский и Чудов монастыри, Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы, осмотрели Царь-колокол и Царь-пушку, увидели памятник Александру II и памятник-крест на месте убиения великого князя Сергея Александровича. В конце экскурсии ученицы и их сопровождающие ознакомились с экспозициями Исторического музея.

24–25 апреля 1912 г. 30 учениц 4 и 5 классов совершили экскурсию на Бородинское поле для осмотра исторических памятников Отечественной войны 1812 г. Гимназисток сопровождали председатель Педагогического совета М.Д. Папаянов, педагоги В.В. Белоусова, М.Г. Сорокина и классная надзирательница Е.Г. Каменская. Руководил экскурсией преподаватель истории А.А. Зарудин.

Наряду с такими продолжительными и насыщенными экскурсиями в гимназии регулярно совершались ознакомительные прогулки по окрестностям.

Еще более масштабная экскурсионная деятельность была организована в Павлово-Посадском мужском реальном училище. 14 августа 1908 г. Обществом распространения образования было открыто училище 3-го разряда по программе реальных училищ. 13 апреля 1909 г. на заседании Собрания городских уполномоченных принято решение об отводе участка земли по Царской улице при Хлебной площади для постройки здания реального училища¹. 23 августа 1910 г. состоялось освящение вновь построенного здания. Наконец, с 1915–1916 учебного года заведение было преобразовано в полноправное реальное училище. На весну 1916 г. для учащихся был запланирован целый ряд экскурсий и образовательных прогулок. В мае 1916 г. для учеников подготовительного класса было организовано 3 экскурсии: в окрестности деревни Городок для изучения пород деревьев, в окрестности деревни Игнатьево для сбора луговых цветов и их определения, в село Буньково для осмотра расположенного неподалеку лесного озера. Для учащихся 1 и 2 классов под руководством преподавателей Н.Е. Сынгаевского, А.П. Масловского и Д.В. Розанова состоялась экскурсия с целью изучения рельефа поверхности, почвы и минералов. Экскурсанты обогнули фабрику Русско-французского анонимного общества, вышли к реке Вохонке, прошли вдоль участка Нижегородской железной дороги к станции «Павлово» и вернулись в училище. Для учеников 6 класса под руководством классного наставника С.А. Щербакова и при участии педагогов Б.Н. Липкина и Д.В. Розанова была проведена экскурсия для практического ознакомления с производством маршрутной съемки. В то время в условиях Первой мировой войны Положением от 8 декабря 1915 г. была введена допризывная подготовка в средних и низших учебных заведениях, если в последних имелись ученики старше 16 лет. Знакомство учащихся в ходе экскурсии с укреплением компаса на бумаге, ориентированием на местности, определением расстояния не только расширяло их кругозор, но и помогало проходить допризывную подготовку. В качестве пособия для экскурсий по Павловскому Посаду и его окрестностям Д.В. Розановым в 1914 г. была составлена подробная карта-план, которая сегодня стала ценным историческим источником для изучения городской территории начала XX в.

Ярким примером участия обучающихся и преподавателей в культурной жизни города является деятельность литературно-художественного кружка Павлово-Посадского мужского реального училища в 1915–1917 гг. В работе кружка участвовали ученики 4, 5, 6 и 7 (выпускного) классов, а также педагоги реального училища Э.Ю. Гелин, И.А. Лапин, И.И. Суходеев, Н.Е. Сынгаевский, М.В. Сычев-Михайлов, Е.В. Федорова, С.А. Щербаков и учительница женской гимназии О.И. Ивановская. В кружке было две секции: художественная и декламационная. В члены кружка входило около 80 человек. На первом организационном заседании председателем кружка был избран Глинков, товарищем председателя и казначеем – Гришин, секретарем – Голубков, все – ученики 6 класса. На заседаниях кружка заслушивались доклады учеников, в частности, Глинкова «Об исторической интуиции Пушкина», Голубкова «Об истории искусств», Сысоева «Об истории выразительного чтения». Кружковцы читали по ролям произведения, среди них «Борис Годунов» А.С. Пушкина, «Недоросль» Д.И. Фонвизина, пели русские песни. Особым вниманием и интересом у реалистов пользовались выступления преподавателя С.А. Щербакова, его доклады о логике и психологии.

Немаловажным примером участия образовательных учреждений в культурной жизни является организация и проведение театральных постановок в зданиях мужского реального училища и женской гимназии. Рекреационные залы гимназии, построенной в 1907 г. и реального училища, сооруженного в 1910 г., могли вместить до 300 человек, что благоприятствовало их использованию для проведения публичных мероприятий: концертов, спектаклей, лекториев с участием учеников, а также приглашенных артистов. На регулярной основе работал лекторий, специалисты

¹ ЦГА Москвы. Ф. 1048. Оп. 1. Д. 921. Л.7, 11.

Московского общества народных университетов читали лекции по естествознанию, российской и мировой истории, литературе и искусству. Периодически ставились театральные спектакли. Так, например, 8 декабря 1913 г. в помещении реального училища в пользу недостаточных (бедных) учащихся Павлово-Посадской женской гимназии и мужского реального училища была поставлена комедия А.Н. Островского «Бедность не порок». После вычета расходов на костюмы, декорации, керосин для ламп и пр. чистый доход от спектакля, полученный от продажи билетов, программ, работы буфета составил 512 рублей 26 копеек и был разделен пополам для поддержки нуждающихся учеников двух учебных заведений.

Таким образом, в начале XX столетия культурная и просветительская деятельность средних образовательных учреждений стала неотъемлемой частью городской культуры. Опыт организации театральных постановок, литературных кружков и лекториев, экскурсионной работы в средних учебных заведениях Павловского Посада в начале XX в. показывает, что уважение к истории своей страны и малой родины обеспечивается конкретной деятельностью на местах. В настоящее время этот опыт интересен, востребован и с успехом может быть использован в малых городах и поселках России с учетом современных реалий.

Список источников:

- Анциферов Н.П. Душа Петербурга. М., 2014. 397 с.
- Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. М., 2009. 581 с.
- Гейл Я. Города для людей. М., 2012. 276 с.
- Гревс И.М. Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). СПб., 2004. 372 с.
- Гусева А.М. Провинциальный город в контексте гуманитарного знания // Общество: философия, история, культура. 2018. № 2. С. 104–107. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.2.21>.
- Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам дореволюционной печати). Томск, 2010. 402 с.
- Керов В.В. Екатеринбург, Томск, далее везде: какая она, российская история «городской повседневности» и зачем она нужна? // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 48. С. 50–59. <https://doi.org/10.17223/19988613/48/8>.
- Кискидосова Т.А. «Городская повседневность» в региональной периодике второй половины XIX – начала XX века: обзор современной историографии // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 3. С. 73–81. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-3-73-81>.
- Коган Л.Б. Быть горожанами. М., 1990. 207 с.
- Коган Л.Б. Урбанонология и городская политика: от осознания к знанию. М., 2010. 226 с.
- Литвинова О.А. Повседневная жизнь школьного сообщества Барнаула в условиях Первой мировой войны // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 3. С. 90–99. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-3-90-99>.
- Макарова А.И. (1) Повседневная жизнь учащихся якутской женской гимназии в конце XIX – начале XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 12. С. 114–117. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.20>.
- Макарова А.И. (2) Частная и общественная инициатива в становлении и развитии народного образования в Якутской области во второй половине XIX – начале XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 10. С. 34–38. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.10.4>.
- Микитюк В.П., Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков. Очерки городского быта. Екатеринбург, 2014. 488 с.
- Нотман О.В. Городская среда как междисциплинарное понятие // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 104–107. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.12.13>.
- Обухович В.В. Среднее образование в педагогической культуре Российской империи XIX в. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 3. С. 91–95. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.3.17>.
- Орлова Э.А. Городская среда как культурно-эстетическое явление // Эстетическая культура. М., 1996.
- Орлова Э.А. Концепция социокультурного пространства: познавательные возможности // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. IX. Вып. 3 (37). С. 96–112.
- Романов С.П. Становление и развитие гимназического образования в российской губернии в середине XIX – начале XX вв. на примере гимназий восточной части Московской губернии и города Коломны // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1. С. 71–77. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.1.12>.
- Сметанина М.Д. Феномен культурной среды. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 3. С. 83–86. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.3.15>.
- Татаркина А.Р. Взаимодействие столичной и региональной элиты в контексте формирования культурного пространства провинциального города на рубеже XIX–XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 10. С. 58–62. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.10.11>.
- Философские и социокультурные проблемы развития города / Т.В. Бернюкевич [и др.]; под общ. ред. С.Д. Мезенцева и Т.А. Молоковой. М., 2021. 256 с.
- Landry Ch. The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators. N.Y., 2008. 352 p.
- Mumford L. What is City // The City Reader / ed. by R.T. Legates, F. Stout. 2nd ed. London; NY. 2001. Pp. 92–96.

References:

- Antsiferov, N.P. (2014) Dusha Peterburga [Soul of Petersburg]. Moscow. (In Russian)
- Antsiferov, N.P. (2009) Problemy urbanizma v russkoy khudozhestvennoy literature: opyt postroyeniya obraza goroda – Peterburga Dostoyevskogo – na osnove analiza literaturnykh traditsiy [Problems of urbanism in Russian fiction: the experience of building the image of the city – Dostoevsky's Petersburg – based on the analysis of literary traditions]. Moscow. (In Russian)

- Bernyukevich, T.V., et al. (2021) Filosofskiye i sotsiokul'turnyye problemy razvitiya goroda [Philosophical and socio-cultural problems of city development]. Moscow. (In Russian)
- Gehl, J. (2012) Cities for people. Moscow. (In Russian)
- Greaves, I.M. (2004) Chelovek s otkrytym serdtsem. Avtobiograficheskoye i epistolyarnoye naslediyе Ivana Mikhaylovicha Grevasa (1860–1941) [A man with an open heart. Autobiographical and epistolary legacy of Ivan Mikhailovich Greaves (1860–1941)]. St. Petersburg. (In Russian)
- Guseva, A.M. (2018) Provincial town in the context of humanities. *Society: philosophy, history, culture*. (2). 104–107. Available from: doi:10.24158/fik.2018.2.21. (In Russian)
- Kerov, V.V. (2017) Ekaterinburg, Tomsk, further everywhere: what is the Russian "city every day life" history and why it is necessary? *Tomsk State University Journal of History*. (48). 50–59. Available from: doi:10.17223/19988613/48/8. (In Russian)
- Kiskidosova, T.A. (2020) "The urban everyday life" in the regional periodicals of the second half on the XIXth – early XXth centuries: review of modern historiography. *Humanitarian vector*. (15:3). 73–81. Available from: doi:10.21209/1996-7853-2020-15-3-73-81. (In Russian)
- Kogan, L.B. (1990) Byt' gorozhanami [To be the city dwellers]. Moscow: Mysl'. (In Russian)
- Kogan, L.B. (2010) Urbanologiya i gorodskaya politika: ot osoznaniya k znaniyu [Urbanology and urban policy: from awareness to knowledge]. Moscow. (In Russian)
- Landry, Ch. (2008) The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators. N.Y.
- Litvinova, O.A. (2021) Everyday life of school community in Barnaul during the First world war. *Humanitarian vector*. (16:3). 90–99. Available from: doi:10.21209/1996-7853-2021-16-3-90-99. (In Russian)
- Makarova, A.I. (1) (2019) Daily life of students of the women's gymnasium of Yakutia in the late 19th–early 20th centuries. *Society: philosophy, history, culture*. (12). 114–117. Available from: doi:10.24158/fik.2019.12.20. (In Russian)
- Makarova, A.I. (2) (2019) Private and public initiative in the formation and development of public education in the Yakut region in the second half of the XIX – early XX centuries. *Society: philosophy, history, culture*. (10). 34–38. Available from: doi:10.24158/fik.2019.10.4. (In Russian)
- Mikityuk, V.P., Yakhno, O.N. (2014) Povsednevnyaya zhizn' Yekaterinburga na rubezhe XIX–XX vekov. Ocherki gorodskogo byta [Everyday life in Yekaterinburg at the turn of the XIX–XX centuries. Essays on urban life]. Ekaterinburg. (In Russian)
- Mumford, L. (2001) What is City. In: Legates, R.T., Stout, F. (eds.) The City Reader. London; NY. Pp. 92–96.
- Notman, O.V. (2021) Urban environment as an interdisciplinary concept. *Society: sociology, psychology, pedagogics*. (12). 104–107. Available from: doi:10.24158/spp.2021.12.13. (In Russian)
- Obukhovich, V.V. (2019) Secondary education in the educational culture of the Russian empire in the 19th century. *Society: philosophy, history, culture*. (3). 91–95. Available from: doi:10.24158/fik.2019.3.17. (In Russian)
- Orlova, E.A. (1996) Gorodskaya sreda kak kul'turno-esteticheskoye yavleniye [Urban environment as a cultural and aesthetic phenomenon]. In: Esteticheskaya kul'tura [Aesthetic culture]. Moscow. (In Russian)
- Orlova, E.A. (2007) The conception of sociocultural space: epistemic possibilities. *Person. Culture. Society*. (9:3). 96–112. (In Russian)
- Romanov, S.P. (2019) The development of Russian gymnasiums in the mid-19th–early 20th centuries in the east of Moscow governorate and the town of Kolomna. *Society: philosophy, history, culture*. (1). 71–77. Available from: doi:10.24158/fik.2019.1.12. (In Russian)
- Smetanina, M.D. (2019) The phenomenon of cultural environment. *Society: philosophy, history, culture*. (3). 83–86. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.3.15>. (In Russian)
- Tatarkina, A.R. (2018) The interaction between capital and regional elites in the context of the cultural space development of a provincial city at the turn of the 19th–20th centuries. *Society: philosophy, history, culture*. (10). 58–62. Available from: doi:10.24158/fik.2018.10.11. (In Russian)
- Zheravina, A.N. (2010) Tomsk vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. (po materialam dorevolutsionnoy pechati) [Tomsk in the second half of the 19th – early 20th centuries. (Based on the materials of the pre-revolutionary press)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (In Russian)

Информация об авторе

О.М. Бызова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=655059.

Information about the author

O.M. Byzova – PhD in History, Associate professor, History and Philosophy Department, Moscow state University of Civil Engineering, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=655059.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 127–132.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 127–132.

Научная статья

УДК 94(470)

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.18>

История земельного вопроса в ходе аграрного реформирования 1990 – начала 2000-х гг.

Сергей Дмитриевич Власов¹, Ирина Александровна Ножкина²

^{1,2}Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, Саратов, Россия

¹sergei.vlasov.005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1245-1389>

²nirina2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9973-7288>

Аннотация. В статье рассматривается история земельных отношений в период 1990 – начала 2000-х гг., который насыщен событиями, во многом драматичными, явившимися переломными в аграрной истории России. Масштабные изменения затронули фактически все ее стороны, фундаментальные основы – нормативно-правовые, институциональные, экономические, организационно-управленческие, социальные, кадровые и пр. Данный подход очевиден, поскольку задумывалось коренное переустройство отрасли. Первоочередными для сельского хозяйства должны были стать установление подлинного хозяина на земле, формирование благоприятной ситуации для результативного жизненного процесса. Аграрные реформаторы либерального толка считали главной задачей проведение широкой трансформации отраслевой структуры агропромышленного комплекса. В первую очередь планировалось предоставить новым хозяевам средства производства, обеспечить их землей. Однако реформу осуществляли люди, далекие от сельской практики, бравшие за основу советы западных специалистов. Отсюда расхождение реформаторского курса с российским историческим опытом, региональными особенностями и слабая социальная ориентированность.

Ключевые слова: аграрная история, земельный вопрос, землепользование, земельное законодательство, аграрная реформа

Для цитирования: Власов С.Д., Ножкина И.А. История земельного вопроса в ходе аграрного реформирования 1990 – начала 2000-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 127–132. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.18>.

Original article

The history of the land issue during the agrarian reform of 1990 – early 2000s

Sergey D. Vlasov¹, Irina A. Nozhkina²

^{1,2}Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia

¹sergei.vlasov.005@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1245-1389>

²nirina2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9973-7288>

Abstract. The article examines the history of land relations in the period 1990–2000, which is full of events, largely dramatic, which were crucial in the agrarian history of Russia. Large-scale changes have affected virtually all its aspects, fundamental foundations – regulatory, institutional, economic, organizational and managerial, social, personnel, etc. This approach is obvious, since a radical restructuring of the industry was conceived. The first priority for agriculture was to have a genuine owner on the land, the formation of a favorable situation for his productive livelihood. Agrarian reformers of the liberal persuasion considered it a primary task to carry out a broad transformation of the sectoral structure of the agro-industrial complex. First of all, it was planned to provide the new owners with the means of production, to provide them with land. However, the reform was carried out by people far removed from rural practices, taking advice from Western specialists as a basis. The reforms were not based on Russian historical experience, regional peculiarities and were weakly socially-oriented.

Keywords: agrarian history, agricultural issues, land tenure, land regulations, agrarian reform

For citation: Vlasov, S.D. & Nozhkina, I.A. (2022) The history of the land issue during the agrarian reform of 1990 – early 2000s. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 127–132. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.18](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.18) (In Russian).

Государственное регулирование аграрных отношений 1990 – начала 2000-х гг. представляет интерес с точки зрения того, насколько оно было гибким, как реагировало на меняющуюся конкретно-историческую ситуацию. В отличие от аграрной политики советской послевоенной эпохи, характеризовавшейся относительной социально-экономической устойчивостью, на пост-

советском пространстве она проводилась в рамках форсированного вхождения в рынок, затяжного кризиса, постепенного выхода из него, а затем в условиях наступившего этапа стабилизации с последующим медленным вхождением сельской экономики в стадию развития. Целью данного исследования является изучение исторической эволюции земельных отношений в период модернизации 1990-х – начала 2000-х гг.

Необходимость анализа данного вопроса вызвана также нынешним состоянием продовольственной безопасности страны в санкционных условиях. Для любого государства укрепление продовольственной безопасности является приоритетным направлением политического развития, охватывающим широкий спектр аграрного сектора. Выявить сложившееся в России с точки зрения исторической проблематики положение дел и потенциал отечественного сельского хозяйства невозможно без познания природы существующих сложностей сельскохозяйственного развития. Сегодня это вновь становится актуальной научной задачей.

В 1950-е – первой половине 1980-х гг. определяющим направлением исследований выступала партийно-государственная политика по развитию сельского хозяйства, обоснованием которой должна заниматься в том числе историческая наука. В этом плане выделяются труды В.В. Гусева (1971), В.П. Данилова, В.Б. Островского (1967), Г.И. Шмелева (1971), П.А. Игнатовского (1971), В.А. Козлова, В.Н. Колбановского (1970) и др.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. своеобразие историографии данного вопроса определяли общественные процессы, развернувшиеся в рамках горбачевской перестройки, ученые получили доступ к материалам некогда закрытых для них архивных фондов. В результате расширилась источниковая база исторических исследований. В сферу внимания авторов вошли такие проблемы, как пути совершенствования аграрных и земельных отношений, становление альтернативной сельской экономики в условиях рынка, облик хозяина земли и др. Всерьез заговорили об экологических проблемах землепользования. В этом направлении активно вели изыскания В.Ф. Башмачников (1991), О.М. Вербицкая, С.Н. Волков (Волков и др., 1992), В.Н. Демьяненко (1992), Л.В. Милов (1993), Л.В. Никифоров (Аграрные отношения..., 1991) и др.

Проблемами землевладения и землепользования в условиях перехода к рыночным отношениям занимались В.В. Алакоз, В.И. Киселев, Г.И. Шмелев (Алакоз и др., 1999), А.А. Варламов (1998), Н.В. Комов (1995), А.В. Петриков (1995).

Значительный вклад в отечественную историографию внесла монография Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса». Свой взгляд ученый излагает на частную форму землевладения. На основе анализа разных источников он приходит к выводу, что вся история русского народа, специфичность занятия земледельческим производством «не способствовали вызреванию сколько-нибудь твердых традиций частной собственности на землю» (Милов, 1998: 563).

Важнейшим источником истории земельного вопроса стали сохранившиеся в архивных фондах отчеты сельскохозяйственных ведомств о распределении земель по угодьям и землепользователям (так называемые региональные земельные балансы). Они характеризовали состояние земельного фонда региона, отдельной области, района с количественной и качественной сторон, показывали специфику землепользования в разрезе различных категорий хозяйств.

В России отношение к земле всегда было особенным, не как в западных странах с классической капиталистической экономикой. Землю считали и кормилицей, и «божеским даром», который следует беречь и приумножать для потомков и которым может пользоваться каждый работающий на ней. По мнению ученого-аграрника А.Н. Медушевского, представление крестьян о том, что земля – «божья», нужно рассматривать не только как акт сакрализации земли в традиционном обществе, у него имеется и иная подоплека: это понимание крестьянами исторической данности права на землю (2007: 65).

Надо сказать, что в течение и советского, и постсоветского периодов вековые традиции землепользования, рачительного отношения к земле больше декларировались, нежели применялись на практике, более того, часто в реальной действительности все складывалось наоборот. В данном отношении между этими временными эпохами принципиальных перемен не наблюдается. С одной стороны, Союзное, а потом Российское государство располагало и располагает до сих пор самой большой площадью сельскохозяйственных угодий по сравнению с площадями остальных стран (на начало 2000-х гг. 10 % мировой продуктивной пашни)¹. С другой стороны, в сельскохозяйственном производстве не удалось добиться рационального использования земли. Постоянно встававший перед государством, аграрным ведомством, хозяйствующими субъектами выбор между ресурсосберегающими и ресурсозатратными технологиями осуществлялся, как правило, в пользу последних. Идеология технократизма, некогда закрепляемое в массовом

¹ Former USSR International agriculture and trade reports. Washington, 1996. 44 p.

сознании представление о том, что человек – «господин» природы, не остались в прошлом, они заявляют о себе и по сей день. В результате интенсивной эксплуатации содержание гумуса в почве сократилось с 12–14 до 8–9 %, а черноземов с 10 %-м гумусовым слоем практически не осталось. Эрозионные процессы поразили свыше половины сельскохозяйственных угодий, отчего в отдельных регионах природное плодородие уменьшилось на 35–75 % (Русский чернозем..., 1983: 253–275).

Природоохранным, противоэрозионным мероприятиям отводилось недостаточно места в многочисленных программах по развитию аграрного производства. Например, программа подъема сельского хозяйства Центрального Черноземья на 1980-е гг. предусматривала выделение свыше 460 млн р. на разработку индустриальных технологий, мелиоративное строительство. Намечалось ввести в строй Тамбовское водохранилище, построить Воронежскую оросительную систему и др. В то время как противоэрозионными мероприятиями охватывалось лишь 37,5 тыс. гектаров сельхозугодий, что составляло менее 10 % необходимого¹.

Между тем имелись положительные примеры применения ресурсосберегающих технологий. Так, в Астраханской области успешно внедрялась система устойчивого земледелия, построенная на использовании научных севооборотов в сочетании с чистыми парами, в Ульяновской области активно переходили на почвозащитную технологию, сочетавшей плоскорезную обработку земли с методом полосного размещения посевов зерновых культур².

Подобного рода примеры отмечались в каждом регионе, они демонстрировали образцы рационального использования земли. Их можно было взять на вооружение и в постсоветское время, для этого не требовались какие-либо дополнительные вложения. Однако на практике этого не произошло, начавшиеся в 1990-е гг. аграрные преобразования определили другие исторические приоритеты.

Менялась не только система землепользования, но и базовые механизмы землепользования. С этой точки зрения аграрная реформа 1990-х гг. существенно отличается от всех предыдущих реформ советской эпохи. До нее никакая другая не ставила задачу радикальной трансформации земельных отношений, проведения приватизации и создания института частной собственности на землю. Если и намечались новые подходы, то обязательно в рамках государственной модели землевладения, господствовавшей государственной доктрины землепользования. Последняя строилась на признании безусловной монопольной собственности государства на земельные ресурсы, безальтернативном построении системы хозяйствования. Сельскохозяйственное производство должно развиваться на основе планово-директивного принципа. Регионам предписывалась главным образом исполнительная роль.

В исследуемый период возник другой расклад места и роли субъектов. Сократились функции государства, по характеру они уже не директивно-распорядительные, а регулятивные, координирующие. У регионов, напротив, функции и количественно, и качественно изменились, они получили право распоряжаться своим земельным фондом, вырабатывать и принимать законы по этому вопросу. Больше оперативного простора в производственной деятельности приобрели сельскохозяйственные предприятия.

Специфика истории земельных отношений становится более понятной, если обратиться к земельному законодательству тех лет. Анализируя ряд нормативно-правовых актов в этой области, в которых отражаются идеология реформаторов первой волны, поставленные ими цели и задачи, можно прийти к выводу, что законотворчество последовательно двигалось в сторону признания частной собственности на землю конституционным порядком, что и произошло в декабре 1993 г.

В российских регионах начала набирать силу правотворческая деятельность. В качестве примера можно выделить Саратовскую область – традиционно крупный аграрный регион, устойчиво поставлявший стране сельскохозяйственную продукцию. Земельный фонд здесь представлен практически всеми известными типами почв, что определяло многообразие применяемых агротехнологий. Как мы отмечали ранее, в области сложилась и плодотворно функционировала аграрная научная школа, разработками которой до сих пор пользуются аграрии-практики других российских регионов (Власов, 2012: 50). В начале 1990-х гг. при областном министерстве сельского хозяйства был создан научно-технический совет, куда вошли ученые, ведущие специалисты, руководители предприятий. Все это позволило разработать региональную концепцию развития АПК во второй половине 1990-х гг.

Саратовская область одной из первых в 1997 г. приняла закон «О земле». Всего же инициативой местных законодателей было разработано и взято на вооружение в течение сравнительно

¹ Ленинская аграрная политика КПСС. Сборник важнейших документов (авг. 1978 г. – авг. 1982 г.) / под общ. ред. М.С. Смиртюкова, К.М. Боголюбова. М., 1983. С. 545–546.

² ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 99. Д. 187. Л. 12; ГАУО. Ф. Р-3024. Оп. 7. Д. 870. Л. 4–26.

короткого времени 87 нормативно-правовых актов, регулировавших земельные отношения. Впервые на региональном уровне поставлен вопрос о рыночном обороте земель сельскохозяйственного назначения, их купле-продаже. Это кардинально меняло сложившуюся систему сельскохозяйственного землепользования. С этой целью в области организован ипотечный банк «Радогорад», учеными и специалистами разработана шкала базовых цен на землю, продифференцированная по трем основным земельно-оценочным районам (Владимиров и др., 2002: 530–531).

Вслед за Саратовской областью в июле 1998 г. аналогичный закон «О земле» вступил в силу на территории Самарской области. Законодательным актом также разрешалась свободная и открытая купля-продажа земельных участков, устанавливалось платное землепользование посредством земельного налога, арендной платы, в форме рыночной и выкупной цены. Менялся механизм управления земельными ресурсами: в документе разграничивались полномочия между административными и хозяйствующими субъектами, властными органами всех уровней. Был утвержден порядок отнесения земель к государственной и муниципальной собственности на территории области¹.

Принятый закон потребовал законодательного обеспечения других сфер земельных отношений, поэтому вскоре появились нормативно-правовые акты «Об оценке земли», «О залоге (ипотеке) земель сельскохозяйственного назначения», «О разграничении полномочий между Самарской областью и муниципальными образованиями по владению, пользованию, распоряжению земельными участками на территории Самарской области». В результате была создана комплексная нормативно-правовая база, расширявшая поле деятельности в области земельных отношений.

В целом, давая оценку региональным законодательным актам, можно сказать, что при некоторой разности подходов они вместе с тем декларировали одинаковые принципы землепользования: отношение к земле как главному средству производства АПК, основе жизни и деятельности человека; признание в ней объекта права собственности; дифференцированный подход к землям с учетом их качественных характеристик; регулярное проведение природоохранных, почвозащитных мероприятий.

Для полноты анализа необходимо рассмотреть, как структурировалась система землепользования, какие хозяйствовавшие субъекты в нее входили. В этом же Приволжском федеральном округе на 1 января 2001 г. она выглядела следующим образом: на долю угодий сельских хозяйств в общей земельной площади в разных районах приходилось 75–85 %, земли промышленных предприятий составляли 1,8–3,2, городских и сельских населенных пунктов – 0,9–1,4 %².

В условиях рынка менялась как система землепользования, так и структура хозяйствующих субъектов. Введенные в рыночный оборот посредством механизма купли-продажи земельные угодья стали переходить от одного собственника к другому. О масштабах этого оборота можно судить по количеству сделок купли-продажи в Приволжском федеральном округе. Например, лишь за 2000 г. в округе состоялось 68,4 тыс. сделок, из них в Самарской области – 23,8 тыс., Нижегородской – 21,0 тыс. Намного меньше сделок зарегистрировано в Республике Мордовия – 4,7 тыс., в Республике Марий Эл сделки по купле-продаже земли вовсе не проводились³. Поддерживая рыночный оборот земель, государство при этом выдвигало требование, чтобы участки сельскохозяйственного назначения не переходили в другие категории, оставались в качестве базового средства производства агропромышленного комплекса.

Проанализировав основные аспекты истории аграрного реформирования в исследуемый период, можно сделать вывод, что именно земля в ходе проведения либеральных реформ подверглась наибольшему разорению. Всегда тиражировавшийся лозунг «земля – основное богатство страны» размывался под воздействием негативных явлений. Земли сельскохозяйственного назначения не только количественно сокращались, но и теряли качественные характеристики. По причине резкого ослабления контроля со стороны государства стали возможны многочисленные нарушения земельного законодательства. Значительные площади угодий по разным теневым схемам выводились из сельскохозяйственного оборота. На них сооружались объекты не сельскохозяйственного назначения, велось элитное дачное и коттеджное строительство. Многие заброшенные территории просто зарастали бурьяном. В результате утрачивался подлинный

¹ О земле [Электронный ресурс] : закон Самарской обл. от 16 июля 1998 г. № 11-ГД : принят решением Самарской губернской думы № 90 от 25 июня 1998 г. // Консорциум Кодекс : электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/945008094> (дата обращения: 28.04.2022).

² Состояние и использование земель в Приволжском федеральном округе в 2000 г. // Текущий архив Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. Федеральный кадастровый центр «Земля». Рис. 3–5.

³ Там же. Рис. 7.

смысл таких традиционных понятий, как земли сельскохозяйственного назначения, приоритетное сельскохозяйственное землепользование, ресурсосберегающее природо- и землепользование.

Примечательно высказывание профессора Йельского университета (США) Дж. Скотта: «Труднее уловить смысл того, почему так много вроде бы добрых намерений – проектов, призванных улучшить условия человеческой жизни, привели к столь трагическим результатам» (2002: 37). Как одну из причин слабости реформаторских проектов он считает именно формальное перенесение на российскую почву зарубежных моделей. Как показала реальность, идеи, действенные для зарубежной практики, при механическом копировании мало что дали России.

Таким образом, земля как главный производительный ресурс АПК нуждается в особом внимании. В первое десятилетие реформ, когда государство практически не вмешивалось в аграрную экономику, значительные площади выведены из производственного процесса, и сегодня вряд ли можно вернуть их хозяйствующим субъектам. Из этого отрицательного опыта важно извлечь правильные уроки и не дать повториться произошедшему. Поэтому необходимо искать эффективные методы воздействия на земельный рынок, используя нормативно-правовые и экономические механизмы в целях пресечения любых попыток незаконного изъятия земель. Органам власти всех уровней следует осуществлять постоянный контроль за отводами сельскохозяйственных угодий, подходить к каждому факту с позиций общегосударственных интересов.

Список источников:

- Аграрные отношения: выход из тупика / под ред. Л.В. Никифорова. М., 1991. 245 с.
- Алакоз В.В., Киселев В.И., Шмелев Г.И. Зачем России земельная реформа? М., 1999. 127 с.
- Башмачников В.Ф. Как возродить крестьянское хозяйство // Пути аграрного возрождения : сб. науч. тр. / отв. ред. Ю.М. Бородай. М., 1991.
- Варламов А.А. Основные принципы государственного регулирования земельными отношениями в России // Проблемы землепользования и земельного кадастра в условиях переходы к рыночной экономике / под ред. А.А. Варламова. М., 1998.
- Владимиров Н.В., Динес В.А., Николаев А.Н. Современный опыт решения земельного вопроса // Собственность на землю в России: история и современность / под ред. Д.Ф. Аяцкова. М., 2002. С. 522–580.
- Власов С.Д. Система землепользования в сельском хозяйстве конца 1990-х – начала 2000-х гг. (историко-сравнительный анализ) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-2 (26). С. 49–51.
- Волков С.Н., Хлыстун В.Н., Улюкаев В.Х. Основы землевладения и землепользования. М., 1992. 145 с.
- Гусев В.В. Колхоз как самоуправляемая социальная система. М., 1971. 77 с.
- Демьяненко В.Н. Земля как объект купли-продажи: российская действительность и зарубежный опыт. М., 1992. 40 с.
- Игнатовский П.А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М., 1971. 287 с.
- Коллектив колхозников: социально-психологическое исследование / под ред. В.Н. Колбановского. М., 1970. 286 с.
- Комов Н.В. Управление земельными ресурсами России: российская модель землепользования и землевладения. М., 1995. 302 с.
- Медушевский А.Н. Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. Социология. Этнология. 2007. Т. 16, № 1. С. 59–98.
- Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. 573 с.
- Милов Л.В. Если говорить серьезно о частной собственности на землю // Свободная мысль. 1993. № 2. С. 77–88.
- Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967. 329 с.
- Петриков А.В. Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. М., 1995. 146 с.
- Русский чернозем – 100 лет после Докучаева / отв. ред. В.А. Ковда, Е.М. Самойлова. М., 1983. 304 с.
- Скотт Дж. Государственный взор: как потерпели крах некоторые проекты по улучшению условий человеческой жизни // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002. С. 31–68.
- Шмелев Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971. 166 с.

References:

- Alakoz, V.V., Kiselev, V.I. & Shmelev, G.I. (1999) Why Does Russia Need Land Reform? Moscow, Interdizain. (In Russian)
- Bashmachnikov, V.F. (1991) How to Revive Peasant Farming. In: Borodai Yu.M. (ed.) *Pathways to Agrarian Renewal*. Moscow, Politizdat. (In Russian)
- Demyanenko, V.N. (1992) Land as an Object of Sale and Purchase: Russian Reality and Foreign Experience. Moscow, Rossiya Molodaya. (In Russian)
- Gusev, V.V. (1971) The Collective Farm as a Self-Governing Social System. Moscow, Mysl'. (In Russian)
- Ignatovsky, P.A. (1971) The Peasantry and the Party's Economic Policy in the Countryside. Moscow, Mysl'. (In Russian)
- Kolbanovskii, V.N. (ed.) (1970) The Collective of Collective Farmers: A Social and Psychological Study. Moscow, Mysl'. (In Russian)
- Komov, N.V. (1995) Managing Russia's Land Resources: The Russian Model of Land Use and Tenure. Moscow, Russlit. (In Russian)
- Kovda, V.A. & Samoilova, E.M. (eds.) (1983) Russian Chernozem - 100 years After Dokuchaev. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Medushevskiy, A.N. (2007) Agrarian reforms in Russia: projects and realization. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 16 (1), 59–98. (In Russian)
- Milov, L.V. (1993) In Serious Discussion on Private Land Ownership. *Free Thought*. (2), 77–88. (In Russian)
- Milov, L.V. (1998) The Great Russian Ploughman and the Features of the Russian Historical Process. Moscow, ROSSPEHN. (In Russian)
- Nikiforov, L.V. (ed.) (1991) Agrarian relations: a way out of the impasse. Moscow, Nauka. (In Russian)

- Ostrovsky, V.B. (1967) The Collective Farmers' Peasantry of the USSR. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo Universiteta. (In Russian)
- Petrikov, A.V. (1995) The Specifics of Agriculture and Modern Agrarian Reform in Russia. Moscow, Ehntsiklopediya Rossiiskikh Dereven'. (In Russian)
- Scott J.C. (2002) Seeing like a state: how certain schemes to improve the human condition have failed. In: Shanin, T., Nikulin, A. & Danilov, V. (eds.) *Reflexive Peasant Studies: A Decade of Research on Rural Russia*. Moscow, MVSHSEH, ROSSPEHN, 31–68. (In Russian)
- Shmelev, G.I. (1971) Personal Subsidiary Farming and its Connections With Social Production. Moscow, Mysl'. (In Russian)
- Varlamov, A.A. (1998) Basic Principles of State Regulation of Land Relations in Russia. In: Varlamov, A.A. (ed.) *Problems of Land Use and Land Cadastre in the Transition to a Market Economy*. Moscow, Gosudarstvennyi Universitet po Zemleustroistvu. (In Russian)
- Vladimirov, N.V., Dines, V.A. & Nikolaev, A.N. (2002) Current Experience with the Land Question. In: Ayatskov, D.F. (ed.) *Land Ownership in Russia: History and Modernity*. Moscow, ROSSPEHN, 522–580. (In Russian)
- Vlasov, S.D. (2012) Land use system in agriculture of the end of the 1990s – the beginning of the 2000s (historical-comparative analysis). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. (12-2), 49–51. (In Russian)
- Volkov, S.N., Khlystun, V.N. & Ulyukaev, V.Kh. (1992) Fundamentals of Land Tenure and Land Use. Moscow, Kolos. (In Russian)

Информация об авторах

С.Д. Власов – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки» Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова, Саратов, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1072346.

И.А. Ножкина – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки» Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова, Саратов, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=397586.

Information about the authors

S.D. Vlasov – PhD in History, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1072346.

I.A. Nozhkina – PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=397586.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 26.04.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 133–136.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 133–136.

Научная статья

УДК 340.15

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.19>

Правовое регулирование в области защиты прав коренных малочисленных народов Дальнего Востока как фактор национальной безопасности (первая половина XIX – XX в.)

Андрей Иванович Гореликов

Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре,
gorelikov-andrei@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка исследовать особенности законодательного развития сферы национальной безопасности применительно к коренным малочисленным народам Дальнего Востока. С позиции концептуального подхода к анализу сущности стратегии национальной безопасности автор выявляет исходные принципы, главные элементы и направления правового обеспечения этносохранения и устойчивого развития малочисленных этносов в период первой половины XIX – XX в. Актуальность темы обусловлена малоизученностью правовой природы национальной безопасности коренных малочисленных народов. Комплексное воздействие государства на этнические общества выразилось в этнографическом оформлении национальных территориальных образований. В результате исследования сформировано представление о механизмах этносохранения коренных народов. При этом делается вывод о необходимости совершенствования правовой регламентации в области комплексного природопользования в регионе.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, законодательство, национальная безопасность, правовое регулирование

Для цитирования: Гореликов А.И. Правовое регулирование в области защиты прав коренных малочисленных народов Дальнего Востока как фактор национальной безопасности (первая половина XIX – XX в.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 133–136. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.19>.

Original article

Legal regulation in the field of protection of the rights of indigenous minorities of the Far East as a factor in national security (the first half of the XIX–XX centuries)

Andrey I. Gorelikov

Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia,
gorelikov-andrei@mail.ru

Abstract. The article attempts to investigate the peculiarities of the legislative development of the sphere of national security in relation to the indigenous minorities of the Far East. From the standpoint of the conceptual approach to the analysis of the essence of the national security strategy, the author identifies the initial principles, main elements and directions of legal support for ethnic protection and sustainable development of small ethnic groups in the first half of the XIX – XX centuries. The relevance of the topic is due to the poorly researched legal nature of the national security of indigenous minorities. The complex impact of the State on ethnic societies is reflected in the ethnographic formation of national territorial entities. As a result of the study, an idea was formed about the mechanisms of ethnic protection of indigenous peoples. The conclusion is reached that legal regulation in the field of integrated environmental management in the region needs to be improved.

Keywords: indigenous minorities, legislation, national security, legal regulation

For citation: Gorelikov, A.I. (2022) Legal regulation in the field of protection of the rights of indigenous minorities of the Far East as a factor in national security (the first half of the XIX–XX centuries). *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 133–136. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.19](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.19) (In Russian).

В структуре исторического познания научная новизна исследования заключается в переосмыслении исторического процесса интеграции традиционных обществ в социум на этапе современного развития. Опора на доктринальные разработки теории модернизации, применение методологических подходов концепции национальной безопасности позволили проанализировать общую картину цивилизационного воздействия государства на традиционные общества при переходе к индустриальному развитию, рассмотреть природу правового обеспечения периода трансформации как фактор национальной безопасности. Для повышения объективности полученного знания применены общенаучные методы. Одними из важнейших подходов к изучению

общественных отношений государства и малочисленных народов являлись системный подход и принцип историзма. Не менее значимым при исследовании формирования национальных интересов можно считать ценностный подход. Использование данных подходов и теории устойчивого развития дает основание под национальной безопасностью понимать состояние правовой защищенности национальных интересов малочисленных этнических обществ.

Проблема национальной безопасности коренных малочисленных народов со времени вхождения территорий исконного проживания в состав Российского государства до сегодняшнего дня не потеряла актуальности. На начальном этапе присоединения они представляли собой разрозненные этнические группы, находящиеся на родоплеменной стадии развития. Эволюционный период хозяйственного и культурного взаимодействия сформировал генетическую близость, общее самосознание проживающих на Дальнем Востоке коряков, чукчей, нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей, нивхов, нигедальцев и др.

Около 200 лет назад был издан первый нормативно-правовой акт, в рамках которого функция государственного управления рассматривалась как обеспечение состояния спокойствия и ограждение традиционных обществ от внешних и внутренних угроз¹. Достигалась одна из важнейших целей национальной политики, проводимой правительством в отношении «иностранцев», – обеспечение эволюционного развития. Представители малочисленных этнических обществ считались подданными государства. Впервые в их историческом развитии Уставом 1822 г. был сформулирован и законодательно закреплён главный элемент будущей концепции национальной безопасности – правовое регулирование и защита традиционного образа жизни: «Все вообще оседлые иностранцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в который они вступят. Они управляются на основании общих узаконений и учреждений»².

В структуре научного познания этносохранение, устойчивое развитие малочисленных этнических обществ рассматриваются как социальное явление, обеспечиваемое правовой системой регулирования и защиты. В трудах А.И. Васильева (Васильев и др., 1999), А.В. Возженикова, И.Н. Глебова (Возжеников и др., 2000), М.Ю. Зеленкова (2002) обращено внимание на необходимость комплексного подхода к исследованию проблемы национальной безопасности. Утверждается, что одной из основных задач по ее обеспечению выступает создание условий для соблюдения общественных норм, объединяющих многочисленные народы, консолидирующих многонациональный социум. Данное положение закреплено в специальном федеральном законе. Под обеспечением национальной безопасности РФ понимается целенаправленная деятельность государственных и общественных институтов, а также граждан по выявлению, предупреждению угроз безопасности личности, общества и государства. Исходя из этого, обеспечение безопасности малочисленных народов следует трактовать как защиту традиционного образа жизни, исконной среды обитания, общественного самоуправления, самобытной культуры, обычаев, верований и языка³.

Особого внимания при исследовании обозначенной проблемы заслуживает первый нормативно-правовой акт регионального законодательства, которым был заложен научный подход к решению национальных вопросов коренных малочисленных народов Дальнего Востока⁴. Положением об иностранцах Приамурского края местные народы уравнивались в правовом состоянии с сельскими обывателями. Им гарантировались защита своеобразия традиционного образа жизни, содействие укреплению хозяйственного сектора аборигенной экономики. В документе содержались нормы, фиксирующие права, свободы и обязанности аборигенных народов как подданных государства, гарантировалось право на самоуправление, культурное развитие. С позиций концепции национальной безопасности правовое обеспечение эволюционного развития автохтонных обществ может рассматриваться как один из важнейших принципов устойчивого развития коренных народов.

Далее следует обозначить специфику социально-политической ситуации, положившей начало новому витку правового регулирования жизнедеятельности коренных малочисленных народов в Дальневосточной Республике (ДВР). В рамках демократической республики аборигенное население законодательно получило право на национально-территориальные образования в местах их компактного проживания в форме культурно-национальной автономии⁵. Создавались условия правового оформления особого статуса автохтонных народов, формирования из разрозненных

¹ Устав об управлении иностранцев // Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. М., 1885. Т. 38. С. 394–416.

² Там же. С. 395.

³ О безопасности [Электронный ресурс] : Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 702. Оп. 1. Д. 822. Л. 7.

⁵ Культурно-национальная автономия в истории России: документальная антология : в 2 т. / авт.-сост. И.В. Нам. Т. 2. Дальний Восток. 1921–1922. Томск, 1998. 295 с.

малочисленных этнических групп – народностей. Понятие «народность» рассматривалось как источник и субъект многонационального государства; территориальная общность; носитель правового статуса¹. В Конституции ДВР в разделе «О гражданах и их правах» провозглашались равенство всех граждан перед законом и право национальных меньшинств на самоопределение². Правовое обеспечение национальной безопасности автохтонных народов Дальнего Востока законодательно закрепляло ключевые положения концепции национальной безопасности и сводилось к защите их прав, жизненно важных интересов. Формулировались ключевые принципы теории национальной безопасности – защита прав человека, сближение этнических групп, создание национальных территориальных образований, национальной консолидации, закладывались основы обеспечения национальной безопасности коренных народов на предстоящее столетие.

Советский период отмечен кардинальным переустройством во всех сферах традиционного образа жизни коренных народов. Одним из первых актов стало Временное положение об управлении туземных народностей северных окраин РСФСР 1926 г., представляющее собой концепцию взглядов, принципов и приоритетов национальной безопасности малочисленных этносов. В рамках этого документа коренные народы стали рассматриваться как национальная политико-территориальная общность, обладающая правом на равноправие и самоопределение³. Комплексное воздействие государства на малочисленные этнические общества позволило осуществить этнографическое оформление национальных территориальных образований (автономный округ, национальный район) на основе признаков материальной культуры, особенностей традиционного хозяйствования, верований, обрядов, языка, семейных отношений. Разрозненные родоплеменные группы консолидировались в народности. Важно отметить, что преобразования осуществлялись в правовом поле.

Со второй половины 1950-х гг. коренные малочисленные народы вновь становятся объектом государственного внимания. В связи с этим актуальным представляется рассмотрение принятого руководством страны 16 марта 1957 г. программного документа № 300⁴. В постановлении ставилась задача наиболее полного использования природных ресурсов Севера и Дальнего Востока с помощью хозяйственно-бытовых навыков коренных народов. Экономико-социальные преобразования традиционного жизнеустройства осуществлялись на основе многоцелевой мобилизационной программы перехода на индустриальное развитие.

Анализ нормативно-правовых актов обосновывает необходимость рассмотрения сущности правовой природы национальной безопасности. В нашем случае правовое регулирование в области защиты прав коренных народов выступает в качестве целостной структурированной законодательной системы, где категория «национальные ценности» является ключевой. Открываются возможности правового регулирования защиты прав малочисленных народов как фактора национальной безопасности. Сама категория «национальная безопасность» определяется как отсутствие угрозы коренным народам и позволяет сохранять накопленные ценности традиционного образа жизни на освоенных территориях.

Нужно отметить, что вниманию исследователей предоставлены составленные В.А. Кряжковым сборники нормативных актов по вопросам защиты прав коренных малочисленных народов России, позволяющие всесторонне изучить сложившуюся законодательную базу по обеспечению национальной безопасности данных народов⁵. Анализ базовых документов подтверждает необходимость совершенствования правового регулирования в сфере комплексного природопользования. Этот особый вид хозяйственной деятельности вследствие недостаточной правовой регламентации, по мнению региональных специалистов, создает напряженность в местах проживания коренного населения, сдерживает широкое вхождение традиционной экономики в рыночные процессы (Старинов, Цевелева, 2018).

Мы разделяем мнение отечественных и зарубежных специалистов о том, что сформировавшаяся законодательная база в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока представляет собой систему правовой регламентации отношений государства и аборигенных народов (Akhmetova, Ivashenko, 2018). Вместе с тем международное право служит важным

¹ Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной республики, введенное в действие 31 окт. 1922 г. // Вестник Дальневосточной Республики. 1922. № 5–6. С. 70–73.

² Основной закон (Конституция) ДВР [Электронный ресурс] : 27 апр. 1921 г. // Библиотека конституций Р. Пашкова. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1053> (дата обращения: 30.04.2022).

³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1926. № 73. Ст. 575.

⁴ О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 300 от 16 марта 1957 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1984. Т. 9. С. 175–180.

⁵ Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и российское законодательство : в 5 кн. / сост. В.А. Кряжков. М., 1994–2013.

ориентиром и мощным стимулом развития внутринационального законодательства в области прав коренных народов (Анаа, 2004).

Таким образом, Уставом об инородцах 1822 г. законодательно были закреплены главный элемент будущей концепции национальной безопасности – бытовая безопасность, а также основополагающий принцип – правовая защищенность национальных интересов автохтонных народов. Расширенное толкование состояния защищенности национальных интересов следует связывать с национальным законодательством Дальневосточной Республики, а также Временным положением 1926 г. Период 1950-х гг. отмечен переходом традиционных обществ на индустриальное развитие, утверждением целевых индикаторов правовой природы обеспечения национальной безопасности. Выявляя истоки общей теории национальной безопасности, выступающей в качестве самостоятельного предмета научного знания, можно получить достаточное представление о механизмах этносохранения коренных народов.

Список источников:

- Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение. СПб., 1999. 189 с.
- Возжеников А.В., Глебов И.Н., Золотарев В.А. Основные концептуальные положения национальной безопасности России в XXI в. М., 2000. 48 с.
- Зеленков М.Ю. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XXI в. М., 2002. 209 с.
- Старинов Г.П., Цевелева И.В. Криминологическая политика государства в сфере обеспечения безопасности предпринимательства // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2018. Т. 2, № 3 (35). С. 76–80.
- Akhmetova A.V., Ivashenko Ya.S. The problems of legal regulation of the development of far eastern native minorities during the soviet state national policy formation period (1920s – 1930s) // *Advances in Intelligent Systems and Computing : Conference proceedings HOSMC 2017* / ed. by E.G. Popkova. Cham, 2018. P. 305–314.
- Anaya J.S. Indigenous peoples in international law. N. Y., 2004. 396 p.

References:

- Akhmetova, A.V. & Ivashenko, Ya.S. (2018) The problems of legal regulation of the development of far eastern native minorities during the soviet state national policy formation period (1920s – 1930s). In: Popkova, E.G. (ed.) *Advances in Intelligent Systems and Computing: Conference proceedings HOSMC 2017*. Cham, Springer, 305–314.
- Anaya, J.S. (2004) Indigenous peoples in international law. New York, Oxford University Press.
- Starinov, G.P. & Tseveleva, I.V. (2018) State criminological policy in the sphere of ensuring entrepreneurship safety. *Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University*. 2 (3), 76–80. (In Russian)
- Vasiliev, A.I., Salnikov, V.P. & Stepashin, S.V. (1999) National Security of Russia: Constitutional Support. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii Universitet MVD Rossii. (In Russian)
- Vozzhenikov, A.V., Glebov, I.N. & Zolotarev, V.A. (2000) Legal Basis for a General Theory of Security of the Russian State in the 21st Century. Moscow, EHDAS PAK. (In Russian)
- Zelenkov, M.Yu. (2002) Legal Foundations of a General Theory of Security of the Russian State in the Twenty-First Century. Moscow, YUI MIITA. (In Russian)

Информация об авторе

А.И. Гореликов – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Публичное и частное право» Комсомольского-на-Амуре государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=301307.

Information about the author

A.I. Gorelikov – PhD in History, Associate Professor, Department of Public and Private Law, Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=301307.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.03.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.04.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 137–141.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 137–141.

Научная статья

УДК 94(73)

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.20>

К вопросу о восприятии России политическими деятелями США (2017–2021 гг.)

Анна Андреевна Ищенко

Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия, anna-ischenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8526-2549>

Аннотация. В статье исследуются высказывания политических деятелей Америки о России на основе изучения материалов комитета Сената США по международным отношениям, посвященных обсуждению российской темы в 2017–2021 гг. Автор выявляет сложившиеся в США устойчивые характеристики в описании образа России и показывает, как образ «Другого» используется представителями американской власти при реализации внешнеполитического курса страны. Прослеживается влияние ценностных установок американцев на формирование представлений о России, когда идея об американской исключительности становится инструментом для создания враждебного образа государства в США. Автор отмечает усиление негативных оценок России на фоне реализации самостоятельной внешней политики и традиционного стереотипного восприятия РФ на Западе, в основе которого лежат стремления США играть роль мирового лидера.

Ключевые слова: образ России, стереотип, антироссийская риторика, российско-американские отношения, угроза, мировой порядок, демократия, НАТО

Для цитирования: Ищенко А.А. К вопросу о восприятии России политическими деятелями США (2017–2021 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 137–141. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.20>.

Original article

On the perception of Russia by US politicians (2017–2021)

Anna A. Ishchenko

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia, anna-ischenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8526-2549>

Abstract. The article explores American politicians' statements about Russia based on an examination of the U.S. Senate Foreign Relations Committee's 2017–2021 debate on Russia. The author identifies the stable characteristics existing in the USA in the description of the image of Russia and shows how the image of «The Other» is used by representatives of the American authorities in the implementation of the foreign policy of the country. The influence of American values in shaping perceptions of Russia is traced, where the idea of American exceptionalism becomes a tool for creating a hostile image of the state in the United States. The author notes the strengthening of negative assessments of Russia against the background of the implementation of independent foreign policy and traditional stereotyping of the Russian Federation in the West, which is based on the desire of the United States to play the role of world leader.

Keywords: image of Russia, anti-Russian rhetoric, Russia-US relations, threat, world order, democracy, NATO

For citation: Ishchenko, A.A. (2022) On the perception of Russia by US politicians (2017–2021). *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 137–141. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.20](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.20) (In Russian).

Исследование проблематики восприятия странами друг друга, особенно когда речь идет о взаимовосприятии двух держав – США и России, является актуальным прежде всего с точки зрения практической реализации сформированных трендов (Абукарова, 2022; Казанцев, 2019; Хубулава, 2015). Образы «Другого» детерминируют внешнюю политику стран и их поведение на международной арене. Развитие современной геополитической ситуации дает массу примеров того, как образ «Другого» используется во внешнеполитическом курсе, что демонстрируют, в частности, события вокруг украинского кризиса. В.И. Журавлева в имагологическом исследовании, посвященном изучению роли России как значимого «Другого» для США, подчеркивает, что мифы о России и устойчивые стереотипы ее восприятия продолжают влиять «на выработку внешней политики вашингтонской администрации и массовое сознание американцев, что мешало им в прошлом и продолжает мешать в настоящем трезво оценивать события, происходившие в России» (2012: 12).

Несмотря на краткосрочные периоды смягчения риторики политической власти США, преобладающим вектором восприятия России на Западе выступают негативные представления о стране. С одной стороны, образ «Другого» не является константой, он меняется в зависимости от текущей политической ситуации, собственного опыта межкультурной коммуникации; с другой стороны, как отмечает И. Курилла, «старые представления, вытесненные злобой дня, не пропадают бесследно. Они уходят на второй план, прячутся на время, однако не исчезают совсем и могут быть легко актуализированы потоком новостей или новым поворотом истории» (2018: 10–11).

В связи с событиями на Украине негативное восприятие России в США достигло рекордно высоких показателей. 85 % опрошенных американцев относятся к России неблагоприятно, 52 % респондентов трактуют ее военную силу как угрозу жизненно важным интересам США¹.

Анализ восприятия России на Западе показывает, что в его основе лежат устойчивые клише, которые приобретают особую актуальность в периоды обострения российско-американских отношений, когда наша страна становится препятствием достижения целей Соединенных Штатов на международной арене.

Безусловно, провозглашенный президентом России на Мюнхенской конференции курс на самостоятельную внешнюю политику и неприемлемость однополярного мира является главной причиной усиления негативного восприятия. Враждебный образ государства конструируется и поддерживается американскими СМИ, которые вслед за высказываниями представителей американской власти традиционно наделяют его характеристиками, присущими СССР, обвиняют Россию в агрессивной внешней политике и усилении авторитаризма.

На слушаниях в комитете Сената США по международным отношениям в 2017 г., посвященных анализу вызовов со стороны РФ и будущему американско-российских отношений², Россия обвинялась в том, что угрожает существующему мировому порядку. Причинами усиления анти-российской риторики стали необоснованные обвинения во вмешательстве в выборы в США 2016 г., конфликт на Украине, события в Сирии, «антидемократические» тенденции внутри государства. Показательно, что термин «агрессия» в описании России и ее поведения на международной арене использовался 9 раз.

Генерал Ф. Бридлав, признавая, что Россия является великой державой и может гордиться своей историей, отмечал, что Москва угрожает интересам США. Призывая к диалогу с Россией, он подчеркивал, что для достижения жизненно важных целей в переговорах с РФ нужно, с одной стороны, проявлять доброжелательность и уважение, с другой – показывать свою силу. Констатируя, что целью Москвы выступает ослабление НАТО, Европейского союза и трансатлантических отношений, Ф. Бридлав указывал: «Чем больше у России будет проблем в военном конфликте на Украине, тем меньше неприятностей она сможет доставить нам с нашими восточными партнерами по НАТО»³. Политика двойных стандартов США ярко прослеживается в следующем высказывании Ф. Бридлава: «Мы жизненно заинтересованы в том, чтобы оставить реваншистскую политику Москвы. Пока мы ведем диалог с Москвой, нам нужно укрепить присутствие НАТО в странах Балтии»⁴.

Неготовность США строить отношения с Россией как с равноправным партнером, имеющим право реализовывать свои национальные интересы на международной арене, и восприятие страны как угрозы закреплены в Стратегии национальной безопасности США⁵, принятой в 2017 г. Россия вместе с Китаем обвинялись в желании подорвать безопасность и процветание США; создать мир, несовместимый с американскими ценностями и интересами. Констатировалось, что Россия стремится восстановить статус великой державы и влияние вблизи своих границ.

Основные принципы внешней политики Америки, закрепленные в Стратегии национальной безопасности, стали определяющими для дальнейшего усиления негативного восприятия России в США. На слушаниях, посвященных обсуждению внешнеполитического курса Америки по отношению к РФ и оценке роли США в мире, образ страны наделялся такими характеристиками,

¹ Reinhart R.J. U.S. Public Sees Russia – Ukraine Conflict as Critical Threat [Электронный ресурс] // Gallup. 2022. Febr. 25. URL: <https://news.gallup.com/poll/390140/public-sees-russia-ukraine-conflict-critical-threat.aspx> (дата обращения: 01.05.2022).

² The United States, the Russian Federation and the Challenges Ahead [Электронный ресурс] : Hearing Before the Committee on the Foreign Relations. One hundred fifteenth Congress. First Session. 2017. Febr. 9 // Govinfo. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115shrg39736/pdf/CHRG-115shrg39736.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс]. 2017. Dec. // National Security Strategy Archive. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).

как «дурное влияние», «враждебность», «угроза». Во вступительном слове председатель комитета по международным отношениям Дж. Риш акцентировал внимание на том, что впервые со времен Второй мировой войны США сталкиваются с соперничеством великих держав, которое может разрушить существующий мировой порядок. Сенатор обвинял Россию в стремлении вернуть себе статус великой державы периода расцвета СССР и нежелании довольствоваться положением регионального игрока на международной арене¹.

В выступлении сенатора Р. Менендеса подчеркивалось, что «Россия является главным источником нестабильности и хаоса в мире и ищет возможности подрвать основополагающие американские ценности»². С. Хэдли также отмечал, что «Китай и Россия угрожают существующей международной системе и доминирующему положению США в мире»³. Американский политик утверждал, что ни одна другая страна в мире, кроме США, не сможет претендовать на роль мирового лидера, учитывая, что Европа занята решением внутренних проблем, а РФ или КНР не поддержат большинство стран мира.

Критика России на официальном уровне часто осуществляется и оправдывается идеей о превосходстве и исключительности США. Так, сенатор Р. Менендес подчеркивал, что американцы являются исключительной нацией и именно благодаря американским идеям и идеалам был создан мир, который служил интересам Америки и обеспечивал процветание демократических ценностей⁴. Имидж США как единственной сверхдержавы настолько укоренен в массовом сознании американцев, что, несмотря на признание факта возникновения новых игроков на международной арене, Соединенные Штаты воспринимают себя как страну с исключительным правом и предназначением определять мировой порядок, не считаясь с мнением других. Показательно высказывание П. Добрянски: «Выступая на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г., президент России В. Путин предупредил о новой эре конфронтации с Западом, заявив о прерогативе России "проводить независимую внешнюю политику"»⁵. Таким образом, России отказывают в законном праве реализовывать политику, отвечающую собственным национальным интересам. С «возрождающейся» страной, по мнению сенатора У. Бернса, «США придется выстроить отношения, играя в долгую игру... от острой конкуренции до ожесточенного соперничества»⁶.

На фоне снижения доверия со стороны европейских союзников к НАТО одной из задач, как подчеркивалось на слушаниях, посвященных оценке эффективности этой организации, стало укрепление единства Североатлантического альянса. По данным социологического опроса, проведенного в октябре 2017 г., 48 % американцев заявили о том, что НАТО делает недостаточно для решения мировых проблем⁷. Отмечалось ослабление поддержки лидерства США в НАТО рядом европейских стран⁸.

В возникновении разногласий между США и их союзниками в НАТО представители комитета обвинили Д. Трампа, подчеркнув, что он является первым американским президентом в истории НАТО, который поставил под сомнение обязательства защищать союзников от «российской угрозы». Рассуждая о ценности Североатлантического альянса и его значимости, США используют образ России как врага для оправдания существования НАТО. Так, Р. Хаас отмечал, что именно «угроза» России Западу выступает главной причиной существования НАТО. Р. Менендес указывал, что НАТО служит ключевым фактором в сдерживании российской мощи. Б. Коркер также говорил о том, что «сильный альянс необходим, особенно учитывая уровень агрессии

¹ Assessing the Role of the United States in the World [Электронный ресурс] : Hearing Before the Committee on Foreign Relations. United States Senate. One Hundred Sixteenth Congress. First Session. 2019. Febr. 27 // Govinfo. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-116shrg38613/pdf/CHRG-116shrg38613.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ The State of Democracy Around the World [Электронный ресурс] : Hearing Before the Committee on Foreign Relations. United States Senate. One Hundred Seventeenth Congress. First Session. 2021. March 10 // Govinfo. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-117shrg44045/pdf/CHRG-117shrg44045.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).

⁶ Assessing the Role of the United States ...

⁷ Fagan M. NATO is seen favorably in many member countries, but almost half of Americans say it does too little [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2018. July 9. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/07/09/nato-is-seen-favorably-in-many-member-countries-but-almost-half-of-americans-say-it-does-too-little> (дата обращения: 01.05.2022).

⁸ Ray J. NATO Summit: Damage control or wrecking ball for U.S. image [Электронный ресурс] // Gallup. 2018. July 10. URL: <https://news.gallup.com/opinion/gallup/236942/nato-summit-damage-control-wrecking-ball-image.aspx> (дата обращения: 01.05.2022).

со стороны России, невиданный со времен холодной войны»¹. Таким образом, представление России как угрозы и врага применяется во внешнеполитическом курсе Америки для обоснования значимости и целесообразности существования НАТО.

Удобным инструментом, который используется США для окраски образа России в негативные тона, является тема демократии. Как отмечал министр иностранных дел России С.В. Лавров, Саммит за демократию, состоявшийся в США в декабре 2021 г., был направлен на разделение мирового сообщества. Позиционируя США «эталон» демократии в мире, президент Дж. Байден заявил, что «США будут подавать пример, инвестируя в нашу собственную демократию, одновременно поддерживая наших партнеров по всему миру»². Страна, которую, по мнению США, угрожают построению демократии в мире, являются Россия и Китай. Выступая на слушаниях в комитете по международным отношениям и призывая США противодействовать антидемократическим режимам в мире, Р. Менендес утверждал, что именно «Пекин и Москва проводят глобальную авторитарную экспансию, применяя все более изощренные инструменты цифрового контроля»³. Сенатор Дж. Риш, указывая, что США остаются золотым стандартом демократии, обвинял РФ и КНР в использовании драконовских законов против НКО, ограничивающих способность Америки поддерживать гражданское общество.

Идея демократии применяется не только как инструмент для нагнетания негативных представлений о России, она встроена во внешнеполитическую стратегию Америки для оправдания лидерства США и реализации их интересов. Кроме того, акцентируя внимание на «антидемократических» проявлениях внутри других государств и беря на себя роль примера для подражания, Соединенные Штаты отвлекают население от собственных проблем. Например, по данным социологических опросов, 59 % американцев в 2019 г. были недовольны тем, как функционирует демократия в Америке⁴.

Обсуждая российскую тематику, политические деятели США персонифицируют образ страны. Так, главной причиной неудач «продвижения демократии», несмотря на самую крупную экономику в мире, огромные инвестиции в вооруженные силы и «мягкую силу», М. Олбрайт считала именно президента России и его военное прошлое⁵.

Сформированный в США враждебный образ России как угрозы и агрессора является ответной реакцией Америки на стремление РФ проводить самостоятельную внешнюю политику и реализовывать свои национальные интересы. Позиционируя Россию как угрозу США и мировому порядку, Америка, руководствуясь идеей о превосходстве и исключительности, таким образом наделяет свой внутренний образ положительными характеристиками. Одновременно нагнетание негативных представлений о России, в основе которых лежат стереотипы времен холодной войны, используется как способ оправдания стремлений США играть роль мирового гегемона, игнорируя нормы и правила международных отношений.

Список источников:

Абукарова М.У. Россия и США: актуальные проблемы во взаимоотношениях // Вестник науки. 2022. Т. 4, № 3 (48). С. 154–157.

Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012. 1136 с.

Казанцев Н.П. Взаимоотношение США и России в период 1917–1988 гг. // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 2 (47). С. 70–88.

Курилла И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаим(не)понимания России и США. М., 2018. 417 с.

Хубулава Н.М. Проблемы взаимоотношений США и России (в условиях экономических санкций Запада) // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. № 5. С. 174–180.

¹ Assessing the value of the NATO Alliance [Электронный ресурс] : Hearing Before the Committee on Foreign Relations. United States Senate. One Hundred Fifteenth Congress. Second Session. 2018. Sept. 5 // Govinfo. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115shrg40165/pdf/CHRG-115shrg40165.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).

² Remarks at the Virtual Summit for Democracy Opening Session [Электронный ресурс] / Administration of Joseph R. Biden, Jr. 2021. Dec. 9 // Govinfo. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-202101034/html/DCPD-202101034.htm> (дата обращения: 01.05.2022).

³ The State of Democracy ...

⁴ Wike R., Schumacher Sh. Democratic Rights Popular Globally but Commitment to Them Not Always Strong [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2020. Febr. 27. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/02/27/satisfaction-with-democracy> (дата обращения: 01.05.2022).

⁵ The State of Democracy ...

References:

- Abukarova, M.U. (2022) Russia & USA: current relationship problems. *Vestnik Nauki*. 4 (3), 154–157. (In Russian)
- Kazantsev, N.P. (2019) The relationship between the United States and Russia in the period 1917–1988. *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. (2), 70–88. (In Russian)
- Khubulava, N.M. (2015) Relationship problems USA and Russia (in terms of the economic sanctions of the West). *Herald of the University of Russian Academy of Education*. (5), 174–180. (In Russian)
- Kurilla, I. (2018) Sworn Friends. History of Opinions, Fantasies, Contacts, Mutual (mis)Understanding of Russia and the USA. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian)
- Zhuravleva, V.I. (2012) Understanding Russia in the United States: Images and myths, 1881–1914. Moscow, RGGU. (In Russian)

Информация об авторе

А.А. Ищенко – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1053145.

Information about the author

A.A. Ishchenko – PhD in History, Associate Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1053145.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 142–147.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 142–147.

Научная статья

УДК 930.85

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.21>

Опыт визуализации Иерусалима (свой-чужой в центре мира)

Андрей Михайлович Лотменцев

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия, avlot@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется визуальная репрезентация Иерусалима, способы описания этого города в текстах паломников, то, каким образом выделялась часть города, подлежащая описанию. Затрагиваются также вопросы сложности восприятия создателями текстов города в целом. Рассматривается аспект визуальной реконструкции города в модели и попытки создания «широкого пространства», воссоздающего не только город Иерусалим, но и города вокруг него. Ставятся вопросы о задачах такой реконструкции, о политических целях подобных действий; о том, почему участие в судьбе Иерусалима было важно для верующих из разных слоев общества. Стремление к Иерусалиму рассматривается как отчасти вынужденная реакция к «овладению Священным». Представлен краткий анализ трансляции образа Иерусалима в Москву, Париж, Белград, Лондон, Мцхету. Исследуются мотивы этих действий. Приводится также перечень исторических лиц, занимавшихся иконизацией святого города, с указанием мотивов их действий.

Ключевые слова: город, Иерусалим, топография, средние века, паломничество, Белград, Мцхета, Лондон

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта «Град земной и град небесный: средневековый город как зеркало Иерусалима» при поддержке ПСТГУ и фонда «Живая традиция».

Для цитирования: Лотменцев А.М. Опыт визуализации Иерусалима (свой-чужой в центре мира) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 142–147. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.21>.

Original article

The experience of visualizing Jerusalem (on being a friend or foe in the center of the world)

Andrey M. Lotmentsev

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia, avlot@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the visual representation of Jerusalem, the ways of describing this city in the texts of pilgrims. The author touches upon the issues of the complexity of the perception of the city as a whole by the creators of texts. The article also considers the issue of visual reconstruction of the city in the model and attempts to create a “wide space” that recreates not only the city of Jerusalem, but also the cities around it. Questions are raised about the tasks of such reconstruction, why participation in the fate of Jerusalem was important for believers from different walks of life. The longing for Jerusalem is seen as partly a forced reaction to “possession of the Holy”. A brief analysis of the transmission of the image of Jerusalem to Moscow, Paris, Belgrade, London, Mtskheta is presented. The motives of these actions are investigated. There is also a list of historical figures involved in the iconization of the holy city, indicating the motives for their actions.

Keywords: city, Jerusalem, topography, Middle Ages, pilgrimage, Belgrade, Mtskheta, London

Funding: the article was prepared within the framework of the project “Earthly city and heavenly city: a medieval city as a mirror of Jerusalem” with the support of Saint Tikhon's Orthodox University and the Living Tradition Foundation.

For citation: Lotmentsev, A.M. (2022) The experience of visualizing Jerusalem (on being a friend or foe in the center of the world). *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 142–147. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.21](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.21) (In Russian).

По замечанию Умберто Эко, «следует задаться вопросом, а не является ли то, что мы имеем коммуникацией, просто совокупностью каких-то побуждений, стимуляцией» (Эко, 1998). В случае с Иерусалимом попытки наладить визуальную коммуникацию паломников с городом и его объектами, а также воспроизвести топонимику и топографию «известного» города предпринимались с IV в., а с учетом ветхозаветных усилий евреев восстановить город после вавилонского нашествия – намного раньше. В романе Александра Иличевского «Чертеж Ньютона»¹ герой

¹ Иличевский А.В. Чертеж Ньютона. М., 2020.

медленно приближается к своей сверхзадаче: воспроизвести тотальный визуальный образ древнего Иерусалима, спроектировав его на Иерусалим современный. По отношению к такому объекту, как Иерусалим, наблюдатель неизменно оказывается в сложном положении.

Историческая судьба этого города чрезвычайно сложна, поскольку даже важнейшие объекты города многократно уничтожались, перестраивались и интерпретировались с разных конфессиональных точек зрения. Сам город предьявлял себя грандиозной иконой, апофеозом Священного и представлял неизвестным перед самыми утонченными знатоками.

Расширить границы Иерусалима в науке удалось А. М. Лидову и Научному Центру восточно-христианской культуры. А. М. Лидов смог аккумулировать усилия ученых, которые исследовали феномен «переноса Иерусалима» с самых разных точек зрения, выявили малоизвестные «иерусалимские проекты» в самых неожиданных хронотопах (например, Лидов, 2019). В целом можно сказать, что проекты грузинских царей, английских королей и сербских деспотов были скорее скоротечными и не принесли их творцам тех политических бонусов, на которые они рассчитывали.

Исторически Иерусалим выступал объектом притяжения завоевателей: арабы, Фатимиды, крестоносцы, Османы были выгодополучателями подобной экспансии. Очевидно, что попытки захвата Иерусалима чаще всего объяснялись соображениями престижа, иногда – исключительно финансовыми затруднениями правителей. Палестина и Иерусалим в частности были камнем преткновения для создания исламского халифата, объединявшего Африку, Египет, Сирию и Ирак. Мусульмане воспринимали город следующим по значимости после Мекки; для многих из них Иерусалим был чем-то большим, чем «младшей сестрой» Мекки, города Каабы.

Установление контроля над Иерусалимом династией Османов стала окончанием надежд на успех Крестовых походов. При невозможности контроля над городом паломники стремились стать хотя бы зрителями иконы. Идея иконы как гигантской модели время от времени воплощалась, например в такие грандиозные комплексы, как Новый Иерусалим патриарха Никона, ведь зритель также включался в качестве наблюдателя в мир-систему Палестины (небольшое хищение у И. Валлерстайна).

Зададимся вопросом, почему соучастие в судьбе Иерусалима было настолько важно для верующих. Доиндустриальное общество синонимично крестьянскому. Понятия о святости земли неизбежно должны были сохраняться у всех крестьян, будь то русские, французы или англичане. «Почвенность» христиан имела все же свою специфику. Если для жителей Святой Земли события, описанные в Библии, были во многом понятны в отношении природно-климатическом, то жители Севера вынужденно смотрели на те же события глазами марсиан. Это может показаться преувеличением, но следует учитывать замкнутость крестьянских общин Средневековья. Для их обитателей даже соседняя крестьянская община могла представляться иным миром. Столь же удаленная Святая Земля была иномирной безусловно.

Следует учитывать и еще один фактор. Если китайские или японские крестьяне, для того чтобы полноценно существовать в психологическом плане, обустраивали свои малые мидгарды многочисленными покровителями общин, всходов (вспомним вечно покровительствующего Тоторо и его окружение от Х. Миядзаки), то европейские крестьяне оказались в положении объекта борьбы Единого, бесконечно далекого Бога и местных покровителей. Эта естественность местных культов объясняет то, что даже в XVI в. в Италии могли появляться такие явления, как *benandanti* К. Гинзбурга.

А.В. Подосинов¹ отмечал традиционность представления о Срединной земле для многих культур, от Китая до Индии (Подосинов, 1999). Сказывались как воспоминания об экономической и политической состоятельности древних государств, так и влияние религиозного фактора. Действительно, трудно представить культуру, в которой не обсуждался бы центр мира, будь то античная или дальневосточная практика. Но вопрос о центре мира был актуален для Аполлодора, Иеронима Стридонского, Сыма Цяня. Для корейского крестьянина или чукотского охотника на китов вопрос о центре мира не стоял. Во всей простоте он был *right here and now*.

Так же обстояло дело и для жителей Иерусалима. Уже евреи, осевшие в Египте, вынужденно искали альтернативу Разрушенному Храму, создавая постройки в Элефантине². В еще более сложном положении оказывались христиане, проживавшие вдали от Палестины. Неизбежно должны были появиться альтернативные центры (Иерусалим к тому же был разрушен Титом Флавием).

¹ К 70-летию юбилею Александра Васильевича Подосинова // Вестник древней истории. 2020. № 2. С. 536–537.

² Иерусалим в веках: в 10 ч. Открытый Университет, 1997–1998. Ривка Нир. От Иевусейского города к столице Израиля. Часть 1. 1997. С. 57–60.

Сначала таким центром для христиан стал Рим со значительной еврейской общиной уже во времена Юлия Цезаря. Затем эту роль принял на себя Константинополь, альтернативой которому пыталась выступить Александрия. Эта борьба, видимо, способствовала ослаблению Империи и предопределила (с многими оговорками) характер раннего Средневековья. Для нас важно, что Иерусалим пришлось воссоздавать заново. Как писал А. М. Лидов, «наблюдатель, обладающий определенным духовным опытом и знаниями, в некотором смысле участвует в создании данного пространственного образа» (Лидов, 2006). Так наблюдатель Нового Иерусалима наблюдал, в сущности, не скромную попытку воспроизвести парковый Иерусалим, а становился частью мир-системы *sub specie Dei*.

Основной проблемой стало отделение священного от светского. При этом священное мыслилось преимущественно как прошлое-в-настоящем, фиксированное в Писании. Но если текст Писания воспринимался как неизменный, хотя его переводы определенно таковыми не являлись, паломник, прибывший в Иерусалим, оказывался в очень непростой ситуации, ведь христианский Иерусалим оказывался для него частью города, контролируемого мусульманами, а во второй половине XX в. – светским еврейским государством. Как зритель Священного он сталкивался с ситуацией, которая совершенно не соответствовала такому положению. В лучшем положении были разве что паломники времен Крестовых походов, когда мусульманам приходилось проявлять некоторую осторожность, когда их допустили обратно после легендарной резни Первого похода.

Что же происходит, если наблюдатель Священного сталкивается с визуальной катастрофой? Случаем, когда в сакральном месте он не может не замечать нарушения сакральности? Одна монахиня православного монастыря рассказала, что, сопровождая паломническую группу, она столкнулась с религиозным евреем, направлявшемся к Стене Плача. Увидев христиан, он сел на землю и заплакал – мир Священного был для него разрушен, по крайней мере в тот день. Можно вспомнить и дискуссии, уже не относящиеся напрямую к Иерусалиму, по поводу панк-молебна Pussy Riot в храме Христа Спасителя.

«Центральность» Иерусалима в итоге заставила ряд древних авторов провести параллели между ним и Эдемом, а также открыла способ соотнесения с ним последующих политических и религиозных центров, т. е. выстраивание рядов вроде Эдем–Иерусалим–Вавилон–Рим–Константинополь–Москва–Новый Иерусалим. Появляется некий конструктор логосов. Ведь очевидно, что Рим не равен Константинополю и тем более Москве. История христианства свидетельствует о том, что сама стратегия переноса является во многом системообразующей. Перенос при этом выступает важнейшим средством религиозной символической экспансии.

Безусловно правители также стремились продлевать символические ряды, создавая новые столицы и смыслы. Так, Петр Первый, вряд ли помнивший об идее Никона, выстроил на месте его проекта Санкт-Петербург с Александро-Невской лаврой, заменившей Новый Иерусалим. Во Франции Людовик Святой переносом важнейших святынь христианства и строительством Святой Шапели, безусловно, подверг Париж такому апгрейду, после которого он мог соперничать с переживающим кризис Константинополем, откуда и были получены артефакты. В английском Вестминстере также предпринимались такие попытки.

Пока мы наблюдаем устремления в Иерусалим только королей и патриархов. Сохранились ли свидетельства интереса к иерусалимской теме горожан или крестьян? Не даст ли ответ на этот вопрос англичанин Джеффри Чосер? Персонаж его «Кентерберийских историй» «славная жена» из Бата (*a good wif was ther of biside Bathe*), дама, выдающаяся во всех отношениях, пусть и не благородного происхождения, трижды побывала в Иерусалиме (*and thries hadde she been at Jerusalem*), не говоря о Сантьяго де Компостелле, Булони, Риме и Кельне. Читатель сталкивается с ней на дороге в Кентербери. Безусловно, география путешествий этой дамы значительна, но что значат три ее путешествия в Иерусалим? Можно лишь предполагать связь с судьбами ее мужей, но сам факт, что она побывала в Иерусалиме трижды, будучи при этом простой ткачихой из окрестностей Бата, говорит об очень многом. В кентерберийском путешествии мы видим ее в компании, но без особого сопровождения. Вероятно, ее путешествия в Иерусалим проходили в сходном окружении. Если рядовая труженица английской глубинки в XIV в. могла позволить себе такие перемещения, можно только догадываться, насколько будничной была подобная ситуация для клириков и монахов многочисленных орденов!

Людовик IX счел, что собора Парижской Богоматери недостаточно и построил Сент-Шапель. Сербь уже после Косовской битвы необдуманно объявили Иерусалимом Белград. Кристоф Харант, христианский паломник из Праги, увидел сходство между храмом Гроба Господня и вполне готическим собором св. Вита в Праге, посетив в 1598 г. Иерусалим. Но ведь еще Карл Люксембург уподоблял св. Вацлава Христу, а Прагу – Иерусалиму. Армяне и грузины взялись за подобные переосмысления и аналогии гораздо раньше, едва ли не до Константина Великого; русские позже, но основательно, когда сам патриарх Московский Никон взялся за строительство

Нового Иерусалима. Сделано было много, но патриарх впал в немилость, царь подумал, что хотя «перенять у него славу» и приказал про «сие забыть».

М. Чхартисвили подробно рассуждает о Мцхете, как о месте, воплотившем многие черты Небесного Иерусалима. Как отмечает исследователь, иератопия А. Лидова позволяет разграничить замысел божественный и человеческий, делая процесс создания сакрального пространства более доступным для научного анализа. «Стремление светских и церковных иерархов... перенести святость Иерусалима на новое место и <...> воссоздать равносильную сакральную среду» объясняется попыткой «узурпировать» реальность иерофании и транслировать ее на новое место (Чхартисвили, 2009). Уникальность Мцхеты, в отличие от довольно многочисленных так называемых Новых Иерусалимов, в том, что попытка воссоздать его осуществлена задолго до аналогичного опыта Белграда, Парижа и Москвы.

Масштабный имперский проект в христианской среде в средние века был немислим без упоминаний о Иерусалиме, Риме и Константинополе. Помимо проекта «Москва – третий Рим» в славянской среде отметим «белградский проект», который отличался скоротечностью, будучи реализованным уже после Косовской битвы. По замечанию Е. Эрделян, после гибели Лазаря Хребельяновича, казалось бы, поставившей точку на суверенности Сербии, его сын Стефан довольно успешно удерживал власть, достигнув ряда договоренностей с султаном Баязидом и осуществив широкую программу репрезентации своего могущества. Есть основания полагать (труды Константина Философа), что Белград репрезентировался в то время, как универсальный центр и Новый Иерусалим, что, по Е. Эрделян, подразумевает сублимацию времени и пространства, слияние неба и земли, подобно тому, как Иерусалим был реализован в Царьграде-Константинополе (Erdeljan, 2017). Вновь мы видим, что Иерусалим представлял основной тоpos средневековой цивилизации, абсолют, нуклеус, центр, *umbilicus mundi*, начало и конец.

Новый Иерусалим был сооружен патриархом Никоном в подмосковной Истре в целях воспроизведения священной топографии Палестины. По мнению Г. М. Зеленской, он являет собой пространственную икону Священных мест¹. Каким же образом было возможно воспроизведение Иерусалима?

Распространение с конца XVI в. получают разборные модели храма Воскресения Господня, Кувуклии Гроба Господня и Вифлеемской базилики Рождества Господня в основном благодаря деятельности францисканцев. В 1649 г. иерусалимский патриарх Паисий привез в Москву подробный чертеж города. Карты Иерусалима распространяются по всей Европе, причем храм Гроба Господня нередко ставился в центре таких карт. Известна гравюра Рейвиха «Государство Иерусалим» из книги Бернарда фон Брейденбаха «Путешествие в Святую Землю».

В проекте патриарха Никона копией храма Гроба Господня должен был стать Воскресенский собор Нового Иерусалима; было задумано создание максимально близкого приближения к подлиннику, своего рода иконы храма. Вокруг него располагались (по Николаасу Витсену) Вифлеем, Кана, Елеон, Гефсиманский сад, причем Витсен пишет о правильно выдержанном расстоянии от них, чего планировщики Никона, вероятно, не могли себе позволить². Известно, что главным источником при обмерах служил «Проскинитарий» Арсения Суханова, умершего в 1668 г., полгода жившего в Иерусалиме и описавшего достопримечательности Святой Земли в 1650-х гг. Будучи келарем Троице-Сергиева монастыря он исполнял ряд поручений Никона и в частности собрал большую библиотеку в Афонском монастыре.

Само спасение человечества воспринимается как последовательность действий, возможно, абсурдных для обычного восприятия, но имеющих внутренний смысл для субъекта. Это поиск центра мира, которым оказывается в итоге Иерусалим. В фильме Питера Гринуэя «Прогулка через Эйч: Реинкарнация орнитолога» (1978) авторский голос за кадром рассказывает о путешествии по некоторым из 92 карт, состоящих из более чем 1400 листов, по которым неизменно проходит красная линия. Эти карты были переданы неким Тульсом Люпером, возможно, альтер эго автора, узнавшим о его болезни. Результатом стал фильм, в центре которого продвижение к некоему городу Н, которым может быть как Иерусалим, так и другой совершенно неизвестный город. Подобный «путь к раю» был описан Петером Корнелем в известном труде «Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи», предисловие к которому было не случайно написано Милорадом Павичем, прекрасным знатоком Белграда, как помним, одного из многих Иерусалимов. Многочисленные параллели с горой Сент-Виктуар Сезанна, идеей Иерусалима как колыбели человечества, куда оно обязательно вернется, сама идея города как универсального

¹ Зеленская Г. М. Новый Иерусалим: Путеводитель. М., 2003. С. 95–98.

² Там же. С. 84–92.

пространства, ее преломление французскими сюрреалистами повлияли на многих урбанистов и современных гностиков¹. Идеи движения и визуализации оказываются тесно взаимосвязанными.

Как мы увидели, под проектами (возможно множественное число) Нового Иерусалима подразумевается, как принято говорить, трансляция, иначе говоря, передача визуального образа. Безусловно, самые утопически настроенные трансляторы осознавали, что Москва не Рим и не Иерусалим в собственном понимании (как Новгород равен Ярославлю или Иерусалим пригороду современного Стамбула в непосредственно археологическом плане у академика Фоменко). Как отмечает А. М. Лидов, скорее речь идет о попытке создать идеальный слепок или пространственную икону. С. С. Аванесов пишет, что образ – это «во-первых, “отражение” реальности или “указание” на реальность (знак, “обозначающее”); такая позиция в конечном итоге означает, что сам образ – не реальность, а только семиотически значимый “посредник” между реальным человеком (“реципиентом”) и реальным миром (“обозначаемым”) <...> Во-вторых, образ – это вся реальность; он ни на что не указывает, кроме себя самого <...> в-третьих, образ – это органический и неустрашимый “аспект” реальности, которая, в свою очередь, включает в себя и необразные (невизуальные) характеристики и объекты. <...> входит в самую реальность культуры и, следовательно, в самую суть человеческого способа быть» (Аванесов, 2015).

Третий аспект «образа», вероятно, наиболее холистичен. И именно с ним работал патриарх Никон, никогда в Иерусалиме не бывавший. Безусловно, задача была не из легких. Исходя из указаний «Проскинитария» и имеющихся возможностей, Никон выбрал место к северо-западу от Москвы. Можно только догадываться, действительно ли изгиб реки Песчанки напоминал патриарху планы Кувуклии. Сыграло роль и то, что вокруг было немало объектов, потаенно осуществлявших функции воспроизведения Святой Земли (собственно Звенигород, располагавшийся к юго-востоку от Нового Иерусалима). Таким образом, Иерусалим Никона предстояло вписать в уже имевшуюся Русскую Палестину. Так, Саввино-Сторожевский монастырь воспроизводил подвиг св. Саввы Освященного, родоначальника палестинского монашества. Проект Никона был одобрен царем Алексеем Михайловичем в 1657 г. Можно сказать, что Никон освятил Русь, создавая новую особую икону Иерусалима, как сам Иерусалим IV в. стал иконой, созданной императором Константином и его матерью Еленой; Иерусалима времен Иисуса Христа и Ирода.

Далеко не все паломники писали отчеты о путешествиях в Святую Землю, но подобный жанр явно пользовался большим успехом. Одно из типичных (в хорошем смысле) произведений этого жанра – «Путешествие Николая Радзивилла», имеющее много общего с «Проскинитарием» Арсения Суханова. Князь Николай, ветеран Ливонской войны, получивший ранение при осаде Пскова, решает лечиться в Германии, но малый успех лечения заставляет его решиться, несмотря на некоторые колебания, на паломничество в Палестину, о чем он сообщает папе римскому. В путешествии его сопровождало восемь человек, в том числе повар и доктор. Князь подробно рассказывает о своем путешествии с самого начала. Радзивилл отправился из своего замка Несвиж, Если Арсений Суханов шел «русским путем» от Москвы до Константинополя, то Радзивилл решает сначала отправиться в Италию, чтобы посетить Рим. Вообще же до Петровского времени авторы вполне могли начинать свое описание путешествия именно Константинополем. Таким образом они сразу начинали описывать священное иномирное пространство, что не всегда понимали «патриотически» настроенные критики этого жанра (Федорова, 2014).

Какой же виделся Радзивиллу Иерусалим? Уже то, через какие ворота вступал в город паломник, было немаловажно. Обычно паломники останавливались в монастырях, но были возможны и необычные варианты. Центром паломничества, безусловно, был храм Воскресения. Радзивилл выделяет разделы о приделах храма; всего же он побывал здесь три раза. Сам Радзивилл не сосредотачивается на описании мест, в его поле зрения действия паломников: что у них в руках свечи, что они шли по двое. Радзивилл описывает именно движение от одной стоянки до другой. Но не будем вдаваться в подробный пересказ итинерария. В любом случае это рассказ об улицах Иерусалима, по которым путешествовал литовский магнат. Он прошел по *Via Dolorosa* (Федорова, 2014), причем интересно, что францисканский монах Бонифаций Рагузский обозначал так именно шествие пилигримов по Иерусалиму).

Количество остановок на крестном пути отличалось от современного. И все же Радзивилл отмечает количество мечетей, как ранее он первым в паломнической литературе описал сфинкса перед пирамидами в Гизе и мумии. Он проявляет интерес и к природе Святой Земли. В этом можно увидеть как результат прекрасного образования князя Николая Радзивилла, так и то, что он воспитывался в протестантской традиции, чтобы изменить ей с католической.

Итак, что же есть Иерусалим? Современная, не всеми признанная столица Израиля. Город, на протяжении веков неоднократно подвергавшийся насилию, со сменой парадигм и населения.

¹ Корнель П. Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи. СПб., 1999. 176 с.

Образ Небесного града, манипуляции с которым стали искусством для многих правителей и глав церквей. Попытки перенести Иерусалим и нострифицировать его проводились еще халифами, которые могли работать не с идеей, а с местностью. Стефан Лазаревич и патриарх Никон, не говоря о древних грузинских и армянских правителях выстраивали иконические Иерусалимы во вверенном им пространстве, как и многие аббаты монастырей. Прихожане мечтали унести Иерусалим с собой или приобретали его изображение в иконе. Многие пытались переселиться поближе к Иерусалиму во времена крестовых походов, что повлияло на саму историю Палестины. В ряде случаев воспроизводился не только Иерусалим, но и многие объекты Святой Земли, связанные с земной жизнью Иисуса Христа, а иногда и всей историей еврейского народа.

Список источников:

- Аванесов С. С. Предметная сфера и эпистемическая структура визуальной антропологии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. Вып. 1 (3). С. 17–18.
- Воздух и Небеса в иеротопии и иконографии христианского мира. Материалы международного симпозиума / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2019. 168 с.
- Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006. С. 23.
- Подосинов А. В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. 718 с.
- Федорова И. В. «Путешествие в Святую Землю и Египет» князя Николая Радзивилла и восточнославянская паломническая литература XVII – начала XVIII в. СПб., 2014. С. 81.
- Чхартишвили М. Мцхета как Новый Иерусалим: иератопия «Жития св. Нино» // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А. М. Лидов М., 2009. 131–150.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. А. Г. Погоняйло. СПб., 1998. С. 206.
- Erdeljan Jelena. Chosen Places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa. Brill, 2017. <https://doi.org/10.1163/9789004345799>.

References:

- Avanesov, S. S. (2015) Predmetnaya sfera i epistemicheskaya struktura vizual'noy antropologii [Objective sphere and epistemic structure of visual anthropology]. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 1 (3), 17–18. (in Russian)
- Chkhartishvili, M. (2009) Mtskheta kak Novyy Iyerusalim: iyeratopiya "Zhitiya sv. Nino" [Mtskheta as New Jerusalem: Hieratopia of the "Life of St. Nino"]. Lidov, A. M. (ed.) *Novyye Iyerusalimy. Iyerotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv*. Moscow, Indrik, 131–150. (in Russian)
- Eko, U. (1998) Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu [Missing structure. Introduction to semiology]. Translated by Pogonyailo, A. G. St. Petersburg, *Petropolis*, 206. (in Russian)
- Erdeljan, Jelena (2017) Chosen Places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa. Brill. Available from: [doi:10.1163/9789004345799](https://doi.org/10.1163/9789004345799).
- Fedorova, I. V. (2014) "Puteshestviye v Svyatuyu Zemlyu i Yegipet" knyazya Nikolaya Radzivila i vostochnoslavlyanskaya palomnicheskaya literatura XVII – nachala XVIII v. ["Journey to the Holy Land and Egypt" by Prince Nikolai Radziwill and East Slavic pilgrimage literature of the 17th – early 18th centuries]. St. Petersburg, *Pushkinskiy dom*, 81. (in Russian)
- Lidov, A. M. (2006) Iyerotopiya. Sozdaniye sakral'nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniya [Hierotopia. Creation of sacred spaces in Byzantium and Ancient Russia]. Lidov, A. M. (ed.) *Iyerotopiya. Sozdaniye sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi*. Moscow, 23. (in Russian)
- Lidov, A. M. (ed.) (2019) Air and Heavens in the Hierotopy and Iconography of the Christian World. Material from the International Symposium. Moscow, *Theoria*, 168 p. (in Russian)
- Podosinov, A. V. (1990) Ex oriente lux. Orientation According to sides of the world in archaic cultures of Eurasia, Moscow, *Yazyki russkoy kultury*, 960 p. (in Russian)

Информация об авторе

А. М. Лотменцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент, кафедры всеобщей истории и историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=370469.

Information about the author

A.M. Lotmentsev – PhD in History, Associate Professor; Department of General History of the Faculty of History and Philology, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=370469.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 148–154.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 148–154.

Научная статья
УДК 94(47:510)“1985/1991”
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.22>

Советско-китайское экономическое сотрудничество в период перестройки (1985–1991 гг.): исторический аспект

Белла Анатольевна Ночвина¹, Александр Евгеньевич Смирницкий²,
Нина Владимировна Старикова³

¹Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, bella.nochtvina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0772-9817>

^{2,3}Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород, Россия

²Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия

²ya.alex-smir1974@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0352-8823>

³ninast78@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6631-0296>

Аннотация. Исследование посвящено актуальной проблеме экономического взаимодействия СССР и КНР в период модернизации их политических и экономических систем. При общности процесса политической деидеологизации авторами отмечена специфика реализации стратегий национального экономического развития в изменившейся геополитической ситуации. Обозначены предпосылки, определившие основные направления и характерные черты экономического сотрудничества двух стран в период перестройки, выявлены особенности их экономического взаимодействия на рассматриваемом этапе. В статье прослежена динамика развития отношений СССР и КНР в условиях системной модернизации, указаны их ключевые проблемные точки. Сделан вывод о значении торгово-экономических советско-китайских отношений в период перестройки для стабилизации экономики России на постсоветском этапе. Показана эффективность концепции «четырёх модернизаций», оказавшейся более адаптированной к изменившимся геополитическим реалиям.

Ключевые слова: СССР, КНР, экономика, торговля, перестройка, концепция «четырёх модернизаций», сотрудничество, мировой рынок

Для цитирования: Ночвина Б.А., Смирницкий А.Е., Старикова Н.В. Советско-китайское экономическое сотрудничество в период перестройки (1985–1991 гг.): исторический аспект // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 148–154. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.22>.

Original article

Sino-Soviet economic cooperation in the “Perestroika Period” (1985–1991): historical aspect

Bella A. Nochvina¹, Alexander E. Smirnitsky², Nina V. Starikova³

¹Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia, bella.nochtvina@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0772-9817>

^{2,3}Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia

²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia

²ya.alex-smir1974@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0352-8823>

³ninast78@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6631-0296>

Abstract. The study focuses on the topical issue of economic interaction between the USSR and the PRC during the modernization of their political and economic systems. With the generality of the process of political deideologization, the authors noted the specifics of the implementation of national economic development strategies in the changed geopolitical situation. The authors identify the prerequisites that determined the main directions and characteristic features of economic cooperation between the two countries during the period of “perestroika”, and identify the features of their economic interaction during the period under study. The article traces the dynamics of the development of relations between the USSR and the People’s Republic of China in the context of systemic modernization, identifies their key problem points. The conclusion is made about the importance of trade and economic relations between the Sino-Soviet period of “perestroika” for the stabilization of the Russian economy in the post-Soviet period. The concept of “four modernizations” is shown to be effective and has proved more adaptable to the changed geopolitical realities.

Keywords: USSR, China, economy, trade, “perestroika”, “the concept of four modernizations”, cooperation, world market

For citation: Nochvina, B.A., Smirnitsky, A.E. & Starikova, N.V. (2022) Sino-Soviet economic cooperation in the “Perestroika Period” (1985–1991): historical aspect. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 148–154. Available from: doi:10.24158/fik.2022.5.22 (In Russian).

Опыт советско-китайского экономического сотрудничества в период перестройки уникален. После долгих лет конфронтации, в условиях системного кризиса за короткий промежуток времени Советскому государству удалось наладить с КНР прочные и устойчивые экономические связи, которые сохранились и приумножились в постсоветской России. С их помощью стало возможным удержать на плаву многие отрасли народного хозяйства РФ.

Уникальность опыта экономического сотрудничества СССР и КНР в обозначенный период определяется также двойственностью и противоречивостью внешнеполитического курса двух стран в отношении друг друга. В действительности существенные сдвиги в разрешении многих системных проблем во взаимодействии обоих государств были достигнуты лишь в начале XXI в.

Общими тенденциями во взаимоотношениях СССР и КНР выступали деидеологизация политики и стремление использовать момент примирения для реализации национальной стратегии экономического развития. В целом концепция «четырёх модернизаций»¹, разработанная руководством КНР в конце 1970-х гг., в отличие от реформ М.С. Горбачева была более социально-политически сбалансирована и выдвигала четкие критерии для осуществления стратегии экономического роста в новых геополитических реалиях.

Цель данной статьи – выявить и исследовать основные особенности развития советско-китайского экономического сотрудничества в период перестройки. Для ее реализации поставлены следующие задачи:

1) охарактеризовать предпосылки советско-китайского экономического сотрудничества в период перестройки;

2) дать оценку определяющим направлениям советско-китайского экономического сотрудничества в 1985–1991 гг.;

3) выявить главные проблемы сотрудничества и проанализировать их причины;

4) проследить динамику развития советско-китайских отношений в условиях реализации национальных концепций модернизации.

К началу перестройки советско-китайское экономическое сотрудничество имело немалый опыт. В период становления КНР Советский Союз оказывал этой стране всестороннюю помощь, в том числе экономическую. После подписания в 1950 г. советско-китайского Договора о дружбе и взаимопомощи² СССР внес огромный вклад в процесс создания современной промышленности КНР: гидроэлектростанции «Фэнмань», Аньшаньского металлургического комбината и др. Научно-технический фундамент индустриализации Китая сформирован при участии советских специалистов.

Разрыв союзнических отношений серьезно отразился на экономике КНР. В начале 1960-х гг. СССР в одностороннем порядке отозвал своих специалистов из КНР, лишив тем самым китайскую промышленность ценных кадров и поставив под угрозу закрытия множество предприятий. 16 июля 1960 г. Н.С. Хрущев затребовал назад всю техническую документацию, необходимую для возводимых с помощью СССР объектов. С 28 июля по 1 сентября 1960 г. на родину выехали 1 390 советских инженеров и техников. Строительство более чем 250 крупных и средних объектов КНР либо полностью прекратилось, либо приостановилось (Панцов, 2013: 253–254). Подобные действия руководства СССР не только были негативно восприняты в КНР, но и существенно осложнили перспективу нормализации отношений в будущем.

Длительный период конфронтации (1962–1989 гг.) привел к масштабному свертыванию советско-китайского экономического сотрудничества. Тем не менее экономические и торговые связи сохранялись как на макро-, так и на микроуровнях. Например, годом фактического восстановления приграничной торговли между КНР и СССР считается 1983-й, в то время как официальные межгосударственные отношения между двумя странами были напряженными.

В феврале 1978 г. в соответствии с решениями XI съезда КПК в Конституцию КНР были внесены некоторые изменения, где СССР был назван «первым среди врагов Китая»³. В начале

¹ Устав Коммунистической партии Китая = 中国共产党章程 [Электронный ресурс] : принят на XII съезде КПК в 1982 г. // Cpc.people.com.cn : официальный сайт истории КПК КНР. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64565/65448/6415129.html> (дата обращения: 29.04.2022).

² Советско-китайские отношения. 1917–1957 : сб. док. / отв. ред. И.Ф. Курдюков и др. М., 1959. С. 221.

³ Спицын Е.Ю. Брежневская партия. Советская держава в 1964–1985 гг. : книга для учителей, преподавателей и студентов. М., 2021. С. 530.

апреля 1979 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) проголосовал против пролонгации Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР, который был заключен 14 февраля 1950 г. Смена власти в КНР после смерти Мао Цзэдуна вовсе не означала отказ Китая от концепции «трех миров» во внешнеполитическом курсе.

Улучшение торговых отношений между КНР и СССР произошло в 1986 г., а в конце 1980-х гг. СССР стал одним из пяти главных торговых партнеров Китая, наряду с США и Японией. Как отмечает китайский историк Чжан Чжунъюнь (1988), большую роль в развитии советско-китайских экономических контактов сыграл М.С. Горбачев, смело отбросивший идеологические стереотипы прошлого. В эпоху перестройки благодаря дипломатической поддержке Советского Союза КНР смогла заключить выгодные долгосрочные торговые соглашения со странами СЭВ.

Уже в 1986 г. оборот приграничной торговли между СССР и КНР составил 30 млн швейцарских франков, в 1987-м – 50 млн¹. Советская сторона поставляла в Китай цемент, лес, прокат, оцинкованный лист, кровельное железо, проволоку, химические удобрения, компрессоры, пианино, холодильники. Из КНР в Хабаровский край и Амурскую область шли зерно, соевые бобы, говядина, свинина, мясные консервы, трикотаж, обувь, детская одежда, термосы, автомобильные аккумуляторы. Таким образом, в жизнь воплотилось высказывание архитектора китайских реформ Дэн Сяопина: «Не важно какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей».

Серьезные изменения в советско-китайских отношениях готовились еще в период правления Ю.В. Андропова. В 1983 г. он санкционировал поездку в КНР одного из своих помощников, специалиста-международника А.Е. Бовина. Это был один из первых визитов видного общественного деятеля, близкого к главе Советского государства. Из поездки А.Е. Бовин вынес следующее впечатление: «Десять дней в Китае подтвердили мою гипотезу, что мы имеем дело с новым Китаем... Это было видно по характеру встреч, по улыбкам и горящим глазам, по вопросам»².

Важный шаг в подготовке к нормализации советско-китайских отношений был сделан в 1985 г. Директор Института США и Канады Г.А. Арбатов подготовил отчет о поездке в КНР, в котором высоко оценил развитие этого государства, в том числе в области экономики. Он доказывал необходимость восстановления партнерских отношений между двумя странами. Весной 1985 г. генеральному секретарю ЦК КПСС была направлена записка, в которой А.Е. Бовин призывал более объективно писать о Китае, а реформы, происходящие там, оценивал как «нечто вроде синтеза нашего НЭПа, нашей (неосуществленной) реформы 1965 г., а также отдельных элементов югославского и немецкого опыта», т. е. как «не выходящие за рамки социализма» (Лукин, 2007: 273).

С нормализации экономических отношений между двумя государствами началось и политическое сближение. Заинтересованность сторон в экономическом сотрудничестве была взаимная. Китай нуждался в советском сырье и технологиях, прежде всего для развития экономически отсталых внутренних регионов страны. Кроме того, руководители КНР рассматривали СССР в качестве противовеса Западу и Японии, которые желали подчинить экономику КНР своим интересам и не спешили делиться технологиями, на что рассчитывал Китай.

Для Советского Союза экономическое сотрудничество с КНР было привлекательным с точки зрения насыщения потребительского рынка. Приезжавшие в Китай граждане СССР с удивлением наблюдали за изобилием товаров различного качества на рынках и в магазинах после проведения курса на экономические реформы: «Советские граждане, попав в КНР и имея в кармане немалые по китайским меркам денежные средства, не всегда осознавали, что красивые и дефицитные в СССР товары, которые они запросто покупали в магазинах Пекина и Шанхая, не по карману большинству китайцев или же не пользуются у них спросом» (Анин, 1989: 34).

Кроме того, следует обратить внимание на то, что курс на проведение экономических реформ в СССР нуждался в материальном наполнении. Часть деловых кругов СССР, в том числе представители советской теневой экономики, надеялись с помощью экономического сотрудничества с КНР выйти на мировой рынок.

Большие надежды на экономические реформы в Китае возлагали и сторонники перестройки в СССР, иногда относившиеся к ним с неоправданной эйфорией. В июне 1989 г. на страницах журнала «Новое время» Н. Анин признавал: «В последние годы китайские ученые, журналисты, чиновники неоднократно обращались к представителям советской прессы с просьбой: не приукрашивайте положение дел в экономике и общественной жизни КНР, не завышайте наших достижений! Но сознательно или нет, а советская печать продолжала рисовать китайские политические и эко-

¹ Крушинский А. Три встречи в Харбине // Правда. 1988. 2 авг.

² Бовин А.Е. XX век как жизнь : воспоминания. М., 2003. С. 402.

номические пейзажи преимущественно розовыми красками» (Анин, 1989: 34). Такая трактовка китайских реформ в советской периодике служила обоснованием радикальных рыночных преобразований в СССР, но не учитывала специфику курса реформ Дэн Сяопина (Смирницкий, 2015).

Обозначенный на XII съезде КПК тезис «идти своей дорогой, строить социализм с китайской спецификой»¹ главной целью утверждал достижение в Китае уровня «необходимого достатка» как основы создания общества «сяокан» (кит. 小康 – малое благополучие), что на практике означало сохранение контроля КПК над процессом демократизации в условиях модернизации экономики страны². Концепция «четырех модернизаций» гармонично сочетала конфуцианскую традицию с вызовами современности, противопоставляя либеральному рынку и обществу потребления идею гармонии и морального управления. Недопонимание советского руководства идеологии китайских реформ привело к краху перестройки и усилению системного кризиса в СССР.

Необходимо отметить, что в отношениях между СССР и КНР в 1980-х гг. экономика обгоняла политику: в то время как на партийно-государственном уровне все еще оставались серьезные разногласия, в том числе те, которые сформулировал МИД КНР в виде «трех препятствий» (присутствие советских войск в Монгольской Народной Республике, Демократической Республике Афганистан и присутствие вьетнамских войск в Кампучии), в экономической сфере наблюдалось интенсивное развитие. Как указывает А.В. Лукин, «нормализация советско-китайских отношений во второй половине 80-х гг. и перспективы расширения экономического сотрудничества поначалу вызвали в российских приграничных регионах огромный энтузиазм» (2007: 273). Население надеялось извлечь выгоду из близкого соседства с Китаем. После отмены визового режима эти контакты множились.

В условиях сужения советского внутреннего рынка во второй половине 1980-х гг. экономические связи местного населения с КНР выступали порой единственным средством поддержки местных региональных бюджетов и источником повседневного выживания населения приграничных районов: «Китайцы были ближе всех, приезжали первыми, предлагали самые дешевые вещи, покупали товары невысокого качества и не требовали твердой валюты» (Лукин, 2007: 273). Они активно, без излишнего формализма занимались бартерной торговлей. В условиях сокращения государственных заказов роль этой нерегулируемой торговли стала решающей.

С 1980 г. СССР активно использовал иностранную рабочую силу в тех отраслях промышленности, где существовал ее дефицит, вызванный тяжелыми условиями труда. До 1989 г. на предприятиях СССР были заняты, как правило, граждане СРВ и КНДР. С 1989 г. к работе на советских предприятиях стали привлекаться граждане КНР. Обычно их труд использовался на строительстве и на лесозаготовках на Дальнем Востоке. Советское государство строго придерживалось соглашений о применении иностранной рабочей силы, распространяя на иностранных граждан все нормы советского трудового законодательства. Однако в условиях системного кризиса второй половины 1980-х гг. стала развиваться тенденция к взаимному неисполнению обязательств.

29 ноября 1989 г. социально-экономическим и международным отделами ЦК КПСС была подготовлена служебная записка «О работе партийных комитетов по вопросам использования иностранных рабочих и специалистов в народном хозяйстве СССР», опубликованная в журнале «Известия ЦК КПСС». В ней с тревогой отмечались негативные тенденции в этой сфере. Были явно обозначены неудовлетворительные бытовые условия части иностранных граждан, которые трудятся на заготовках леса в восточных районах страны. Нередко они жили в плохо обустроенных сооружениях. Временами обострялась проблема обеспечения их продуктами питания и другими товарами. В отдельных районах лесозаготовок допускалось хищническое отношение к разработке лесных массивов. Минлеспром СССР вместо организации комплексного безотходного производства отдал на откуп зарубежным партнерам лесные богатства, что вызывало справедливое возмущение местного населения. В июле 1989 г. на стройке в Хабаровске около 500 китайских рабочих объявили забастовку, их основной лозунг: «Мы хотим работать и получать гарантированную заработную плату»³. Протест был направлен не только против руководства стройки, но и против китайских подрядчиков, присваивающих зарплату рабочих.

Только в 1989 г. иностранными гражданами было совершено 10,6 тыс. правонарушений⁴. Увеличение их количества было вызвано криминализацией советского и китайского обществ в условиях перехода к рыночной экономике. Однако, если в КНР с преступной деятельностью ак-

¹ Дэн Сяопин. Избранное : в 3 т. Т. 3. 1982–1992 гг. М., 1994. С. 414.

² Внуков К.В. Советология КНР и советско-китайские отношения (1970–1990 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 19 с.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 85.

⁴ Там же.

тивно боролись, то власти СССР в тот период уже были неспособны должным образом контролировать ситуацию внутри страны. К числу наиболее распространенных преступлений граждан КНР на территории СССР относились: незаконная контрабанда, торговля наркотиками, проституция. Организовывались преступные группировки по этническому принципу.

Не все были склонны в тот период высоко оценивать перспективы советско-китайских экономических отношений. Так, публицист Ю. Старостенко назвал их «опоздавшей нормализацией». Он отмечал, что китайская сторона склонна закупать лишь узкий ассортимент советской продукции, на которую в КНР существуют низкие пошлины. Автор приводил данные, озвученные на заседании Комитета по международным делам Верховного Совета СССР, согласно которым из 508 делегаций, посетивших в 1989 г. КНР, примерно три четверти не добились коммерческих результатов. При этом общая сумма расходов на содержание командировочных лиц составила 500 тыс. долл. По мнению публициста, у СССР не было ни передового опыта, ни современной техники, ни даже излишков сырья: «Поезд советско-китайской дружбы давно ушел, а в вагон советско-китайского сотрудничества нам, похоже, пока вскочить не удается» (Старостенко, 1990: 17).

Крушение СССР привело не к свертыванию экономических отношений с бывшими советскими республиками, а наоборот, к их расширению. При этом руководители КНР однозначно негативно оценили факт распада СССР. Говоря о причинах его гибели, китайский исследователь Цай Гоцзян отмечал роль в этом процессе западных держав, проводивших политику демонтажа социализма (2005: 3). События в Советском Союзе стали для КПК еще одним весомым доказательством правильности выбора курса модернизации, а в перспективе открыли для Китая возможность реализации национальных интересов в Средней Азии. Встретившись с группой бизнесменов из Японии, председатель Госсовета КНР Ли Пэн сообщил, что «пример Советского Союза не привлекает китайский народ, который намерен идти собственным путем»¹.

Многие советские граждане, а затем и россияне отмечали существенное изменение качества экономических отношений между двумя странами. Известный журналист-международник и писатель В.В. Овчинников точно обозначил эти перемены: «В 1950-х гг. любого иностранца уважительно приветствовали словом "сюлянь" (советский). Когда романтический дух солидарности и самопожертвования, присущий первой пятилетке, сменился меркантилизмом рыночных отношений, китайцы сильно изменились. Причем не всегда в лучшую сторону. Попав в Пекин в 1990-е гг., я был поражен обилием металлических дверей и решеток на окнах. В городе, который не знал замков, участились кражи. И даже уличные торговцы теперь норовят обмануть покупателя трижды: на цене, на весе и на сдаче»².

Следует подчеркнуть, что изменения менталитета сотрудничающих сторон были взаимными – как с китайской стороны, так и с российской. Экономические отношения между бывшими советскими республиками и КНР стали жестко прагматичными. Их целями являлись максимальное использование тяжелого положения партнера и получение наибольшей выгоды. О масштабном вывозе сибирского леса в постсоветской России, сверхэксплуатации рабочих на предприятиях Казахстана под контролем китайского капитала написано достаточно много.

Таким образом, восстановление советско-китайских экономических отношений в 1985–1991 гг. не было спонтанным, а готовилось всем ходом общественного развития и выражало глубинные интересы советского и китайского народов. Этот факт наглядно подтверждает, что конфронтация с соседями в конечном счете заканчивается сотрудничеством ввиду отсутствия иного выбора.

С начала восстановления советско-китайские экономические отношения приобрели широкомасштабный характер как на межгосударственном уровне, так и на региональном. Однако эти взаимодействия не способствовали преодолению товарного дефицита в СССР, причиной чего являлись, скорее, не экономические факторы, а политические.

Восстановление советско-китайского экономического сотрудничества не было беспроblemным. Политика «открытых дверей», проводимая КНР, и снижение конкурентоспособности СССР отражались на характере взаимодействия двух государств в обозначенный период. Как отмечали советские граждане, посещавшие КНР в то время, отношения между странами и отношение Китая к СССР стали более прагматичными.

При этом восстановление экономических отношений в период перестройки имело важное значение. На наш взгляд, это была одна из немногих успешных акций руководства СССР на том этапе, оказавшая и оказывающая существенное влияние на развитие бывших советских республик. При всех имеющихся издержках именно экономическое сотрудничество с КНР позволило

¹ Эхо планеты. 1991. № 43.

² Овчинников В.В. Калейдоскоп жизни: экзотические, драматические и комические эпизоды личной судьбы ветерана журналистики. М., 2007. С. 40.

избежать разрушения многих отраслей экономики бывших республик СССР и сохранить рабочие места для миллионов бывших советских граждан.

Советско-китайские экономические отношения периода перестройки во многом были продиктованы необходимостью демонстрации потенциала социализма как общественно-политической системы. Однако курс реформ, разработанный в СССР, не являлся концептуальной стратегией, что отразилось на его эффективности. Напротив, концепция «четырех модернизаций» Дэн Сяопина позволила КНР совершить безболезненный переход к новому уровню развития экономики и повысить благосостояние китайского общества.

Экономические отношения между КНР и СССР в обозначенный период в целом были плодотворны для обеих сторон. Опыт экономического сотрудничества в эпоху перестройки, как позитивный, так и негативный, должен быть учтен при анализе эффективности выбранного способа экономической устойчивости для обеспечения национальной безопасности и развития стратегического двустороннего партнерства.

Список источников:

- Анин Н. Что пожелать китайскому народу? // Новое время. 1989. № 25. С. 34.
 Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая и России в XVII–XXI вв. М., 2007. 598 с.
 Панцов А.В. Дэн Сяопин. М., 2013. 558 с.
 Смирницкий А.Е. Реформы Дэн Сяопина в отечественной историографии периода перестройки: проблемы социального управления // Труды НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2015. № 3 (110). С. 306–311.
 Старостенко Ю. Опоздавшая нормализация // Новое время. 1990. № 31. С. 16–17.
 Цай Гоцзянь = 蔡国江. Размышления о реформах в бывшем СССР и государствах Восточной Европы = 对原苏联、东欧国家改革的反思 // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии = 俄罗斯东欧中亚研究. 2005. № 3. С. 3. (На кит. яз.)
 Чжан Чжунъюнь = 长中云. Недостатки советской модели и горбачевская реформа = 苏联模式的弊端与戈尔巴乔夫的改革 // Всемирная история = 世界历史. 1988. № 4. С. 40–43. (На кит. яз.)

References:

- Anin, N. (1989) What to Wish To The Chinese People? *The New Times*. (25), 34. (In Russian)
 Cai, Guojiang = 蔡国江 (2005) Reflections on Reforms in the Former Soviet Union and Eastern European States = 对原苏联、东欧国家改革的反思. *Russian, East European and Central Asian Studies* = 俄罗斯东欧中亚研究. (3), 3. (In Chinese)
 Chang, Zhongyun = 长中云 (1988) Deficiencies of the Soviet Model and Gorbachev's Reform = 苏联模式的弊端与戈尔巴乔夫的改革. *World History* = 世界历史. (4), 40–43. (In Chinese)
 Lukin, A.V. (2007) A Bear Watching the Dragon. The Image of China and Russia in the XVII–XXI Centuries. Moscow, AST: Vostok-Zapad. (In Russian)
 Pantsov, A.V. (2013) Deng Xiaoping. Moscow, Molodaya Gvardiya. (In Russian)
 Smirnitkiy, A.E. (2015) Deng Xiaoping reforms in native historiography of restructuring period: social steering problems. *Transactions of NNSTU n. a. R.E. Alekseev*. (3), 306–311. (In Russian)
 Starostenko Yu. Late normalization. *The New Times*. (31), 16–17. (In Russian)

Информация об авторах

Б.А. Ночвина – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=397921.

А.Е. Смирницкий – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина; доцент кафедры теории и истории государства и права, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=736137.

Н.В. Старикова – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, Нижний Новгород, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=234646

Information about the authors

B.A. Nochvina – PhD in History, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Regional Studies, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=397921.

A.E. Smirnitsky – PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History and Auxiliary Historical Disciplines, Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod; Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=736137.

N.V. Starikova – PhD in History, Associate Professor, Head of Department of Russian History and Auxiliary Historical Disciplines, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=234646

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 155–166.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 155–166.

Научная статья

УДК 261.7“1917/1930”

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.23>

Опыт сохранения монастырской самобытности в обителях Подмосковья в условиях музейной политики советской власти (1917–1930 гг.)

Игорь Ильич Степанов (игумен Лука)¹, Александр Анатольевич Зажеко (иеродиакон Антоний)²

¹Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия,
Ig.Stepanov@365rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7466-3304>

²Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия,
svet_285@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2105-2876>

Аннотация. В статье рассматривается опыт музеефикации монастырских ценностей в советский период после революции 1917 г. В оборот исторической науки авторы вводят новые архивные данные. Сделан вывод, что, с одной стороны, музеефикация монастырей Подмосковья в послереволюционный период способствовала сохранению многих культурных ценностей, национального богатства, традиционной монастырской бытовой культуры и ее особенностей в разных монастырях; с другой – идеологизированность государственной политики приводила к вытеснению из музеев-монастырей церковного элемента, а также нецелесообразному использованию монастырских памятников культуры. Размещение в монастырских стенах государственных и общественных учреждений, переориентация их под хозяйственные и жилищные нужды рабочего населения Московской губернии обуславливали торможение процессов музеефикации и массовое разрушение монастырских ансамблей. Также отмечено, что на современном этапе качество музеефикации монастырских ценностей влияло и продолжает влиять на трудоемкость восстановительных работ по реставрации монастырских комплексов.

Ключевые слова: музеефикация монастырей, послереволюционная музейная политика советской власти, монастыри Подмосковья, Троице-Сергиева лавра, Ново-Иерусалимский монастырь, Иосифо-Волоцкий монастырь, Саввино-Сторожевский монастырь, Борисоглебский монастырь, собственность РПЦ

Для цитирования: Степанов И.И. (игумен Лука), Зажеко А.А. (иеродиакон Антоний) Опыт сохранения монастырской самобытности в обителях Подмосковья в условиях музейной политики советской власти (1917–1930 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 155–166. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.23>.

Original article

Experience in preserving monastic identity in the cloisters of the Podmoskovye in the context of the Soviet regime's museum policy (1917–1930)

Igor I. Stepanov (Hegumen Luka)¹, Alexander A. Zazheko (Hierodeacon Antoniy)²

¹Ryazan State University named for S. A. Esenin, Ryazan, Russia, Ig.Stepanov@365rsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7466-3304>

²Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russia, svet_285@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2105-2876>

Abstract. The article examines the experience of museumification of monastic property in the Soviet regime in the aftermath of the 1917 revolution. The authors introduce new archival data into historical scholarship. Conclusion is made that, on the one hand, the museumification of the Podmoskovye monasteries in the post-revolutionary period contributed to the preservation of many cultural values, national wealth, traditional monastic household culture and its features in different monasteries. On the other hand, the ideologization of the state policy led to the ousting of the church element from monastery museums, as well as to inexpedient use of monastic cultural monuments. The placement of state and public institutions within monasterial walls and their reorientation towards the domestic and housing needs of the working population of the Moscow Governorate caused a delay in the processes of museumification and the mass destruction of monastic ensembles. At the current stage, it is also noted that the quality of the museumification of monastic property has influenced, and continues to influence, the laboriousness intensity of restoration work on monastic complexes.

Keywords: monasteries museification, Soviet regime's post-revolutionary museum policy, Podmoskovye monasteries, Trinity Lavra of St. Sergius, New Jerusalem Monastery, St. Joseph-Volokolamsk Monastery, Savvino-Storozhevsky Monastery, Boris and Gleb Monastery, property of the Russian Orthodox Church

For citation: Stepanov, I.I. (Hegumen Luka) & Zazheko, A.A. (Hierodeacon Anthony) (2022) Experience in preserving monastic identity in the cloisters of the Podmoskovye in the context of the Soviet regime's museum policy (1917-1930). *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 155–166. Available from: doi:10.24158/fik.2022.5.23 (In Russian).

Введение. Актуальность темы определяется важностью использования опыта прошлого на современном этапе в плане активизации принятой в настоящее время музейной практики, которая позволяет сохранять православные традиции жизни и быта монастырей, их самобытного опыта служения Церкви и Отечеству. Цель работы: показать возможности и способы сохранения традиций, опыта и специфики монастырской жизни и быта на примере послереволюционной музейной политики советской власти; ввести в оборот исторической науки новые архивные данные; предостеречь от ошибок прошлого.

С наступлением XXI в. актуализируется проблема разграничения музейных экспонатов и собственности Русской православной церкви, изъятой в советский период. В связи с этим возникает ряд вопросов, связанных с особенностями музеефикации. Анализ диссертаций и статей по разным аспектам темы говорит о том, что степень изученности данной проблемы сохраняет лакуны, которые отчасти мы стремились заполнить материалами этой статьи.

Наиболее известная работа по обозначенной теме – труд П.А. Флоренского (1988), впервые опубликованный в 1922 г. в журнале «Маковец», где идет речь об идее «живого музея». Ценными для изучения процесса создания и деятельности музеев, действовавших на базе московских монастырей, являются публикации О.П. Постернак, в особенности ее диссертация, выполненная на материале Донского и Страстного монастырей, о религиозном культурном наследии России, переведенном в советском обществе в категорию культурной ценности¹.

В некоторых работах современных исследователей музеефикация монастырей рассматривается в культурологическом или краеведческом аспекте. Историческому контексту уделено мало внимания; влияние анализируемых процессов на церковную жизнь зачастую остается в стороне либо упоминается незначительно. Так, в статье К.А. Соловьева исследуются проблемы взаимодействия музеев и религиозных организаций в деле сохранения памятников церковного искусства как общекультурного наследия. Автор – сторонник идеи использования европейского опыта взаимодействия музеев и религиозных организаций для полноценного сотрудничества с Евросоюзом в деле межкультурного диалога (Соловьев, 2007: 211). В качестве позитивного примера взаимодействия Церкви и государственных музеев К.А. Соловьев приводит опыт музея храма Христа Спасителя, который является филиалом Музея истории Москвы и в то же время музеем современного церковного искусства.

В статье М.А. Гагановой внимание обращено на проблему профилизации музеев-монастырей во второй половине 20-х гг. XX в.: каждый из них, по мнению автора, должен иметь индивидуальный научно-познавательный облик (2015). Например, Симонов монастырь – это демонстрация древнерусского военного быта; Новодевичий монастырь – эпохи стрелецких бунтов и правления царевны Софьи; Александровская слобода – опричнины; Оптиная пустынь – музей бытового и историко-литературного профиля XIX – начала XX в. Концепцию «живого музея» священника Павла Флоренского рассматривают в культурологической статье Л.С. Алексеева и Л.В. Оленич (2017).

В диссертации М.А. Гагановой музеефикация определяется как оптимальный путь сохранения и использования культурного наследия. Автор называет начальную границу истории российских музеев-заповедников – рубеж 1950–1960-х гг. Сергиево-Посадский музей, созданный ранее указанной границы, нуждается в поиске и введении в оборот науки новых архивов. М.А. Гаганова исследует ансамбль Троице-Сергиевой лавры как объект музеефикации в 1920–1940-е гг.² В работе Г.А. Демченко и А.В. Горбатова рассматривается тема сохранения колоколов в контексте сбережения целостного восприятия религиозного искусства; поднимается проблема ведения фондовой работы с наиболее ценными колоколами и составления «паспорта колокола» в храмах и монастырях РПЦ (2020: 181).

Статья Б.Л. Шапиро посвящена исследованию на основе архивных материалов истории некрополя Вознесенского собора Вознесенского девичьего монастыря Московского Кремля. Спасение монастырского некрополя от уничтожения силами научных и музейных работников открыло путь к его музеефикации, которая явилась первым успешным опытом музеефикации руинированных и утраченных исторических построек (Шапиро, 2020).

¹ Постернак О.П. Музейная политика России и судьба религиозного культурного наследия в 1920–1930-х гг. (по материалам Донского и Страстного монастырей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 28 с.

² Гаганова М.А. Проекты и практики музеефикации Троице-Сергиевой лавры в 1920–40-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 26 с.

Диссертация Т.В. Бойко посвящена монастырским комплексам Москвы, на территории которых в 1917–1920-е гг. были организованы музеи. Автор делает вывод, что после Октябрьской революции, в условиях атеистической пропаганды и закрытия многочисленных монастырей и храмов по всей России, музеефикация стала практически единственным способом спасения памятников православной культуры от полного уничтожения¹.

Как видно из указанных работ, тема музеефикации рассматривалась исследователями многоаспектно, однако новые вводимые нами в научный оборот архивные документы дают возможность углублять анализ. Нами предпринята попытка проанализировать проблему музеефикации монастырей Подмосковья с точки зрения церковной истории в историческом контексте государственной политики советской власти, а также в аспекте церковной жизни и состояния церковно-государственных отношений.

Антирелигиозная политика советской власти привела к тому, что многие монастыри и монастырское имущество подверглись реквизиции, конфискации, ликвидации и даже полному уничтожению отдельных монастырских ансамблей. Вместе с тем в советский период одним из приоритетных направлений государственной политики стала музейная деятельность, которая в России существовала и развивалась в царскую эпоху. На этом этапе формировалась законодательная база в области музейной деятельности.

Первый период музеефикации отчасти затронул монастыри Московской губернии. Так, например, известен факт о попытках разграбления имущества Троице-Сергиевой лавры. В связи с этим инцидентом было выпущено распоряжение Временного революционного комитета (ВРК) Сергиева Посада от 9 ноября 1918 г., в соответствии с которым запрещалось пользоваться храмищем и архивами лавры в целях обеспечения их сохранности².

Декретом от 23 января 1918 г. Церковь была отделена от государства, а школа – от Церкви. Согласно этому документу, все храмы и молитвенные дома передавались под контролем Народного комиссариата просвещения (НКО)³ и Народного комиссариата юстиции (НКЮ) под санатории, школы, училища, фермы, детские трудовые коммуны, а монастыри использовались в хозяйственных целях. Таким образом, судьба храмов и монастырей всецело зависела от усмотрения местных Советов⁴. Для более эффективной национализации имущества был создан 8-й ликвидационный отдел НКЮ.

В мае 1918 г. сформирован музейный отдел Наркомпроса (Гаганова, 2018: 88). Музеефикация стала основным правовым способом сохранения монастырей, церквей и других церковных зданий от уничтожения. У историка В.Ф. Козлова находим статистику монастырей – их более 1 200 (1994: 340). Создание музейного отдела положило начало истории монастырей-музеев.

В период 1918–1920-х гг. впервые было разработано законодательство по музеефикации и охране памятников искусства и старины. Законодательная база обеспечивала юридическую охрану культурных ценностей. Функционирование музейного административного аппарата началось только к осени 1918 г.

В период развития музейного дела заведующим музеями-монастырями Московской области был Н.Н. Померанцев. По его инициативе в закрывшихся монастырях создавались историко-художественные музеи, в частности в Сергиевом Посаде, Звенигороде, Волоколамске. В защиту организации музеев-монастырей Н.Н. Померанцев написал статью, в которой обосновал значимость музеефикации монастырских комплексов (Померанцева, 1995: 10).

На территории Подмосковья процессу музеефикации подверглись несколько крупных монастырей: в Сергиевском уезде – Троице-Сергиева лавра, Воскресенском – Ново-Иерусалимский монастырь, Волоколамском – Иосифо-Волоцкий монастырь, Звенигородском – Саввино-Сторожевский монастырь, Дмитровском – Николо-Пешношский монастырь и Дмитровский Борисоглебский монастырь. Большинство специалистов, привлеченных на первом этапе к развернутой музейной деятельности в монастырях Московской губернии, являлись людьми верующими и были неравнодушны к судьбе той или иной обители.

Первым монастырем, которого коснулись стремительные процессы музеефикации осенью 1918 г., была Троице-Сергиева лавра. Октябрьское постановление Сергиевского ревкома обязывало регистрировать и учитывать памятники искусства, включая церкви, молитвенные дома и

¹ Бойко Т.В. Московские музеи-монастыри в контексте культурно-просветительской политики советского государства в 1917–1920-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 31 с.

² ЦГАМО. Ф. 4340. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.

³ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР: полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Совета РСФСР и других советских социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбекской и Туркменской. М., 1926. 712 с.

⁴ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 753. Л. 2–2 об.

монастыри¹. Ноябрьским постановлением Московской коллегии отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса² в 1918 г. создана комиссия по охране Троице-Сергиевой лавры. Она подчинялась Наркомпросу и местному исполкому, которые часто действовали несогласованно.

Коллегия приняла во внимание высокое художественно-историческое значение Троице-Сергиевой лавры и постановила создать комиссию по ее охране, а также возбудило ходатайство о национализации имущества лавры³. В состав комиссии вошли специалисты в области музейного дела: искусствовед и реставратор Ю.А. Олсуфьев, художник М.В. Боскин, П.Н. Каптерев. В музейную комиссию был включен в качестве представителя Московской духовной академии священник П.А. Флоренский⁴.

Работа музейной комиссии была направлена на сохранение ценностей лавры и свидетельств уклада монастырской жизни. В дневниках о. П.А. Флоренского лавра-музей описывается как живой самобытный организм⁵. Так развивалась идея «живого музея». Проект музея Троице-Сергиевой лавры был разработан в декабре 1918 г. (Гаганова, 2018: 96) членами комиссии П.А. Флоренским и П.Н. Каптеревым (Трубачев, 2008: 21).

Именно они способствовали сохранению самобытности монашеского жизнебытия этого уникального мужского ставропигиального монастыря в самом сердце России. Действительно, факт трудоустройства лаврских монахов на различные рабочие места зафиксирован в документах комиссии по охране лавры. Согласно кадровому списку, изначальное количество оформленных на работу монахов составляло 43 человека⁶, в августе 1919 г. в нем уже значилось более 50 монастырских насельников⁷. Монахи лавры занимали разные должности: от дворников и печников до специалистов в области искусства и реставрации. На одном из заседаний комиссии, обсуждая кадровый вопрос, заведующая музейным отделом Наркомпроса Н.И. Троцкая выразила мнение о том, что насельники лавры будут лучшими сторожами, чем кто-либо другой⁸.

Вместе с тем главной задачей комиссии по охране лавры было создание стандартного (в общепринятом понимании) музея, без религиозной направленности⁹. Выполнить эту задачу не представлялось возможным, так как в лавре находились монашествующие, которые были членами данного органа.

Национализация Троице-Сергиевой лавры произошла 24 октября 1919 г., состоялась ее передача в ведение комиссии по охране лавры¹⁰. В течение года проводились учет и описание историко-художественных ценностей, организовывалась их охрана от расхищения – не только на территории самой лавры, но и в других монастырях и имениях, таких как Абрамцево, Вяземы, Суханово¹¹. Комиссией была проведена серьезная работа по возвращению рукописей из библиотеки Троице-Сергиевой лавры, ранее взятых для научных целей Археографической комиссией Академии наук и другими столичными научными учреждениями¹².

15 июня 1920 г. имущество лавры было передано в ведение Наркомпроса и Сергиевского исполкома. Комиссия по охране лавры была связана с организацией работы Сергиевского историко-художественного музея (Гаганова, 2018: 101).

В июне 1920 г. было принято положение об учреждении архитектурного отделения в комиссии по охране лавры – для самостоятельного осуществления органом контроля за состоянием зданий и необходимых ремонтов, а также своевременного предупреждения разрушений¹³. Архитектурное отделение имело собственный штат сотрудников во главе с архитектором, который подчинялся отделу по делам музеев Главнауки Наркомпроса РСФСР и комиссии по охране лавры¹⁴.

С 1920 г. разворачивается повсеместная музейная деятельность на территории всей страны. Весной 1920 г. приказом музейного отдела Наркомпроса в Воскресенском уезде Москов-

¹ ЦГАМО. Ф. 4340. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.

² ЦГАМО. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ Там же. Л. 29.

⁴ ОР РГБ. Ф. 172. К. 127. Ед. хр. 8. Л. 4.

⁵ Флоренский П.А., свящ. Сочинения : в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 371–382.

⁶ ЦГАМО. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2 об.

⁷ Там же. Л. 246.

⁸ Там же. Ф. 663. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

⁹ Там же. Л. 22.

¹⁰ Там же. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 9. Л. 70.

¹¹ Там же. Д. 1. Л. 36.

¹² ЦГАМО. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 1. Л. 7, 8, 11.

¹³ Там же. Д. 5. Л. 158–158 об.

¹⁴ Там же. Л. 160.

ской губернии в стенах Ново-Иерусалимского монастыря был образован историко-художественный музей. В 1921 г. создан еще один музей – краеведческий, а 20 апреля 1922 г. оба музея были объединены, в дальнейшем музей стал развиваться в историко-художественном и краеведческом направлениях. Первоначально он подчинялся Наркомпросу, а с 1925 г. – Московскому отделу народного образования (МОНО).

В годовом отчете за 1924 г. музей именуется Государственным художественно-историческим краевым музеем¹; также сообщается о том, что ранее музей назывался Ново-Иерусалимским художественно-историческим музеем и Музеем местного края. Это свидетельство того, что ранее существовало два музея, в дальнейшем объединенных в музей, который действовал с 29 марта 1920 г.

Органом, руководящим научной работой музея, являлся совет научных сотрудников с участием представителей: 1) укома РКП; 2) президиума уездного исполнительного комитета (уисполкома); 3) уездного отдела народного образования (УОНО); 4) упроста. Хозяйственной деятельностью музея руководила особая комиссия, избранная советом из трех членов. Музей разделяется на три отдела: историко-культурный, естественно-исторический, общественно-экономический².

29 марта 1920 г. в стенах ликвидированного Ново-Иерусалимского монастыря открылись художественно-исторический музей и краеведческий музей. Монастырский музей при монастыре существовал еще до революции. После нее помещения монастырской богадельни, зимней церкви, монастырского музея и служебные помещения находились в ведении УОНО. В апреле все помещения были переданы музею³.

Изначально во главе музея была поставлена П.К. Разумовская-Бенеман – педагог местной школы. Затем заведующим был назначен Н.А. Шнеерсон. Заведующей историко-культурным отделом являлась его жена – Е.С. Радченко⁴. На протяжении долгих лет благодаря их деятельности музей снискал доброжелательное отношение всех местных органов. По мере возможности музею оказывалось содействие, особенно местным президиумом уисполкома в лице председателя М.И. Лебедева, А.И. Жукова и Я.М. Боровкова⁵.

20 апреля 1922 г. в соответствии с постановлением отдела, который ведал делами музеев Народного комиссариата просвещения, произошло объединение этих двух музеев⁶. Если после ликвидации монастыря некоторые монашествующие проживали на территории музея, то уже в 1923 г., согласно отчету, в корпусах музея уже никто не жил, а работники музея занимали кельи в монастыре в качестве арендаторов⁷.

В музее был организован подотдел монастырского быта, который был посвящен личности патриарха Никона и истории монастыря. В экспозиции подотдела представлены личные вещи патриарха, портреты церковных деятелей, фотографические снимки монастырских зданий, иконография, рукописные сочинения и письма, снимки Ново-Иерусалимского собора, монастырского скита, Елеонской часовни, портреты лиц, игравших выдающуюся роль в истории монастыря⁸.

По решению комиссии Мосгубисполкома в июне 1920 г. был окончательно закрыт Иосифо-Волоцкий Волоколамский монастырь⁹. Храмовые постройки переданы комиссии по охране памятников старины, а земли – Губернскому отделу народного образования (ГОНО).

1 июня 1921 г. в Иосифо-Волоцком монастыре был открыт музей, который входил в систему Главнауки Наркомпроса и включал в себя храмы, башни и трапезную палату, часть помещений продолжали использовать детские дома. Руководил музеем с 1923 по 1935 г. К.Н. Щепетов, преподаватель истории.

После громких звенигородских процессов (контрреволюционное восстание, вскрытие мощей преподобного Саввы Сторожевского), связанных с Саввино-Сторожевским монастырем в 1919 г., в конце 1920 г. встал вопрос о создании на его территории музея. 3 октября 1919 г. монастырские ценности были преданы местной комиссии по искусству и старине, а сам комплекс в первые годы советской власти принадлежал разным ведомствам: НКВД – как концентрационный исправительный лагерь для детей-инвалидов, Наркомздраву – как санаторий для рабочих. 13 ноября 1920 г. Наркомпрос начал работать над задачей использования монастыря в музейных целях.

¹ ЦГАМО. Ф. 660. Оп. 1. Д. 124. Л. 3.

² Там же.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 834. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 16 об.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 834. Л. 12 об.

⁸ Там же. Л. 13 об.

⁹ Там же. Д. 838. Л. 1.

15 февраля 1921 г. комиссия в составе Н.Н. Померанцева, архитектора И.В. Рыльского и В.П. Паевского приняла решение о размещении музея в бывшем духовном училище. Церковный музей был расширен, получил название Саввино-Звенигородского художественно-исторического музея¹ и был открыт для посещений в июне 1921 г. Он освещает историю закрытого монастыря.

На начальном этапе музейной деятельности сотрудников было крайне мало. Заведующим музеем являлся В.З. Метельский, а в должности хранителя состоял А.Х. Максимов. До революции последний служил преподавателем Звенигородского духовного училища. В 1920 г. он проходил по известному делу Московского ревтрибунала «Совета объединенных приходов города Москвы», защищавших монастырские и храмовые святыни, в том числе от поругания – мощи преподобного Саввы Сторожевского.

Звенигородский музей, основанный на монастырских древностях, на начальном этапе развивал только церковную тематику. Все экспонаты были помещены в бывшую трапезную. К весне 1923 г. закончились ремонтные работы по окраске залов и началась деятельность по реставрации экспонатов. Торжественное открытие музея состоялось в этом же году².

Музей, кроме памятников архитектуры и церковной живописи XVI–XVII вв. – собор, стены, башни и пр., заключал в себе отдел помещичьего быта XVIII–XIX столетий, залы западноевропейского искусства и церковного искусства XVII в. Последние отделы и залы располагались в здании бывшего духовного училища. В зале древнерусского церковного искусства были выставлены вещи из ризницы: плащаницы, воздухи, пелены, облачения, иконы, сосуды и древние книги из монастырского архива³.

В последнюю очередь процесс музеефикации коснулся Дмитровского Борисоглебского монастыря. В 1926 г. он был окончательно закрыт. В помещениях был размещен городской краеведческий музей с хранилищем музейных фондов. Музей отреставрировал монастырские здания, создал новую краеведческую экспозицию⁴.

Расположившийся в стенах монастыря Дмитровский музей был открыт в 1918 г. во время съезда учащихся. Однако идея создания музея появилась еще в дореволюционное время. Впервые вопросы краеведения и мысли о создании музея Дмитровского края поднимались в Дмитровском уезде на съезде земских учащихся осенью 1916 г. Первое заседание комиссии при Дмитровском земстве по проблемам краеведения прошло 29 октября 1916 г.⁵

22 января 1917 г. на заседании комиссии краеведения при Дмитровской уездной земской управе был поставлен вопрос об организации музея. С 1 февраля 1917 г. готовилась первая выставка по краеведению Дмитровского края. Работы были прерваны Февральской революцией.

С приходом советской власти деятельность по организации музея возобновилась. 13 января 1918 г. обсуждались планы устройства музея. Летом того же года в национализированном небольшом домике Золотиных был открыт музей Дмитровского края. В конце августа 1918 г. он перешел в дом Гагариных. С этого времени в работе и жизни музея принимал участие революционер и русский исследователь Петр Алексеевич Кропоткин⁶.

Музей открылся и стал полноценно функционировать в сентябре 1918 г. Первыми сотрудниками были люди, имена которых известны в области искусства: Н.Д. Шаховская-Шик, Е.П. Анурова, А.Н. Соколова, М.Н. Поливанов и др.⁷

В 1920 г. деятельность музея была направлена на естественно-историческую часть и этнографию. Огромный вклад в этнографическую работу внесла Академия материальной культуры в лице В.В. Богданова, Б.А. Куфтина и Б.С. Жукова⁸. В этом же году музей перешел в подчинение Главмузею, так как неторговый отдел Союза дмитровских кооперативов, в ведении которого находился музей, прекратил существование⁹.

Тяжелым событием в ноябре 1920 г. для музея стал арест трех его сотрудников как бывших кооперативных работников – А.Д. Шаховской, А.Н. Соколовой и Е.П. Ануровой. Они находились в Бутырской тюрьме до апреля 1921 г. За это время вся работа в музее замерла и оживилась лишь с конца лета¹⁰. Заведующим был назначен К.А. Соловьев – советский этнограф, в 1920-х

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 842. Л. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Елизарова Н.А. Воспоминания. М., 2005. С. 122.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 839. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 839. Л. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 6.

гг. он был представителем Главнауки Наркомпроса в Дмитрове и оказал неоценимую помощь верующим и духовенству Дмитровского уезда в спасении церковных ценностей.

Когда начался повсеместный процесс изъятия церковных ценностей, К.А. Соловьев всеми силами пытался сохранить монастырские и храмовые историко-художественные ценности уезда. Об этом свидетельствует рапорт председателя Дмитровского УИКа¹. Вместе с ним против изъятия историко-художественных ценностей выступило духовенство Дмитровского уезда. Согласно показаниям К.А. Соловьева, комиссия по изъятию ценностей не руководствовалась инструкцией Главмузея².

После возвращения из заключения в июне 1922 г. сотрудницы музея А.Д. Шаховская, Е.П. Анурова и А.Н. Соколова были уволены по собственному желанию³. На самом деле отстранение произошло за религиозные убеждения⁴. К.А. Соловьев направил жалобу в музейный отдел Главнауки о неправомерных действиях местной власти. В ответе сообщалось, что увольнение служащих может происходить лишь с согласия музейного отдела⁵. Это не спасло положение. ДУОНО представило доказательства того, что данные работники вносят религиозное мировоззрение в культурно-просветительскую деятельность музея (чтение лекций и проведение экскурсий)⁶.

Увольнением сотрудниц музея по религиозным убеждениям дело не закончилось. Нападки местной власти продолжались. Представители органов управления критиковали деятельность музея и требовали открыть революционный отдел по Дмитровскому краю. В музейной документации отмечен факт обысков не только в музее, но и на квартирах персонала⁷.

В период с 1922 по 1928 г. филиалом Дмитровского краеведческого музея был другой монастырь Дмитровского уезда – Николо-Пешношский. В основном он использовался под музейные запасники. В документах отмечено, что в Николо-Пешношском монастыре располагался «особый отдел музея».

К середине 1920-х гг. в музейном деле наметились опасные тенденции, а в 1923 г. все фонды были объявлены государственным достоянием. В 1922–1926 гг. музеям разрешили реализацию дублетных (повторяющихся) фондов, ветхого имущества, а также имущества, не имеющего историко-художественного значения. Данные меры имели крайне негативные последствия не только для музейного дела, но и для Церкви. С учетом того, что большая часть музеев была отдана в ведение местной власти, реализация имущества осуществлялась некомпетентными людьми. Многие предметы, считавшиеся, по мнению экспертов, ценными, властью изымались как ненужные. В итоге музейным работникам приходилось искать способы сохранения имущества, идти на компромиссы, а иногда и вступать в противоборство с властью, что приводило к печальным последствиям для них, разграблению и продаже коллекций.

В целях уменьшения государственных расходов на музейное строительство в августе 1925 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О передаче в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения»⁸. Наркомпросом СНК РСФСР утвержден перечень из 220 музеев, включая 49 в Москве, 23 – Петрограде и 148 – провинции. Остальные порядка 180 учреждений получили статус музеев местного значения и переведены на местный бюджет. Это свидетельствовало о том, что государство было не в состоянии обеспечить нормальное функционирование многочисленных музеев (Музейное дело..., 2003: 78).

Таким образом, на территории Московской губернии на конец 1925 г. из 19 музеев только 4 поддерживались отделом музеев Главнауки – Воскресенский, Дмитровский, Звенигородский и Сергиевский. Остальные содержались на средства усоветов⁹.

Передача монастырей-музеев в ведение местных органов власти приводила к прямому вмешательству в их внутренние дела и реорганизации их деятельности. Так, например, в 1925 г. реорганизация музея в Волоколамском монастыре была инициирована уисполкомом без уведомления Губмузея. В 1926 г. без ведома и согласия Главнауки распоряжением Дмитровского УИКа в Дмитровский музей был назначен новый секретарь, не имеющий научной подготовки и музейного стажа, что противоречило существующим правилам о порядке назначения в музеи научных работников¹⁰.

¹ ЦГАМО. Ф. 5638. Оп. 1. Д. 493. Л. 5.

² Там же. Л. 9.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 839. Л. 6 об.

⁴ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 322. Л. 100.

⁵ Там же.

⁶ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 322. Л. 100.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 839. Л. 16.

⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1678. Л. 74.

⁹ Там же. Ф. 966. Оп. 3. Д. 78. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 41.

В вопросах, которые касались государственного финансирования, также наблюдались острые проблемы. Согласно отчету заведующего Дмитровским музеем К.А. Соловьева в Президиум Моссовета обнаружилось, что при передаче музея Дмитровского края из ведения Главнауки в подчинение органам Моссовета имели место факты, идущие вразрез с взятыми Моссоветом обязательствами по расширению работы краеведческих музеев. Так, Мосфинотдел при рассмотрении сметы музея значительно снизил сумму на его содержание сравнительно с цифрой предыдущего года. По замечанию К.А. Соловьева, Дмитровский УИК при переводе музея в другое помещение определил проведение ремонта за счет спецсредств¹, тем самым ухудшив материальное положение учреждения.

Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФСР (Главполитпросвет), созданный в 1920 г., с течением времени значительно усилил политико-идеологический контроль за музейным отделом. Так, например, документы свидетельствуют о том, что в 1927 г. в связи с 10-летием Октябрьской революции музеям было поручено создать экспозиции революционных событий (Музейное дело..., 2003: 79–80). Это послужило толчком к началу процесса реорганизации.

В декабре 1925 г. встал вопрос о реорганизации Волоколамского музея. В Президиум Моссовета от Мосгубмузея было направлено извещение о предполагаемой процедуре. 12 декабря 1925 г. в Мосгубмузей поступило ответное сообщение от отдела по делам музеев Моссовета (Наркомпрос, Главнаука, муз. отдел) с просьбой предоставить все имеющиеся материалы по данному вопросу и план реорганизации². Губмузей ответил сообщением: «На ваш запрос о материалах по реорганизации Волоколамского музея-монастыря Мосгубмузей Главнауки Наркомпроса сообщает, что кроме отношения уисполкома г. Волоколамска и препроводительственного к нему письма Моссовета у Губмузея ничего не имеется. Причем план работы по реорганизации музея требует обследования деятельности и состояния монастыря, который связан с выездом особой для этого комиссии, которая в ближайшее время выедет на место. Задержка исполнения вызвана подготовительной работой Мосгубмузея, в связи с его реорганизацией в подотдел МОНО»³.

По всей видимости, дело с предоставлением отчетной документации затянулось. 13 января 1926 г. в Мосгубмузей поступило новое требование, в котором указывалось, что необходимые материалы до настоящего времени не получены. Поэтому отдел по делам музеев Наркомпроса затребовал в срочном порядке их предоставить⁴. В этом же месяце в Президиум Моссовета и музейный отдел Главнауки Наркомпроса был направлен отчет от Волоколамского совета РКД о деятельности музея в Иосифо-Волоцком монастыре. Сообщалось, что собраны материалы и экспонаты, не соответствующие тематике музея, и президиум Волоколамского уисполкома просит принять меры по его реорганизации⁵.

Данное событие раскрывает истинное положение дел в период крайней идеологизации музейной работы. Естественно, что в истории местного края монастыри и храмы способствовали консолидации вокруг них населения и культурных особенностей местности. По всей видимости, сотрудники краеведческого музея Волоколамска представляли посетителям для ознакомления подлинную историю города и монастыря. У местной власти, враждебно настроенной ко всему, что связано с Церковью и ее историей, это вызвало явный протест, что трансформировалось в широкомасштабное движение по реорганизации музея. Как следует из документации, инициатива о реорганизации исходила не от музейных отделов и комиссий, а от местной власти, что еще раз подчеркивает политико-идеологическую направленность вопроса реорганизации.

Рассмотрев данное представление местного уисполкома, отдел по делам музеев Моссовета в феврале 1926 г. поручил провести дополнительное обследование музея Иосифо-Волоколамского монастыря и краеведческого музея Волоколамска с участием представителей как органов местного управления, так и самого музейного отдела⁶. Все мероприятия завершились только в мае 1926 г. В Волоколамский музей была направлена комиссия в составе представителей музейного отдела Главнауки – В.А. Безобразова и Н.Н. Померанцева, МОНО – Н.А. Пустоханова и В.К. Клейн. Осмотр территории, помещений и музейных ценностей осуществлялся в течение двух дней. После этого комиссия составила акт, в котором были даны подробные сведения о количестве земельных угодий, постройках, музейных предметах, монастырском архиве, количестве хозяйственного инвентаря и прочая информация⁷.

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 1678. Л. 211.

² Там же. Ф. 966. Оп. 3. Д. 78. Л. 20.

³ Там же. Л. 23.

⁴ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 78. Л. 31.

⁵ Там же. Л. 33.

⁶ Там же. Д. 68. Л. 1.

⁷ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 78. Л. 24–25 об.

26 мая 1926 г. прошло совещание комиссии по обследованию и приемке музея бывшего Иосифова монастыря при детском городке имени 3-го Интернационала в присутствии: Н.Н. Померанцева от Главнауки, представителей Губмузея, заведующего детгородком, заведующего ОНО местного УИКа. Была обозначена позиция местного уисполкома: необходимо удалить из музея все экспонаты, связанные с монастырем и личностью Иосифа, и перевезти их хотя бы в Воскресенский музей. Все здания и хозяйственное имущество музея отдавались для нужд городка, обустройства ремесленных мастерских для детей.

Сотрудник Губмузея В.К. Клейн говорил, что реорганизация музея бывшего монастыря в чисто краеведческий музей – желание вполне законное и не может вызвать возражений: сейчас в этом музее есть экспонаты, не отвечающие задачам краеведческого музея, их придется изъять, некоторые могут быть изъятые из бывшего монастырского музея и оставлены в краеведческом музее – вопрос можно решить лишь после тщательного обсуждения и проработки. Приблизительно две трети экспонатов бывшего монастырского имущества, вошедшего в состав коллекции музея, считались неподходящими для краеведческого музея.

Представитель местной власти и отдела ОНО заявил, что для организации ремесленных классов детгородка нужна церковь Богоявления (с одностолбной палатой), ранее занимаемая музеем, но следует удалить оттуда все экспонаты монастыря и ризницу. Кроме того, для городка необходима вся нижняя часть собора, которая станет пригодной для использования после ремонта. Также требовалась запертая надвратная Петропавловская церковь, удобная для расширения площади детского клуба. Хозяйственный инвентарь музея (скамьи, шкафы и т. д.) следовало оставить детгородку, поскольку он нуждается в мебели, – такова общая линия требований уисполкома. Н.Н. Померанцев полагал, что ОНО (УНИ) должен предоставить в Губмузей на рассмотрение и последующее утверждение Главнауки план реорганизации краеведческой части музея бывшего Иосифова монастыря¹.

В июне 1926 г. началась ликвидация колоколов Иосифо-Волоцкого монастыря без согласия МОНО и Главнауки. Они находились на учете музейного отдела Главнауки, однако местная власть дала распоряжение на изъятие местным уфинотделом. Заведующий Иосифо-Волоколамского музея отправил докладную записку в музейный подотдел МОНО о незаконных действиях уфинотдела с приложением списка колоколов²: «Прилагая при сем список колоколов, имеющихся на колокольне бывшего Волоколамского монастыря, сообщаю, что они все изъятые на учет Волоколамского Уфинотдела, а также и губернского, и предполагается их в скором времени реализовать. Уже был техник от Губметалла и составляется смета на снятие колоколов. Доводя об этом до сведения музейного подотдела, прошу музейный подотдел разъяснить, может ли Уфинотдел без разрешения Губмузея брать колокола, а равно и музейного характера. Разъяснение прошу направить также и в Губернский, и в Волоколамский Уфинотделы»³. 21 июля 1926 г. музейный отдел МОНО направил письма заведующему Волоколамским музеем, волоколамскому УФО, Мосфинотделу о недопустимости начатого процесса ликвидации колоколов без согласия МОНО и Главнауки⁴.

1 августа 1926 г. музейным подотделом МОНО был зачислен в штат музея на должность надзирателя преподаватель детгородка Иван Владимирович Прозоров⁵ для работы в естественно-историческом отделе музея.

4 августа 1926 г. в музейный подотдел МОНО поступило ходатайство от К.Н. Щепетова о церкви Богоявления, в которой был размещен краеведческий музей. Автор письма ходатайствует о снятии иконостаса⁶. Данный вопрос был поставлен на заседании реставрационной комиссии 10 августа, на котором было решено затребовать размеры иконостаса⁷.

28 августа 1926 г. в Мосгубмузей от отдела по делам музеев Главнауки поступило требование о предоставлении плана предполагаемой реорганизации музея Волоколамского монастыря для рассмотрения его в методической комиссии отдела по историко-бытовым музеям⁸. Музейный подотдел МОНО 6 сентября 1926 г. направил требование заведующему Волоколамского музея К.Н. Щепетову о срочном предоставлении плана в Главнауку⁹. 7 сентября 1926 г.

¹ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 68. Л. 2.

² Там же. Л. 4–5.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 7–8.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 15.

⁹ Там же. Л. 17.

музейный подотдел МОНО предложил передать детгородку подвальные помещения собора монастыря для организации столовой¹.

С одной стороны, перед музеем стояла реальная материальная проблема – не хватало средств; с другой – обострялся вопрос сохранения церковного имущества и предметов искусства. В связи с этим 16 сентября 1926 г. в музейный подотдел поступило ходатайство от К.Н. Щепетова с просьбой продать имеющиеся в передаваемом детгородку подвальном помещении собора четыре иконостаса: большой – за 75 р., два меньших – по 25, один – за 15 р., в соответствии с оценкой комиссии, состоящей из представителей уфинотдела, волисполкома и заведующего музеем². 29 сентября получен ответ: «Музейный подотдел против продажи указанных вещей в заявлении не возражает, при условии соблюдения Вами всех правил, установленных для продажи музейного имущества».

Другой факт, более ранний, также свидетельствует о сложном финансовом положении музея. Сохранился доклад заведующего К.Н. Щепетова от 31 августа 1926 г. для музейного подотдела МОНО о том, что музей не взимает плату за вход, земельные участки и помещения в аренду не сдает³. В итоге к осени 1926 г. Волоколамский музей был реорганизован как историко-бытовой музей с удалением всех церковных предметов из его коллекции.

В 1926 г. в Ново-Иерусалимском музее имели место попытки вытеснения директора Н.А. Шнеерсона. Он обвинялся заведующим художественным отделом П.П. Никольским в проведении несанкционированных экскурсий в праздничные дни на возмездной основе. Конфликт нашел отражение в местной прессе. Инспектор Главнауки П.И. Карпов в докладной записке сообщал, что между директором музея Н.А. Шнеерсоном и научным сотрудником П.П. Никольским имеются серьезные разногласия, что создает нездоровую служебную атмосферу⁴. На место была отправлена комиссия, опрошены все сотрудники, проверена текущая документация и вынесено заключение, что научные работники музея безвозмездно проводили экскурсии по праздничным дням, после которых экскурсанты оставили позитивные отзывы⁵.

Реорганизация коснулась и Звенигородского музея. 20 октября 1927 г. произошло свертывание в срочном порядке на основании предписания музейного подотдела МОНО: в течение 12 часов передать помещения музея в ведение ОГПУ под Дом коммуны беспризорных. Все экспонаты были перенесены в монастырский собор. Некоторые предметы были поломаны или окончательно утрачены⁶. 18 января 1927 г. постановлением горсовета Звенигородский городок был объявлен заповедником⁷, распоряжением Наркомпроса от 4 апреля 1928 г. деятельность музея была возобновлена, новым заведующим назначен Владимир Михайлович Колобов⁸.

В конце 1920-х гг. на территории Московской губернии прогремело несколько крупных следственных дел в отношении так называемых черносотенных групп. В 1928 г. в стране началась коллективизация сельского хозяйства и борьба с классовыми врагами. В Сергиевом Посаде проживало много лиц, вызывавших подозрение у властей, и было сфабриковано так называемое «сергиевское дело».

Особым совещанием коллегии при ОГПУ большинство представителей антисоветской группы приговорены к разным наказаниям (Смирнова, 2014). Таким образом, «сергиевское дело» сфабриковано для устранения неугодной старой комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры. Вскоре в Сергиево-Посадском музее прошла большая реорганизация. В итоге после «оптимизации» системы музейного дела, проведения районирования, создания Московской области в октябре 1929 г. музей бывшей Троице-Сергиевой лавры был передан в ведение музейного подотдела Московского областного отдела народного образования⁹.

С конца 1920-х гг. началась кампания по вытравливанию из музейной сферы равнодушных к Церкви представителей Дмитровского музея. 13 января 1928 г. произведено обследование зданий и помещений Борисоглебского монастыря.

Активная деятельность заведующего Дмитровским музеем К.А. Соловьева обращала на себя внимание властей. Она выражалась не только в сохранении церковного имущества, создавая необходимые условия для сбережения ценностей культуры, но и в открытом противостоянии органам высшей власти. В начале 1930-х гг. стартовало строительство канала имени Москвы.

¹ Там же. Л. 18.

² ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 68. Л. 20.

³ Там же. Л. 16.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 834. Л. 84.

⁵ Там же. Л. 100.

⁶ Там же. Д. 842. Л. 27.

⁷ Там же. Л. 29.

⁸ Там же.

⁹ ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.

Назначенный руководителем Каналстроя начальник ОГПУ Г.Г. Ягода для организации лагеря в целях размещения заключенных, занимавшихся сооружением канала, требовал выделения зданий Борисоглебского монастыря, где и размещался музей. Между К.А. Соловьевым и Г.Г. Ягодой возник конфликт. В результате было сфабриковано дело «о контрреволюционной организации врачей и краеведов Москвы и Московской области»¹. К нему были привлечены сотрудники Дмитровского музея вместе с заведующим К.А. Соловьевым. В обвинительном заключении сообщалось, что участники дмитровской группы вели систематическую агитацию под видом бесед на краеведческие темы, в отделе быта наличием многочисленных икон подчеркивалось их преобладающее значение в быте русского крестьянства вместо того, чтобы делать акцент на положении эксплуатируемых, К.А. Соловьев группировал вокруг себя реакционные кадры².

Все арестованные были отправлены в Бутырскую тюрьму. Во время следствия К.А. Соловьев не признал представленные ему обвинения и не подписал протокол. Через несколько месяцев арестованных освободили за недостатком улик. Дмитровский краеведческий музей прекратил работу.

Выводы:

1. Музеефикация Троице-Сергиевой лавры – это наиболее ранний в отечественной практике опыт создания музея-заповедника в форме «живого музея», по определению о. П.А. Флоренского, которая является наиболее оптимальной для сохранения наследия, культуры монастырского быта.

2. Исторические факты убедительно доказывают, что музеефикация монастырей Подмосковья в послереволюционный период – это непростой процесс. С одной стороны, очевидно, что благодаря музеефикации были сохранены многие культурные ценности, национальное богатство, традиционная монастырская бытовая культура и ее особенности в разных монастырях. С другой стороны, в деле музеефикации значим и человеческий, личностный фактор тех, кому было поручено дело; важную роль (часто негативную) в организации сбережения монастырского наследия играли идеологизированность государственной политики, неоднозначность государственно-церковных отношений.

3. Участие научных работников в области искусства и культуры из числа верующего населения Московской губернии давало монашествующим возможность на начальном этапе сохранять частичную автономию и уставной уклад жизни.

4. Вытеснение из процесса музеефикации представителей церкви обуславливало недооценивание исторической значимости церковных древностей и ценностей и их полную утрату.

5. Идеологизированность государственной политики приводила к вытеснению из музеев-монастырей церковного элемента, а также нецелесообразному использованию монастырских памятников культуры: в монастырских стенах размещались государственные и общественные учреждения, здания отдавались под хозяйственные и жилищные нужды рабочего населения Московской губернии. В результате подобные действия тормозили процессы музеефикации, обуславливали запущенность и массовое разрушение монастырских ансамблей. На современном этапе все это потребовало реализации трудоемких восстановительных работ и реставрации монастырских комплексов.

Список источников:

Алексеева Л.С., Оленич Л.В. Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41-2. С. 111–121.

Андроник (Трубачев А.С.), игум. Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М., 2008. 430 с.

Гаганова М.А. Документы Главнауки Наркомпроса о музеефикации монастырей в 1920-е гг. // Отечественные архивы. 2015. № 4. С. 67–74.

Гаганова М.А. Троице-Сергиева лавра в зеркале XX в.: святыня, памятник, музей-заповедник (факты и документы). М., 2018. 312 с.

Демченко Г.А., Горбатов А.В. К вопросу музеефикации церковных колоколов: подходы, проблемы // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 178–181.

Козлов В.Ф. Музеи-монастыри в Советской России (1917 – начало 1930-х гг.) // Мир источниковедения / ред. А.Д. Зайцев, Р.Б. Казаков, С.М. Каштанов, В.Ф. Козлов, В.А. Муравьев, Е.В. Старостин, С.В. Чирков. М.; Пенза, 1994. С. 340–344.

Музейное дело России / под общ. ред. М.Е. Каулен. М., 2003. 615 с.

Померанцева Н.А. Николай Николаевич Померанцев: нити жизни и вехи пути // Резные иконостасы и деревянная скульптура русского севера: материалы конференции / сост. Т.М. Кольцова. Архангельск, 1995. С. 5–19.

Смирнова Т.В. Сергиев Посад: репрессии 1920-х гг. // Кадашевские чтения : сб. докл. конф. / гл. ред. А. Салтыков. М., 2014. Вып. XV. С. 17–33.

¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-46570. Л. 231.

² Там же.

Соловьев К.А. Городской монастырь, проблемы сохранения и музеефикации памятников церковной старины на рубеже XIX–XX столетий // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Строительство и архитектура. 2007. № 7. С. 207–211.

Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 6. С. 18–20.

Шапиро Б.Л. Некрополь Вознесенского монастыря Московского Кремля: история и музеефикация // Studia Humanitatis. 2020. № 2. С. 2.

References:

- Alekseeva, L.S. & Olenich, L.V. (2017) The concept of a "Living Museum" of priest Pavel Florensky and forms of existence of modern church museums. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*. (41-2), 111–121. (In Russian)
- Andronik (Trubachev, A.S.) (2008) Closure of Trinity-St. Sergius Lavra and the Fate of the Relics of St. Sergius of Radonezh in 1918-1946. Moscow, Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. (In Russian)
- Demchenko, G.A. & Gorbatov, A.V. (2020) Approaches and problems on the issue of the church bells museumification. *Mission Confessions*. 9 (2), 178–181. (In Russian)
- Florenskii, P.N. (1988) Temple Action as a Synthesis of the Arts. *Arkhitectura i stroitel'stvo Moskvy*. (6), 18–20. (In Russian)
- Gaganova, M.A. (2015) Documents of the Narkompros [Main Directorate of Science] on the Museumification of Monasteries in the 1920s. *Otechestvennye Arkhivy*. (4), 67–74. (In Russian)
- Gaganova, M.A. (2018) The Trinity Lavra of St. Sergius in the Mirror of the Twentieth Century: Sanctuary, Monument, Museum-Reserve (Facts and Documents).. Moscow, Drevlekhranilishche. (In Russian)
- Kaulen, M.E. (ed.) (2003) Russian Museum Business. Moscow, VK. (In Russian)
- Kozlov, V.F. (1994) Monastery Museums in Soviet Russia (1917 - early 1930s). In: Zaitsev, A.D., Kazakov, R.B., Kashtanov, S.M., Kozlov, V.F., Murav'ev, V.A., Starostin, E.V. & Chirkov, S.V. (eds.) *World of Source Studies*. Penza, Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet, 340–344. (In Russian)
- Pomerantseva, N.A. (1995) Nikolai Nikolaevich Pomerantsev: Life Threads and Milestones of the Path. In: Kol'tsova, T.M. (compiler) *Carved Iconostases and Wooden Sculpture of the Russian North: Proceeding of the Conference*. Arkhangelsk, VKH-NRTS, 5–19. (In Russian)
- Shapiro, B.L. (2020) Moscow Kremlin old maidens' convent necropolis: history and museumification. *Studia Humanitatis*. (2), 2. (In Russian)
- Smirnova, T.V. (2014) Sergiev Posad: Repressions of the 1920s. In: Saltykov, A. (ed.) *Kadashev Readings: Proceeding of the Conference*. Moscow, Lug dukhovnyi, Kadashevskaya Sloboda, 17–33. (In Russian)
- Soloviev, K.A. (2007) City monastery: problems of preservation of old church buildings in 19–20 century. *Bulletin of Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering Series: Civil Engineering and Architecture*. (7), 207–211. (In Russian)

Информация об авторах

И.И. Степанов (игумен Лука) – кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Рязань, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=719229.

А.А. Зажеко (иеродиакон Антоний) – аспирант, Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1034453.

Information about the authors

I.I. Stepanov (Hegumen Luka) – PhD in History, Associate Professor, Department of Theology, Ryazan State University named for S. A. Esenin, Ryazan, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=719229.

A.A. Zazheko (Hierodeacon Anthony) – PhD student, Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1034453.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 167–174.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 167–174.

Научная статья
УДК 94(470.57)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.24>

Социально-экономические предпосылки к возникновению теневой экономики в СССР в период «хрущевской оттепели» (на примере БАССР)

Айдар Загирович Уразов

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия, urazov747@mail.ru

Аннотация. В исследовании проанализированы социально-экономические факторы, создававшие предпосылки для зарождения теневой экономики в СССР в период «оттепели» на примере одного из крупных регионов страны – Башкирской автономной советской социалистической республики. На основе опубликованных материалов центральной и республиканской печати, а также документов Национального архива Республики Башкортостан в статье рассмотрены проявления широкого спектра торговых махинаций, хищений, растрат, взяточничества, спекуляции и нелегальной частнопредпринимательской деятельности. В результате показано, как в региональном разрезе происходило зарождение тенденций теневой экономики страны, захватившей впоследствии многие ее отрасли. Сделаны выводы о том, что основными предпосылками к возникновению теневой экономики в СССР в период «хрущевской оттепели» являлись сохранение дефицита товаров повседневного спроса в условиях повышения денежных доходов населения, что приводило к спекуляции промышленными и продовольственными товарами; неудовлетворительная работа по подбору кадрового состава, ставшая причиной массовых хищений государственной и кооперативной собственности; дальнейшая бюрократизация системы управления, что создавало возможности для развития таких негативных факторов, как местничество, коррупция и взяточничество.

Ключевые слова: «оттепель», повышение уровня жизни, рост денежных доходов населения, дефицит товаров повседневного спроса, спекуляция, подбор кадров, хищения, растраты, приписки, коррупция

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90016.

Для цитирования: Уразов А.З. Социально-экономические предпосылки к возникновению теневой экономики в СССР в период «хрущевской оттепели» (на примере БАССР) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 167–174. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.24>.

Original article

Socio-economic prerequisites for the emergence of a shadow economy in the USSR during the “Khrushchev’s Thaw” (on the example of the BASSR)

Aidar Z. Urazov

Bashkir State University, Ufa, Russia, urazov747@mail.ru

Abstract. The study analyzes the socio-economic factors that created the prerequisites for the emergence of a shadow economy in the USSR during the “Thaw” using the example of one of the country’s large regions – the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. On the basis of published materials of the central and republican press, as well as documents of the National Archives of the Republic of Bashkortostan, the article examines manifestations of a wide range of trade fraud, theft, embezzlement, bribery, speculation and illegal private entrepreneurial activities. As a result, it is shown how the trends of the country’s shadow economy, which subsequently seized many of its industries, originated in a regional context. Conclusions are drawn that the main prerequisites for the emergence of a shadow economy in the USSR during the “Khrushchev Thaw” were the commodity deficiency of daily necessities in the context of rising cash incomes, resulting in speculation in industrial and food products; inadequate recruitment of personnel, causing mass theft of state and cooperative property; further bureaucratization of the management system, enabling the development of such negative factors as localism, corruption and bribery.

Keywords: “Thaw”, rise in living standards, rise in money incomes, commodity deficiency of everyday goods, speculation, recruitment, embezzlement, misappropriations, scams, corruption

Funding: The reported study was funded by RFBR, project No. 20-39-90016.

For citation: Urazov, A.Z. (2022) Socio-economic prerequisites for the emergence of a shadow economy in the USSR during the “Khrushchev’s Thaw” (on the example of the BASSR). *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 167–174. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.24](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.24) (In Russian).

Период хрущевской «оттепели» (1950 – первая половина 1960-х гг.) в отечественной истории охарактеризуется как время значительного прорыва советского государства в решении целого ряда экономических и социальных вопросов. Политическое руководство страны в лице Н.С. Хрущева провозгласило новый курс экономической политики, который был основан на отсутствии принуждения и насилия. Послевоенная общественная атмосфера способствовала росту надежд советских людей на улучшение жизни. По оценке российского исследователя Е.Ю. Зубковой, «советское общество не было ни молчаливым, ни верноподданным, оно имело свое лицо и свой мир мнений» (Зубкова, 1998). В свою очередь Р.Н. Сулейманова отмечает, что «война изменила советских людей, внесла серьезные коррективы в систему их ценностей и норм поведения, происходили перемены в запросах и потребностях людей» (Сулейманова, 2013). В научных исследованиях этот период назван началом «либерального коммунизма», который ознаменовался прекращением массовых репрессий и заметным увеличением внимания государства к нуждам и запросам населения (Козлов, 1999). Общим направлением экономики этого периода стало смягчение сверхцентрализации управления и постепенный отказ от форм внеэкономического принуждения.

Примером децентрализации управления экономикой страны является начало широкого обсуждения проблем и путей повышения благосостояния народа. Так, например, в сентябре 1953 г. было принято Постановление Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего развития советской торговли»¹. Во многих регионах страны в ходе принятия этого документа проходили совещания местных государственных и кооперативных торговых организаций, где рассматривались вопросы улучшения их работы, расширения ассортимента промышленных и производственных товаров, а также устранения недостатков в кадровой работе, что говорит о возможности участия профессионального сообщества в проводимых экономических реформах в стране.

Власть понимала, что выход на новый уровень можно осуществить при помощи материальных стимулов, а именно роста качества жизни народа. Для этого предпринимались такие меры, как расширение посевных площадей, освоение целинных и залежных земель. Одновременно повышались закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, для колхозов списывались долги и уменьшались объемы обязательных поставок, снижались налоги на приусадебные участки сельских и городских жителей. В результате возросли денежные доходы населения, что привело и к увеличению потребительских возможностей граждан.

По подсчетам И.Н. Вельможко, «об улучшении материального положения сельского населения в конце 1950-х гг. можно судить по данным о питании колхозников: довоенный уровень питания в семьях колхозников по наиболее калорийным продуктам был заметно превзойден уже к середине 1950-х гг. В 1958 г., по сравнению с 1940 г., колхозники потребляли в 4,4 раза больше сахара, в 3 раза больше кондитерских изделий, почти в 3 раза больше рыбных продуктов, в 1,2 раза больше мяса. В 2–2,5 раза возросло приобретение шерстяных и шелковых тканей, кожаной обуви, в 10 раз – культтоваров: книг, радиотоваров, музыкальных инструментов, часов, велосипедов, мотоциклов». (Вельможко, 2016).

Благодаря курсу нового руководства страны на восстановление баланса между городом и деревней появилась возможность развивать не только тяжелую промышленность, но и сельское хозяйство, а также легкую промышленность, что привело к росту объемов производства товаров массового потребления и относительному насыщению потребительского рынка страны.

Уровень жизни советских граждан постепенно повышался, росли потребности, а удовлетворить их в полном объеме советская экономика была не в состоянии. Причиной этого стала непоследовательность экономической политики партийного руководства страны, которая выражалась в сохранении акцента на первостепенном значении тяжелой индустрии. Реализация цели сбалансированного стабильного развития страны не удалась.

В условиях сохранявшегося дефицита в советском обществе это открывало широкие просторы для различных злоупотреблений. Советская индустриальная модель с основным принципом тотального планирования провоцировала возникновение тенденций теневой экономики. Рассмотрим ряд факторов, прямо или опосредованно создававших предпосылки для ее зарождения на примере одного из крупных регионов СССР – Башкирской автономной советской социалистической республики (далее – БАССР). Республика являлась единым национально-территориальным образованием, крупнейшим производителем сельскохозяйственной продукции в стране, одним из центров развития нефтехимии, машиностроения, авиации. Экономика БАССР была составной частью единого народнохозяйственного комплекса, охватывающего все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны.

¹ О мерах дальнейшего развития советской торговли : постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС. М., 1953. 76 с.

Отказ от индустриально-мобилизационной модели развития советской экономической системы в исследуемый период стал катализатором так называемой «потребительской революции». Но сохранение дефицитности многих товаров народного потребления не было преодолено в силу непоследовательности заявленного руководством страны курса на улучшение качества жизни населения, что являлось подпиткой спекуляции промышленными и продовольственными товарами. О недоступности многих товаров народного потребления свидетельствуют многочисленные письма, получаемые редакциями газет и журналов страны в начале 1960-х гг. Газеты БАССР активно публиковали обращения граждан республики, в которых выражалось недовольство отсутствием товаров повседневного спроса в магазинах. В телеграмме жителей г. Мелеуза, пришедшей в редакцию одной из республиканских газет, говорилось: «... в г. Мелеузе один центральный хлебный магазин, в котором, чтобы купить хлеб, ... надо вставать в 5–6 часов утра и стоять в очереди. Хлеб с перебоями, булок никогда никаких нет, когда и бывают батоны, то их также невозможно купить. Такая же картина в молочном магазине, за молоком нужно стоять по 2–3 часа. Просим проверить и помочь устранить все эти недостатки»¹.

В одном из писем жителя г. Уфы секретарю ЦК КПСС Ф.Р. Козлову, датированном 10 января 1962 г., отмечается: «Очень плохо в Уфе обстоит дело с торговлей. В зимние месяцы почти прекратилась продажа масла, молока и муки. Не бывает конфет, сметаны, кефира, растительного масла, мяса и др. Что случилось? В чем дело? Наверно, не все эти перебои от недостатка фондов, как у нас объясняют некоторые руководители, ... это неверно. Руководители города и республики не проявляют заботы о людях, сами они обеспечены всем. Им к дому даже хлеб привозят горячий, из печи. Они не ходят в магазины, не понимают нужды народа»².

В письме в редакцию газеты «Советская Башкирия» работница Дома культуры «Строитель» Е.И. Соловьева пишет: «Чтобы купить огурчик, пучок зеленого лука, морковку, приходится обращаться к частнику и платить втридорога. Разве у нас плохо развито сельское хозяйство? Плохо с транспортировкой? Нет, это результат плохой работы наших торговых организаций»³. Редакция, анализируя целый ряд подобных писем, в своей статье пишет, что «авторы совершенно справедливо указывают на неповоротливость торговых организаций города Уфы в деле обеспечения трудящихся свежими овощами. До 1 августа эти организации должны были завезти и продать, например, 1 500 тонн картофеля, 300 тонн капусты, 55 тонн помидоров, 820 тонн огурцов. Заготовлено же их такое мизерное количество, что даже не обеспечивает потребность лечебных и детских учреждений»⁴.

В письмах читателей указывалось и на серьезные недостатки в организации торговли товарами и продуктами повседневного спроса. Проблему нехватки керосина и соли обозначали в своих письмах Ф. Кадыров из Татышлинского района, А. Игнатьев из Бижбулякского района, М. Мурзагаллин из Белорецкого района, Н. Трапезников из Дюртюлей⁵.

В постановлении бюро Башкирского обкома КПСС от 9 апреля 1957 г. отмечается, что «не смотря на неоднократные предупреждения, правление потребсоюза республики до сего времени не приняло практических мер по устранению перебоев в торговле товарами первой необходимости. Во многих магазинах сельских потребительских обществ часто допускаются перебои в торговле солью, керосином, спичками и многими другими хозяйственно-бытовыми товарами при наличии их в достаточном количестве на базах и складах. Плохо организована торговля вилами, лопатами железными и деревянными, ламповым и фонарным стеклом. В большинстве районов до сего времени не организована торговля строительными материалами и лесощепными изделиями. Райкомы КПСС и исполкомы райсоветов слабо осуществляют контроль за работой торговых организаций, не оказывают им практической помощи в своевременном завозе необходимых товаров и нетребовательно относятся к руководителям торговых предприятий, допускающим перебои в торговле товарами первой необходимости»⁶.

В целом ряде промышленных и продовольственных товаров спекуляция приобрела значительные размеры. Приведем письмо жителя г. Уфы А.Г. Сытина в редакцию газеты «Советская Башкирия»: «В магазине электротоваров по ул. К. Маркса продавец отпустила одной женщине пять штук утюгов, и после этого утюгов в продаже не было. На вопрос, почему в одни руки отпущено пять штук утюгов, продавец ответила, что есть документ с резолюцией министра торговли

¹ Проблемы взаимоотношений населения и власти в СССР в 1945–1964 гг.: на примере Башкирской АССР. Сборник документов и материалов. Уфа, 2014. С. 306.

² Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. 122. Оп. 71. Д. 201. Л. 246–247.

³ Советская Башкирия. 1958. № 174.

⁴ Там же.

⁵ Советская Башкирия. 1958. № 28.

⁶ НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 473. Л. 34.

на отпуск пяти штук утюгов из розничного магазина. Не является ли это нарушением правил советской торговли? Следует иметь в виду, что утюгами торговали примерно 15–20 минут. Спрашивается, как эта женщина сумела отпечатать документ, добиться на нем визы министра и успеть купить утюги в эти минуты? Выходит, что кто-то заранее специально извещал ее о наличии утюгов и когда они будут продаваться»¹.

Следующим фактором проявления теневых процессов в советской экономике являлись хищения государственной и кооперативной собственности. По оценке А.И. Гурова, «в 1960 г. доля хищений и краж имущества от всего количества преступлений, зарегистрированных в СССР, составила соответственно 26,3 % и 18,2 %» (Гуров, 1990).

Наиболее криминогенной являлась сфера торговли и промкооперации. В рассекреченных архивных документах Национального архива Республики Башкортостан содержатся справки и докладные записки МВД БАССР, поступавшие в республиканский обком КПСС. В них описываются многочисленные факты хищений в системе государственной торговли и потребительской кооперации в БАССР. В справках МВД раскрываются примеры хищений государственной и общественной собственности, а также содержится подробный анализ их причин, в числе которых указываются следующие: низкое качество работы ревизионных комиссий сельпо и райпотребсоюзов; ведомственный ревизорский аппарат в практической работе не оправдывает своего назначения; большинство фактов хищения государственного и общественного имущества совершается при помощи подделки документов; продажа товаров со складов и баз хозяйственными и торгующими организациями создает благоприятные условия для хищений и спекуляций, так как осуществляется без оформления в бухгалтерии расходных документов и пропусков без подписей главных бухгалтеров торгующих организаций; объектами крупных хищений и местами укрытия совершенных краж служат промежуточные складские помещения и базы (так называемые перевалочные); отсутствие персональной ответственности главных бухгалтеров торгующих организаций; плохое качество работы лавочных комиссий и внештатных инспекторов в системе государственной и кооперативной торговли республики; низкая ответственность первичных партийных организаций в системе торговли за обеспечение сохранности государственного и кооперативного имущества; отсутствие систематической совместной работы горкомов и райкомов КПСС с городскими отделами и районными отделениями милиции по вопросам организации борьбы с хищениями социалистической собственности в торгующих организациях².

В докладной записке Министерства внутренних дел Башкирской АССР секретарю Башкирского обкома КПСС З.Н. Нуриеву сообщается о фактах хищения нового урожая в колхозах и совхозах республики: «Несмотря на принятые меры к усилению сохранности зерна в ряде колхозов и совхозов БАССР допущены факты хищения хлеба нового урожая. С момента начала хлебоуборочных работ выявлено 20 случаев хищения зерна, по которым привлечено к уголовной ответственности 24 человека»³.

На сотрудников правоохранительных органов страны обрушился целый вал дел о хищениях. Российский историк Р.А. Хазиев пишет: «Суды БАССР рассматривали в 1955 г. по 100 и более дел о хищении ежемесячно... Растраты начинали принимать лавинообразный характер – например, в Башпотребсоюзе, невзирая на контроль со стороны ОБХСС, на 1 января 1955 г. было растрчено 5 906 000 рублей, а к 1 июля 1955 г. эта цифра возросла до 6 949 000 рублей» (Хазиев, 2011).

Многочисленные факты хищений государственного имущества фиксировались на лесозаготовительных предприятиях. По мнению С.В. Богданова, это происходило при помощи составления фиктивных документов на выплату денежных средств за несуществующие работы, которые можно было замаскировать и таким образом показать завышение объема и стоимости произведенных работ⁴. В БАССР, являвшейся одним из крупных лесопромышленных регионов страны, подобные нарушения также имели место. Свидетельством этому является фельетон Н. Ртищева в газете «Правда» от 7 октября 1964 г.: «Лесозаготовительные предприятия Иглинского района могут с избытком снабдить дровами Уфу и все степные районы Башкирской республики. Но вы ошибаетесь, полагая, что все граждане и учреждения этого района обеспечены местным топливом. Есть тут, оказывается, немало жаждающих прибытия вагонов с дровами из дальних краев. Например, Кудеевская школа, Улу-Телякский детский санаторий получают дрова из Сибири. В республике без малого 7 миллионов гектаров лесов. А вот дрова зачастую импортируются из соседних областей Урала и Сибири.

¹ НА РБ. Ф. 8796. Оп. 2. Д. 84. Л. 118.

² НА РБ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1407. Л. 27–28; Ф. 788. Оп. 1. Д. 842. Л. 5.

³ Там же. Оп. 72. Д. 183. Л. 11.

⁴ Богданов С.В. Хозяйственно-корыстная преступность в СССР 1945–1990 гг.: факторы воспроизводства, основные показатели, особенности государственного противодействия : дис... д-ра ист. наук. Курск, 2010. С. 250.

– Вы уж, пожалуйста, не пишите об этом, – сказали нам работники Управления снабжения и сбыта при Совете Министров БАССР. – Иначе Москва не даст больше нарядов. Нам так и говорят: «В лесу живете – лесу просите»¹.

Кражи на промыслах исправного оборудования, инструментов, а затем сдача их под видом металлолома на заготовительные пункты также являлись нередкими явлениями. «Так, например, на Туймазинской площадке органы милиции сняли с погруженных платформ несколько десятков новых, не бывших в употреблении буровых долот, украденных в тресте «Туймазабурнефть», – сообщается в материале В. Вершинина в газете «Советская Башкирия». «Неразборчивые агенты «Вторчермета» приняли их, погрузили для отправки на переплав. Некоторые «сборщики» поставили дело на индустриальную ногу: обзавелись газорезательными аппаратами и втихомолку режут стальные конструкции, трубы и прочее, что весом побольше и плохо охраняется. На третьем промысле «Октябрьскнефти» эти ловкачи изрезали металлический постамент для бурового насоса. На одном из участков строительно-монтажного цеха «Туймазанефти» за один вечер разрезали на куски металлические тракторные сани и металл сдали на приемный пункт»².

Имели место различного рода приписки. Так, например, после выхода обличительных статей в газете «Советская Башкирия» от 27 января 1961 г. «Очковтиратели под крылышком райкома» и газете «Правда» от 29 января 1961 г. «Беспринципная позиция» состоялось заседание бюро Башкирского обкома КПСС. В его постановлении от 11 февраля 1961 г. говорится: «Заслушав объяснения секретаря Благовещенского райкома КПСС П., председателя исполкома райсовета Г. и председателя колхоза им. Жданова К., бюро обкома отмечает, что в колхозе им. Жданова действительно из-за плохой постановки первичного учета и отчетности имели место приписки к оперативной отчетности 101 гектара ржи и 16 гектаров картофеля. Указать бюро Благовещенского райкома КПСС на то, что факты приписки... не были своевременно обсуждены в райкоме партии и им не было дано должной партийной оценки»³.

В республиканской периодической печати также публиковались материалы о приписках. Так, например, в номере от 11 октября 1963 г. заведующий внештатным отделом рабочей жизни С. Казачковский написал статью о деятельности строительно-монтажного управления Министерства торговли БАССР, в которой сообщал: «Бесконтрольность со стороны руководителей управления и потворство нечистоплотным на руку людям привели к тому, что некоторые из них стали на путь преступления. В СМУ еще пуще стали действовать очковтиратели и мастера приписок. В августе, например, были приписаны в выполнение плана 9 тыс. руб. за счет остекления нового магазина плодоовощторга на проспекте Октября в Уфе. Остекления не сделали, а отчитались... также оплата многих нарядов переносится с одного месяца на другой без ведома бригад»⁴.

Широкое распространение хищений государственной и общественной собственности в стране стало возможным по причине неудовлетворительной кадровой политики, работы по подбору персонала как в торгующие предприятия, так и в другие отрасли народного хозяйства. Исследователь С.В. Богданов отмечает, что в стране шли многочисленные судебные процессы именно по хозяйственным делам, в которых вскрывались нарушения в подборе кадров, а именно: к материальным ценностям допускались люди, имевшие в прошлом судимости за хозяйственные преступления⁵.

В материалах переписки Ишимбайского городского комитета КПСС БАССР с органами КГБ, милиции и прокуратуры города содержатся справки по результатам проверки работы прокуратуры г. Ишимбая по общему надзору, в которых сообщается, что за 9 месяцев 1955 года прокуратурой города проведены проверки по вопросу борьбы с хищениями социалистической собственности и соблюдения трудового законодательства. Из произведенных проверок в 75 % обнаружены нарушения законности. «Состояние борьбы с растратами в отделе рабочего снабжения находится в неудовлетворительном состоянии, результатом чего является факт, что за 9 месяцев растрчено 44 тыс. рублей. На материально-ответственных должностях работают лица, ранее имеющие судимость и уволенные за растраты. Так, зав. складом чайной № 1 П. в 1946 г. была осуждена к трем годам лишения свободы. Экспедитор Р. в 1952 году был осужден за растрату»⁶. В материалах протоколов бюро Белорецкого горкома КПСС за ноябрь 1955 г. отмечается, что «в ОРСе Белорецкого металлургического комбината не соблюдается своевременность проведения инвентаризаций. Не ведется борьба с обманом покупателей, обмером и обвесами. Имеются факты несвоевременного отстранения от работы лиц, допустивших растраты, и приема

¹ Проблемы взаимоотношений населения и власти в СССР в 1945–1964 гг. ... С. 456.

² Советская Башкирия. 1958. № 88.

³ НА РБ. Ф. 122. Оп. 66. Д. 25. Л. 5–7.

⁴ Проблемы взаимоотношений населения и власти в СССР в 1945–1964 гг. ... С. 306.

⁵ Богданов С.В. Указ. соч. С. 239.

⁶ НА РБ. Ф. 649. Оп. 56. Д. 53. Л. 43–45.

на работу лиц, ранее уволенных за хищения. Происходит это потому, что руководители предприятий, работники отдела кадров несерьезно подходят к подбору и расстановке людей, а партийные и профсоюзные организации не вникают в деятельность торговых организаций, промкооперации и местной промышленности»¹.

В докладной записке МВД БАССР секретарю Башкирского обкома КПСС З.Н. Нуриеву от 23 августа 1961 г. сообщается, что министерство «в целях недопущения фактов хищения зерна до начала уборки разработало конкретный план оперативных и профилактических мероприятий, согласно которому начальникам органов милиции было предложено совместно с руководителями колхозов и совхозов разобраться на месте с выделенными на период хлебоуборочных работ весовщиками, зерновозчиками, горючевозчиками, заведующими зернотоками, охранниками, завскладами, и тех, кто из них ранее был судим за хищения, к материальной ответственности не допускать»². В ходе выполнения этого мероприятия работники из числа названных категорий были заменены другими сотрудниками и переведены на работу, не связанную с охраной, перевозкой и заготовкой зерна³.

Середина 1950-х гг. характеризуется взрывным ростом хищений государственной собственности в целом по стране и в регионах. В целях борьбы с этим явлением правоохранные органы БАССР предлагали следующие меры: поднятие ответственности ревизионных комиссий сельпо и райпотребсоюзов; упразднение ведомственного и создание единого государственного ревизорского аппарата; организация печатания и учета бланков строгой отчетности (бланков накладных и счетов); запрет отпуска товаров с баз и складов без оформления расходных документов и пропусков; обсуждение вопроса о сохранении промежуточных складов с руководителями торгующих организаций; проведение республиканского совещания главных бухгалтеров всех торгующих организаций по обсуждению вопроса о практических мероприятиях по обеспечению сохранности имущества торгующих организаций. МВД БАССР предлагало поручить главному торговому инспектору по БАССР совместно с профсоюзными органами разработать план практических мероприятий по улучшению работы лавочных комиссий и внештатных инспекторов в системах государственной и кооперативной торговли. Одной из действенных мер по борьбе с хищениями в сфере государственной и кооперативной торговли органы правопорядка считали привлечение членов КПСС к партийной ответственности за плохую постановку дела охраны социалистической собственности, систематическое заслушивание отчетов материально-ответственных лиц торгующей организации. Роль горкомов и райкомов КПСС, по мнению представителей правопорядка, должна была состоять в систематическом заслушивании начальников городских отделов и районных отделений милиции на бюро горкома или райкома КПСС по вопросам организации борьбы с хищениями⁴.

В исследуемый период происходила дальнейшая бюрократизация системы управления в стране, что создавало дополнительные предпосылки для существования теневой экономики. Заявленные реформы государственных органов власти приводили к ослаблению контроля над региональной партийной номенклатурой, что способствовало распространению таких негативных явлений, как местничество, коррупция и взяточничество, развивало благоприятную среду для широкого распространения всевозможных корыстных злоупотреблений. Характеризуя период «хрущевской оттепели», Р.А. Хазиев справедливо отмечает, что наступила новая эра – эра «блата», договоренностей и «своих людей» в разных структурах. За хозяйственные нарушения граждан не расстреливают и не отправляют в лагеря, а стремление к обогащению и хорошей жизни охватывает все слои общества: в милиции у преступников появляются связи, в судах начинают брать взятки, в экономических преступлениях оказываются замешанными коммунисты, которых парткомы уже не исключают из партии (Хазиев, 2011).

В справке начальника отдела милиции Ишимбайского горсовета секретарю Ишимбайского горкома КПСС сообщается: «Городской отдел милиции располагает материалами о том, что член КПСС тов. П., состоящая на партийном учете в парторганизации ОРСа Управления «Ишимбай-нефть», работая директором магазина № 54, несколько злоупотребляет своим служебным положением. Продавцов подбирает из угодных ей людей, в результате чего в магазине существует круговая порука, скрываются растраты, нарушается трудовая дисциплина, имели место завышения сортов мяса, отсюда рост цен на него»⁵. Также правоохранными органами была направ-

¹ НА РБ. Ф. 2225. Оп. 37. Д. 22. Л. 71.

² НА РБ. Ф. 122. Оп. 66. Д. 294. Л. 84.

³ Там же. Оп. 32. Д. 1798. Л. 24.

⁴ НА РБ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1407. Л. 27–28; Ф. 788. Оп. 1. Д. 842. Л. 5.

⁵ НА РБ. Ф. 649. Оп. 56. Д. 137. Л. 1.

лена справка на члена КПСС гражданина С., состоящего на партийном учете в партийной организации АТК Управления «Ишимбайнефть»: «Начальник эксплуатации Автотранспортной конторы Управления «Ишимбайнефть» С. занимается злоупотреблением своего служебного положения, использует транспорт в корыстных целях, присваивает материальные средства. Расследованием установлено, что С. вошел в связь с директором Петровского райпромкомбината гражданином Е. и договорился, что Е. заготавливает лес, а С. обеспечивает транспортом, осуществляет перевозку этого леса из с. Кулгунино Макаровского района до с. Петровск на расстоянии 40 км, за что райпромкомбинат отдает половину заготовленного леса С. Также он имел личные сделки с клиентами: как-то при наличии автокранов С. без всякого разрешения взял автокран в гараже автобазы СМУ-3 и направил его на лесобиржу для погрузки леса Давлекановской швейной фабрики, за что получил от представителя фабрики деньги в сумме 460 руб.»¹. Таким образом, прослеживается неудовлетворенность собственным социальным статусом отдельных, наиболее предприимчивых советских граждан, которые предпринимали небезуспешные попытки использовать свое служебное положение с целью получения собственной выгоды.

Материалы БАССР свидетельствуют о таких предпосылках к возникновению теневой экономики в СССР в период хрущевской «оттепели», как сохранение дефицита товаров повседневного спроса в условиях повышения денежных доходов населения, что приводило к спекуляции промышленными и продовольственными товарами; неудовлетворительная работа по подбору кадрового состава, которая провоцировала массовые хищения государственной и кооперативной собственности; дальнейшая бюрократизация системы управления, создававшая возможности для развития таких негативных факторов, как местничество, коррупция и взяточничество.

В заключение необходимо отметить, что для выявления других причин развития негативных тенденций в экономике и системе государственного управления страны в исследуемый период требуется более глубокий анализ социальной, экономической, культурной, политико-правовой жизни советских граждан.

Список источников:

- Вельможко И.Н. Социальные трансформации в период «хрущевской оттепели» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26, № 4. С. 93–100.
- Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. 304 с.
- Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948 годы. По материалам ЦК ВКП (Б) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 99–108.
- Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999. 543 с.
- Сулейманова Р.Н. Общественные настроения в Башкирии в 1945–1953 гг.: новые веяния в политической жизни // Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2013. С. 240–249.
- Хазиев Р.А. Будни зазеркалья социалистической экономики хрущевских времен // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 3. С. 874–881.

References:

- Gurov, A. I. (1990) *Professional'naya prestupnost': proshloe i sovremennost'* [Professional Crime: Past and Present]. Moscow. 304 p. (in Russian).
- Khaziev, R. A. (2011) Everyday Lives Through the Prism of Socialist Economy During Khrushchevs Era. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 16 (3), 874–881 (in Russian).
- Kozlov, V. A. (1999) *Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.)* [Mass Riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s)]. Novosibirsk. 543 p. (in Russian).
- Suleimanova, R. N. (2013) *Obshchestvennye nastroyeniya v Bashkirii v 1945–1953 gg.: novye veyaniya v politicheskoi zhizni* [Public Sentiment in Bashkiria in 1945–1953: New Trends in Political Life]. In: *Regional'nyi faktor modernizatsii Rossii XVIII–XX vv.* Ekaterinburg, pp. 240–249 (in Russian).
- Velmozhko, I. N. (2016) Social Transformation in the Period of «Khrushchev Thaw». *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. 26 (4), 93–100 (in Russian).
- Zubkova, E. Yu. (1998) *Mir mnenii sovetskogo cheloveka. 1945–1948 gody. Po materialam TsK VKP (B)* [A Soviet Man's World of Opinion. 1945–1948. Based on Materials of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. *Otechestvennaya istoriya*. (4), 99–108 (in Russian).

Информация об авторе

А.З. Уразов – аспирант кафедры истории России историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета, Уфа, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1081278.

¹ НА РБ.Ф. 649. Оп. 56. Д. 137. Л. 3

Information about the author

A.Z. Urazov – PhD student, Department of Russian History, Historiography and Source Studies,
Institute of History and Public Administration, Bashkir State University, Ufa, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1081278.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 175–180.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 175–180.

Научная статья
УДК 008:82-1(55)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.25>

Проблематика гендерной идентичности и её отражение в современной культуре Ирана (на примере газели «О женщина» Симин Бехбахани)

Анна Владимировна Березина

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел России, Москва, Россия, a.berezina@inno.mgimo.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2741-2956>

Аннотация. Статья направлена на раскрытие проблематики женской идентичности в Иране посредством культурологического анализа стихотворения «О женщина» Симин Бехбахани. Исследование эстетики и тематики произведений, написанных женщинами, позволяет прикоснуться к глубинным смыслам сознания иранок, осознать способы сохранения национальной культуры и традиционного менталитета, находящихся в хрупком балансе с возрастающей включённостью их в разнообразные профессиональные отношения, которые существенно расширили границы феминного миропонимания. Изучение формирования новых культурных реалий, созданных в этих взаимосвязях, позволяет глубже понять восточную литературу и культуру, а также может способствовать межкультурному диалогу. Малочисленность работ по исследованию проблематики понятия женской идентичности в Иране и современной иранской культуры, отсутствие переводов на русский язык сборников поэзии Симин Бехбахани, недостаточная изученность её роли в формировании феминной картины мира и творчества в культурологическом ключе обуславливают актуальность рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: гендерная идентичность, иранская культура, Иран, культурологический анализ, Симин Бехбахани, женское письмо, современная поэзия, либерализация, картина мира

Для цитирования: Березина А.В. Проблематика гендерной идентичности и её отражение в современной культуре Ирана (на примере газели «О женщина» Симин Бехбахани) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 175–180. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.25>.

Original article

Gender identity and its reflection in modern Iranian culture (the case of the ghazal “Oh woman” by Simin Behbahani)

Anna V. Berezina

MGIMO, Moscow, Russia, a.berezina@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2741-2956>

Abstract. The author is revealing the problems of women's identity in Iran through a cultural analysis of the poem “Oh Woman” by Simin Behbahani. The study of the aesthetics and topics of works written by women allows us to touch the deep meanings of the consciousness of Iranian women, to realize the ways of preserving the national culture and traditional mentality, which are in a delicate balance with their increasing involvement in various professional relationships, that significantly expanded the boundaries of the feminine worldview. Studying the formation of new cultural realities created in these relationships allows a deeper understanding of the Eastern literature and culture, and can also contribute to intercultural dialogue. Small number of works on the study of the problematics of the concept of female identity in Iran and modern Iranian culture, the lack of Russian translations of the poetry collections of Simin Behbahani, the insufficient study of her role in the formation of a feminine worldview and creativity in a culturological key determine the relevance of the problem.

Keywords: gender identity, Iranian culture, Iran, cultural analysis, Simin Behbahani, women's writing, modern poetry, liberalization, worldview

For citation: Berezina, A.V. (2022) Gender identity and its reflection in modern Iranian culture (the case of the ghazal “Oh woman” by Simin Behbahani). *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 175–180. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.25](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.25) (In Russian).

Введение. В XX в. понимание женской идентичности в Иране претерпело кардинальные изменения, связанные с расширением присутствия женщин в различных областях жизни общества. Ещё в начале века большинство иранских женщин не имели образования, а круг их обязанностей ограничивался ведением хозяйства, воспитанием детей и иногда занятием кустарными

промыслами. Благодаря реформам Реза-шаха Пехлеви¹ 1920–30-х гг. была создана система среднего образования, со временем женщинам дали доступ в вузы, в том числе зарубежные, к получению профессиональных знаний по академическим специальностям и дальнейшей их реализации. Было учреждено много печатных изданий, открывавших женщинам дорогу к возможности быть услышанными широкой аудиторией (Березина, 2021: 118). Так появились первые поэтессы, писательницы и художницы с изменённой самоидентификацией, парадигмой мышления и потребностью позиционировать себя в качестве профессионалов.

Симин Бехбахани (1927–2014) стала одной из таких женщин, которые благодаря активной гражданской позиции и личному примеру способствовали свободному самовыражению женщин, выработали художественные средства выражения гендерной идентичности автора, включили широкие массы в борьбу против патриархальной системы общества. Такая авторская инициатива отразила основные аспекты культурного развития страны и заложила основы женского письма (Хушгадамова, Березина, 2018: 18), которые в современной поэзии Ирана считаются каноническими.

Методология. Многогранный характер предмета исследования обусловил необходимость междисциплинарного подхода и использование комплекса таких методов, как: культурологический анализ, контент-анализ художественных произведений, методология феминистской литературной критики, метод философской герменевтики и др. В качестве примера, иллюстрирующего поднимаемые вопросы, мы предлагаем рассмотреть газель² Симин Бехбахани «О женщина»³ (1956).

Теоретическая база исследования. К анализу поэзии С. Бехбахани обращались многие иранские исследователи, в частности К. Абеди, А. Абумахбуб, Э. Вахеде, Р. Калантари, М. Рузбех, Н. Харири, К. Хасанли, М. Хейдари, С. Фахри, Ф. Шарифи⁴, однако изучение их произведений проводилось исключительно в рамках патриархальной научной парадигмы, безотносительно к гендерной принадлежности автора. М. Бехфар, Р. Заварийан, А. Ходаджу, М. Шарифийан⁵ частично применяли культуроведческий анализ и методологические инструменты гинокритики (Showalter, 1986) в изучении творчества С. Бехбахани, однако исследования были проведены фрагментарно.

Рассмотренные работы позволяют судить о широте проводимых исследований и актуальности поставленных вопросов, однако в своём большинстве они не исчерпывают всех особенностей женского мира, обходят культуру Ирана, в частности изучение художественных текстов в ракурсе гендерной идентичности.

Результаты. Женская идентичность подразумевает раскрытие нескольких смысловых блоков, включающих различные аспекты самовыражения личности, а именно: эмотивность, построение сюжета вокруг героини, позиционирование себя в качестве поэта, борьбу против патриархальной системы общества, гендерный дуализм, амбивалентность женщины, автопортрет, счастливую или несчастную женскую любовь и др. Симин Бехбахани выработала свои средства выражения гендерной идентичности автора, которые отражают эти аспекты культуры и уже считаются каноническими для современной поэзии Ирана.

В первую очередь речь пойдёт об эмотивности лирики – в мусульманской стране женщина не имела права голоса не только в социальной среде, но и в выражении своего творческого начала:

О женщина!

Как ты соблазнительна и прекрасна!

Подобна распутившейся в этом мире розе.

Назвал тебя розой, и смутился от слов своих,

Ведь где найти розу, радующую сердце, как ты?

Какая роза, подобно тебе, будет вести ласковые речи?

Лишь ты – едва распутившаяся роза, способная говорить⁶.

¹ Реза-шах Пехлеви (1878–1944) – шах Ирана с 1925 по 1941 г. из династии Пехлеви.

² Газель – стихотворная форма, насчитывающая до 15 бейтов (двустуший) и написанная по схеме aa/ba/ca//da и т. д.

³ زن ای [Электронный ресурс] // بیت هست-ها بیت. URL: <http://beytha.ir/poem/504024/زن-ای> (дата обращения: 02.05.2022).

⁴ Адеби К. Таранном-э газаль. Тегеран: Хафез. 2000; Абумахбуб А. Гахваре-йе сабз-е афра: зендеги в ше'р-е Симин Бехбахани. Тегеран: Салес. 2003; Вахеде Э. Гозиде-йе аш'ар ва газалтаранеха-йе зан-е эмуруз-е Иран. Тегеран: Таране. 39-42; Калантари Р. Зистан дар ше'р. Тегеран: Ней. 2010; Рузбех М. Сейр-е тахаввол-е газал-е фарси. Тегеран: Рузане. 2000; Харири Н. Дар бар-е хона рва адабият. Тегеран: Амир Кабир. 1989; Хасанли К., Хейдари М. Барреси-йе анасер-е зендеги-йе мо'асер дар ше'р-е Симин Бехбахани. Олум-е еджтема'и ва енсани-йе данешгах-е Шираз, 2006. № 48. 85-100; Фахри С. Симин Бехбахани. Халаль, 1964. № 48. 69-73; Шарифи Ф. Тафарроджи дар сорууде-йе Симин Бехбахани. Ше'р. 2015. № 77. 128-157.

⁵ Бехфар М. Ашеганеха: ашеганесараи дар ше'р-е парси. Гозари бар ашеганеха-йе Симин Бехбахани. Голестане. 1999. № 8. 80-90; Заварийан Р. Ша'еран-е зан-е мо'асер ва андише-йе феминисти (Симин Бехбахани). Тегеран: Рудаки. 2006. № 8. 30-37. Ходаджу А. Барреси-йе афкар ва асар-е се зан-э дегаран-диш-е мо'асер. Тегеран: Манеш. 2007; Шарифийан М. Нагш-е забан дар ше'р-е Симин Бехбахани. Па-жухешнаме-йе адаб-е ганаи, 2005. № 4. 98-75.

⁶ Здесь и далее перевод с персидского языка А. Березиной.

В исламской культуре существует понятие «махрам» – кровные родственники, между которыми брачная связь недопустима, прикосновение к которым не нивелирует ритуального омовения перед молитвой. Только при махрамах женщина может в определённой мере открывать аурат – части тела, которые нельзя показывать другим людям. В Иране ауратом для женщин является всё тело, кроме овала лица и кистей рук. Кроме этого, все чувства и эмоции было принято выражать только в кругу близких, преимущественно женщин.

Симин придерживалась либеральных взглядов, не пыталась акцентировать внимание на гендерной принадлежности автора, и именно в этом стремлении проявляется её борьба с довлеющими стереотипами. Бехбахани объясняет это следующим образом: «Я так устала от того, что к слову “поэт” добавляют уточняющее “женщина”. Человек либо поэт, либо нет. Если он поэт, то его гендерная принадлежность не может повлиять на его личность, обязанности и ответственность» (Заварийан: 30–37). Она протестует против каких-либо скидок на гендерное различие в оценивании своих произведений сообществами критиков и даёт благодатный посыл поэтессам и писательницам, убеждая их в огромном творческом потенциале женщины.

Недоступность творческой и профессиональной реализации в патриархальной мусульманской культуре поддержана недостаточной правовой и социальной защищённостью женщины. Ей отводилась определённая роль супруги, матери и хранительницы очага, соответственно, местом реализации этих ролей становился дом, а окружение ограничивалось махрамами. Однако нередко и в кругу семьи женщина не была защищена – иранские законы не регламентировали домашнее, семейное и бытовое насилие, множество женщин систематически становились жертвами подобных действий:

О, благополучная счастливая мать,
На что ты похожа в окружении детей?
Серебристая озаряющая душу луна
В ожерелье из плеяд.
Свеча, разжигающая пламя над головой своей,
Украшающая пир светом.
Поступающая телом, душой и покоем своим,
Дабы дарить радость другим.
Чтобы успокоить души чад своих,
Каждый миг терзаешься.

Женщины могли всю жизнь молча принимать и терпеть такое положение вещей, ведь разведённую женщину лишали детей и поддержки со стороны бывшего супруга, если другое не было прописано в брачном договоре, такую женщину часто не принимали её собственные родители и семья, в обществе к ней относились, как к прокажённой. Обидное слово «моталлеге» («разведённая») в персидском языке обрело коннотацию «распутная женщина», т. к. многие разведённые женщины без профессии и образования вступали на этот сомнительный путь, чтобы себя прокормить. Некоторые женщины оставались вдовами с детьми без средств к существованию, поэтому соглашались на самую грязную и малооплачиваемую работу.

В период либерализации (с нач. XX в.) в обществе складывалось новое отношение к разводу и женщине, творческие круги и интеллигенция порицали закоснелые нравы, пытались внедрить иные модели поведения и изменить реакции социума. Симин пережила развод и вышла замуж во второй раз. В своём творчестве поэтесса касается и этого неудобного вопроса. Она не останавливается на констатации безысходности положения и бесправности женщины, а видит в этой ситуации начало нового, свободного периода жизни, призывает черпать силы в слабости и не отчаиваться:

Воспела твою милость и доброту,
Однако это не все твои добродетели.
Помимо того, ты символ борьбы
Ты словно меч, закутанный в шелка.
Не опасаясь злого врага,
Не боишься острого клинка.
Познает месть и гнев твой
Враг, разбивший чашу терпения.
Жизнь отдашь за друзей своих,
Не простишь грехов ты врагам своим.

Поэтесса понимала, что мусульманское общество пока не готово принять развод как естественную часть жизни, однако заложила зерно надежды на то, что в процессе эволюционного развития социум когда-нибудь воспримет развод как данность.

В свете этих событий новой реалией литературы Ирана 50-х гг. XX в. стал социальный аспект. В изучении художественного текста в рамках женской идентичности интерес представляет выявление его общественной направленности, способности генерировать идеи и влиять на их активное функционирование в социальном пространстве. Феминное письмо в той или иной степени призывает бороться с традиционным бытийным сознанием и создаёт у женщин новое мироощущение, моделирует иной образ существования, призывает к свободомыслию, демонстрации их природных сил и способностей. В рамках феминистской литературной критики под термином «женское письмо» принято понимать «феномен, обладающий женской природой, то есть способностью избегать мужских доминант логоцентризма»¹, иными словами, литературу, не просто созданную женщинами, а отражающую их гендерное самосознание:

Словно чанг² музыканта, напела

Мужчине на ушко мелодию равенства.

Молвила: «Я твоя пара, подруга, однако

Не из-за любви или страсти.

Мы оба к цели единой идём,

Отбрось эгоизм и самонадеянность.

В начале совместного пути возьми меня за руку,

Со мной переноси все беды – мы ведь попутчики.

В ракурсе я-поэт Бехбахани позиционирует себя профессионалом со взвешенной гражданской позицией. Заявляя о естественности и правомерности стремления иранок к самому необходимому перечню свобод, она осознаёт и весь груз ответственности, который влекут эти свободы. Поэтесса также понимает собственные обязательства перед избранным видом деятельности и видит своё предназначение в изменении моральных ценностей иранского общества:

Сегодня ты прославилась,

Завтра перед тобой откроется сотня дорог.

Так, что на твоём челе вижу

Место в парламенте.

Распоряжаешься судьбой своею,

В деле сведуща и мудра.

О женщины! Вместе сегодня старайтесь

Выйти из теснины невежества.

Разногласия пути сковывают ваши ноги,

Стремитесь развязать их.

Симин называет отношения, строящиеся на материальной зависимости, неэффективными и неприемлемыми для эволюционирующего и прогрессивного социума. Она сожалеет об отсутствии такого естественного баланса в своей стране и выражает острую потребность в расхождении традиционного полородового поведения.

Социально-политический аспект в лирике Бехбахани проявлен ярко и полно. Она ставит перед собой глобальные цели оздоровления системы и нации в целом, приходит к пониманию взаимосвязи самоопределения человека с его ролью в построении здорового общества и достижении гражданских прав и свобод. Симин расширяет поле деятельности женщины, наделяет её конкретными социальными функциями, прорисовывает её позицию в качестве активного субъекта общественной жизни, таким образом выходя за рамки специфических пологендерных ментальных и поведенческих стереотипов, связанных с функцией деторождения и ведением домашнего хозяйства. Она критикует устои иранского патриархального общества, обращаясь к образу женщины-жертвы насилия и издевательств, видит в бесправности женщин социальные причины, и законы, поставившие их в положение рабынь в семье и окружении.

Поэтесса обращается ко всем женщинам своей страны, призывает к солидарности, единению в борьбе за общие идеалы:

Позор – разлад в ваших рядах, одумайтесь!

Не пятняйте позором ваше доброе имя.

Что думаешь о просьбе моей?

Сама что скажешь в ответ?

В последних строках звучит прямое обращение к женскому сообществу, Симин ждёт отклика в сердце каждой иранки.

¹ Феминистская литературная критика [Электронный ресурс] // Информационный портал «Женщина и общество». URL: <http://www.owl.ru/library/004t.htm> (дата обращения: 02.05.2022).

² Чанг – персидский струнный музыкальный инструмент.

Выводы. Симин Бехбахани творила на грани двух противоборствующих течений в истории литературы и в целом иранской культуры – «соннатпарастии» («приверженность традиции») и «ноупардази» («обновление») – и смогла найти хрупкий баланс между ними. Так, она заложила стойкую тенденцию в литературном стиле «базгяшт-э адаби»¹, которая была поддержана общим вектором обновления и обогащения иранской культуры в целом.

Во всех сферах жизни Иран развивался по своей траектории, что явилось причиной формирования уникальных духовно-нравственных ценностей у народов, проживающих на территории этой страны. В современном востоковедении условно выделяют три подхода к пониманию и содержанию термина «иранская культура» (Каменева, 2013: 164–169). В каждом из существующих подходов подчёркивается тезис о том, что ислам – это неотъемлемая часть синкретической культуры Ирана, которую иногда называют «ирано-исламской». Термин «персидская культура» узок, следовательно, малоупотребим, т. к. он даёт представление о древнеиранской культуре, относится к названию этнической группы (персам), а также истории страны до 1935 г., когда Персия была переименована в Иран.

Учёные отмечают ключевую роль мусульманских представлений о мире, жизни, Боге, человеке и т. п. в формировании языковой картины мира народов Ирана, а также неотделимость современной иранской духовной культуры от арабской. Шиизм же является фактором национальной общности иранцев, позволяющим народу, с одной стороны, быть причастным к исламской умме, а с другой – сформировать в своём сознании чёткое представление об этнической идентичности. Однако за последнее столетие сложилась стойкая тенденция к обновлению, повышенный интерес к другим культурам и цивилизациям.

Таким образом, путь развития иранской культуры сочетает в себе несочетаемое: традицию и модернизацию. В новейшей истории в 2001 г. президент ИРИ того времени Мохаммад Хатами сформулировал идею о культурном диалоге цивилизаций, которая включала налаживание отношений с суннитскими странами, а также эффективное общение со странами Запада. М. Хатами выдвинул эту идею в ответ на тенденции глобализации культурного пространства и навязывания единых стандартов. Таким образом, впервые после Исламской революции 1979 г. ярко выраженная антизападная направленность сменилась на сбережение традиционных иранских ценностей в сочетании с уважением к достижениям западной культуры и возможностью вступать с ней в диалог.

Эта тенденция не была поддержана консерваторами, позже пришедшими к власти. Однако нарастающее стремление к эффективному диалогу и потребность в культурном обмене сложно было остановить. Синкретизм, присущий современной иранской культуре, сочетает в себе диаметрально противоположные тенденции (Каменева, 2019: 215–216). Например, молодёжь отмечает День святого Валентина и европейский Новый год, но в то же время охотно участвует в религиозных мероприятиях в священный месяц мухаррам. При этом они чтят доисламские праздники (последнюю среду года «чахаршанбе-сури», День рождения ахеменидского шаха Кира Великого), несмотря на недовольство консерваторов. Иранцы обожают фастфуд и западные блюда (пиццы, бургеры, хот-доги). Вместе с этим большой популярностью пользуются рестораны национальной кухни, чайные, этнические фестивали и конкурсы региональных блюд. Общество поддерживает семейные традиции, однако на фоне усиления урбанизации число нуклеарных семей с каждым годом растёт. Вся культурная жизнь страны соткана из подобных противоречий, которые в гармоничном сосуществовании рождают понятие о современной иранской культуре.

Список источников:

- Березина А.В. Феминизм в Иране: генезис и эволюция // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 2. С. 114–130. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-114-130>.
 Заварийан Р. Ша'еран-е зан-е мо'асер ва андишеха-йе феминисти (Симин Бехбахани). Тегеран: Рудаки. 2006. № 8. С. 30–37.
 Каменева М.С. О трёх подходах к понятию «культура» в ИРИ // Иран при М. Ахмадинежаде. М., 2013. С. 164–171.
 Каменева М.С. Роль национальных и западных ценностей в развитии иранской культуры // Иран в условиях геополитических реалий к 40-летию Исламской революции. М., 2019. С. 207–217.
 Хушкadamova X.O., Березина А.В. Иранское общество сквозь призму женской поэзии (на примере творчества Симин Бехбахани) // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. 2018. №1/4 (57). С. 18–24.
 Showalter E. Towards a Feminist Poets. London: Virago, 1986. 215 p.

References:

- Berezina, A.V. (2021) Feminism in Iran: genesis and evolution. *Concept: philosophy, religion, culture*. (5:2). 114–130. Available from: [doi:10.24833/2541-8831-2021-2-18-114-130](https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-114-130). (In Russian)

¹ Базгяшт-э адаби («литературное возвращение/возрождение») – литературное направление, возникшее во второй половине XVIII в. Характеризуется возвращением к жанровым формам и мотивам эпохи персидских классиков IX–XV вв.

Zavariyan R. (2006) *Šā'erān-e zan-e mo'āser va andiše-hā-ye feministi (Simin Behbahāni)* [Modern Poetesses and Feminist Thinking (Simin Behbahani)]. Teheran: Rudaki. No. 8. 30-37. (In Persian)

Kameneva, M.S. (2013) Three approaches to the notion of "culture" in IRI. In: *Iran pri M. Ahmadinezhade [Iran under M. Ahmadinejad]*. Moscow: IV RAN. 164–171. (In Russian)

Kameneva, M.S. (2019) Rol' nacional'nyh i zapadnyh cennostej v razvitii iranskoj kul'tury [The role of national and Western values in the development of Iranian culture]. In: *Iran v usloviyah geopoliticheskikh realiy [Iran in the context of geopolitical realities on the 40th anniversary of the Islamic Revolution]*. Moscow: Sadra. 207–217. (In Russian)

Khushkadamova, Kh.O., Berezina, A.V. (2018) Iranskoe obshchestvo skvoz' prizmu zhenskoy poezii (na primere tvorchestva Simin Behbahani) [Iranian society through the prism of women's poetry (on the example of the work of Simin Behbahani)]. *Bulletin of Bokhtar state university named after Nosiri Khusrav*. (1/4). 18–24. (In Russian)

Showalter, E. (1986) *Towards a Feminist Poets*. L.: Virago.

Информация об авторе

А.В. Березина – доктор философии, старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=807835.

Information about the author

A.V. Berezina – D.Phil., Senior Lecturer, Indian, Iranian and African Languages Department, MGIMO University, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=807835.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.04.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.04.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 181–187.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 181–187.

Научная статья

УДК 008

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.26>

Возможности развития творческого потенциала личности в пространстве культуры

Инна Федоровна Вольская¹, Александр Владленович Каменец²

^{1,2}Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹i_volskaya08@mail.ru

²kamenez.a@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен анализ возможностей развития творческого потенциала личности в пространстве культуры; выявляются перспективы использования типологий личности в выстраивании соответствующих стратегий, реализуемых на самом различном культурном материале и видах соответствующей активности. В качестве базового при этом предлагается интерактивный подход, который может рассматриваться как альтернатива распространенному однонаправленному воздействию на личность средствами информационных технологий. Этот подход раскрывается в виде организуемого социально-культурного опыта, воплощаемого в четырех видах культуротворческой реальности: виртуальной, поведенческой, творческо-исполнительской и психологической. В своей совокупности эти реальности исчерпывают универсум творческой активности личности, учитывают индивидуальные социокультурные и психологические особенности того или иного творческого субъекта, а также предоставляют возможности погружения всех участников творческого процесса в виды деятельности, раскрывающие творческий потенциал личности независимо от ее способностей и уровня развития. Содержание статьи может рассматриваться как попытка дальнейшего изучения проблематики инкультурации личности и ее самореализации в социуме как творческого субъекта.

Ключевые слова: творчество, творческий потенциал, личность, среда, самореализация

Для цитирования: Вольская И.Ф., Каменец А.В. Возможности развития творческого потенциала личности в пространстве культуры // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 181–187. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.26>.

Original article

Opportunities to develop the creative potential of the individual in the cultural space

Inna F. Volskaya¹, Alexander V. Kamenets²

^{1,2}Russian State Social University, Moscow, Russia

¹i_volskaya08@mail.ru

²kamenez.a@rambler.ru

Abstract. The article examines the possibilities of developing the creative potential of a personality in the cultural space; it reveals the prospects of using personality typologies to build appropriate strategies that can be implemented in a variety of cultural materials and activities. An interactive approach, which can be considered as an alternative to the common unidirectional impact on the individual by means of information technology, is proposed as a basic one. This approach is revealed in the form of organized socio-cultural experience, embodied in four types of cultural-creative reality: virtual, behavioral, creative-performing and psychological. In their totality, these realities exhaust the universe of an individual's creative activity, take into account the individual socio-cultural and psychological characteristics of a particular creative subject, and also provide opportunities for immersion of all participants in the creative process in activities that reveal the creative potential of the individual, regardless of one's abilities and level of development. The content of the article can be regarded as an attempt to further investigate the problems of enculturation of the individual and personal fulfilment in society as a creative subject.

Keywords: creativity, creative potential, personality, environment, personal fulfilment

For citation: Volskaya, I.F. & Kamenets, A.V. (2022) Opportunities to develop the creative potential of the individual in the cultural space. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 181–187. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.26](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.26) (In Russian).

Введение. В настоящее время возрастает общественная потребность в формировании творческого потенциала личности как одного из главных условий ее развития. Только личность, обладающая способностью к творческой созидательной деятельности, может реализовать себя в качестве инициатора социально и культурно значимых инноваций, необходимых для развития общества (Маслоу, 2006).

Вместе с тем распространенная тенденция консюмеризма в значительной мере смещает акценты в реализации творческого потенциала личности в сторону инноваций в сфере потребления. Уровень потребления часто рассматривается как главный показатель жизненного успеха и личностной самореализации. Основными чертами консюмеризма являются следующие: потребление как средство достижения счастья, культ нового, реализация материальных устремлений индивида. Стационарная экономика, способная удовлетворить основные потребности всех, рассматривалась философом и политическим экономистом Джоном Стюартом Миллем и, вероятно, была усовершенствованием «топтанья, дробления, толкания друг друга локтями и желания наступать друг другу на пятки» (Милль и др., 2011).

Все это проявилось в сужении границ творческой активности личности до масштабов преимущественно изолированного выбора потребления товаров и услуг в сфере материального производства и развлечений. Данная тенденция неизбежно приводит к культурной деградации личности и ее творческого потенциала. В этой связи становится особенно актуальным изучение возможностей достижений культуры в развитии творческой деятельности как важнейшего условия личностного развития.

Проблему противостояния творческой личности рутинизации общественной и культурной жизни изучали такие исследователи культуры, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.А. Бердяев, Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гассет, И. Ильин, В. Розанов, В. Соловьев, П. Флоренский и др. Особая роль искусства в решении этой проблемы отмечалась А.Ф. Лосевым, М.М. Бахтиным, В.С. Библером, Д.С. Лихачевым, М.С. Каганом, Г.С. Батищевым, М. Вебером, Э. Левинасом, А. Макинтайом, К. Хабермасом и другими.

В то же время остается недостаточно изученной проблематика формирования творческого потенциала личности как феномена культуры, что становится особенно востребованным в современном технократизированном обществе потребления, где творчество сплошь и рядом заменяется так называемой креативностью, зачастую никак не связанной с миром культуры и искусства.

Методика исследования. Основу исследования составил психологический метод изучения творческого потенциала личности как феномена культуры. В качестве базовой методологической схемы этого изучения была выбрана схема «личность – среда» (Айзенк, 1992). В соответствии с ней, как известно, в изучении личности и ее проблем одни исследователи в зависимости от решаемых задач отдают предпочтение влиянию среды на личность, другие – рассматривают в качестве отправной точки воздействие самой личности на среду (Айзенк, 1992). При этом «средовой» подход представлен в массиве исследований личности гораздо шире, чем процессы влияния личности на среду (социальную, культурную)¹.

Если же учесть, что в настоящее время благодаря информатизации, цифровизации и компьютеризации окружающая среда человека приобретает все более искусственный характер и становится все более тотальной, то неизбежным является социальное манипулирование личностью, которой навязываются усредненные стандарты восприятия, поведения, мышления и т.д., фактически блокируя ее самостоятельность и творчество в окружающем обществе.

Выходом из этой ситуации является замена существующих господствующих парадигм исследования культуры и личности (модернистской и постмодернистской) новой, которую можно назвать интеракционистской. Первые подходы к новому направлению культурологических исследований представлены в соответствующих исследованиях (Ананьев, 2008). Наиболее систематически они были изложены в работе Э.А. Орловой². Для нас интерес представляет интерпретация характеристик модерна, постмодерна и нового направления (интеракционизм) как творческих практик. Рассмотрим специфику каждой из них в сравнительном отношении (табл. 1).

Меняются взаимоотношения человека с миром. Он становится одной из сторон взаимодействия, что и стимулирует его творческую деятельность. При этом акцент в творчестве смещается на микросреду как проявление значительной эмансипированности творческого потенциала личности от глобальных воздействий информационной и социальной среды в качестве самозащиты индивидуальности и творческого своеобразия личности. Возрастает значение актуальной психологической реальности вне виртуального пространства (Каменец, 2015). Теперь в своей творческой деятельности личность осуществляет рефлекссию ее последствий, необходимую для выживания каждого человека и его окружения. В центре творческой деятельности находится осуществляющий ее субъект (антропный принцип). Все эти характеристики обусловили выбранный нами в исследовании психологический метод изучения творческого потенциала личности как феномена культуры.

¹ Орлова Э.А. История антропологических учений : учебник. М., 2010. 621 с.

² Там же.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика направлений культурологических исследований

Основания	Модерн	Постмодерн	Новое направление
Позиция человека в отношениях с миром	Активный индивидуальный субъект (демиург, герой)	Активный индивидуальный субъект (экзистенциальная заброшенность)	Участие в качестве одной из сторон взаимодействия
Цель активности	Преобразование и совершенствование (творчество) во имя прогресса	Проверка на прочность существующих порядков (деконструкция)	Упорядочение отношений с окружением, формирование микросреды
Среда активности	Мир как целостное единство	Неоднородное социокультурное пространство, неопределенный интертекст	Неоднородное социокультурное пространство, признание значимости как актуальной, так и виртуальной реальности
Средства решения проблем	Полностью контролируемое законами природы изменение	Пробы и ошибки при отказе от универсальных методов	Рефлексивное взаимодействие с окружением, конструирование взаимоотношений с ним
Результаты активности	Социокультурный системный объект	Виртуальная реальность с ненаправленным движением (ризом)	Формирование социокультурных порядков, соразмерных человеку, микродинамика жизненного мира
Последствия активности	Нарастание неопределенности из-за непреднамеренных последствий целенаправленных изменений	Дальнейшее нарастание неопределенности, аномия при осознании разнокачественности социокультурной реальности	Организованная мелкоструктурная динамическая реальность, антропный жизненный мир

Результаты исследования. В рамках нового направления в науке и творчестве – интеракционизма – открываются перспективные возможности формирования творческого потенциала личности в пространстве культуры. Теперь основное внимание начинает уделяться развитию внутренних психологических ресурсов личности для творческой самореализации, имеющих культурную значимость (Баньковская, 1991). В этой связи в качестве базового подхода к изучению творческого потенциала личности использовались достижения психологической науки, позволяющие установить индивидуально-типические предрасположенности личности к творчеству в рамках аналитической психологии (Левинас, 1998).

Наибольшие достижения в этом направлении принадлежат К.Г. Юнгу (Юнг, 2019). С его выводами соотносимы заключения ряда других авторов, изучавших психологические ресурсы формирования творческого потенциала личности в пространстве культуры (Каменец и др., 2019; Черноусова, 2014; Hoever, Knippenberg, 2021; Yokozuka, ..., et al., 2021).

На основе соционических моделей личности, которые, как известно, явились продолжением типологии личности К.Г. Юнга, были выявлены четыре «антропные» реальности, способствующие формированию творческого потенциала личности: виртуальная реальность, формируемая самой личностью как пространство для индивидуального творчества; ее поведенческая активность, направленная на творческую самореализацию в системе социальных отношений и взаимодействий; самовыражение личности в процессе художественной, социальной или технической деятельности; творчество в системе взаимопомощи и гуманизации человеческих взаимоотношений¹.

Данные диагностических исследований в различных творческих, учебных и производственных коллективах показывают, что эти реальности, формируемые творческой активностью личности, носят в значительной мере врожденный характер и проявляются в качестве предрасположенности индивида к соответствующим видам творческой активности личности как культурного феномена.

Виртуальная реальность, формируемая самой личностью как пространство для индивидуального творчества, может включать в себя такие виды творческой активности, как: научно- и творческо-поисковая деятельность, результаты которой могут систематизироваться и обобщаться личностью в качестве нового интегрированного знания или творческого продукта; творческая рекреационная активность, направленная на создание новой зрелищно-развлекательной

¹ Каменец А.В. Соционическая профориентология : учебное пособие. М., 2020. 68 с.

среды комфортного общения и взаимодействия; способность к теоретическому и эвристическому мышлению и исследованию, где в известной мере сам процесс теоретического анализа является самоценным; творческое игровое поведение личности, направленное на создание психологического комфорта во взаимодействии с окружающими.

Психология творчества все больше смещает фокус своего внимания с отдельно взятых познавательных процессов, вроде мышления и воображения, общих и специальных способностей, на целостную деятельность личности. Реальный мир обволакивает нас пространством, которое мы делим с другими; в этой окружающей среде мы воспринимаем богатую сенсорную информацию об объектах, находящихся рядом, и событиях, происходящих вокруг нас. Используя ее, мы взаимодействуем с внешним миром посредством умозаключений, манипуляций и исследований.

Хотя неиммерсивные медиа могут вовлекать в свое пространство людей и создавать ощущение потока, немногие из них позволяют индивидам взаимодействовать естественным образом, подобно тому, как это происходит в реальном мире. Например, виртуальные контакты, обеспечиваемые вводом в цифровое пространство информации (клавиатура, мышь) с использованием специальных средств, значительно отличаются от привычной коммуникации субъектов (Billinghurst, Kato, 2002). Напротив, виртуальная реальность (VR) предоставляет новые возможности для мультисенсорного опыта и позволяет людям видеть, слышать и даже взаимодействовать с цифровым пространством естественным образом (Greenberg et al., 1999).

Поведенческая активность личности, направленная на творческую самореализацию в системе социальных отношений и взаимодействий, является демонстрацией одного из возможных типов актуализации творческого потенциала индивида: 1) проявление харизмы лидера, способного влиять на сознание большого числа людей, и организационная деятельность, направленная на выработку нестандартных творческих решений; 2) творческая прогностическая и проектная деятельность, предполагающая развитое воображение и фантазию; 3) предпринимательская деятельность, основанная на творческом мышлении, с помощью которого осуществляется поиск новых возможностей в получении той или иной личной выгоды; 4) творческое внедрение социальных, правовых и моральных норм в различных ситуациях социального взаимодействия.

Центральный принцип социальных конструктивистских подходов к личности состоит в том, что отношения людей определяют развитие, структуру и выражение личности. Эту точку зрения было трудно согласовать с широко распространенным среди исследователей и специалистов мнением, согласно которому личность состоит из внутренних, характерных предрасположенностей, преобладающих над конкретными отношениями. Исследования в рамках социальной когнитивной традиции дают возможность интегрировать эти идеи, предполагая, что: а) поведенческая изменчивость в разных ситуациях стабильна и является важным выражением системы личности; б) устойчивость и предсказуемость поведенческой изменчивости легко обнаруживается, когда ситуации классифицируются в межличностных терминах.

Творческая самореализация в процессе художественного, социального или технического творчества включает в себя: 1) театральную и театрализованную личностную самореализацию в разнообразных социальных ситуациях; 2) творческое сочинительство в самых различных видах и жанрах литературы и искусства; 3) лидерство в той или иной социальной среде мобилизирующего характера, в экстремальных жизненных и драматических ситуациях, которое может проявляться и как самодемонстрация в процессе художественного творчества; 4) техническое творчество, изобретательство, конструирование в социальной и художественной реальности.

Пытливый ум человека решает такую загадку через творчество: познание и есть творчество, а не пассивное отражение предметов, и всякое творчество заключает в себе познание (Дикая, Дикий, 2015). А.Ю. Титов отмечает, что, по К. Станиславскому, следует рассматривать творчество не только как личностную деятельность, но и как полную сосредоточенность всей духовной и физической природы индивида на процессе создания нового продукта (Титов, 2012).

Творчество в системе взаимопомощи и гуманизации человеческих взаимоотношений как группа активностей личности включает в себя: 1) реализацию различных видов социальной помощи: от практической до художественно-творческой и игровой; 2) понимание и сопереживание во взаимодействии с окружающими в зависимости от индивидуальных особенностей того, кому сочувствуют и кого стремятся понять; творческий поиск соответствующей личностной самореализации как «понимающего» и «сочувствующего»; 3) творчество в создании психологического и визуального комфорта для окружающих, способствующих созданию атмосферы уюта и эстетичности; 4) творческий поиск вариантов личностной самореализации, выражающихся в трансляции гуманистических ценностей и норм.

Когда мы творим, мы можем переживать разнообразные чувства в настоящем времени, но вместе с тем, у нас существует ощущение, будто мы живем за пределами настоящего момента, не обращая внимания на то, что происходит вокруг нас (Баер, 2010). Таким образом, художник,

композитор, любой творческий человек сплетает в своем сознании в одно целое прошлое, настоящее и будущее¹.

Существуют культурные различия в концептуализации творчества². Психология творчества определяется креативностью с точки зрения двух критериев: оригинальности (или новизны) и уместности, т.е. соответствия поставленной задаче. Эти два фактора зависят от ограничений и возможностей деятельности индивида: в искусстве оригинальность может иметь больший вес, в то время как для научной или предметно-практической деятельности уместность может быть важнее.

Обсуждение результатов исследования. Представленные выше группы видов реализации творческого потенциала личности были выявлены в результате не только наблюдений, диагностических исследований, но и анализа культурно-исторического материала (предварительные исследования здесь провел сам К.Г. Юнг), а также в процессе изучения художественной литературы. Поэтому можно утверждать, что полученные результаты являются достаточно репрезентативными. Причем в процессе определения указанных типов творческой самореализации выяснилось, что соответствующая предрасположенность к тому или иному виду личностной активности проявляется у человека уже в трехлетнем возрасте.

В настоящее время оказывается возможным выявлять на самых ранних стадиях развития личности ее психогенетические особенности, имеющие культуротворческое значение. То есть уже в младшем возрасте ребенка можно определить задатки его способностей, которые в будущем смогут привести к созданию культурных ценностей индивида.

Следует также отметить, что предложенные типы личностной самореализации можно рассматривать и как проявление определенного типа личности, ее соответствующей функциональной характеристики. При этом они носят функциональный характер и не привязаны к тому или иному конкретному занятию, профессии, виду деятельности. Эта особенность выявленных типов личностной самореализации имеет принципиальное значение и открывает широкий простор для деятельности организаторов, педагогов, культуртрегеров, коучей и других специалистов, развивающих творческий потенциал личности.

Типы личности являются моделями, с помощью которых можно исследовать тех или иных реальных индивидов. Используя знание об их специфике, можно организовывать для субъектов необходимую микросреду, в которой должны быть представлены основные необходимые варианты формирования и реализации творческого личностного потенциала человека.

В несколько упрощенном виде сказанное можно свести к четырем основным вариантам действий: 1) погружение личности в виртуальную реальность в виде компьютерных, игровых, исследовательских, рекреационных программ, стимулирующих творческую активность; 2) активизация социальной и общественной активности, предполагающей значительную самостоятельность, инициативность и нестандартность поведенческих программ; 3) участие в творческо-исполнительской, сочинительской и изобретательской деятельности независимо от уровня способностей; 4) организация опыта взаимопомощи, сотрудничества и сопереживания в процессе межличностного взаимодействия, развивающих творчество в сфере непосредственного проявления чувств и переживаний. Желательно, чтобы каждый человек получил опыт во всех четырех этих сферах личностного самопроявления, что может стать базисом для выстраивания общей стратегии формирования и развития творческого потенциала личности.

Особую роль в этом процессе, как показывают результаты соответствующих тренингов стимулирования и развития творческой активности, играет механизм личностной самоидентификации с помощью образов, представленных в культуре и истории (персонажей, литературных героев, исторических деятелей и т.д.). Осуществляя сравнение себя с любым из них в плане выявления черт «похожести» или «инаковости», участники таких тренингов продуцировали собственные самообразы и «я-концепции» с соответствующим набором форм самовыражения и самопроявления в реальном социуме.

Актуальной остается задача обеспечения соответствующих культурных контекстов для развития творческого потенциала личности, которые предполагают воображаемое или игровое помещение себя участниками соответствующих тренинговых программ в тот или иной сюжет, вымышленную или историческую культурную ситуацию и т.д. Данная возможность является особенно востребованной в условиях распространенного кризиса самоидентичности в обществе, устраняющего саму возможность индивидуации и творческого самоопределения в различных сферах жизнедеятельности человека.

¹ Цыпин Г. Психология творческой деятельности. Музыка и другие искусства : учебное пособие. М., 2018. 200 с.

² Гройсман А. Основы психологии художественного творчества : учебное пособие. М., 2003. 186 с.

Заключение. Таким образом, изучение творческой личности – это деятельность в русле множества различных гуманитарных наук: психологии, антропологии, культурологии, социологии, педагогики и т.д.

Рассмотрение творческого потенциала личности как феномена культуры показывает смещение центра тяжести в его формировании в микросреду социальных взаимодействий, позволяющую вводить в качестве стимула к творчеству постоянно значимого «другого», который готов воспринимать творческую активность того или иного индивида. В этом случае последний уже оценивается как состоявшаяся личность, ориентированная на служение и самореализацию в интересах ближнего и дальнего окружения. Именно этот стимул к творчеству в качестве доминирующего открывает новые возможности для развития творческого потенциала личности, создает необходимый синергетический эффект для любой совместной творческой деятельности.

Не менее важен индивидуальный подход к развитию творческого потенциала, согласно которому предполагается учет предрасположенности той или иной личности к освоению и использованию какой-либо культурной информации и форм индивидуального самовыражения на основе заданных культурных образцов.

Список источников:

- Айзенк Г.Ю. Проверьте свои способности. М., 1992. 121 с.
 Ананьев Б.Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность. М., 2008. 134 с.
 Баньковская С.И. Инвайронментальная социология. Рига, 1991. 128 с.
 Дикая Л., Дикий И. Творческий мозг. М., 2015. 218 с.
 Каменец А.В. Введение в теорию социального взаимодействия. М., 2015. 464 с.
 Каменец А.В., Казакова И.С., Мелешкина Е.А. Развитие типологии личности К. Юнга в изучении культурных процессов // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9, № 2-1. С. 194–204.
 Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998. 265 с.
 Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2006. 352 с.
 Милль Д.С., Ивановский В.Н., Финн В.К. Система логики силлогистической и индуктивной. М., 2011. 828 с.
 Титов А.Ю. Творческий метод Станиславского и мысленный эксперимент: динамика начального этапа становления // Педагогика искусства. М., 2012. С. 400–415.
 Черноусова И.Д. Формирование творческих способностей личности как одна из форм совершенствования высшего профессионального образования // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2014. № 1 (3). С. 555–558.
 Юнг К. Психологические типы. М., 2019. 538 с.
 Baer J. Is Creativity Domain Specific? // Cambridge Handbook of Creativity. Cambridge, 2010. P. 321–341. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511763205.021>
 Billinghurst M., Kato H. Collaborative Augmented Reality // Communications of the ACM. 2002. Vol. 45, iss. 7. P. 64–70. <https://doi.org/10.1145/514236.514265>
 Greenberg S., Boyle M., LaBerge J. PDAs and Shared Public Displays: Making Personal Information Public and Public Information Personal // Personal Technologies. 1999. Vol. 3, iss. 1–2. P. 54–64. <https://doi.org/10.1007/BF01305320>
 Hoever I.J., Knippenberg D. van. How Diversity Promotes Team Creativity: Two Bumpy Roads to Collective Inspiration // Creative Success in Teams. N. Y., 2021. P. 81–99. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-819993-0.00005-9>
 Yokozuka T., Miyamoto H., Kasai M., Miyake Y., Nozawa T. The Relationship Between Turn-taking, Vocal Pitch Synchrony and Rapport in Creative Problem-Solving Communication // Speech Communication. 2021. Vol. 129. P. 33–40. <https://doi.org/10.1016/j.specom.2021.03.001>

References:

- Aizenk, G. Yu. (1992) *Prover'te svoi sposobnosti* [Test Your Abilities]. Moscow. 121 p. (in Russian).
 Anan'ev, B. G. (2008) *Lichnost', sub'ekt deyatel'nosti, individual'nost'* [Personality, Subject of Activity, Individuality]. Moscow. 134 p. (in Russian).
 Baer, J. (2010) Is Creativity Domain Specific? *Cambridge Handbook of Creativity*. Cambridge, pp. 321–341. Available from: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511763205.021>
 Ban'kovskaya, S. I. (1991) *Invaironmental'naya sotsiologiya* [Environmental Sociology]. Riga. 128 p. (in Russian).
 Billinghurst, M. & Kato, H. (2002) Collaborative Augmented Reality. *Communications of the ACM*. 45 (7), 64–70. Available from: <https://doi.org/10.1145/514236.514265>
 Chernousova, I. D. (2014) Formirovaniye tvorcheskikh sposobnostei lichnosti kak odna iz form sovershenstvovaniya vysshego professional'nogo obrazovaniya [Formation of Creative Personal Skills as a Form for Improving Higher Vocational Education]. *Problemy obespecheniya bezopasnosti pri likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsii*. (1 (3)), 555–558 (in Russian).
 Dikaya, L. & Dikii, I. (2015) *Tvorcheskii mozg* [Creative Brain]. Moscow. 218 p. (in Russian).
 Greenberg, S., Boyle, M. & LaBerge, J. (1999) PDAs and Shared Public Displays: Making Personal Information Public and Public Information Personal. *Personal Technologies*. 1999. 3 (1–2), 54–64. Available from: <https://doi.org/10.1007/BF01305320>
 Hoever, I. J. & Knippenberg, D. van. (2021) How Diversity Promotes Team Creativity: Two Bumpy Roads to Collective Inspiration. In: *Creative Success in Teams*. New York, pp. 81–99. Available from: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-819993-0.00005-9>
 Kamenets, A. V. (2015) *Vvedenie v teoriyu sotsial'nogo vzaimodeistviya* [Introduction to the Theory of Social Interaction]. Moscow. 464 p. (in Russian).
 Kamenets, A. V., Kazakova, I. S., Meleshkina, E. A. (2019) The Development of Jung's Personality Typology in the Study of Cultural Processes. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 9 (2-1), 194–204 (in Russian).
 Levinas, E. (1998) *Vremya i Drugoi. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and the Other. Humanism of the Other]. Saint-Petersburg. 265 p. (in Russian).

- Maslou, A. (2006) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Saint-Petersburg. 352 p. (in Russian).
- Mill, D. S., Ivanovskii, V. N. & Finn, V. K. (2011) *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi* [A System of Syllogistic and Inductive Logic]. Moscow. 828 p. (in Russian).
- Titov, A. Yu. (2012) *Tvorcheskii metod Stanislavskogo i myslennyi eksperiment: dinamika nachal'nogo etapa stanovleniya* [Stanislavsky's Creative Method and Thought Experiment: the Dynamics of the Initial Stage of Formation]. In: *Pedagogika iskusstva*. Moscow, pp. 400–415 (in Russian).
- Yokozuka, T., Miyamoto, H., Kasai, M., Miyake, Y. & Nozawa, T. (2021) The Relationship Between Turn-taking, Vocal Pitch Synchrony and Rapport in Creative Problem-Solving Communication. *Speech Communication*. 129, 33–40. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.specom.2021.03.001>
- Yung, K. (2019) *Psikhologicheskie tipy* [Psychological types]. Moscow. 538 p. (in Russian).

Информация об авторах

И.Ф. Вольская – аспирант Российского государственного социального университета, Москва, Россия.

А.В. Каменец – доктор культурологии, профессор Российского государственного социального университета, Москва, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=499221.

Information about the authors

I.F. Volskaya – PhD student, Russian State Social University, Moscow, Russia.

A.V. Kamenets – D.Phil. in Cultural Studies, Professor, Russian State Social University, Moscow, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=499221.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.05.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 188–192.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 188–192.

Научная статья

УДК 1:61:94(47)

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.27>

Специфика медицинских представлений в крестьянской среде России в период поздней империи

Ольга Эдуардовна Васькина¹, Зоя Анатольевна Медведева²

¹Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, vaskina81@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8321-9192>

²Независимый исследователь, Кемерово, Россия, zoy-medvedeva@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9123-8211>

Аннотация. Проблема здоровья нации всегда была достаточно актуальной в российском обществе. Отношение граждан к процессу и средствам лечения определяется традициями и менталитетом. Возникавшие заболевания русские люди в первую очередь пытались устранить самостоятельно. И лишь если состояние ухудшалось, обращались к лекарям (травникам, знахарям, бабкам-лечейкам, коновалам). С появлением официальной медицины, особенно в случаях эпидемии, в обществе возросла востребованность профессиональных врачей. Однако большая отдаленность медицинских учреждений, которые в основном базировались в городах; низкая квалификация среднего и низшего звена персонала, а самое главное – недоверие к новым способам лечения делали врачевание недоступным для широких кругов населения, которые продолжали ориентироваться на народные лекарские традиции и методы исцеления.

Ключевые слова: крестьянство, традиции, народная медицина, лекарство, знахарство, коновалы, колдуны, официальная медицина, эпидемия

Для цитирования: Васькина О.Э., Медведева З.А. Специфика медицинских представлений в крестьянской среде России в период поздней империи // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 188–192. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.27>.

Original article

Specifics of medical perceptions in the Russian peasantry during the late Empire period

Olga E. Vaskina¹, Zoya A. Medvedeva²

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, vaskina81@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8321-9192>

²Independent researcher, Kemerovo, Russia, zoy-medvedeva@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9123-8211>

Abstract. The issue of the nation's health has always been quite topical in Russian society. In the past, citizens' attitudes towards the process and means of health and healthcare are determined by tradition and mentality. If epidemics broke out, Russian peasants primarily tried to cure the illnesses they encountered themselves. And only if the condition worsened, they turned to healers (herbalists, folk healers, grandmother-healers, quack-doctors). As formal medicine emerged, especially in cases of epidemics, the demand for professional doctors increased in society. With the arrival of official healthcare system, they started consulting professional physicians. However, quality healthcare remained beyond the reach of Russian peasants for a number of reasons. First of all, the remoteness of health facilities, which were mainly based in cities. Second, the low level of qualification of middle and lower levels of staff, and, most importantly, the lack of trust in new treatment methods, made health care inaccessible to the rural population, which continued to focus on folk medicine and healing methods until the end of the Russian Empire.

Keywords: peasantry, tradition, folk medicine, quackery, witchcraft, quack-doctors, cunning folk, academic medicine, epidemic

For citation: Vaskina, O.E. & Medvedeva Z.A. (2022) Specifics of medical perceptions in the Russian peasantry during the Late Empire period. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 188–192. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.27](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.27) (In Russian).

Состояние здравоохранения и медицины вообще – показатель развития страны, ее перспектив. Проблема здоровья нации актуальна во все времена. Особую остроту она приобретает

в периоды эпидемий (морových поветрий), а если говорить о нашем времени – пандемий. Поведение народа в кризисных ситуациях, отношение к собственному здоровью и выбору методов лечения зависит от его менталитета, привычек, традиций, сформировавшихся в определенных исторических условиях.

В настоящем исследовании, посвященном изучению специфики медицинских представлений, бытовавших в крестьянской среде России в конце XIX века, использованы сравнительно-исторический метод и микроисторические изыскания. Первый из упомянутых позволяет анализировать изменения взглядов крестьян на традиционную и официальную медицину. Вторым был применен в ходе изучения ряда архивных документов: «Обзора Томской губернии»¹, материалов Государственного архива Республики Бурятия², которые содержат сведения о повседневной жизни и медицинских представлениях российского крестьянства в период поздней империи.

В русском государстве на рубеже XIX–XX вв. наиболее распространенной являлась именно народная медицина, к помощи которой население прибегало по мере возникновения необходимости в этом. По свидетельству авторитетных исследователей, таких как Н.А. Миненко (1979), оказание помощи населению в сохранении и восстановлении здоровья попадает в зону серьезного внимания государства лишь в XVIII веке. До этого времени за лечением крестьяне обращались к травникам, знахарям, повитухам, костоправам и даже коновалам, а за утешением и наставлениями – к священнослужителям. Рассмотрим подробнее характеристики народных целителей.

Знахарка опиралась на Божью помощь и в основном лечила маленьких детей. К ней шли при грыже, родимце и таких заболеваниях, как испуг, уроки, призоры, причину которых усматривали в глазе. При лечении ребенка знахарка использовала своего рода массаж: ребенка разминали, вытягивали, «правили ему голову», «доделывали» и «перепекали» в печи, если последний был слаб. Бабка также парила ребенка березовым или травяным веником.

Знахарка не просто читала заговоры, а использовала отвары трав. Так, при родах применяли средства, усиливающие схватки и останавливающие кровопотерю, младенца купали в целебных вытяжках (череда, ромашка, чистотел). Первое купание предполагало добавление в воду многих компонентов: мяты, душицы, череды, василька, руты, любистока. Считалось, что оно не просто давало здоровье и повышало тонус ребенку, но и смывало с него негативные воздействия в виде порчи и глаза.

Знахарка использовала в лечебных целях не только молитвы, но и воду, огонь (причем именно домашний), землю. Испуг, тоску, различного рода судороги, то есть родимец, лечили у печи с помощью воды, которая заговаривалась и закреплялась ножом. Печь рассматривалась как преобразующее начало, трансформирующее объект из одного состояния в другое, и ассоциировалась с материнским лоном. В ней врачевали грыжи, «собачью старость», сухотки, немочи.

Активно использовалась в лечении сила земли. Считалось, что «самая стихия эта настолько свята и чиста, что не держит в себе ничего нечистого и в особенности враждебного людям» (Максимов, 1991: 325–326). Поэтому сырую землю прикладывали, например, к месту укуса змей и насекомых, ею натирали колени, лечили нарывы, горячку и даже оспу. При ушных болезнях в ухо помещали камушек, который впоследствии обжигали и кидали в реку или ручей – таким образом обеспечивалось комплексное использование стихий – воды, земли, огня.

Мужчина-знахарь не только лечил, но мог ворожить, предсказывать судьбу, находить пропавшие вещи, животных, обеспечить мужскую силу. В ритуалах он применял «природный», а не «домашний огонь». Это пламя считалось чистым, его добывали посредством трения. Перед началом ритуала печи не растапливали, по всей деревне зажигали костры, пламя которых впоследствии разносили по домам. «Чистый огонь» лечил кожные заболевания (герпес, аллергию). Почти повсеместно существовала традиция сжигать одежду с больного, лепить из глины фигуру человека или больной части тела и бросать ее в печь. Для лечения также использовались «производные» от огня «средства» – зола, уголь, огарки лучин.

Знахари умело сочетали как иррациональные, так и рациональные способы воздействия на человека, используя в том числе психотерапевтические средства. Так, например, боли в пояснице (утин) врачевали, применяя веник-голик и топор. Больного помещали на пороге и ритмично постукивали топором по венику, дополняя лечение ритуальным диалогом. Когда болезнь вызывалась «нутрянной» порчей, воспринимающейся как инородное тело в организме (змея, лягушка, черви), попавшее внутрь при нарушении определенных запретов («Встала это я, в полдень, у ручья в наклонку, – рассказывала баба о моменте своего заболевания, – не перекрестилась, да и пью.

¹ Обзор Томской губернии за 1891 год. Томск, 1892. 69 с. ; Обзор Томской губернии за 1905 год. Томск, 1906. 40 с. ; Обзор Томской губернии за 1910 год. Томск, 1912. 55 с.

² Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 319.

Вдруг, как юркнет мне что-то в самую середку, так вот сразу и вступило» (Попов, 1903), тогда страждущего поили парным молоком с добавлением конопляного масла, вызывая рвоту для выхода порчи. Понятно, что в первую очередь здесь имел место не физический, а скорее психологический эффект и твердая уверенность больного в положительном результате лечения.

Если заболевание вызывалось «естественными» причинами, то его пытались излечить природными же средствами – травами, минералами, ингредиентами, получаемыми из животных: кровью, салом, желчью, костями и пр.

Свойства лекарственных трав фиксировались в письменных, а позже и в печатных источниках, получивших название зеленников, травников, вертоградов. В белорусской народной традиции при зубной боли, кашле и простуде использовался чеснок. «Вот дзе пульсы б'юцца, часнок разрэжаш тонкамі слямі і вот так наложыш, і крэпка ўвяжыш. Тады зубы перастаюць балець» (Полоцкий р-н) (Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Народная медыцына беларусаў Падзвіння ..., 2006: 140). Крапивой в народе лечили ревматизм и больную спину. При заготовке лекарственного сырья имели значение место и время сбора трав, их правильное хранение.

Еще одной заметной фигурой народной медицины являлся колдун. Он также обладал особыми знаниями, но связан был с нечистой силой, которую часто применял для нанесения вреда людям. Крестьяне боялись таких личностей, считалось, что они способны насылать порчу на семью, скот, посевы. Мужчины обходили дом чернокнижника стороной, опасаясь получить половую слабость. В ворожбе чародей использовал травы (главным образом, ядовитые или дурманящие рассудок), могильную землю, кости и ритуальные предметы (амулет, ножи, монеты и др.). Прежде чем начать свою практику, колдун должен был отречься от Бога, родителей и пообещать свою душу сатане.

Особая роль принадлежала коновалам, которые балансировали по своему положению в народном сознании между знахарями и колдунами. Они приносили явную пользу, занимаясь холощением скота, однако их подозревали в использовании и вредоносных приемов по отношению к людям. Конвалы лечили «срамные» (венерические болезни), помогали женщинам избавиться от нежелательного плода.

Помимо специалистов, занимающихся ведовством «профессионально», в случае необходимости русская женщина могла сама, следуя традициям, полечить дитя, используя заговоры и ритуалы, так как она обладала такой же силой, как и земля, порождаящая новую жизнь каждую весну. Однако с серьезными случаями мог справиться только «знающий».

Многие ритуальные действия основывались все же не столько на магии, сколько на здравом смысле и опыте. Беременным, например, рекомендовали есть клюкву и бруснику, чтобы у ребенка была здоровая и румяная кожа, а также укроп, чтобы родившийся малыш обладал густыми ресницами. Понятно, что данные ингредиенты содержали большое количество витаминов и минералов, что благотворно влияло на здоровье как будущей матери, так и ее ребенка.

Наряду с полезными веществами в ходу при осуществлении лечения были также вредные и опасные средства – сулема, киноварь, мышьяк, стрихнин, ртуть и пр.

Лечение проводили в бане, где недужного массажировали, парили, растирали, используя мед, вино, масла. При этом произносили заговоры и нащёптывания, которые преследовали цель внушения и самовнушения. Считалось, что болезнь можно не только заговорить, но и напугать.

Народная медицина включала в себя также христианизированный элемент, который появился в практике лечения со времени крещения Руси. Священники рассматривались людьми если не как лекари, то как советчики в данной области. Издавался специальный журнал для служителей культа, который содержал не только конкретные указания для них по поводу ведения статистики о смертности от заразных заболеваний, но и материалы о прививках и методах лечения прихожан. В неофициальном разделе «Врачебные советы» помещались сведения об уходе за больными оспой, тифом, чесоткой, холерой, материалы о мерах при отравлениях. Священнослужители оказывали также и психологическую помощь больным.

Крестьяне обращались к врачам, лишь испробовав первоначально все доступные домашние средства: «...напоят больного мятой, взвалят на печку и укроют шубами и в пару натрут редькою... обратятся также к знахарю..., а если это не поможет, пойдут за советом к помещику, священнику, учителю и лишь в крайнем случае, по настоятельному совету кого-нибудь из упомянутых лиц, повезут больного в земскую больницу» (Попов, 1903: 100).

По общему мнению, кому суждено умереть, так и врач не поможет, а кому жить и здоровым быть, так тот и без лекаря обойдется. Рассуждение, как видим, носит оттенок фатализма, но при этом прослеживается также надежда на традиционный «авось».

Отношение к доктору как социально значимой фигуре определялось тем, что деревенский люд считал, что он не может лечить большинство болезней и не в состоянии помочь страждущим,

так как средства, используемые медиками, зачастую были бесцветными, безвкусными и не давали немедленного эффекта: «Уж где я не была, – жаловалась одна баба, – и по дохтурамъ, и по больницам, и какая от них польза? Наболтают тебе в склянку воды, дуешь ее, дуешь, а все в животе никакой твердости нет» (Попов, 1903: 105) Традиционные же снадобья давали неплохие результаты, а знахари и повитухи были более искусными и опытными, чем плохо обученный низший медицинский персонал. Многие фельдшеры просто спивались от безысходности деревенской жизни, недостаточной оплаты своего труда и скептического отношения местного населения.

К прививкам граждане также относились подозрительно, потому что не видели в них смысла. Вакцина во многих случаях была некачественной и не оказывала нужного воздействия. Исключение, пожалуй, делалось лишь для оспопрививания. Вообще детские болезни рассматривались как Божья кара за грехи родителей.

Следует отметить и тот факт, что население в целом пренебрегало мерами дезинфекции, считая это выдумкой господ и баловством. Действенным в этом случае, по мнению народа, являлось, например, прокалывание ушей у детей, так как это предотвращало грыжу и золотуху; верили также, что ношение янтаря способно спасти от желтухи.

Довольно популярными у крестьян были следующие лечебные средства: камфорный и нашатырный спирт, карболка, хинин, всевозможные капли и притирания. При заболеваниях желудка и кишечника (колики, метеоризм, отравление) использовали щёлок, который ускорял выведение токсинов из человеческого тела.

Беременные женщины в деревнях не прибегали к услугам профессиональных акушеров, потому что земские лечебницы находились далеко, их было мало. Кроме того, роженицы полагали, что использование медицинских инструментов и даже врачебный осмотр являются греховными и неприличными (Безгин, 2004).

Моровые заболевания, по мнению крестьян, возникали не просто так, а были следствием порчи или воздействия духа болезни. В газете «Пензенские епархиальные ведомости» эпидемия холеры описывалась следующим образом: болезнь появилась из-за «какой-то волхи», которая в виде огромной коровы бродила по окрестностям¹.

При грыжах детей среди русского населения Сибири весьма популярным был способ, состоящий в том, что пойманного жука сажали на «килу» у ребенка, если насекомое кусало и отпало само, то думали, что болезнь пройдет.

При чирьях к нарыву прикладывали печеный лук.

При лечении сотрясения мозга использовали сито или решето, которое брали в рот и аккуратно постукивали по нему.

С XIX века все более широкое распространение получает официальная медицина. В губерниях и уездах строятся больницы, госпитали, амбулатории, аптеки. В Томской губернии в 1891 году, по данным губернских новостей, не существовало ни мужских, ни женских фельдшерских школ, численность врачей составляла 52 человека, 9 из которых приходилось на военное ведомство². В 1895 году общее число гражданских специалистов уже составило 147 человек³. «Наличность врачей в 1910 году выражалась цифрой 256»⁴. Однако в первую очередь это касалось крупных городов, чем дальше в глубинку и на Восток страны, тем дело обстояло хуже, наблюдалась нехватка врачей, больниц, лекарств (Миненко, 1979).

Подводя итоги, следует отметить, что отношение крестьян к медицине в XIX веке оставалось достаточно кустарным, предпочтение в методах лечения отдавалось народным средствам, в субъекте – врачевателям из крестьянской же среды, которые, специализируясь на наиболее распространенных недугах населения, имели богатый опыт лечения словом, травами и другими доступными средствами. Кроме того, определенную роль в лечении играл крестьянский фатализм и нежелание доверяться чужому человеку – профессиональному врачу, чья компетентность ставилась под сомнение ввиду отсутствия мгновенного результата от назначенного лечения и дефицита уверенности в непричинении вреда больному. Консервативность и косность крестьянского мышления не позволяли населению Российской империи в поздний период ее существования принять государственную медицину и начать пользоваться предоставляемыми ею предпочтениями в плане сохранения здоровья граждан.

Список источников:

Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М. ; Тамбов, 2004. 304 с.

¹ Пензенские епархиальные ведомости. 1867. № 17. С. 494.

² Обзор Томской губернии за 1891 год...

³ Обзор Томской губернии за 1910 год... С. 24.

⁴ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 319. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

Максимов С.В. Крестная сила, нечистая сила, неведомая сила. Кемерово, 1991. 351 с.
 Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. 350 с.
 Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 1. Народная медицина беларусаў Падзвіння : у 2 ч. Ч. 2. Наваполацк, 2006. 331 с.
 Попов Г. Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903. 404 с.

References:

Bezgin, V. B. (2004) *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Peasant Daily Life (Traditions of the Late XIX - Early XXth Century)]. Moscow ; Tambov. 304 p. (in Russian).
 Maksimov, S. V. (1991) *Krestnaya sila, nechistaya sila, nevedomaya sila* [The Power of the Cross, the Evil Spirit, the Unknown Force]. Kemerovo. 351 p. (in Russian).
 Minenko, N. A. *Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoi Sibiri (XVIII – pervoi poloviny XIX v.)* [A Russian Peasant Family in Western Siberia (XVIII – the First Half of the XIX Century)]. Novosibirsk. 350 p.
 Polatski etnagrafichny zbornik. Vyp. 1. *Narodnaya medytsyna belarusay Padzvinnya* [Polotsk Ethnographic Collection. Issue 1. Folk Medicine of Belarusians of Podvinya]. Vol. 2. Navapolatsk. 331 p. (in Russian).
 Popov, G. (1903) *Russkaya narodno-bytovaya meditsina: po materialam etnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva* [Russian Folk Medicine: Based on the Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev]. Saint-Petersburg. 404 p. (in Russian).

Информация об авторах

О.Э. Васькина – кандидат культурологии, доцент кафедры «Теория и методика преподавания гуманитарных дисциплин» Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=592320.

З.А. Медведева – кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь, Кемерово, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=381181.

Information about the authors

O.E. Vaskina – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Teaching Humanities, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=592320.

Z.A. Medvedeva – PhD, Associate Professor, independent researcher, Kemerovo, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=381181.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.04.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 193–197.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 193–197.

Научная статья

УДК 392:791.43/.45“193/195”

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.28>

Концепт «власти командира» в советском кинематографе конца 1930-х – начала 1950-х гг. на примере художественных фильмов «Моряки» и «Командир корабля»

Владислав Николаевич Воронцов¹, Инесса Анатольевна Ковригина²

¹Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутск, Россия, woronzow@mail.ru

²Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, inessakovrigina@gmail.com

Аннотация. Статья разбирает цели и последствия культурной революции в СССР. Сочетание задач выработки грамотности и лояльности порождало противоречивые результаты. С середины 1920-х гг. формируется советская военная фантастика «ближнего прицела», описывающая будущие конфликты. Советская предвоенная пропаганда сеяла вредные иллюзии о быстрой и легкой победе. В рамках осмысления советской массовой культуры рассматривается концепт «власти командира» в двух художественных фильмах режиссера Владимира Александровича Брауна: «Моряки» (1939 г., Одесская киностудия) и «Командир корабля» (1954 г., Киевская киностудия). Кратко разбирается содержание, приводятся примеры кинематографических образов и атмосферных диалогов, дается характеристика их историко-культурного значения. Центральными сюжетными линиями выступает «власть» командования над подчиненными, а также «власть» командира над самим собой. На современном этапе развивается жанр альтернативной истории, чьи возможности позволяют авторам представить краткие и наглядные обобщения.

Ключевые слова: массовая культура, военно-фантастическая литература, кинематографические образы, художественные фильмы, сталинская эпоха, морские командиры, Владимир Браун, СССР

Для цитирования: Воронцов В.Н., Ковригина И.А. Концепт «власти командира» в советском кинематографе конца 1930-х – начала 1950-х гг. на примере художественных фильмов «Моряки» и «Командир корабля» // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 193–197. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.28>.

Original article

The concept of “the commander power” in the Soviet cinema of the late 1930s – early 1950s: the case of the feature films “Sailors” and “Ship Commander”

Vladislav N. Vorontsov¹, Inessa A. Kovrigina²

¹Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia, woronzow@mail.ru

²Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, inessakovrigina@gmail.com

Abstract. The authors examine the goals and consequences of the cultural revolution in the USSR. The combination of the tasks of developing literacy and loyalty generated contradictory results. Since the mid-1920s, the Soviet military fiction of the “short view” has been formed, describing the future conflicts. Soviet pre-war propaganda sowed harmful illusions about a quick and easy victory. As part of the understanding of Soviet mass culture, the images of the “commander power” of two feature films directed by Vladimir Alexandrovich Brown are compared: “Sailors” (1939, Odessa Film Studio) and “Ship Commander” (1954, Kiev Film Studio). The content is briefly analyzed, examples of cinematic images and atmospheric dialogues are given, and their historical and cultural significance is characterized. The central storylines are the “power” of the commander over subordinates, as well as the “power” of the commander over himself. At the present stage, the genre of alternative history is developing, its capabilities allow the authors to present brief and visual generalizations.

Keywords: mass culture, military fiction literature, cinematic images, feature films, Stalin era, naval commanders, Vladimir Brown, USSR

For citation: Vorontsov, V.N. & Kovrigina, I.A. (2022) The concept of “the commander power” in the Soviet cinema of the late 1930s – early 1950s: the case of the feature films “Sailors” and “Ship Commander”. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 193–197. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.28](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.28) (In Russian).

Широко известно, что в конце 1920-х гг. коммунисты отказались от Новой экономической политики и предприняли повторную попытку ускоренного (скачкообразного) перехода к социалистическому обществу, действуя по трем основным направлениям: индустриализация промышленности, коллективизация сельского хозяйства и «культурная революция». Суммарные достижения действительно значительно усилили военные возможности СССР.

Целью «Культурной революции» являлось развитие образования, науки и культуры для нужд индустриализации, востребовавшей элементарно грамотных рабочих и технически образованных специалистов. Одновременно ставилась цель воспитать народ, прежде всего детей и молодежь, в духе коммунистических идей («Советский строй – самый лучший, демократический и прогрессивный в мире», «Ленин и Сталин – великие и гениальные вожди» и т. п.). Неоднозначное сочетание задач выработки грамотности и лояльности неизбежно порождало противоречивые результаты.

С одной стороны, в 1932 г. в СССР законодательно было введено всеобщее начальное образование, открыты десятки тысяч школ. В результате к 1937 г. элементарная грамотность населения по официальным данным превысила 80 %. Была создана широкая сеть вузов, а число лиц с высшим образованием достигло к концу 1930-х гг. 10 млн (до революции их было около 2 млн). Бурно развивались научные исследования, которые широко финансировало государство, особенно в направлениях, связанных с военной тематикой. Литература и искусство стремились привить народу чувство гордости за свою страну и её достижения, чувство сопричастности к этому, чувство праздничного ожидания «светлого будущего». Был создан ряд выдающихся произведений искусства, в том числе кинофильмы: «Броненосец Потемкин», «Чапаев» и другие.

С другой стороны, снизился уровень подготовки специалистов по сравнению с дореволюционным временем (из-за слабой общеобразовательной подготовки абитуриентов и недостаточной квалификации преподавателей). Постепенно наука стала превращаться в орудие идеологической борьбы (и сведения счетов). Широкое распространение получили политические обвинения ученых, от которых пострадали многие талантливые ученые, а также целые научные отрасли.

Литература и искусство через создание творческих союзов попали под полный контроль ВКП(б). Их задачей стало искажение реального положения в стране, искажение истории, возвеличивание и восхваление И.В. Сталина. Широко практиковались политические обвинения деятелей культуры в «буржуазности», «формализме» и т. п. Чуть менее активно, чем прежде, но также разрушалось российское культурное наследие.

С середины 1920-х гг. в СССР формируется военная фантастика так называемого «ближнего прицела», разбирающая перспективы непосредственно предстоящих конфликтов и освещающая вероятные возможности оружия. Это, например, рассказ В. Левашева «Танк смерти» (1928), повести С. Беляева «Истребитель 17-У», А. Скачко «Может быть, завтра» (1930), рассказ М. Ковлева «Капкан самолетов» (1930) (Гончаров, 2003: 528). В дальнейшем подобная военнотанкастическая литература не только выделилась во вполне самостоятельный жанр, но и была оценена властями СССР как эффективный пропагандистский инструмент. Произведения о «будущей войне» отделены от прочей фантастики, а число авторов пополнилось военными. Роман Н. Шпапова «Первый удар. Повесть о будущей войне» (1936) Военное издательство Народного комиссариата обороны в 1939 г. переиздало в учебной серии «Библиотека командира». Это и многие другие произведения преимущественно патетически повествовали о будущей молниеносной (за считанные часы) победе над вероятным агрессором.

Помимо массива книг выпущено множество художественных фильмов: «Возможно, завтра», «Глубокий рейд», «На границе», «Танкисты», «Эскадрилья № 5 (Война начинается)», «Если завтра война» и т. д. В целом последствия идейной подготовки к будущей войне предстают весьма неоднозначными. Своеобразным лейтмотивом всех усилий предстают следующие строки песни «Если завтра война»: «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом». Неясно вооружили и разоружили советское население подобные творческие продукты. Великая Отечественная война быстро потребовала совершенно других интонаций – «Вставай страна огромная», «Шумел сурово Брянский лес». Понятно, что у неуверенности, робости есть свои негативные последствия, но и предвоенная советская похвальба и шапкозакидательство – огромное зло. «Не один командир с горечью вспоминал впоследствии о недоброй “фантастике”, которой, к сожалению, пронизывалась наша пропаганда перед войной, сеявшая иллюзии о том, что война, если она произойдет, будет выиграна быстро... Это было вредное вранье. Сознательное преуменьшение сил противника порождало лишь зазнайство» (Яковлев, 1972: 252, 255).

Для более глубокого осмысления советской массовой культуры, на наш взгляд, продуктивно рассмотреть эволюцию концепта «власти командира» в двух советских художественных фильмах режиссера Владимира Александровича Брауна: «Моряки» (1939 г., Одесская киностудия) и «Командир корабля» (1954 г., Киевская киностудия). Второй фильм вышел на экраны уже после смерти Сталина, причем за два года до «разоблачительного» для «культы личности» XX съезда КПСС. Работа над произведением велась именно в сталинскую эпоху, что нашло разнотлановое отражение в упоминаниях «Большого флота», характерных репликах и интерьерах.

То, что созданием кинопроизведений руководил один человек – В. Браун – делает сопоставление еще более наглядным. Символично изменение перечня наименований боевых кораблей. В 1939 г.: Подводные лодки «Б-34», «Б-49», «Б-27», «П-81»; линейные корабли «Кремль»,

«Перекоп», «Сталинская конституция». В 1954 г.: эсминцы «Державный» и «Дерзновенный», крейсер «Адмирал Истомин».

Не только стремительный темп, динамичный монтаж и комбинированные съемки определили успех картины «Моряки». Бытовой экспозиции, обычно занимавшей в оборонных фильмах несколько минут, режиссер Браун отвел до трети продолжительности фильма. Показаны беззаботные разговоры, вечеринки, автомобильные поездки по улицам южного приморского городка. Это внесло в привычный шаблон оборонных фильмов долю душевности. Симпатичные люди, сначала показанные в мирных условиях, вызывают особое сочувствие зрителя в последующих сценах боев¹. В фильме «Моряки» особенно остро чувствуется надвигающаяся война. Причем, судя по внешнему виду моряков предполагаемого противника, удара в спину и подвоха ожидали скорее от стран будущей антигитлеровской коалиции, чем от Третьего Рейха.

Однако центральными сюжетными линиями фильмов и 1939 г., и 1954 г. выступает «власть» командования над подчиненными, а также «власть» командира над самим собой. Показаны личностные переживания человека, который преодолевает сложности и разовьет в себе новые качества. Исключительно атмосферно в фильме 1939 г. предбоевое обращение дивизионного комиссара Лободы к личному составу 1-й эскадры: «Товарищи краснофлотцы, командиры и политработники. Мы идем навстречу врагу. Нам доверена великая честь – нанести первый сокрушительный удар. Родина, весь советский народ ждет, что в этот ответственный час мы оправдаем доверие, надежды и любовь советской страны к своему боевому флоту. С нами народ, с нами партия. С нами вождь, ведущий нас от победы к победе, Великий Сталин». Партийные акценты подчеркнуты и в разгар боя: «Политрука Головина к телефону. Тяжело ранен? Назначаю краснофлотца Луценко врио политруком». Ни у одного из героев советской стороны нет даже мыслей о том, что он может ошибаться, что он может быть где-то неправ. Отчетливо выражена мысль, что советская власть, армия, флот несокрушимы.

В выступлениях периода Великой Отечественной войны прием контрафактического моделирования ограниченно использовался даже самим И.В. Сталиным (Сталин, 1946). Реальные события 1941–1945 гг. оказались невероятно далеки от образов пропаганды и художественного творчества. Как следствие, жанр «военной альтернативы» практически исчезает в СССР и в художественной, и в военно-исторической литературе (Гончаров, 2003: 530). Современные сюжеты описывались с предельно консервативным академизмом.

В постсоветское время к методу контрафактического моделирования широко обращаются как историки (например, Булдыгин, 2013: 310–311), так и авторы художественных произведений жанра альтернативной истории (Воронцов, 2019: 233; Дроздов, 2014; Романов, 2021). Но от обзора перспективы вернемся к выбранным фильмам.

В фильме «Командир корабля» капитан Высотин, получая определенные поручения от представителей власти, принимает самостоятельные решения, воплощает собственный подход в реализации поставленной задачи. Светов смеется над его мерами и считает, что главное – это железное единоначалие командира.

Во время прогулок главный герой Высотин узнает, что вся «выучка» экипажа Светова является пустой оберткой, фарсом. Высотин хочет и использует это для поднятия боевой готовности своего корабля – он применяет концепцию «каждый должен уметь делать все» против Световской «каждый только на своем месте». В ходе учений становится понятно, что механизм достижения цели Высотина более эффективный. Высотин соглашается принять непутевого матроса с корабля Светова, чтобы доказать, что при правильном управлении перевоспитать возможно любого. Светов оказался двуличным командиром, готовым идти по головам, чтобы оказаться лучше всех. «Люди разные, чтобы воспитывать их по-разному».

Фильм «Командир корабля» стремится донести до советского общества послевоенную мысль о том, что один в поле не воин, и справиться с трудностями можно только благодаря командной работе, поддержке и взаимопомощи. Таким образом, этический урок ленты заключался в том, что на советском флоте устав превыше всего, что необходима дисциплина и даже самый отважный и талантливый командир может добиться успеха, только опираясь на личный состав².

Главный акцент в 1954 г. смещен: войны нет и не будет, над головой мирное небо, эсминец «Державный» с 1945 г. записей в бортовом журнале о славных победах не имел. Теперь «победа» в широком смысле слова должна коваться в умах людей и в их отношении к жизни: нормализации того, что происходит вокруг, стремлении восстанавливать и преумножать мощь Родины.

¹ Багров П. Портрет мариниста – К ретроспективе Владимира Брауна [Электронный ресурс] // Журнал Сеанс. <https://seance.ru/articles/vladimir-braun-mariniste/> (дата обращения 03.05.2022).

² Там же.

«Появление заморского гостя – провокация. Бдительность – вот наш важнейший вывод. Это особенно касается вас, капитан 3-го ранга Светов. Я удивлен поведением командования гвардейского корабля... Хороший командир никогда не отсутствует на корабле. Не понимаете, Светов? Дух командира, его воля, его мысль живут в людях, которые он воспитал».

Финальные аккорды картины тоже воспевают величие человека, по нашему мнению, в преодолении и победе не столько над врагом внешним, сколько над врагом внутренним. Через таких перевоспитываемых персонажей, как Стебелев, нам дают понять, к чему нужно стремиться, несмотря на происходящие вокруг невзгоды.

В сюжет вписана и едкая насмешка над сельской жизнью: «Чем увлекаетесь? Уставом. Сельскохозяйственной артели? Никак нет. Уставом корабельной службы».

По итогу сравнения двух кинолент можно увидеть, что в фильме 1939 г. подающаяся информация однобока – «мы победим, приказ будет выполнен и никак иначе», а произведение 1954 г. показывает спор двух моделей управления, в ходе которого выигрывает только подтверждённая теорией и практикой, а не та, о которой больше всего говорят и мечтают.

Современные исследователи военно-исторической проблематики расширяют применение метода контрафактического моделирования, но особенно широко этот прием используется в художественных произведениях «несерьезного» жанра альтернативной истории. Возможности «сказочности» позволяют авторам выйти на убедительные и наглядные обобщения, которые трудно представить читателям научным путем. Таковы, например, произведения С.В. Анисимова А.Ф. Дроздова, Р.В. Злотникова О.А. Кожевникова, Г.И. Романова и т. д. Так закономерно переосмысленные подходы середины прошлого века продолжают бытовать в отечественной культуре.

Список источников:

- Булдыгин С.Б. Моонзунд 1941. «Русский солдат сражается упорно и храбро...». М., 2013. 400 с.
 Воронцов В.Н. «Мы – армия страны, мы – армия народа»: организационные мероприятия 1941–1947 гг. в Забайкалье и Монголии // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 230–238.
 Гончаров В. Между Сциллой и Харибдой (военные альтернативы и альтернативные войны): Вместо послесловия // Анисимов С.В. Вариант «Бис». М., 2003. С. 520–544.
 Дроздов А.Ф. Интендант третьего ранга. М., 2014. 320 с.
 Романов Г.И. «Линия Сталина». «Колыбель» Победы. М., 2021. 384 с.
 Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е издание. М.-Л.: Государственное издательство политической литературы, 1946. 207 с.
 Яковлев А.С. Цель жизни: (Записки авиаконструктора). 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1972. 608 с.

References:

- Buldygin, S.B. (2013) Moonzund 1941. «Russkiy soldat srazhayetsya uporno i khrabro...» [Moonzund 1941. "The Russian soldier fights hard and bravely..."]. Moscow: Eksmo. (In Russian)
 Drozdov, A.F. (2014) Intendant tret'yego ranga [Third rank quartermaster]. Moscow: Eksmo. (In Russian)
 Goncharov, V. (2003) Mezhdru Stsilloy i Kharibдой (voennyye al'ternativy i al'ternativnyye voyny): Vmesto poslesloviya [Between Scylla and Charybdis (military alternatives and alternative wars)]. In: Anisimov, S.V. Variant "Bis" [Option "Bis"]. Moscow: AST, Ermak. P. 520–544. (In Russian)
 Romanov, G.I. (2021) «Liniya Stalina». «Kolybel'» Pobedy ["Stalin's Line". "Cradle" of Victory]. Moscow: Yauza: Eksmo. (In Russian)
 Stalin, I.V. (1946) O Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuz [On the Great Patriotic War of the Soviet Union]. 5th edition. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russian)
 Vorontsov, V.N. (2019) "We are the army of the country, we are the army of the people": organizational measures of 1941–1947 in Transbaikalia and Mongolia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. (15: 2). 230–238. (In Russian)
 Yakovlev, A.S. (1972) Tsel' zhizni: (Zapiski aviakonstruktora) [The purpose of life: (Notes of an aircraft designer)]. 3rd ed., supplement. Moscow: Politizdat. (In Russian)

Информация об авторах

В.Н. Воронцов – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Иркутского государственного университета путей сообщения, Иркутск, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=291427.

И.А. Ковригина – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=908263.

Information about the authors

V.N. Vorontsov – PhD in History, Associate Professor, Philosophy and Social and Humanitarian Sciences Department, Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=291427.

I.A. Kovrigina – PhD in History, Associate professor, History and Philosophy Department, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.
https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=908263.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 198–201.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 198–201.

Научная статья

УДК 7.071.1

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.29>

Истоки и художественные особенности скульптурных произведений Даши Намдакова (2000-е гг.)

Татьяна Андреевна Кубанова

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия, tatiana_kub@mail.ru

Аннотация. Художник Даши Намдаков – один из блестящих представителей современной художественной культуры Сибири, работы которого известны во многих уголках мира. В статье выявляются истоки и особенности художественного языка скульптурных произведений мастера, созданных им в начале 2000-х годов. В творчестве Даши Намдакова ярко проявляются этногенетическая память его восточноазиатских предков, проживающих в Сибири с древнейших времен. Творческий процесс ассоциируется мастером с магическими действиями, а художественный образ сочетает в себе элементы скифо-сибирского стиля, изысканность и реалистичность мастеров древних петроглифов, степенность и обобщенность сибирских каменных баб. Даши, как шаман во время камлания, и demiurge, создающий свое произведение, совершает своеобразный ритуал спасения своего рода, человеческого племени и возвращения ему исторической памяти.

Ключевые слова: буряты, выставка, Даши Намдаков, Русский музей, Сибирь, скульптура, скифо-сибирский стиль

Для цитирования: Кубанова Т.А. Истоки и художественные особенности скульптурных произведений Даши Намдакова (2000-е гг.) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 198–201. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.29>.

Original article

The origins and artistic features of Dashi Namdakov's works of sculpture (2000s)

Tatyana A. Kubanova

The State Russian Museum, St. Petersburg, Russia, tatiana_kub@mail.ru

Abstract. The artist Dashi Namdakov is one of the brilliant representatives of the modern artistic culture of Siberia, whose works are known in many parts of the world. The author reveals the origins and features of the artistic language of the master's works of sculpture, created in the early 2000s. The ethnogenetic memory of his East Asian ancestors, who have lived in Siberia since ancient times, is clearly manifested in the work of Dashi Namdakov. The creative process is associated by the master with magical actions, and the artistic image combines elements of the Scythian-Siberian style, the sophistication and realism of the masters of ancient petroglyphs, the sedateness and generalization of Siberian stone women. Dashi Namdakov, as a shaman during the ritual and the demiurge who creates his work, performs a kind of ritual of saving his kind, a human tribe and returning historical memory to him.

Keywords: buryats, exhibition, Dashi Namdakov, Russian Museum, Siberia, sculpture, Scythian-Siberian style

For citation: Kubanova, T.A. (2022) The origins and artistic features of Dashi Namdakov's works of sculpture (2000s). *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 198–201. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.29](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.29) (In Russian).

Культура и изобразительное искусство Сибири сегодня переживают особый подъем. Художники Сибири получают гран-при на венецианских биеннале, участвуют в международных проектах, уверенно чувствуют себя на всесоюзных, межреспубликанских, межрегиональных, городских выставках. И по-прежнему в искусстве сибиряков ощущается этногенетическая память коренных народов, проживающих на этой азиатской части России с древнейших времен. Этот уникальный пласт культуры на протяжении столетия восхищал и привлекал специалистов. В 1929 году по инициативе заведующего отделом новейших течений Н. Пунина в Русском музее была открыта выставка «Искусство народностей Сибири», на которой были представлены работы студентов северного факультета Ленинградского восточного института имени А.С. Енукидзе. Куратор выставки полагал, что обращение профессиональных мастеров к художественным образам сибиряков, их манере и форме изображения впоследствии будет способствовать существенному «преобразованию изобразительного искусства» (Успенский, 2011). Л. Месс, руководитель скульптурного класса, под-

черкивал особую систему изобразительного мышления северян, отражающую необычное отношение их к окружающему миру (Месс, 1930). Работы сибиряков вызвали интерес и на парижской Всемирной выставке 1937 года, и двумя годами позже на международной выставке в Нью-Йорке. Искусство северян удивляет и в XXI веке. Продолжается осмысление особенностей художественного языка региона и их теоретическое обоснование. В сибирском искусствоведении выделился ряд специалистов, исследующих это уникальное явление (Т. Высоцкая, А. Гуменюк, Г. Гуреева, Л. Данилова, Т. Ломанова, Е. Маточкин, Г. Мысливцева, И. Октябрьская, Л. Строй, В. Субботина, Л. Супрун, Н. Федорова, Н. Царева, В. Чирков, М. Шишин и др.). Значительным разработкам подвергается и терминологический аппарат. «Археоарт», «сибирская неоархаика», «сибирская этноархаика», «сибирский авангард», «сибирский стиль», «северный изобразительный стиль», «мета-историзм» – это лишь незначительный перечень словесных определений, но пока ни одно из них не закрепило за собой лидирующего положения.

В начале 2000-х годов в Государственном Русском музее прошли выставки «Искусство Якутии» (2005), «Сибирский миф. Голоса территорий» (2008), «След метеора» (2011), посвященные данным проблемам. Они стали для посетителей открытием новых имен художников, многие из которых прошли путь от этнографических зарисовок в середине XX века до выработки индивидуального художественного языка в конце века (С. Ануфриев, А. Беда, С. Дыков, Т. Колточихина, С. Лазарев, Д. Намдаков, Л. Пастушкова, Н. Рыбаков, В. Смагин, Н. Спесивцева, В. Сысоев, А. Ултургашев, А. Цыбикова, С. Элоян и др.) (Сибирский миф..., 2005).

Даши Намдаков – яркий мастер современного сибирского искусства, работы которого на выставке в Русском музее 2008 года вызвали неподдельный интерес. Он ворвался в музейное пространство необычной, иногда пугающей откровенностью, неся дух прошлых времен, не всегда понятный зрителю. Предки Даши Намдакова – буряты, один из самых многочисленных этносов Сибири, происхождение которых связано с кочевыми племенами байырку и курыкан, известных еще с V–VI веков н.э. Он родился в Забайкалье. Прозорливые родственники дали своему шестому ребенку имя Дашиним («Даши Нима»), что в переводе с бурятского означает «удачливое солнце», а с тибетского «удача». Большая многодетная семья Намдакова принадлежит к уважаемому роду кузнецов-дарханов, искусство которых с древнейших времен считалось почетным занятием и божественным даром избранных. Отец Даши занимался буддийской живописью, изготовлением храмовых вещей, и любовь отца передалась Даши и всем восьми детям семьи. Затем была учеба в Красноярском художественном институте у талантливого педагога Л. Головинского. До сих пор с огромным почтением вспоминает Даши своего учителя, который советовал ему «не потерять своей эндемики».

После окончания института семь лет Даши Намдаков работал в столице Бурятии – Улан-Удэ. А в 2000 году, в 33 года состоялась его персональная выставка в Иркутске. И с того оглушительного успеха вот уже более 20 лет творчество художника представляли ведущие музеи России: Государственная Третьяковская галерея (Москва), Государственный Русский музей (Санкт-Петербург), Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), Российская Академия художеств (Москва), Национальная художественная галерея «Хазинэ» (Казань) и др. Даши провел десятки выставок по всему миру: Токио, Лондон, Китай, Нью-Йорк, Лос-Анджелес; его персональные выставки принимали Пекинский музей мирового искусства, галереи Halcyon (Великобритания) и National Arts Club (США) и др.

В подростковом возрасте Даши серьезно заболел – это была так называемая «шаманская болезнь», известная сибирским этносам. Вылечить ее можно было лишь в случае, если больной соглашался стать представителем культа и посвятить себя шаманству. Но юный Даши отказался пойти по шаманскому пути, объявив, что хочет заниматься искусством, тем самым, по представлениям этносов, заведомо обрекая себя на болезнь. Но, спустя некоторое время, лама озвучил информацию, согласно которой, создаваемые Даши произведения и есть его «шаманская практика» (Меньшикова, 2012: 32). Даши Намдаков предпочитает работать с традиционными для бурят видами изобразительного искусства: скульптурой, графикой, ювелирными изделиями. Станковые работы мастера отличаются утонченностью, изысканностью; монументальные – мощной устремленностью вертикали, умением сделать ее центром ландшафта. Для него, степного жителя, вертикаль – олицетворение связующего звена неба и земли, бога и человека. Основой творческого мышления Даши является его «бурятская философия», в которой слились воедино мироощущения и культуры разных племен и эпох, выявляя единые корни (Ткачева, 2018) и, тем самым, формируя уникальный творческий язык.

«Стихия» (1999) – одна из первых скульптур художника. Мощной энергией и динамикой наполнен образ. Возникают ассоциации со сказочным богатырским конем – хулэг из героического эпоса «Гэсэр». Конь, первый друг кочевника и надежный спутник богатыря, способен одним прыжком пересекать огромные расстояния, вести человеческие речи, обладать прозорливостью,

заботиться о хозяине. Поэтический конь Намдакова, как пружина, устремлен вперед, чуть касаясь волшебного камня сказочной горы, который придает ему силы и уверенности. Созданный художником образ напоминает декоративные бляхи IV–III вв. до н.э. или петроглифы Шишкинских писаниц периода неолита и палеолита, когда очевидны связи с северными земледельческими племенами, странами востока и запада. Вслед за первобытным художником мастер поражает зрителя изяществом линии, позволяющей выразить стремительность движения животного (Декоративно-прикладное искусство..., 2018). Возможно, истоки создания художественных образов Даши Намдакова следует искать и в скифо-сибирском зверином стиле, характерном для пластического искусства кочевых народов бронзового и раннего железного века. Звериный стиль в творчестве современного художника оформляется в самостоятельный анималистический жанр¹ и становится одной из выразительных особенностей его творчества.

Чингисхан – одна из неоднозначных фигур в истории бурят. Даши обращается к великому герою монгольского народа не только в кинематографе (фильм «Монгол», 2007 год, режиссер – С. Бодров), но и в скульптуре («Чингисхан», 2003 год). Для него Чингисхан – не жестокий воин, а, прежде всего, мыслитель, мудрец, философ. Когда-то мальчик Темучин, родившийся на реке Онон, побывавший в плену у своего родственника, стал великим полководцем в истории и властелином мира – в этом, по мнению мастера, сила личности его героя. Небольшая, статичная фигура монгола всего 70 см высотой выглядит монументально. Кажется, хан задумался, заснул, но еще мгновение, и глаза его откроются, взор устремится вдаль, фигура распрямится. Еще мгновение – он вскочит на коня и устремится в степи, а за ним – его верные сподвижники. Конусообразная фигура намдаковского «Чингисхана» позволяет выстроить образно-синонимический ряд Намдакова: Большой Шатер, Мировая Гора, Шаманское древо, Свободная Птица, Просветленный Будда. Каждый в отдельности – звено мировой цепи. Все вместе же они создают собирательный образ Небесного Творца и Небесного Всадника, очищающего землю и утверждающего справедливость, как великий символ мироздания (Абаева, 1981).

Автор «Степной Нефертити» (2001) предлагает зрителю аналогии с образом египетской царицы, олицетворением женской красоты и символом Египта. Скульптурное воплощение Нефертити Намдакова также характеризуется чистотой и строгостью линий, совершенством художественной формы. Но в нём лик более обобщен, силуэт обостреннее, а линии – изломаннее и резче. Образ, как и в «Стихии», ассоциируется с героическим эпосом тюркских и монгольских народов, мифологическими сказаниями сибирских народов о женщинах-воительницах Азии. Известны предводительница кыргызского племени нойгутов Жаныл Мырза, удалая калмыцкая девушка Сайкал, смелые правительницы Зарина и Томирис. В образе «Степной Нефертити» художник создал символ азиатской красавицы, воплотившей образы нежной матери и мужественной, умной воительницы, защищающей свою степь, свой род от иноземных варваров.

Великие бурятские степи – родина художника Даши Намдакова. После долгой разлуки с родными местами Даши Намдаков со своей большой семьей возвращается в родной Укурик (строится мастерская и культурный центр). По бурятской традиции там, где человек родился, хранится *тонце* (послед), дух человека, которому нужно поклоняться, чтобы сохранить единство со своим племенем. В родовых местах разжигаются костры, поются хоралами песни. И Даши как шаман во время камлания и демиург, создающий произведение, совершает своеобразный ритуал спасения своего рода, человеческого племени и возвращения ему исторической памяти. Динамизм и реалистичность изящной линии петроглифов, особая манера скифо-сибирского стиля, лаконизм и статичность каменных степных баб стали для Даши Намдакова формообразующими элементами выразительного авторского почерка, отражающего его мироощущение. Творческий процесс сотворения произведения художник сравнивает с магическим действием, которое властно управляет им. Созданное мастером по вдохновению произведение – акт передачи важной информации. Даши Намдаков бережно продолжает историю и традиции предков, питающие его образное творчество, утверждая узнаваемый художественный образ Сибири, несущий миру силу, мудрость, оптимизмом.

Список источников:

- Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М., 1981. 144 с.
 Декоративно-прикладное искусство бурят Предбайкалья. Иркутск, 2018. 300 с.
 Меньшикова М.Л. Новое звено традиции // Ностальгия по истокам: Вселенная кочевника Даши Намдакова: каталог выставки. 2-е изд., доп. СПб., 2012. 224 с.
 Месс Л.А. Искусство северных народностей // Сибирские огни. 1930. № 3.

¹ Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (Скифо-сибирская художественная традиция): дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 240 с.

Успенский А. Между авангардом и соцреализмом. Из истории советской живописи 1920–1930-х. М., 2011. 328 с.
 Сибирский миф. Голоса территорий. Образы и символы архаичных культур в современном искусстве / науч. ред. А.Н. Гуменюк. Омск, 2005. 96 с.
 Ткачева М.Л. Творчество Даши Намдакова в контексте современной культуры // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 1. С. 150–158. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28\(1\).150-158](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(1).150-158).

References:

Abaeva, L.L. (1981) Kul't gor i buddizm v Buryatii [Mountain cult and Buddhism in Buryatia]. Moscow: Nauka. (In Russian)
 Eroshenko, L.G. (ed.) (2018) Dekorativno-prikladnoye iskusstvo buryat Predbaykal'ya [Decorative and applied art of the Buryats of Cis-Baikal] Irkutsk: Izd-vo «Vremya stranstviy». (In Russian)
 Gumenyuk, A.N. (ed.) (2005) Sibirskiy mif. Golosa territoriy. Obrazy i simvol'y arkhaichnykh kul'tur v sovremennom iskusstve [Siberian myth. Territorial voices. Images and symbols of archaic cultures in contemporary art]. Omsk: NP Tvorcheskaya studiya «Ekipazh». (In Russian)
 Menshikova, M.L. (2012) Novoye zveno traditsii [A new link in tradition]. In: Nostal'giya po istokam: Vselennaya kochevnika Dashi Namdakova [Nostalgia for the Origins: The Universe of the Nomad Dashi Namdakov: exhibition catalogue]. St. Petersburg: Izd-vo «Chisty list». (In Russian)
 Mess, L.A. (1930) Iskusstvo severnykh narodnostey [The art of northern peoples]. Sibirskie ogni [Siberian fires]. (3). (In Russian)
 Tkacheva, M.L. (2018) Dashi Namdakov's art in the context of contemporary artistic culture. *Bulletin of Baikal state university*. (28:1). 150–158. Available from: [doi:10.17150/2500-2759.2018.28\(1\).150-158](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(1).150-158). (In Russian)
 Uspensky, A. (2011) Mezhdue avangardom i sotsrealizmom. Iz istorii sovetskoy zhivopisi 1920–1930-kh [Between the avant-garde and socialist realism. From the history of Soviet painting in the 1920s–1930s]. Moscow: Iskusstvo XXI vek. (In Russian)

Информация об авторе

Т.А. Кубанова – кандидат культурологии, ведущий специалист по научно-просветительской деятельности музея, Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=358121.

Information about the author

T.A. Kubanova – PhD in Cultural Studies, leading specialist in scientific and educational activities of the museum, The State Russian Museum, St. Petersburg, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=358121.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.04.2022;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 26.04.2022;
 Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 202–207.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 202–207.

Научная статья

УДК 78.01

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.30>

Миф Теодора Курентзиса: попытка деконструкции

Анна Владимировна Манторова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
aniel.tinuviel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2545-0062>

Аннотация. В статье рассматриваются мифологические структуры, существующие в современной культуре, в частности музыкальной. Автор исследования выдвигает гипотезу о том, что дирижер Теодор Курентзис с помощью обращения к средствам массовой информации формирует миф, для которого характерен образ творца, создающего новый музыкальный мир. В качестве основы исследования используется концепция А.Ф. Лосева, подразумевающая «мифический взгляд на миф», где миф не является фикцией, а представляет собой максимально интенсивную действительность. Исходя из тезиса о том, что миф является данной в словах личностной историей с элементами чудесного, автор делает попытку его деконструкции. С целью определения специфики мифотворчества проводится качественный анализ биографического дискурса и творческой деятельности дирижера посредством контекстуального анализа интернет-ресурсов.

Ключевые слова: Теодор Курентзис, культура, музыкальная культура, миф, деконструкция мифа, современная мифология, музыковедение, самопрезентация

Для цитирования: Манторова А.В. Миф Теодора Курентзиса: попытка деконструкции // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 202–207. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.30>.

Original article

The myth of Teodor Currentzis: an attempt at deconstruction

Anna V. Mantorova

Perm State University, Perm, Russia, aniel.tinuviel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2545-0062>

Abstract. The article deals with the mythological structures that exist in modern culture, especially musical. The author of the article assumes that the conductor Teodor Currentzis forms a myth with the help of an appeal to the media, which is characterized by the image of a creator making a new musical world. The concept of A.F. Losev is used as the basis of the research. It implies a “mythical view of the myth”, where the myth is not a fiction, but represents the most intense reality. Based on the thesis that a myth is a personal story given in words with elements of the miraculous, the author makes an attempt to deconstruct it. In order to determine the specifics of myth-making, a qualitative analysis of the biographical discourse and creative activity of the conductor is carried out through a contextual analysis of Internet resources.

Keywords: Teodor Currentzis, culture, musical culture, myth, myth deconstruction, modern mythology, musicology, self-presentation

For citation: Mantorova, A.V. (2022) The myth of Teodor Currentzis: an attempt at deconstruction. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 202–207. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.30](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.30) (In Russian).

Творческая деятельность дирижера Теодора Курентзиса на протяжении не одного десятилетия активно освещается в различных средствах массовой информации, а также в специализированных текстах, посвященных музыковедению и исполнительскому искусству (Бакши, 2012: 107–118). Однако культурологических исследований, рассматривающих его достаточно разнообразными, порой неоднозначными, но вне всякого сомнения примечательными практики самопрезентации, автором не было обнаружено. В данной статье предлагается гипотеза: Курентзис с помощью обращения к СМИ формирует миф, специфике которого характерна фигура творца и сотворение нового музыкального мира. Ю.В. Андреев, рассуждая о природе современной мифологии, пишет, что «новые мифы, несущие в себе все приметы новой эпохи, приходят на смену старым, а иногда, соединяясь с ними, образуют причудливые гибриды» (Андреев, 1990). Это позволяет исследовать Курентзиса как феномен современной культуры в его отношениях с консервативной музыкальной средой, провести деконструкцию мифа и описать инструментарий ключевых практик. Для достижения поставленной цели в процессе исследования проводится контекстуальный

анализ биографического дискурса при помощи различных интернет-ресурсов (сайт оркестра MUSICAETERNA, ряд интервью, а также статьи в средствах массовой информации).

В число работ по теории мифа входят исследования Р. Барта, Е. Мелетинского, С. Неклюдова и других, что подробно рассмотрено в статье Т. Шакировой, выделяющей в числе отличительных характеристик современного мифа его концепцию авторского произведения (Барт, 2008; Неклюдов, 2000; Мелетинский, 2018; Шакирова и др., 2022). Курентзис, в отличие от героев архаических мифов, действительно является одновременно рассказчиком и участником мифа о себе. Представленный в различных сетевых источниках в равной степени и как российский, и как греческий дирижер, он в рамках самопрезентации не раз отмечал, что как музыкант он – русский. Данная характеристика, а также проникнутое самоиронией *именование* музыканта себя Федором Ивановичем Курочкиным уже на этапе знакомства демонстрируют игру масками или *ликами*¹. Как следствие, наиболее операциональными для данного исследования видятся научные разработки Алексея Федоровича Посева в его работе «Диалектика мифа».

А. Посев, как и М. Элиаде, описывал миф как некое организованное по определенным правилам пространство мироощущения (Элиаде, 2010). Исходя из окончательной диалектической формулы Посева, где «миф есть развернутое магическое имя», обратимся к оформлению сайта оркестра Курентзиса MUSICAETERNA (Посев, 2018: 267). На его официальном сайте логотип с названием коллектива постоянно меняется на аналогичный по форме и композиции, но уже с начертанием CURRENTZIS. Данный прием благодаря плавным моушн-эффектам не только сюжетно, но и визуально иллюстрирует мысль А. Посева о том, что «миф есть слово о личности, слово, принадлежащее личности, выражающее и выявляющее личность», а также «слово, которое неотъемлемо от нее» (Посев, 2018: 266). Здесь мы можем наблюдать «развертывание» магического имени, подразумевающее не только единство имени Курентзиса и созданного им оркестра, но и более глубокое отождествление (*musica eterna* в переводе с итальянского – «вечная музыка» – А. М.).

Еще одна любопытная в данном контексте деталь заключается в том, что на одной из страниц сайта в ряду рубрик чередуются вкладки «посетить», «посмотреть», «узнать», «поддержать» и «теодор»². Своеобразное «растворение» имени среди неподходящих ему по формальному признаку заголовков иллюстрирует неразрывность двух личностных планов: личность как идея, представленная исключительно сама по себе, и «история этой личности, реальное ее протекание» (Посев, 2018: 227). Предельно простыми категориями слов (глаголы и имя собственное) происходит *становление*, где личность неотделима от ее истории.

Помимо указанных визуальных примеров, не менее наглядным является отрывок одного из интервью, где Курентзис намеренно делает акцент на *чудесной* силе сказанного им слова, объясняя эту силу тем, *кто* произносит данное слово (Когда один из его коллег на фуршете безуспешно пытался привлечь внимание к своей речи, Курентзис добился мгновенной тишины, лишь еле слышно произнеся: «Это. Делается. Так» – А. М.). Сам дирижер объясняет этот случай как «биоэнергию»³, что подчеркивает еще один тезис о том, что миф – это «энергичное, феноменальное самоутверждение личности» (Посев, 2018: 156).

Как пишет Е.А. Лукашева, в современном мире «мифотворчество обретает форму пропаганды, пиара» (Лукашева, 2012: 8). При этом, если в тех или иных интервью возникает именно тема мифа, стратегия поведения Курентзиса меняется в зависимости от контекста. К примеру, момент отождествления или же ассоциации себя с персонажами греческой мифологии дирижер решительно отвергает, оперируя противопоставлением язычества и христианства, ввиду постоянного позиционирования себя во всех источниках как человека, для которого крайне важна православная вера⁴. Однако тут же практически кардинально меняет позицию и отмечает, что Прометей является крайне важным персонажем для него (Спивакова, 2020: 88). И данное высказывание не раз подтверждалось в иных интервью упоминаниями о его «миссии», которая заключается в том, чтобы развивать пермскую культуру, а также «дать людям образование и вкус», что несомненно проводит параллель с миссией Прометея, которая тоже является в некотором роде

¹ Теодор Курентзис Форс мажор [Электронный ресурс] // Сноб. URL: <https://snob.ru/selected/entry/33624/> (дата обращения 15.02.2022).

² musicAeterna [Электронный ресурс] // musicAeterna. URL: <https://musicaeterna.org/ru/> (дата обращения 15.02.2022).

³ «Искусство едино, и у человека не должно быть комплексов, табу и пробелов» [Электронный ресурс] // Московские новости. URL: <https://www.mn.ru/culture/87016> (дата обращения: 17.02.2022).

⁴ Теодор Курентзис: «Я себя ощущаю российским музыкантом греческой веры» [Электронный ресурс] // Собака.ru – Журнал о людях в Петербурге. URL: <https://www.sobaka.ru/entertainment/music/53465> (дата обращения: 17.02.2022).

просветительской¹. В трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» отчетливо звучит та же мысль: герой «припрятал для людей огонь, искусства всяческого стал учителем, путем великим жизни» (Эсхил, 2022). В наказание же был прикован к скале по велению Зевса, где орел терзал его печень. Интересной деталью является тот факт, что волю Зевса у Эсхила представляют Власть и Насилие. В одном из интервью звучит похожая история, где Курентзис противопоставляет себя власти в лице губернатора Пермского края, который, по его словам, вынудил его приехать и выступить перед своими друзьями после тяжелой операции на почках, в чем, возможно, есть некоторое преувеличение².

В целом тема противостояния маэстро и власти звучит в его формулировках постоянно, как некий стержень конструируемой им мифологической формы по принципу построения музыкального произведения. Своеобразным крещендо в данной теме стало открытое письмо, написанное Курентзисом после того, как он оставил должность художественного руководителя Пермского академического театра оперы и балета имени П.И. Чайковского в июне 2019 года. В письме он отметил причины, по которым покидает Пермь, и в качестве ключевой обозначил непонимание власти, подчеркнув, что «такова и есть функция власти – не понимать». Помимо этого, дирижер усиливает поведенческий паттерн героя-жертвы, обозначая место своего пребывания и работы как рай, который он вынужден покинуть, вследствие непонимания и давления все той же власти³. Подобная метафора могла бы предстать иллюстрацией сознания религиозного, ввиду особенностей самопрезентации дирижера, однако, здесь так же можно наблюдать не «утверждение в вечности», а «самоутверждение энергичное» (Лосев, 2018: 147). Такие образы данного письма, как «тектонические разрывы воспоминаний и реальности», «желание увидеть собственный забытый лик», «Елисейские поля идей», «венки славы неизвестного» лишь подчеркивают структуру мифа, наполненную многогранными проявлениями, что вполне сопоставимо, например, с анализом коммунистической мифологии А. Лосева (Лосев, 2018: 152).

Не менее интересной деталью является способность Курентзиса работать на нужные стереотипы, меняя *лики* в зависимости от аудитории. «Каждый народ заслуживает своего правителя, каждый оркестр заслуживает своего дирижера», – говорит он, без труда меняя расстановку сил в мифологическом пространстве, перевоплощаясь из персонажа, противостоящего власти, в саму власть⁴. Стоит отметить, что в диалогах о власти он всегда опирается на довольно устойчивые конструкты: «Демократия – это когда есть разные мнения и все понимают, что это хорошо, что они есть. Это когда своими усилиями ты защищаешь права и мнение противника». Кроме того, он делает акцент на своем происхождении («я с исторической родины демократии»), выдвигая указанный факт в качестве аргумента⁵. Однако, высказываясь в нейтральном диалоге в пользу демократии и настаивая на важности принятия различных мнений с опорой на аргументы, логику и здравый смысл, дирижер в дискуссионной ситуации вокруг своей профессиональной деятельности, напротив, принимает непримиримую позицию. На вопрос, как он относится к рецензиям, где высказывается мнение о том, что предыдущая постановка (в отличие от постановки Курентзиса) была ничуть не хуже, он отвечает достаточно категорично и эмоционально: «Это только безумцы какие-то, наркоманы на героине могут такое сказать. Ничем не хуже? Тогда висели две тряпки, нарисованные парой пьяных художников. Видели ли вы, какие сейчас роскошные декорации? Или они подразумевали, что оркестр играл лучше в 80-х годах? Нужно быть неадекватным совсем, чтобы такое говорить»⁶. Таким образом, здесь сталкивается *смысловое* бытие и миф. Постоянно находясь внутри последнего, Курентзис неспособен оперировать в нем идеальными понятиями, поскольку миф для него «телесная, до животности телесная действительность». По этой причине в первом случае мы сталкиваемся с некой формулой, а во втором – с насыщенностью «эмоциями и реальными жизненными переживаниями» (Лосев, 2018: 44).

¹ Теодор Курентзис откровенно рассказал о жизни в Перми и объяснил, почему может никогда не вернуться [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы Пермь. URL: <https://echoperm.ru/news/261/157032/> (дата обращения: 17.02.2022).

² Там же.

³ Теодор Курентзис раскритиковал власти края в прощальном письме театру. Прочитайте его прямо сейчас [Электронный ресурс] // Новости Перми и Пермского края. URL: <https://properm.ru/news/society/171878/> (дата обращения: 18.02.2022).

⁴ «Правильная борьба – это созидательность и беседа». Теодор Курентзис объясняет, что такое демократия, и вспоминает Жерара Мортье [Электронный ресурс] // Colta.ru Всё о культуре и духе времени. URL: https://www.colta.ru/articles/music_classic/2614-pravilnaya-borba-eto-sozidatelnost-i-beseda (дата обращения: 18.02.2022).

⁵ Там же.

⁶ «Искусство едино, и у человека не должно быть комплексов, табу и пробелов» [Электронный ресурс] // Московские новости. URL: <https://www.mn.ru/culture/87016> (дата обращения: 17.02.2022).

Довольно примечательно, что в попытках нивелировать разрывы между мифом и немифом (поскольку это отрицательно сказывается на цельности конструируемого образа) Курентзис предусмотрительно оправдывает своеобразное «жонглирование» подобными позициями: «вот я даю тебе это интервью – какие-то мысли будут удачно выражены, какие-то менее удачно. А на что-то завтра я, может, скажу, что был неправ»¹.

Другая, не менее важная характеристика мифа по Лосеву, – это чудо. Даже без опоры на конкретную культурологическую дефиницию невозможно не обратить внимание на постоянно возникающие лексические конструкции со словом «чудо», вплетаемые в интервью, подобно заклинаниям: «Народ ходит на мои концерты, и что-то от них получает. И слава Богу. Чудо из чудес». И в подтверждение тезиса о том, что миф является для субъекта максимально действительной реальностью, здесь же звучит ответ дирижера на вопрос, верит ли он в чудеса: «В них не надо верить, они просто есть и всё»². Таким образом, мы уже имеем дело с четко очерченным мифологическим пространством и действующим в нем мифическим субъектом. Стоит отметить, что однажды Курентзис сам высказался на эту тему совершенно однозначно: «Каждый день я стараюсь разрушить все башни, которые я сам построил и вокруг меня возвели. Тщательное разрушение собственной мифологии очень важно»³. Более того, свое отношение к подобным конструктам он тут же выражает ироничным цитированием известной песни «paroles, paroles, paroles». И подобной прямой отсылкой к идее о том, что миф есть *слово* (parole в переводе с французского – «слово» – А. М.), создает еще одну мифическую надстройку: инструменты подобного самопроектирования ему отлично известны, но он активно противостоит их применению и влиянию. Однако, невозможно обойти стороной тот факт, что после указанного диалога (интервью было взято в 2008 году – А. М.) практически каждое интервью все больше отличается спецификой определенного языка, состоящего из целого сонма мифических образов (чего мы частично коснулись при анализе письма выше), таких как, например, «густой сладкий мед музыки, который опасен для организма»⁴. Также здесь появляется и детство, которое «пахнет солнцем», и «оркестровые подземелья», соединяющиеся «одной таинственной рекой»⁵.

Показателен и тот факт, что положительно настроенная категория публики предсказуемо делает попытки получить причастность к этому мифу и, как следствие, ощущение некоей внутри-музыкальной элитарности. Интересно, что приобщение к мифу здесь происходит в основном двумя путями, но непременно с помощью *слова*. Первая возможность открывается, вне всякого сомнения, через сходные описательные категории творчества маэстро при помощи любительских рецензий, предполагающие, разумеется, восхищение: и вот уже его «музыку лучше слушать кожей» и «космическая гармония восприятия уносит к Ангелам»⁶. Вторая же, куда более иллюстративная, демонстрирует желание при помощи того же *слова* говорить с дирижером на одном языке: «очень хотелось бы каким-то загадочным образом поймать в воздухе этот букет смыслов»⁷. Выражаясь образами самого Курентзиса, здесь можно наблюдать попытки преодолеть ту бездну оркестровой ямы, преграждающую путь мифическому субъекту, который, по Лосеву, должен «бросаться на сцену, а не сидеть, занятый безмолвным ее созерцанием» (Лосев, 2018: 101). Точно так же Р. Миллер существенным условием обращения к мифу считает «чтение изнутри повествования» (Miller, 2014: 560). В процессе анализа сетевых текстов был обнаружен также и третий путь: признание исключительности и мифической отрешенности от идеи повседневной и обыденной жизни, но более понятными в этой обыденной жизни категориями – признание гениальности. Наиболее яркий пример можно наблюдать в тексте статьи пермского издания, имевшей место после ухода Курентзиса с должности художественного руководителя: «Во-первых, Теодор Курентзис – гений. И точка. И не надо с этим спорить»⁸. Таким образом, даже со стороны СМИ возводятся своего рода ограничители любой, в том числе объективной музыковедческой

¹ «Правильная борьба – это созидательность и беседа»...

² Теодор Курентзис: Любовь – это равноправие двух личностей [Электронный ресурс] // Вечерняя Москва. URL: <https://vm.ru/news/392401-teodor-kurentzis-lyubov-eto-ravnopravie-dvuh-lichnostej> (дата обращения: 24.02.2022).

³ Там же.

⁴ «Искусство едино, и у человека не должно быть комплексов, табу и пробелов» [Электронный ресурс] // Московские новости. URL: <https://www.mn.ru/culture/87016> (дата обращения: 17.02.2022).

⁵ «Правильная борьба – это созидательность и беседа»...

⁶ Teodor Currentzis & MA (fan) (@maestro.currentzis) [Электронный ресурс] // Instagram. Доступ к информационному ресурсу ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁷ Там же.

⁸ «Культура должна быть для всех» [Электронный ресурс] // Новый Компаньон. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-5298651.html> (дата обращения: 25.02.2022).

критики, хотя по факту борьба идет лишь между разными мифологиями, а не между наукой и мифом, поскольку «наука не может разрушить мифа» (Лосев, 2018: 53). Таким образом, наравне с личным проектированием (самопроектированием), в данном мифотворчестве мы сталкиваемся также и с коллективным – со стороны СМИ и зрительской аудитории, что в общей сложности демонстрирует как сходство с мифами архаичными, так и явное отличие.

Таким образом, анализ самопрезентации, имеющей место в интервью и в профессиональных практиках, позволяет обнаружить не только однозначно мифологическую конструкцию, но и достаточно конкретные образы, которые становятся ее основой. При этом Курентзис успешно разграничивает две ключевые проекции данной конструкции в стремлении работать на необходимые культурные стереотипы. С одной стороны, он активно поддерживает образ «ангела ностальгии», работающей на определенную аудиторию экзальтированной публики, и его собственное *магическое имя* постоянно дополняется вариациями, вроде «червяк, который любит желтую бумагу <...> монах, проповедующий романтизм <...> отшельник, который пьет кофе и разговаривает с Артюром Рембо и Антоненом Арто»¹. Более того, этот инструмент он использует весьма открыто (подобные метафоры он приводит в ответ на вопрос интервьюера «Как бы ты хотел выглядеть в глазах окружающих?» – А. М.), чем повышает уровень зрительского доверия. С другой стороны, он периодически подчеркивает свою отрешенность от данной стратегии, работая таким образом и на диаметрально противоположно настроенную публику: «Я бы хотел, чтобы люди абстрагировались от моей личности и сконцентрировались на том, что я делаю»². Пересечения множества «я для других» представляют в результате единство выразительного и выражаемого, что определяет Курентзиса как персонажа мифического и открывает перспективы дальнейшего исследования с целью выявить наиболее близкие позиции в рамках архетипической матрицы.

Список источников:

- Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории / Ю.В. Лосев. Л., 1990. 223 с.
 Бахши. Л.С. Звуко-зрительный образ в современном театре // Вопросы театра. 2012. № 1-2. С. 107-118.
 Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. М., 2008. 351 с.
 Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. СПб., 2018. 478 с.
 Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г.А. Бордюкова. М., 2000. С. 17–38
 Шакирова Т.В., Еренчинова Е.Б., Чуманова Н.А. Генезис неомифологизма: философский аспект // Общество: философия, история, культура. 2022. № 1. С. 61–66.
 Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова: 4-е изд. М., 2010. 251 с.
 Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А. Лосев. СПб., 2018. 320 с.
 Лукашева Е.А. Современная мифология и реалии политической и социальной жизни // Труды Института государства и права Российской академии наук № 3. 2012. С.5 – 35.
 Спивакова С. Нескучная классика. Еще не всё. / С. Спивакова. М.: АСТ, 2020. 528 с.
 Эсхил. Прикованный Прометей [Электронный ресурс] // Русская виртуальная библиотека. URL: http://rvb.ru/ivanov/1_critical/2_eshill/03add/03.htm (дата обращения: 18.02.2022).
 Miller R.D. Myth as Revelation // Laval théologique et philosophique. 2014. Vol. 70, no. 3. P. 539–561.

References:

- Andreev, YU. V. (1990) Poetry of myth and prose of history. Leningrad, Lenizdat. (In Russian).
 Bakshi, L.S. Sound and visual image in the modern theater. Voprosy teatra. 2012. 1-2, pp. 107-118 (in Russian).
 Barthes, R. (2008) Mythologies. Trans. Zenkin, S. Moscow, Akademicheskii Proekt. (In Russian).
 Meletinskii, E.M. (2018) Poetics of myth. Saint-Petersburg, Azbuka. (In Russian).
 Neklyudov, S.Yu. (2000) The structure and function of the myth. In: Aimermakher, K., Bomsdorf, F. & Bordyukov, G.A. (eds.) *Myths and mythology in modern Russia*. Moscow, pp. 17–38. (In Russian).
 Shakirova, T.V., Erenchinova, E.B., Chumanova, N.A. (2022) The genesis of neomythologism: a philosophical aspect. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* (1), pp. 61–66 (in Russian).
 Eliade, M. (2010) Aspects of a myth. Trans. Bol'shakov, V.P. Moscow, Akademicheskii Proekt. (In Russian).
 Losev, A.F. (2018) Dialectic of myth. Saint-Petersburg, Azbuka. (In Russian).
 Lukasheva, E.A. (2012) Modern mythology and realities of political and social life. *Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. (3), pp. 5–35 (In Russian).
 Spivakova, S. (2020) Not boring classic. It isn't over. Moscow, AST. (In Russian).
 Russian virtual library. (2019) Aeschylus. Prometheus Bound http://rvb.ru/ivanov/1_critical/2_eshill/03add/03.htm [accessed 18th February 2022].
 Miller, R.D. (2014) Myth as Revelation. *Laval théologique et philosophique*. 70 (3), pp. 539–561.

¹ Ангел ностальгии Теодор Курентзис [Электронный ресурс] // Журнал DE I / DESILLUSIONIST. URL: <http://www.deiz.ru/data/01/04.html> (дата обращения: 24.02.2022).

² Много званных, мало избранных [Электронный ресурс] // Газета «Музыкальное обозрение» URL: <https://muzobozrenie.ru/mnogo-zvany-h-malo-izbranny-h/> (дата обращения: 24.02.2022).

Информация об авторе

А.В. Манторова – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1046175.

Information about the author

A.V. Mantorova – PhD in Cultural Studies, Senior Lecturer, Department of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1046175.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 208–212.
Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 5. P. 208–212.

Научная статья
УДК 379.85(571.56-25)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.31>

Развитие экстремального туризма в пространстве культурного ландшафта Якутска

Максим Васильевич Иванов

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия,
mv.ivanov@s-vfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1044-1531>

Аннотация. Статья посвящена выделению элементов культурного ландшафта г. Якутска с точки зрения его потенциала в качестве пространства экстремального туризма. Экстремальный туризм – это форма свободной игровой активности, деятельность, связанная с переживанием опыта, преодолением ситуаций, представляющих опасность для здоровья и даже жизни человека. В культурном ландшафте города Якутска в свете проблематики организации экстремальных туров можно выделить следующие индикаторы: городское пространство и архитектурные сооружения, коммеморативные практики и городские праздники, городскую символику и символические объекты, восприятие городской среды. Осмысление экстремального туризма в русле культурной ландшафтологии расширит возможности по созданию привлекательного туристского продукта, поможет выстраиванию более грамотной маркетинговой политики и выявлению элементов туристской индустрии требующих развития.

Ключевые слова: экстремальный туризм, экстремальный холод, вечная мерзлота, городской культурный ландшафт, г. Якутск, Республика Саха (Якутия)

Для цитирования: Иванов М.В. Развитие экстремального туризма в пространстве культурного ландшафта Якутска // Общество: философия, история, культура. 2022. № 5. С. 208–212. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.31>.

Original article

Extreme tourism development in Yakutsk cultural landscape

Maksim V. Ivanov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia,
mv.ivanov@s-vfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1044-1531>

Abstract. The author identifies elements of the cultural landscape of Yakutsk from the point of view of its potential as a space of extreme tourism. Extreme tourism is a form of free play activity, an activity associated with life experiences, overcoming situations that pose a danger to human health and even life. In the cultural landscape of the city of Yakutsk, in the light of the problems of organizing extreme tours, the following indicators can be distinguished: urban space and architectural structures, commemorative practices and city holidays, urban symbols and symbolic objects, perception of the urban environment. Understanding extreme tourism in line with cultural landscape science will expand opportunities to create an attractive tourist product, help build a more competent marketing policy and identify elements of the tourism industry that require development.

Keywords: extreme tourism, extreme cold, permafrost, cultural landscape of the city, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia)

For citation: Ivanov, M.V. (2022) Extreme tourism development in Yakutsk cultural landscape. *Society: Philosophy, History, Culture*. (5), 208–212. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.5.31](https://doi.org/10.24158/fik.2022.5.31) (In Russian).

Формирование форм туризма, связанных с риском и опасностью, является динамично развивающимся как российским, так и глобальным трендом.

Республика Саха (Якутия) в силу наличия широкого спектра туристских ресурсов для привлечения экстремалов активно развивает туристские маршруты и мероприятия, тесно связанные с экстремальными практиками, в частности с продвижением главного якутского туристского бренда – экстремального холода: фестиваль «Зима начинается с Якутии», «Путешествие в Полюс Холода Оймякон», экстрим-тур «Покорители холода» и др. Под экстремальным туризмом мы понимаем форму свободной игровой активности, цель которой – деятельность, связанная с переживанием опыта, преодолением ситуаций, представляющих опасность для здоровья и даже жизни человека, часто в условиях высокой степени неопределенности и риска, заставляющих человека действовать на грани своих физических и психологических пределов (Магидович, Иванов, 2021).

В науке стало устойчивой традицией понимать экстремальные формы туризма исключительно как активность на природе, выживание за пределами Ойкумены, например, есть мнения, что экстремальный туризм – это форма экологического туризма. С точки зрения такого подхода, культурный ландшафт города и экстремальный туризм практически не имеют точек соприкосновения. Однако на практике существуют формы экстремального туризма, которые реализуются в городских пространствах. В частности, Фелисити Пикен считает, что экстремальный туризм – это не только путешествия, связанные с риском и переживанием острых ощущений, а выход за некие рамки традиционных видов туризма, расширение устоявшихся границ туристической активности, где турист может получить опыт переживания состояний напряженности, дезориентации и шока, например, во время туров, связанных с «культурным шоком» или «темным туризмом» (Picken, 2017).

На наш взгляд, устойчивый туристский продукт, основной аттрактор и ресурс которого – экстремальный холод, может быть реализован в Республике Саха (Якутия) в урбанистическом пространстве, кроме того, он может внести существенный вклад в развитие различных сторон жизни городов региона. Например, тур в Якутск как в самый крупный город на Земле, стоящий на вечной мерзлоте, и одно из самых холодных мест на нашей планете, где постоянно живут люди. Зимние туры в города Якутии не требуют большой смелости, физической подготовленности, дорогостоящей экипировки, но несомненно будут гарантировать незабываемость впечатлений и аутентичность опыта переживания экстремального холода.

Но постижение экстремального холода для любого туриста обязательно предполагает вольное или невольное познание, постижение культуры со-бытия с холодом, интерес к особенностям и истории культурных ландшафтов, возникших и развивающихся как вызов суровым природным условиям.

Чтобы рассмотреть экстремальный туризм в пространстве культурного ландшафта города, мы используем понимание, структуру и индикаторы культурного ландшафта, представленные в работах Д.А. Алисова, в которых город представлен как сложный, многомерный конструкт, взаимозависимое единство социума и пространства – «это “человекопространство” как единое целое». По мнению Д.А. Алисова, существуют индикаторы, по которым можно судить о формировании и развитии культурного ландшафта города: «городское пространство и архитектурные сооружения, топонимы и топонимические системы, коммеморативные практики и городские праздники, городская символика и символические объекты, восприятие городской среды» (Алисов, 2021). Если рассматривать культурный ландшафт Якутска как дестинацию экстремального туризма, то необходимо выделить в индикаторах те стороны, которые интересны для формирования впечатлений от соприкосновения с культурой бытия в условиях экстремального холода.

Город Якутск находится на 62 градусе северной широты, из-за чего зимой световой день в декабре–январе длится всего три–четыре часа. Некоторые приезжающие в Якутск на долгое время считают *географическое положение города* более тяжелым и трудным условием для человека, чем холод. Короткий световой день усугубляется плохой видимостью, тепло и вещества, выделяемые при температурах ниже 40° С, конденсируются в туманы и смог. Самая низкая температура, зарегистрированная зимой – -64° С. Город стоит в большой долине, с одной стороны которой – берег великой сибирской реки Лены, ширина которой в районе Якутска достигает 5–7 километров. Толщина мерзлоты на территории Якутска достигает 250–350 метров, в летнее время грунт оттаивает на 2,5–3 метра.

Архитектурные памятники и сооружения. Д.Н. Замятин пишет, что в северном городе эстетичность проигрывает функциональности и практичности «в силу особых технологических и планировочных решений, призванных защитить его жителей от сильных холодов, а здания и сооружения – от преждевременного разрушения» (Замятин, 2020). В Якутске основу городского материального пространства представляют типовые здания и сооружения советской постройки. Так как вечная мерзлота подвержена сезонной оттайке, здания Якутска возводятся малоэтажными, на свайном фундаменте, что придает особенность их внешнему виду – пустое пространство под постройками, высокое расположение окон первых этажей, иногда наличие устройств охлаждения свай. Еще одна особенность, которая бросается в глаза приезжим – это то, что все коммуникации города располагаются над уровнем земли, из-за чего Якутск называют «городом кишками наружу».

В культурном ландшафте Якутска в силу климатических условий наблюдается слабое развитие зеленой зоны города (хотя есть исключения в виде скверов, аллей в разных районах города), что в свою очередь оборачивается засильем индустриального пейзажа и скудностью городской колористики. Одним из интересных способов оживить суровый пейзаж городского пространства Якутска является стрит-арт, особенно муралы на стенах зданий советской эпохи, которые выполняются как местными, так и российскими и иностранными художниками. Муралы благосклонно восприни-

маются общественностью города в качестве элемента комплексного благоустройства общественных пространств, считается что муралы придают «красивый этнический колорит незамысловатому архитектурному облику Якутска и других поселений» (Винокурова, 2021).

В постсоветское время в Якутске уменьшились объемы типового строительства, строятся здания по индивидуальным проектам, например, в якутском национальном стиле или имеющие этнический декор. Применение новых технологий строительства и новых материалов позволило строить более высокие и яркие здания, в Якутске появился инновационный квартал, где коммуникации проведены под землей, а здания и сооружения построены не на свайном фундаменте, что позволило строить под домами подземные паркинги.

Среди *коммеморативных практик и праздников*, которые могут погрузить туриста в культуру жизни Якутска в условиях экстремального холода, необходимо выделить, в первую очередь, фестиваль «Зима начинается с Якутии», посвященный зиме, вечной мерзлоте, сибирскому холоду и северному гостеприимству. Главное событие его – зажжение первой официальной новогодней ёлки страны с участием Деда Мороза, который приезжает из Великого Устюга¹. В рамках фестиваля проводится множество различных конкурсов и ярмарок: конкурс ледовых и снежных скульптур, кулинарный конкурс, из которого наиболее зрелищен конкурс по строганию мороженой рыбы, спортивные состязания по северному многоборью, конкурс красоты «Снежная краса», конкурсы среди производителей сувениров, изготовителей кукол, ярмарка меха и т. д.

Интересным событием для туров экстремального туризма могут стать ставшие традиционными в Якутске Рождественские купания, распространенные в православном мире. В Крещенские морозы температура в городе практически всегда ниже 40° С, но это не останавливает купающихся, и популярность религиозного обряда растет с каждым годом.

Городская символика и символические объекты. Основными символами, связанными с холодом для Якутска и Якутии в целом, являются основанные на якутских мифах образы Быка холода и Чысхаана. Бык холода издревле у якутов олицетворяется с зимой и холодом, который выходит в октябре из Ледовитого океана на Срединный мир, с его приходом начинается зима. Чысхаан – антропоморфное воплощение Быка холода, человек-полубык, из его рук российский Дед Мороз на фестивале «Зима начинается с Якутии» получает символ холода, с которым начинает предновогоднее путешествие по стране.

Исследователи символических объектов Якутска отмечают наличие двух памятников в честь холода и вечной мерзлоты (Пестерева и др., 2021). Первый памятник – это Шахта Шергина, памятник истории и культуры. Это шахта глубиной 116 метров, начатая для поисков воды и продолженная как научный проект по исследованию вечной мерзлоты еще в XIX веке. Второй культурный артефакт, посвященный мерзлоте – скульптура мамонта перед Институтом мерзловедения им. академика П.И. Мельникова СО РАН, воздвигнутая в 1972 году и ставшая на долгое время визитной карточкой города. Скульптура мамонта олицетворяет собой находку в 1900 году Березовского мамонта – считается, что обнаружение хорошо сохранившейся туши мамонта стимулировало научные исследования в области мерзлоты.

Также к символическим культурным памятникам холоду и мерзлоте необходимо отнести Музей мамонта им. П.А. Лазарева в СВФУ им. М.К. Аммосова – специализированный научный и культурный центр, занимающийся изучением мамонтовой фауны и природной среды ледникового периода. В музее демонстрируются палеонтологические материалы, найденные в якутской мерзлоте, имеющие всемирное значение и считающиеся бесценным наследием человечества².

Одним из ярких символов, связанных с холодом в Якутске, является туристический комплекс «Царство вечной мерзлоты» – искусственного происхождения ледник, устроенный в недрах горы. Объект, ранее использовавшийся в качестве хранилища продуктов, в настоящее время является круглогодичным экспоцентром для ледовых объектов: скульптур, замороженных предметов, ледяных интерьеров и развлекательных конструкторов. «Царство» является одним из наиболее посещаемых туристических объектов современного г. Якутска.

Практически все гости зимнего Якутска в качестве крайне экзотического места отмечают Крестьянский рынок, где под открытым небом продаются замороженные местные продукты: мясо диких и домашних животных, дичь, ягоды и особенный деликатес – разные виды замороженной северной рыбы. Туристы отмечают не только экзотичность продуктов, но и выносливость торговцев, которые не прекращают торговлю даже в самые низкие температуры.

¹ Зажжение ёлки в Якутске [Электронный ресурс] // О фестивале «Зима начинается с Якутии». URL: <http://winteryakutia.com/novyigod/> (дата обращения 01.05.2022).

² Музей мамонта СВФУ [Электронный ресурс] // Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова. URL: <https://clck.ru/gr4Ez> (дата обращения 01.05.2022).

Восприятие городской среды. Социологические опросы жителей города говорят о том, что большинство населения считает Якутск лицом региона и 62 % опрошенных нравится внешний вид Якутска, но при этом они считают необходимым развивать его дальше (Федорова, 2019). В исследовании качества жизни в городах Дальнего Востока город Якутск в субъективных оценках условий и качества жизни уступил только Комсомольску-на-Амуре, также Якутск демонстрирует положительное сальдо притока населения над убытием (Иванова, Васильева, 2018). Данные исследования позволяют прийти к мнению, что в целом население Якутска, несмотря на суровые климатические условия, положительно воспринимает свою городскую среду, демонстрирует городской патриотизм и верит в будущее города, что, на наш взгляд, позитивно сказывается на атмосфере гостеприимства.

Таким образом, необходимо отметить, что осмысление экстремального туризма в свете проблематики изучения культурных ландшафтов может способствовать системному пониманию взаимосвязи природного и культурного пространств туристских дестинаций, а это в свою очередь расширяет возможности по созданию привлекательного туристского продукта, выстраиванию более грамотной маркетинговой политики, выявлению элементов туристской индустрии требующих развития.

Список источников:

- Алисов Д.А. Культурные ландшафты постсоветского города: несколько этюдов о трансформации города в условиях современной модернизации // Культурные ландшафты постсоветского города: особенности формирования и трансформации / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезневой. М., Омск, 2021. С. 4–17.
- Винокурова У.А. Мурал-арт с якутской идентичностью // Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция. 2021. С. 9–10.
- Замятин Д.Н. Постурбанизм и холод: геокультурные образы и репрезентации культурных ландшафтов северных и арктических городов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 218–227. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-19>.
- Иванова В.В., Васильева А.А. Условия и качество жизни населения дальневосточных городов // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 28–44. <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.3.95.2>.
- Магидович М.Л., Иванов М.В. Сущностные характеристики экстремального туризма в дискурсе изучения культуры республики Саха (Якутия) // Северные Архивы и Экспедиции. 2021. Т. 5. № 4. С. 93–107. <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2021-5-4-93-107>.
- Пестерева К.А., Хохолова И.С., Кысылбаикова М.И., Васильева А.П. Символика городского пространства: социогногитивный подход (на материале г. Якутска) // Социодинамика. 2021. № 2. С. 1–15. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.2.35102>.
- Федорова Р.А. Формирование имиджа Республики Саха (Якутия) // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т. 4. № 1. С. 58–65.
- Picken F. Extreme tourism // The SAGE International Encyclopedia of Travel and Tourism. 2017. P. 463–466.

References:

- Alisov, D.A. (2021) Kul'turnye landshafty postsovetского goroda: neskol'ko etyudov o transformatsii goroda v usloviyakh sovremennoi modernizatsii [Cultural landscapes of a post-soviet city: several studies on the transformation of a city in the conditions of modern modernization]. In: Alisov, D.A., Selezneva, I.A. (eds.) Kul'turnye landshafty postsovetского goroda: osobennosti formirovaniya i transformatsii [Cultural landscapes of the post-soviet city: features of formation and transformation]. Moscow, Omsk: Institut Naslediya. P. 4–17. (In Russian)
- Fedorova, R.A. (2019) The formation of the image of the republic of Sakha (Yakutia). *Communicology: online scientific journal*. (4:1). 58–65. (In Russian)
- Ivanova, V.V., Vasil'eva, A.A. (2018) Living conditions and the quality of life in cities of the Far East. *Problems of territory's development*. (3). 28–44. Available from: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.3.95.2>. (In Russian)
- Magidovich, M.L., Ivanov, M.V. (2021) Essential characteristics of extreme tourism in the discourse of studying the culture of the republic of Sakha (Yakutia). *Northern archives and expeditions*. (5:4). 93–107. Available from: <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2021-5-4-93-107>. (In Russian)
- Pestereva, K.A., Khokholova, I.S., Kysylbaikova, M.I., Vasilyeva, A.P. (2021) The symbolism of urban space: socio-cognitive approach (based on the material of Yakutsk). *Sociodynamics*. (2). 1–15. Available from: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.2.35102>. (In Russian)
- Picken, F. (2017) Extreme tourism. *The SAGE International Encyclopedia of Travel and Tourism*. 463–466.
- Vinokurova, U.A. (2021) Mural-art with Yakutsk identity. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Yurisprudentsiya* [Social and human sciences. Jurisprudence]. P. 9–10. (In Russian)
- Zamyatin, D.N. (2020) Post-urbanism and cold: geo-cultural images and representations of cultural landscapes of the northern and arctic cities. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. (4). 218–227. Available from: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-19>. (In Russian)

Информация об авторе

М.В. Иванов – старший преподаватель кафедры культурологии Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1125559.

Information about the author

M.V. Ivanov – Senior Lecturer, Cultural Studies Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation School, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1125559.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.04.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2022.

График выхода журналов

2022

«Теория и практика общественного развития»	выход журнала
№ 1	14 января
№ 2	2 февраля
№ 3	2 марта
№ 4	6 апреля
№ 5	4 мая
№ 6	1 июня
№ 7	6 июля
№ 8	10 августа
№ 9	7 сентября
№ 10	5 октября
№ 11	2 ноября
№ 12	7 декабря

«Общество: философия, история, культура»	выход журнала
№ 1	14 января
№ 2	9 февраля
№ 3	16 марта
№ 4	13 апреля
№ 5	11 мая
№ 6	8 июня
№ 7	13 июля
№ 8	17 августа
№ 9	14 сентября
№ 10	12 октября
№ 11	9 ноября
№ 12	14 декабря

«Общество: политика, экономика, право»	выход журнала
№ 1	19 января
№ 2	16 февраля
№ 3	23 марта
№ 4	20 апреля
№ 5	18 мая
№ 6	15 июня
№ 7	20 июля
№ 8	24 августа
№ 9	21 сентября
№ 10	19 октября
№ 11	16 ноября
№ 12	21 декабря

«Общество: социология, психология, педагогика»	выход журнала
№ 1	26 января
№ 2	24 февраля
№ 3	30 марта
№ 4	27 апреля
№ 5	25 мая
№ 6	22 июня
№ 7	27 июля
№ 8	31 августа
№ 9	28 сентября
№ 10	26 октября
№ 11	23 ноября
№ 12	28 декабря

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Оригинал-макет: К.Г. Угулава
М.П. Дюжева

Сдано в набор 06.05.2022
Подписано в печать 11.05.2022
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная
Печать трафаретная. Тираж 550 экз.

Отпечатано в ООО «ПринтТерра»
Заказ №

г. Краснодар, ул. Садовая 161/2, литер 2, оф. 511
тел./факс: 8 (861) 217-75-17
e-mail: printterra@inbox.ru